

ЮРИЙ ДАВЫДОВ

Зодчие

**ХРОНИКИ
ОДНОЙ ГРУППЫ**

**ПРАВДОПОДОБНАЯ ИСТОРИЯ
ПОПУЛЯРНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА**

Юрий Давыдов

Зодчие
ХРОНИКИ
ОДНОЙ
ГРУППЫ

Тюмень
2021

ББК 85.315.2
УДК 785.16
Д 13

ISBN 978-5-87591-338-9

Д 13 Давыдов Ю.Н. «Зодчие: Хроники одной группы» /Юрий Давыдов. – Тюмень: АО «Тюменский дом печати», 2021 г. – 426 с. 275 ил.

Дорогой читатель!

Это одна из первых в России «живых книг», которую можно не просто почитать на печатных страницах, но также услышать и увидеть, наведя свой смартфон на QR-код.

И тогда «Зодчие» оживут в той форме и с тем качеством, с которым удалось сохранить всё, что игралось, пелось и дуракавалялось.

Ниже схематично приведён пример того, как это можно сделать.

ISBN 978-5-87591-338-9

© Давыдов Ю.Н., 2021
© АО «Тюменский дом печати», 2021

Предисловие

Ежегодно первого февраля в три часа дня у ворот Преображенского кладбища в Москве можно увидеть полтора-два десятка всё более взрослых с каждым годом мужчин, хотя они упорно называют, да и в самом деле считают, себя ребятами.

Ошмётки длинных когда-то причёсок, джинсовая приоритетность в одежде, сдержанно заметная привычка быть на публике выдаёт в собравшихся музыкантов, причём явно не современных, а принадлежащих к ушедшей, хоть ещё не очень далеко, рок-эпохе. Если приглядеться, можно узнать несколько физиономий всесоюзно-все-российского масштаба.

Вид у всех далеко не траурный, каждого вновь прибывшего гонят по кругу объятий, поцелуев и совершенно искренней радости. По мере накопления критической массы толпа перемещается на территорию погоста, опоздавшие догоняют поодиночке. Вытаптывая глубокий снег, выстраиваются полукругом у одной из могил, немного примолкают, осуществляя первый розлив. Произносятся несколько фраз, один стаканчик чин по чину ставится на надгробие, после чего – второй розлив, третий, далее – везде. На морозе алкоголь цепляет слабо, поэтому никто не пьянеет, ко всем возвращается первоначальное возбуждённо-приподнятое состояние. Холод берёт своё, народ рассаживается по машинам непьющих (такие сегодня уже есть) и двигается к следующему пункту обязательной и много лет не меняющейся программы – ресторан «Яуза», где отогреваются, садятся за хорошо накрытый стол, умеренно (в их понимании) выпивают, обмениваются новостями, вспоминают прежние похождения, обсирают современную музыку и далеко за полночь расходятся-разъезжаются, заряженные позитивом общения на год вперёд.

Не знаю, почему вдруг я решил начать историю группы «Зодчие» именно с этого повторяющегося действия, мы уже 15 лет, в годовщину ухода первого из нас – замечательного скрипача, певца и шоумена Андрюхи Родина, бросив все дела, уже не перезваниваясь предварительно (и все знают – первого февраля в три часа у ворот), приносим друг другу большую-большую Любовь. Любовь к тому времени, что было и осталось нашим, к общей дороге побед и ошибок – дороге, на которой

столько приключилось, где уже славу поделили и все всё всем давно простили.

Нам не приходилось слышать про подобные встречи у других коллективов той эпохи, а посему это является предметом нашей своеобразной гордости и вызывает зависть со стороны коллег. Ну что тут скажешь? Значит, мы жили внутри группы так, что до сих пор рады видеть друг друга.

Не претендуя на объективность, я в то же время уверен, что описываю всё так, как оно было. Чётко понимаю, что некоторых упомянул мало или не так, как им хотелось бы. Но это моя книга, я так вижу, мне так запомнилось. В конце каждого милицейского протокола есть строка: «Написано собственноручно. Мною прочитано. Подпись»

Итак, обо всём по порядку (хотя эстрадный коллектив и порядок – уже смешно!).

Тысячу извинений! Маленькая пауза. Пока суд да дело, получил очень тёплый отзыв от Макара.

Разумеется, моё творческое эго не могло не отреагировать и не поделиться. Андрей Вадимович даже по дружбе говорит только то, что думает:

Юра Давыдов написал замечательную книжку – весёлую, лёгкую, добрую. Но главное – в ней необыкновенно точно схвачено время, о котором сегодня чаще и чаще рассказывают всякие небылицы, и меньше и меньше вокруг людей, которые помнят, как всё было на самом деле. Время рождения русского рок-н-ролла, время нашей безумной молодости.

А. Макаревич

И ещё. В этом издании удалось внедрить последнее техническое достижение — QR-коды всех аудио- и видеоматериалов, на которые я ссылаюсь. Я счастлив, что кто-то вспомнит, а кто-то впервые ознакомится с тем, чем мы когда-то гордились, да и сейчас не стыдимся.

Всё! Оставляю вас с собой наедине...

Глава I. Зачатие

(1972 – 1974 гг.)

Через много лет мы узнаем, что жили в эпоху застоя, но сейчас нам никто об этом не говорит. На дворе семьдесят второй год – активный, насыщенный и интересный.

В мае в Москву впервые приезжает президент США, осенью – главные хоккейные матчи века: первая суперсерия с канадскими профессионалами, а также Мюнхенская Олимпиада с великой трёхсекундной баскетбольной концовкой матча СССР – США и ещё много-всяко.

Новая школа - три в одном

К первому сентября лесные пожары вокруг Москвы потихоньку утихают, дым рассеивается, и мы с интересом рассматриваем друг друга во вновь собранном девятом классе физико-математической школы № 1140 на углу Переяславки и Безбожного (ныне Протопоповского) переулка. Талантливые и умные ребята со всей Москвы – амбициозные, привыкшие быть лучшими в своих прежних школах, понимающие, что здесь авторитет надо завоёвывать заново и на другом уровне. А этот авторитет не только из учёбы складывается.

К тому времени уже определён набор качеств, дающих бонусы и фору в подростковой компании, а именно: надо уметь хотя бы немного петь и играть на гитаре, заниматься спортом, закончить любое начатое предложение из «Двенадцати стульев», «Золотого телёнка», «Швейка», «Понедельника начинается в субботу», к месту цитировать «Берегись автомобиля», гайдаевские комедии, «Белое солнце пустыни», быть в курсе музыкальных новинок. В идеале, конечно, неплохо иметь джинсы, хотя бы потёртые (об этом позже), но тут уж, как говорится, не родись красивым...

Почти все ребята указанным стандартам соответствуют. Джинсов, правда, нет ни у кого, но это заставляет резко прибавить в других компонентах. В частности, сразу встаёт вопрос о создании своей бит-группы. Сразу же выясняется, что наш новый класс готов выкачать три более или менее равноценных состава.

Классы разбиты на параллели в зависимости от специальностей по производственному обучению, то есть вместе с аттестатом зрелости вручаются свидетельства о присвоении профессии. Мы учимся на электромехаников по обслуживанию и эксплуатации ЭВМ. В реальности это означает, что большинство ребят на «ты» с радиотехникой, умеют паять и собирать всякие устройства, для них не вопрос оснастить всем необходимым самодельные электрогитары (а где было взять другие?). Эти навыки задействованы по полной, и вскоре у меня есть выпиленная из ДСП приличного вида гитара, способная издавать какие-то звуки. В школе работают достаточно продвинутые учителя, которые, рискуя показом учебных фильмов, дают для репетиций звукоусилительные блоки от киноустановки «Кинап». Их всего два, поэтому в один с помощью сопливых проводов и спичек втыкаем гитары, а в другой – микрофоны. Рояль и барабан с тарелками, которые тоже есть в школе, усиления не требуют, а об органе пока не мечтаем. Зато какой же кайф после уроков, потратив часа полтора на перетаскивание усилителей, подключение проводов, не избежав экстренного (почти всегда) мелкого ремонта, всем вместе, наконец, попробовать что-то сыграть. Нахлынувшим счастьем просто необходимо поделиться с окружающим миром, поэтому мы распахиваем окна актового зала, выходящие на Безбожный переулок, и прохожих избавляет от нашего искромётного искусства лишь грохот проходящего мимо трамвая. А потом ещё можно пройти с гитарой в руке по Безбожному до метро «Проспект Мира» под завистливо-восхищённые взгляды мальчишек и девчонок. К этому прилагаются длинные волосы, настолько быстро растущие, что уже месяца через полтора военрук школы выгоняет нас с урока начальной военной подготовки, scomандовав: «В парикмахерскую – шагом марш!» Никуда мы, конечно, не идём, посетовав через неделю, что парикмахерская была закрыта. Мы выгнаны вторично с напутствием: «Я живу в Перово, в моём доме парикмахерская точно открыта, я утром проходил. Вот адрес!» Мы позорно взываем, что, мол, нет денег с собой. Николай Сергеевич достаёт из бумажника два рубля: «Здесь хватит. Езжайте!» Мы опять: «Чем отдавать будем? Мы из бедных семей!» Он: «Я угощаю! Отдадите пятёрками по военному делу».

Довольно скоро выясняется, что анонсированные три состава в большей степени являются декларативными, то есть в каждом из них, включая мой, есть кто-то один играющий, а остальные – лишь на подступах к началу творческого пути, и огромное желание не сокращает дистанцию к первому аккорду. Поэтому естественным путём создаёт-

ся дрим-тим, то есть одна группа из пятерых ребят, кое-как на что-то там способных.

Я уверенно играю на самодельной электрогитаре и не собираюсь ничего менять. Вполне прилично выглядит барабанщик Лёшка Зимин, с которым мы пройдем вместе большой музыкальный и временной путь. Остальные слабее, но струны дёргать могут, не всегда впопад, но громко! Самому безнадёжному поручили играть на таком никчёмном инструменте, как бас. Приходится, скрывая досаду и нетерпение, показывать длинные гулкие ноты, соответствующие аккордам моей гитары. К удивлению, ребята меня слушаются, и вскоре мы в состоянии сыграть несколько битловских песен.

Всё-таки кое-какой багаж к тому моменту у меня уже есть.

Совсем чуть-чуть о себе

Весь предыдущий отрезок жизни меня растит бабушка, с которой мы живём на Пушкинской площади в большой дружной коммуналке. Сама по себе квартира необычная: высокий первый этаж и вход прямо с улицы. А уж виды она видала!

Рассказы соседей предвзвешивают книгу воспоминаний великого Андрея Петровича Старостина про Москву 20-х гг., где я натываюсь на описание свадьбы звезды МХАТа тех лет Михаила Яншина и не меньшей звезды цыганского театра «Ромэн» Ляли Чёрной. Свадьба проходит у артистов дома, и Старостин подробно приводит свой маршрут

по пути на торжество, а именно: «Добрался до Страстной площади (бульвара ещё не было), вошёл через арку в проходной двор, ведущий в Козицкий переулок и состоящий из трёх двориков, соединённых, опять же, арками. Пройдя два из них, в третьем посреди слева крылечко и дверь сразу в квартиру, без подъезда. Несколько ступенек вверх – и вы у них...» Или – через шестьдесят лет – у меня, как кому угодно.

Забегая вперёд, могу сказать, что великим предкам не в чем меня упрекнуть. Знамя из их рук подхвачено и гордо реет в течение долгих лет над одним из самых тусовочных мест музыкальной Москвы.

Но это всё не скоро. А пока мы с бабушкой живём жизнью небогатой московской интеллигенции, где нехватка материальных благ (долго не было даже телевизора, не говоря о большем) с лихвой компенсируется книгами из библиотеки в соседнем доме, распахнутыми настежь дверьми, постоянными гостями, бесконечными походами по музеям, концертам, театрам (правда, только тем, куда можно было попасть, но в детстве не всё ли равно!).

Бабушка даже слегка перестаралась. Среди её знакомых была хористка из Большого театра – так я имел принуждение к счастью пересмотреть весь репертуар. Ну ладно, «Руслан и Людмила» или «Сказка о царе Салтане», там хоть голову на сцену выкатывают или кораблик выплывает, а как насчёт «Чио-Чио-Сан» в восьмилетнем возрасте или концертов Шнитке? Короче, с одной стороны, стойкое пресыщение классикой на всю оставшуюся жизнь, а с другой, видимо, на подкорке многое осталось. Апофеозом становится виолончель в качестве инструмента, выбранного, опять же, бабушкой для моего музыкального образования.

Вся моя повседневная жизнь уместается на небольшом пятачке, точнее, треугольнике: двор, школа № 636 в тылу у «Ленкома» (там сейчас медучилище) и музыкальная школа во дворе кинотеатра «Центральный», аккурат где сейчас новый корпус «Известий». Так вот, по дороге из школы в музыкалку и потом домой через Пушкинскую площадь всегда можно увидеть кучу всего интересного. Например, идя дворами мимо служебного входа в «Ленком» я часто встречаю небожителей в виде артистов, имена которых ещё никому ничего не говорят (например, Караченцов), а уж если повезёт, то Збруева и даже Светлану Савёлову («Семь стариков и одна девушка»), по которой все мальчишки школы с первого по десятый класс сохнут официально. Театр шефствует над школой, и мы почти что свои. По крайней мере, если пройти близко, то парни из театра с тобой поздороваются, причём обязательно за руку, что сильно поднимает самооценку.

А уж на самой Пушкике чего только не увидишь! Памятник Александру Сергеевичу и сейчас остаётся самым популярным местом встреч и назначения свиданий, а уж в то время в отсутствие мобильников стоят толпами и ждут друг друга подолгу, время от времени накрываемые волнами выходящих из кинотеатров «Центральный» и «Россия».

Здесь все московские франты и самые красивые девушки, впрочем некрасивые тоже, первые хиппи, военные в галифе, приезжие со всего Союза в тубетейках и кепках-аэродромах, тут же на бульваре старики в пикейных жилетах и старушениции в иляпках.

Мы всё это невольно впитываем, хотя смотрим за происходящим вполглаза – своих дел предостаточно. Например, с помощью палки и приклеенного к её концу кусочка пластилина можно собирать мелочь из фонтана, которую туда бросают туристы. В удачные дни, когда нет милиции и монеты лежат ближе к краю, можно наскридовать копеек пятьдесят, а в неудачные я знаю ещё один кошерный способ. В Елисеевском магазине всегда столпотворение, особенно у касс. Поэтому, если протиснуться под ногами взрослых, на полу всегда, или почти всегда, валяются оброненные копеечки, двушечки, пятаки, а иногда даже гривенники. Таким образом, даже нефартовый день можно украсить мороженым и стаканом газированной воды из автомата.

Конечно, не всё так безоблачно и романтично. Превращение Москвы в крупнейший мегаполис отнюдь не обогатило её культурой, лоском и другими атрибутами столичности, и центр в те годы совершенно не предполагает элитарности проживающего в нём контингента. Проще говоря, в невероятно забытых коммуналках ютится весьма пёстрый люд, в том числе и всякий сброд, наводнивший Москву вовсе не с целью реализовать свой талант или сделать достойную карьеру. Эти уроды рожают детей, которые потом сбиваются в стайки, делая даже респектабельные районы весьма рискованными для прогулок и вообще для беспричинного появления. Подходит толпа, отбирает деньги, а у тех, кто постарше, могут снять джинсы или часы.

Я и мировая рок-музыка

Мой проходной двор одним концом упирается в знаменитую Вахрушенку – одно из знаковых шпанистых мест центра Москвы. А поскольку я никак не ассимилируюсь с этими ребятами, так как хорошо учусь, в меру развит и воспитан, разговариваю на ином, чем они,

языке, а самое страшное – хожу в музыкальную школу, таская с собой огромный и смешной инструмент, то это совершенно не вписывается в их эстетику и, соответственно, не может быть ни понято, ни прощено.

В конце концов, бросив музыкальную школу и с огромным трудом, отходяв год в качестве вольноопределяющегося, или, на мальчишеском сленге, незаписанного, я всё-таки зачислен вратарём в знаменитую ФШМ (Футбольную школу молодёжи) в Лужниках. Это немного смягчает дворовую ситуацию, хотя полностью смыть виолончельный позор даже футбол не в состоянии!

Мои музыкальные вкусы определяются, повторюсь, стараниями бабушки и наличием в комнате радиоточки с одной программой, где с утра до ночи крутят популярную классику, народную музыку, песни военных лет, а самыми современными являются изредка транслируемые Кобзон и Хиль. У соседки есть проигрыватель с пластинками, но и она дальше Магомаева не заглядывает и границы Эдиты Пьехи не переходит.

Поездки в пионерские лагеря формируют трепетное отношение и жгучую зависть к ребятам, бренчащим на гитаре песни про атлантов и туманы, о дружбе и прощании с горами, а позже – про белые платья с пояском, алёшкину любовь, царевну-несмеяну и портреты работы Пабло Пикассо.

Один парень, чуть постарше, на аккордеоне свободно подбирает и сходу играет любую известную ему песню, вызывая заслуженное уважение окружающих. С той поры моё движение в сторону музыки становится осознанным. Проведя остаток лета в Одессе, где живёт с другой бабушкой моя старшая сестра Марина, я экспроприрую старую-старую гитару, оставшуюся от погибшего на войне дедушки, и там же у кого-то в гостях впервые слышу битлов и роллингов. Имеются в виду не именно группы «The Beatles» и «The Rolling Stones», а любые ансамбли с электрогитарами и барабанами, поющие на английском языке. Причём деление на битлов и роллингов следующее: если хоть какое-то мелодическое начало присутствует – это битлы, а ежели совсем одни хриплые вопли и крики, то, стало быть, роллинги. Почему классифицировали именно так, не знаю. Делим не мы – нам старшие ребята на перемене в школьном туалете объясняют, пока курят. Могли лишь предположить, что если в слове «битлы» есть что-то человеческое, то «роллинги» – это уже совсем отребье. На этом точка. Никакой информации нет вообще, а до тех, у кого есть, мне не дотянуться. В общем доступе есть лишь с натяжкой отнесённый к «битлам» по указанной квалификации фрагмент песни «Can't buy my love» (по-нашему – «бэйбилон»), используемый в качестве заставки к пропагандистской

телепередаче «В объективе Америка» про нью-йоркские трущобы, безработицу, забастовки, линчевание негров и убийство президентов, а ещё фрагмент из мультфильма «Шайбу-шайбу», где в перерыве на площадку выскакивают лохматые чудища с гитарами (несомненно, роллинги) и устраивают разнузданную рок-н-роллную (ещё одно непонятное слово, даже старшеклассники толком не могут объяснить) вакханалию.

Итак, в пятом классе я по собственному почину самостоятельно учусь играть на гитаре и стареньком, из комиссионки, аккордеоне. (Мама поднагужилась!) Правда, гитара семиструнная. О том, что весь рок-н-ролл играется на шестиструнных, мне неизвестно: экспертов такого уровня в обозримом окружении не прослеживается. К всеобщему удивлению, мгновенно осваиваю то и другое, у меня прорезается неплохой гармонический слух – сыграть любую из звучавших тогда песен не проблема.

Это совпадает по времени с глобальным наступлением рок-, или, как тогда называли, бит-музыки, медленно, пядь за пядью, отвоёвывавшей советскую землю, захватывая в плен целые классы, школы, районы, города.

То тут, то там рушатся очередные редуты, почему-то именно в мультфильмах появляются первые бит-опусы на русском языке («Мы к вам приехали на час», «Ничего на свете лучше нету», «Фильм, фильм, фильм»...). Настоящими бомбами становятся первые пластинки советских групп – «Норок», «Поющие гитары», «Весёлые ребята». Придуманное для них понятие «вокально-инструментальный ансамбль», или ВИА (гениальная аббревиатура для легализации жанра при невозможности использования бит- и рок-терминологии), ни иронии, ни усмешек не вызывает, поскольку все по-настоящему играют и поют. Можно только догадываться, на какие ухищрения приходится идти первопроходцам, чтобы это состоялось в принципе. Уже потом, много позже, ВИА оседлают ушлые эстрадные администраторы и бездарные композиторы, что приведёт к уродливому ВИА-штампу, бесконечным клонам «...гитар», «...ребят», «...сердец» и «...голосов». Но сейчас о другом.

Прорыв из Индонезии плюс футбол

Москва уже заполнена длинноволосыми юношами в джинсах, у некоторых в руках зачехлённые электрогитары, вечерами они гуляют с девушками и без по Пушкинской и Горького. Пристроившись сзади или ещё как-то невзначай оказавшись рядом, можно, словно позыв-

ные инопланетян, услышать такие далекие и манящие слова, как «сейшн», «система», «стрит», «флэт», «трузер», и уже что-то совсем запредельное типа «Вудсток» или «Ринго Старр».

В том же году у нас в классе появляется парень-индонезиец, Харди Сухорье, который вместе с отцом, опальным коммунистом, получил убежище в СССР. Унося ноги после переворота в своей стране, они вместе с марксистскими идеалами захватили с собой несколько настоящих битловских пластинок. Что это означает в то время? Сверстники поймут!

Кстати, Харди про «стрит» и «флэт» ничего не знает, но про «Вудсток» и всех более или менее знаменитых музыкантов рассказывает толково и подробно, иллюстрируя фактологию многочисленными фотографиями и цветными журналами (а мне даже даёт переснять). Интерес к этому всему повальный, поэтому наш класс становится довольно продвинутым, и даже старшеклассники не чураются иногда нас о чём-то застенчиво спрашивать.

Единственное: в классе нет ребят, играющих на инструментах, поэтому я до поры занимаюсь исключительно самообразованием в замкнутом пространстве своей комнаты. Вершиной этого периода становится рукописный сборник текстов песен «Битлз», которые разными путями удаётся собрать и проиллюстрировать опять же невесть как раздобытыми фотографиями. Причём в этот сборник переписаны даже те песни, которые ещё не слышал (впрок!), а те, что слышал, усердно разучиваются на той же самой семиструнке.

Не меньшее значение в становлении личности сыграли мои футбольные университеты, которые не только футбола касаются. Здесь с ранних лет ощущаешь ответственность за себя и других, чувство локтя. Один – за всех, все – за одного, и многое другое. Начинаешь в любом случае с себя. Я это узнаю ещё на первом просмотре в ФШМ, когда огромное количество мальчишек 10-11 лет, уже что-то умеющих, делят на две команды и минут двадцать-тридцать дают поиграть, чтобы отобрать толковых и просматривать следующих. Я со своим дворovým и лагерным опытом уверенно встаю в ворота и... пропускаю всё, что летит в створ. Растерялся, расстроился, колени дрожат, руки не слушаются, короче, полный облом. Вдруг к воротам подходит один из тренеров, знаменитый Валентин Бубукин, только недавно закончивший игровую карьеру и в моих глазах – человек из космоса. Доброжелательно интересуется, почему у меня ничего не получается. Я мямлю, что какой-то день сегодня, игра не пошла и т.д. Он послушал и сказал: «Вот ты говоришь, что сегодняшняя игра не пошла, а ведь завтрашней может и не быть. А ну-ка, соберись!» Пробыло... По крайней мере,

меня сразу не выгоняют, а разрешают ходить на тренировки для того, чтобы посмотреть, как будет развиваться мой недюжинный талант. Примерно через год все-таки официально зачисляю.

Это к тому, что серьёзный спорт в детстве позволяет намного раньше примерить на себя модель взрослой жизни, причём в той части, где присутствуют острая конкуренция внутри коллектива, умноженная на необходимость выступать во внешнем мире единым целым, умение выстраивать отношения с ребятами и тренерами, а главное – досрочное понимание того, что для собственного успеха надо дико вкалывать, именно тебе самому. В футболе по благу в состав не пройдёшь: не позволит презумпция результата.

Раз в год ФШМ устраивают итоговый вечер и после награждения призёров обязательно показывают то, чего не увидишь нигде – например, часовой фильм про последний розыгрыш Кубка Стэнли. Представляете, каково после чёрно-белых полумутных телевизоров увидеть на большом киноэкране ярко и красочно снятый современный хоккей с совершенно другими персонажами.

В отличие от наших, нарочито под одну гребёнку пригнанных, у канадцев, помимо собственно хоккея, каждый шаг, каждый жест направлен на позиционирование собственной индивидуальности. Играют без шлемов, а некоторые вратари без масок – лица в шрамах, лысые, бородатые, лохматые, усы с бакенбардами. Наши причёски полубокс или косые проборы сравнения не выдерживают. А ещё они все во время игры жуют жвачку, а ещё они дерутся, и никто даже не думает их разнимать, а ещё дерутся команда на команду с разбросанными по всей площадке клюшками и крагами, а ещё вратари выкатываются чуть ли не к синей линии, а ещё лица у игроков и тренеров, да и зрителей совсем другие – независимые, самодостаточные (по нашим тогдашним понятиям – просто очень наглые), а ещё...

Догадываетесь, кто становится центром внимания всей школы на ближайшие несколько дней?

Одновременно с переходом в новую школу я решаюсь ещё на один глобальный шаг – меняю уютные и привычные Лужники с травяными полями, где мне спокойно и комфортно в роли запасного вратаря юношеской команды ФШМ 1957 года рождения, на гаревую поляну старенького стадиона ЗИЛ недалеко от Автозаводской, но зато здесь я два последних года играю за основной состав юношеской команды «Торпедо», что привило на оставшуюся жизнь все вышеперечисленные качества.

Задумал группу - флаг тебе в руку

Вернёмся в актовый зал новой школы.

Итак, наш ансамбль существует уже почти два месяца, а мир ещё об этом ни сном ни духом. У нас руки чешутся и кровь бурлит от такой несправедливости, но на репетициях двери на замок: ждём своего часа и возможности наконец заявить о себе – сразу в полный голос.

«Битлз» тоже было четверо...

А вот и шанс! Перед осенними каникулами намечен вечер с самодеятельностью и танцами. Нам объявлено, что на концерте мы идём как гвоздь программы, но танцы потом придётся делить с ещё одним школьным ансамблем из десятого класса.

Мы настроены благодушно и снисходительно соглашаемся. Чего нам бояться, если мы уже в состоянии от начала до конца сыграть «Неу Jude», а «Алёшкину любовь» (второй гитарист Витька Файзрахманов умеет точно играть вступление) в припеве поём на два голоса. Трепещите!

В назначенный день мы освобождены от занятий и готовимся к дебюту. Настраиваем аппарат, прогоняем все готовые к показу песни и идём в парикмахерскую, чтобы чуть-чуть подправить и уложить и без того роскошные шевелюры (результат сделки с военруком – до концерта он нас не трогает, но потом мы стрижемся добровольно).

Лёшка (ныне Алексей Эдуардович) Зимин

Вернувшись, не сразу понимаем происходящее. Наша с таким трудом с миру по нитке собранная и отстроенная аппаратура бесцеремонно сдвинута в сторону, а на сцене установлен и включён настоящий комплект пусть советских, но предназначенных для музыки усилителей и колонок. Плюс полная ударная установка и электроорган «Perle».

Выясняется, что два наших десятиклассника играют в ансамбле «Деревянные зубы» (ничего страшного, просто было такое поветрие – придумывать идиотские названия, причём как бы вторые, подпольные, официально они называются «Парусники»), в котором остальные ребята, почти уже взрослые, где-то работают и придут к вечеру.

Эти двое, которые из школы, проверяют звук, один из них берёт соло-гитару, второй – бас, и просят Лёшку Зимина подстучать на барабанах. Начинают вступление к «Нет тебя прекрасней». И вот, который с басовкой в руках, опрокидывает меня навзничь. Что он творит на этой, кстати, настоящей, не самодельной гитаре «Орфей» болгарского производства, не передать. У меня рушится мир, до того момента вполне обжитой и понятный. Надо сказать, что «Нет тебя прекрасней» – это первая отечественная песня «Поющих гитар», где бас и соло-гитара играют по неслыханным до того в СССР канонам,

Один из трёх ансамблей нашего 9 класса

и эти партии надолго становятся хрестоматийными. Я ошарашен и разорван на мелкие кусочки. Не мог представить, что бас так играет-ся (раньше особо не вслушивался, гудит там что-то внизу – и ладно, больше соло интересовался) в принципе, а тем более, что такое может вытворять паренёк-старшеклассник из костей и из мяса, худощавый, невысокий, в очках. Так он ещё и поёт здорово.

Желания выступить на вечере после услышанного как минимум не прибавилось.

Они заканчивают настройку, знакомимся. Очень доброжелательные, помогают нам включиться и вообще всячески поддерживают.

Тот, который на басу, Андрей Егоров (запомните, он ещё будет фигурировать в дальнейшем), как выясняется, не басист вовсе, а клавишник. Басист, соло-гитарист и барабанщик подъедут попозже.

Становится ясно, что соревновательная составляющая сегодня пропускается – силы неравны, и сильно неравны. Мы, конечно, выступаем в концерте, нам даже хлопают, но вместо звёздного старта уже проходим по разряду «а вот это мальчики из нашего класса тоже играют» и от предложения сыграть свой блок на танцах благо разумно отказываемся под вымышленным предлогом: то ли у меня внезапно ангина разразилась, то ли басист пальцы обжёг, пока прикуривал, то ли клавишника мама домой позвала – что-то в этом роде.

Я весь вечер как замороженный не отвожу глаз и не отворачиваю уши от сцены и того, что там происходит. По сути, я впервые на живом выступлении настоящей группы. Увиденное меня не обламывает, а, наоборот, даёт колоссальный заряд на ускоренное освоение всего, что удалось почерпнуть.

Со следующего дня начинаем плотно общаться с Андреем и вторым парнем, Витей Маминовым. Они во мне тоже что-то заметили, поэтому почти каждую перемену мы проводим в актовом зале у рояля. Они показывают мне аккорды, объясняют, как строится аранжировка, иногда что-то пробуем вместе попеть.

Я делаю вывод, что нашего басиста научить нормально играть невозможно, и неожиданно для себя решаю попробовать взять бас самому. На первой же репетиции получаю дикий кайф от пронзительного ощущения, что, собственно, твоя бас-гитара и создаёт основу звучания группы. Решаюсь на окончательную смену инструмента. Последней каплей становится от кого-то узнанная историческая параллель с «Битлз», где первый басист Стюарт Сатклиф тоже не тянул и Пол Маккартни решил играть на басу сам. Только Пол допёр до этого в девятнадцать лет, а мне нет ещё и шестнадцати. Идём с опережением графика!

Мне дозволяется приезжать на репетиции «Деревянных зубов», и я как губка впитываю всё, что вижу и слышу. Выясняется, что весной почти весь состав, кроме Вити и Андрея, уходит в армию и они подспудно прикидывают меня на перспективу. Всё увиденное я тут же закрепляю дома и на своих репетициях. Кроме того, дома я втыкаю свою самоделку в радиолу и вместе с магнитофоном пытаюсь копировать партии бас-гитары всех групп, чьи записи у меня есть или удаётся добыть на время.

Передо мной открывается целый мир новых гармоний, музыкальных законов и нарушений этих самых законов, что и является, собственно, поступательным движением рок-музыки, вступающей в эпоху великого развития.

Первая половина семидесятых окончательно сформировала и, по сути, завершила целый пласт, именуемый сначала робко, а затем всё чаще и привычней «музыкальной классикой двадцатого века». К этому времени созрела новая плеяда музыкантов, которые, оттолкнувшись от первых рок-н-рольных толпов, таких как «Rolling Stones», «Beach Boys», «Creedence Clearwater Revival», «Animals», «Doors», «Cream», рванули изо всех сил в направлениях, заложенных этими толпами. Про «Beatles» я не говорю, у них вообще всё можно найти. Я иногда жалею, что не родился лет на пять пораньше и не застал битломанию в динамике и развитии, ожидая каждого нового альбома, одновременно наблюдая зарождение истоков московского бита. С другой стороны, всё сложилось, как сложилось, тем более что, в общем-то, сложилось.

Так вот, пропустив через себя зарождение рока уже как законченную историю, эпоху его Великого развития мы проживаем в режиме «on-line», ждём новых альбомов, тут же поднимаем в качестве собственных знамён «Deer Purple», «Led Zeppelin», «Pink Floyd», «Slade», «Queen», «Uriah Heep». Это уже зрелая музыка, основанная на виртуозном владении инструментами, профессиональнейшем вокале, ярком и самобытном звучании, а главное – на каких-то не поддающихся анализу и определению таинственных реакторах в глубине души. Именно они время от времени выбрасывают на поверхность протуберанцы тина «Stairway to heaven», «July morning», «Smoke on the water», «Dark side of the Moon», «Everyday», «The night of the Opera» и другие шедевры – уже канонические и хрестоматийные. Через много лет в Гамбурге, в одном из самых больших музыкальных магазинов, в гитарном отделе увижу дико рассмеившее меня объявление: «Please, don't play «Stairway to heaven» and «Smoke on the water». Я представляю, сколько чайников каждый день примеряют на себя гитары с помощью этих гениальных по сути, но доступных по исполнению ходов, и от-

чаяние охренивших от такой классики продавцов, решившихся на подобный демарш.

Но это спустя сорок лет, а пока мы на магнитофонных записях-перезаписях стараемся расслышать и воспроизвести то, что играют западные учителя-наставники, не подозревающие, сколько у них учеников-последователей в неведомом и далёком Советском Союзе.

Постепенно формируется и наша, отечественная школа. Каждая новая пластинка советских ВИА несёт в себе некий элемент заимствования у западных групп, делая звучание рокообразным.

Доходит до смешного. «Самоцветы» – первые, кто бессовестно сделал основой репертуара комсомольские пропагандистские опусы – втыкают в очередную «БАМовскую» песню-прокламацию вступление на суперфуззящей* гитаре и жёстком барабанном ритме.

Упаси Боже кого-то осуждать или насмехаться. Весь шоу-бизнес при любых национальных, ментальных, эстетических, экономических различиях построен на том, что желающих гораздо больше, чем могущих, а тем более сумевших. Поэтому каждый выбирает свой путь, а там как фишка ляжет. Все ли знают, что великие «Песняры» начали свой стремительный взлёт с незапланированного участия во Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, куда они приехали как аккомпанирующий состав какой-то артистки в жанре художественного свиста? Уже на месте они уговорили жюри дать им самостоятельно выступить в конкурсной программе – и разрешили. А если бы не разрешили?

«Весёлые ребята» начались с того, что у руководства Москонцерта слюни потекли от ленинградских «Поющих гитар» – первого официального ансамбля в стране, и они быстренько нашли проверенного молодого музыканта из приличной артистической семьи, Павла Слободкина, вручив ему карт-бланш, необходимый для выпекания отечественных массовых бит-шлягеров – причудливой смеси рок-н-ролла и дворовых песен.

А Стасик Намин, как внук великого политического деятеля Анастаса Микояна, вообще класть хотел на всех. Недаром именно «Цветы» выпустили первые хиты с абсолютно западным саундом. «Самоцветам» же, возникшим чуть позже, пришлось догонять.

И самый краткий путь вырисовывался через социальный заказ на патриотические агитки, исполняемые на понятном молодёжи языке. Вот и пошли всякие «Увезу тебя я в тундру», «Надейся и жди», «А короче – БАМ», «Мой адрес – Советский Союз», написанные офи-

* Фуз (по-англ. fuzz) – название прибора для преобразования звука гитары из красивого и мелодичного в грубый, хриплый с перегрузкой (впервые использован в песне «Satisfaction» Роллингами).

циозными композиторами, обеспечивающими теле-, радио-эфир, пластинки и лучшие площадки.

Изо всех щелей посыпался поток бодрых, с молодецким посвистом, или наоборот, псевдолирических, как любит говорить Юрий Маликов, «проникновенных» виршей, хотя и здесь были шедевры, которые под шумок удавалось просунуть в общем потоке оптимизма – например, «Школьный бал» или «Чернобровая дивчина» у тех же «Самоцветов».

В общем, легко не было никому и никогда. Но это у небожителей, а внизу, в любительском музыкальном мире Москвы, – море разлитое.

Наши первые совместно взятые аккорды вливаются в какофонию тысяч, нет, десятков тысяч групп и ансамблей. В каждом Доме культуры, клубе, институте, техникуме, ПТУ, школе, ЖЭКе по нескольку коллективов. Они создаются, распадаются, перемешиваются, передаются, как колода карт. Мы застаём апофеоз этой вакханалии. Тем не менее, все слушают музыку, изучают ноты, стремятся к совершенствованию, мечтают о славе – это нормально и хорошо. Проводится куча конкурсов, фестивалей, смотров – ребята видят друг друга, что-то почёрпывают, заимствуют, до чего-то докапываются сами.

Особняком стоят так называемые подпольные группы. Это, как правило, ребята из элитарных социальных слоёв, чьи родители имеют возможность обеспечить своих чад необходимым информационным багажом, а затем и инструментами с аппаратурой.

У них своя жизнь, они ходят в джинсовых костюмах среди подобных себе, у них свои тусовки, свои закрытые концерты, своя такая же джинсовая публика. У них футболки с изображением битлов или роллингов, они слушают диски на стереосистемах, они жуют жвачку, у них свой сленг и своя эстетика.

Будни школьных звёзд

Нам до них как до Луны. Живём в параллельных мирах. Мы тоже любим музыку, тоже хотим играть и точно знаем, как покорить мир. Только нам пока приходится выпиливать гитары, покупать в «Радиотоварах» звукоциматели, транзисторы и ёмкости, вырезать тайком басовые струны из рояля, обматывая кровоточащие пальцы пластырем, и ходить перед каждой репетицией с челобитной к учителю физики за киноустановкой, чтобы услышать стандартный ответ «Моё дело солдатское!» и отсыл к директору.

Цель одна – удачнее и лучше выступить на следующем школьном вечере. В репертуаре – джентльменский набор всех недавно взявших в руки гитары: «Алёшкина любовь», «Нет тебя прекрасней», «House of the rising sun», «Not a stepping stone», польские «История одного знакомства», «Не задирай носа», битловские «Girl», «Hey Jude» и заимствованные у «Деревянных зубов», ныне забытые «Колдунья», «Бабушка», «Назначено опять свидание на пять» и что-то ещё.

Андрей Егоров охотно со мной возится, показывая всякие ходы и приёмы на бас-гитаре и клавишах. Это не проходит бесследно. Следующий вечер уже держим целиком и заставляем уважать себя даже учителей.

С этого момента мы полноценные и полноправные участники школьной жизни. Теперь уже нас просят сыграть на том или ином мероприятии, иногда даже освобождая от уроков. На сборах по военной подготовке мы участвуем в концерте учащихся из разных школ, и уж точно не худшие.

С выступлением на акустических гитарах в походе в честь окончания девятого класса выходит незадача. За полчаса до выступления перед классом мы знакомимся и сводим дружбу с какими-то студента-

ми медучилища, разбившими палатку неподалёку. И они предлагают нам, юным и неопытным придуркам, отведать чистый спирт, запивая водой из ближайшего ручья. Они постарше нас, мы польщены равноправными отношениями и, не желая выглядеть маменькиными сынками, бодро соглашаемся.

Чудес не бывает. Мы через двадцать минут вырублены напрочь, одноклассницы и их мамы в ужасе шарахаются от нас, я очухиваюсь только утром, со страхом вспомнив, что через три часа мне стоять в воротах за «Торпедо» на первенстве Москвы.

Говорю же, опыта ноль. Я, трясущийся и раскоординированный, судорожно пытаюсь исправить положение, делая именно то, чего делать нельзя категорически, а именно – напиваюсь до отвала воды из вчерашнего ручья и делаю десятиминутную пробежку.

Всё по новой!.. Нечеловеческой концентрацией силы воли заставляю себя сгрести в охапку сумку с формой (к счастью, она с собой), добрести до электрички и добраться до стадиона на «Автозаводской», использую по дороге каждую секунду для сна (включая эскалатор на пересадке). Слава Богу, молодой организм внемлет моим мольбам. В раздевалке забиваюсь в уголок, тихонько, ни на кого не дыша, переодеваюсь, разминаюсь, слегка пропотеваю и отыгрываю матч на ноль, правда, соперник слабенький.

Во время летней практики репетируем почти ежедневно, а иначе можно поехать мозгами. Школа-то математическая, и в качестве практики у нас ежедневно по шесть уроков математики. Удивительно, но к этому привыкаешь довольно быстро, да и музыка оттягивает.

«Деревянные зубы» к тому времени распались благодаря «Закону о всеобщей воинской обязанности». Андрей и Витя поступают в институты, а у нас последнее беззаботное лето. Мы с удовольствием и любопытством плавно переползаем из подростковой жизни в юношескую. Каждый вечер мы собираемся компанией где-нибудь в центре, неумело пытаемся знакомиться с девушками, иногда удаётся попасть на выступление какого-нибудь ансамбля в Парке Горького или Сокольниках. Музыканты из этих ансамблей, как правило, на несколько лет старше (что в таком возрасте – пропасть), у них какое-то подобие аппаратуры, они самоуверенные и не сильно общительные. К тому же у многих из них есть джинсы, а у нас с этим по-прежнему проблемы.

В то время джинсы не просто штаны, пусть даже клёво пошитые и классно сидящие на любых формы и размера заднице. Джинсы – это принадлежность к кругу, «свой-чужой», показатель благосостояния, эстетическое начало всего, предмет гордости или зависти, превосходства или закомплексованности, часть приданого и актив под

заём, цель ограбления и вещь напрокат. Но в первую очередь для очень многих – недостижимая мечта. Если нет родственников или знакомых, так или иначе связанных с заграницей, если нет в семье свободных денег, чтобы выложить за чудо под названием «Super Rifle» или «Levi's» месячный оклад хорошего инженера, если ты не хочешь или не можешь ввязываться в сомнительные многоходовые сделки с антиквариатом, иконами и прочей полукриминальной номенклатурой торга или мена, на худой конец, нет знакомых в серьёзных магазинах – труба дело!

В нашем девятом математическом среднедоходном классе фирменных джинсов нет ни у кого. Мне сильно повезло – шпанистый одноклассник из старой школы устроился работать в «Детский Мир» и за две недели до того, как его повязали на восемь лет за групповое изнасилование, вынес мне из-под полы за тридцать рублей (при госцене восемнадцать) польский джинсовый костюм, видимо, для какого-то двенадцатилетнего акселерата или будущего баскетболиста. В длину он был в самый раз, но по ширине выше ляжек не натягивался. И вот в течение недели, намачивая их, растягивая, выпаривая разными жидкостями, сначала мы доходим до пояса, а ещё через пять ночей, проведённых в них вместо пижамы, наконец, сходится заветная пуговица на животе. Жизнь удалась, а куртку можно и не застёгивать. Какое-то промежуточное положение занимаю – ещё не Америка, но уже не скучные брюки и не индийские джинсообразные «Милтонс». Первые в классе настоящие «Super Rifle» появляются у парня, продавшего для этого альбом с марками, дедушкины часы и невесть как попавшие к нему игральные карты с голыми девушками. Недостающие двадцать рублей родители отчекрыжили ему от семейного бюджета за хорошие годовые оценки в девятом классе.

Я присутствую при покупке у общего приятеля дома. Некий продавец достаёт целлофановый пакет с цветным вкладышем-этикеткой, где ковбой на красивом коне в таких же джинсах скачет по прерии на фоне заката.

С ног сшибает запах неношеного коттона. Джинсы, они же – джины, штаны, трузера – примеряются и уже не снимаются. Маленькая незадача с деньгами. До объявленных семидесяти пяти рублей не хватает трояка, это уже после всех амбаров и сусеков. Торг и сброс цены до семидесяти двух стоит таких унижений и опусканий, что лучше не видеть.

Но вот продавец уходит, наш герой достаёт сэкономленные за счёт потери чести и достоинства три рубля, мы покупаем две бутылки какого-то красно-винно-креплёного пойла и неуклюже отмечаем обновку.

Я первые настоящие джинсы куплю только после первого курса института, ношенные, за сорок пять рублей. И здесь ничего особенного: джинсовая индустрия в СССР стопроцентно безотходная. Существует как минимум четыре степени износа, отражаемые в цене. Первая степень не из нашей жизни – новые, в пакете (читай вышеописанное). При этом, покупая малоизвестную фирму, необходимо удостовериться, что ткань пилится или, другими словами, светлеет при стирке и трении. Для этого берётся спичка, слюнявится и трётся о штанину изнутри внизу. Если спичка синеет, то всё о'кей, если нет, то, извините, процентов двадцать-тридцать уступите.

Вторая степень – самая размытая в ценовом отношении. Это джинсы ношенные, они же тёртые, они же пиленные. То есть их носили от шести месяцев до года, они уже не однотонно-синие, а с белыми полями на коленях и бёдрах. Стоимость определяется тщательным визуальным осмотром глубины и площади протёртостей, отсутствием или наличием намечающихся дыр и обтрёпанных дырок-соплей внизу штанин.

Третья степень – это уже порядком истрёпанные, выдавшие виды трузера, где не светлые протёртости на синем материале, а наоборот, можно обнаружить синие островки на наглухо истёртом общем фоне. Самые уязвимые места – колени и паховая зона – укреплены заплатками из джинсовой материи или очень часто из оранжевой кожи. Эта категория так и называется – с заплатками.

И последняя, четвёртая, – это та, что уже сама идёт на заплатки. Человеческий гений изобрёл много применений бесценной джинсовой ткани – о выбросить в помойку вещь в принципе не идёт. Чаще всего делаются шорты, простые либо с бахромой, и лоскутные сумки из джинсовых ошмёток. Здесь же жилетки, кепки, панамы, мешки – всё идёт в ход, так или иначе позиционируя принадлежность к джинсовому сословию.

В течение всей жизни, уже имея возможность одеваться где хочу, как хочу и за сколько хочу, я остался в джинсах Levi's летом, зимой и всегда. До сих пор испытываю трепет, разрывая целлофановый пакетик, отрывая знаменитую этикетку, пришипленную скрепками к правому заднему карману. Более того, я за всю жизнь не выбросил, по крайней мере сам, ни одной пары джинсов – рука не поднимается.

Та же история с битловскими майками. Жгучая в детстве зависть к их обладателям во взрослом возрасте трансформировалась в обязательное приобретение новой футболки, если такой у меня нет в коллекции. А их у меня за сотню. Видимо, это и есть прогрессирующий маляк. Ну и слава Богу! Наверняка есть формы похуже.

Не меньшую роль в повседневной табели о рангах играют диски западных групп. И здесь, в отличие от джинсов, простор гораздо шире. Если джинсов нет, то их и не будет, а вот пластинку можно одолжить, поменять, на худой конец купить, новую или не очень. Я, например, первые два фирменных диска – «Imagine» Джона Леннона и «RAM» Пола Маккартни – выиграл в шахматы у малознамого парня, который хвастался перед девчонками, что лучше него не играет никто в обозримом окружении. Пластинки ему в больших количествах привозил выездной папа, потребовавший вернуть диски назад, на что я предложил ему пересмотреть фильм «Бег» и все вопросы задать своему сыну. В конце концов я тоже ставил на кон бас-гитару.

Слушать музыку на дисках может мало кто. Таких небожителей, у которых и джинсов по три-четыре пары, среди нас нет. В ходу магнитофоны, на которые вся музыка и переписывается для дальнейшего погружения в прекрасное. Как правило, уважающий себя меломан правдами-неправдами выдуривает два-три фирменных диска, остальные записываются на магнитофон по обмену: я тебе «Abbey Road», ты мне «Help». Это одновременно служит и залогом. После того как набор возможных комбинаций в твоём кругу завершён, ты идёшь на Новый Арбат или через знакомых меняешь свои диски на новые – так и происходит ротация. Я уже не говорю о том, что просто поездка в метро с каким-нибудь «Slayed» или «Led Zepelin III» в руках приковывает все взгляды в вагоне или на эскалаторе, облегчает начало разговора с любой девчонкой и помогает завязать приятельские отношения со сверстниками. Это даже круче, чем цветные (!) полиэтиленовые пакеты с выставки «200 лет США».

Любое знакомство развивается на основе музыкальных вкусов собеседника. При их совпадении нарождающаяся дружба моментально скрепляется общими восторгами и кумирами, разночтения же дают повод для глубокой и взаимоуважительной дискуссии, по итогам которой обязательно найдутся компромиссы, признаваемые и любимые обеими сторонами. То есть ты не слушаешь «Rolling Stones», а я «Black Sabbath», но мы оба торчим на «Pink Floyd».

С учётом повального меломанства девушки тоже достаточно рок-н-рольно-продвинутые, поэтому ветхозаветные «Поехали ко мне... посмотреть собачку» успешно заменяет «...послушать музыку». Мне реально приходится участвовать в диспутах, где студентка технического ВУЗа буднично доказывает, что звукоизвлечение у Дэвида Гилмора намного интереснее, чем у Риччи Блэкмора, который, несмотря на филигранную технику, слишком механистичен. Похоже, девушка «слушает музыку» частенько.

Футбол, рок-музыка и труд... чуть в армию не приведут

Почти каждый вечер заканчивается либо у кого-нибудь дома (что редко, родители мешают), либо в каком-нибудь дворе, в беседке (что чаще), где, раздражая жильцов, на невесть откуда взявшейся гитаре мы пленяем окрестности.

В то время ещё практически не пьём – первый опыт удерживает.

Очень часто вечераем на школьном дворе, куда после дневной июльской жары выползает вся рядом живущая молодёжь, в том числе много бывших выпускников. Одному из них очень нравится, как мы поём на два голоса, и он обещает завтра привести друга, который, по его заверениям, поёт лучше «Песняров».

Всё правда. Назавтра появляется парень, который тут же поёт «Берёзовый сок» и «Александрину», пусть не лучше, но вполне прилично. Мы пристраиваемся, и ошарашенная публика внимает дворовому трёхголосию. Знакомимся и уже не расстаёмся.

Зовут его Лёша Киселёв, он уже поступил на первый курс МАИ, причём очень интересный факультет – «Завод-Втуз» радиоэлектроники и автоматики. С необычной формой обучения. Одну неделю они учатся как дневные студенты, другую днём работают в НИИ, а на занятия ходят вечером.

Лёшка агитирует поступать к ним, вводит меня в свою тусовку, уже студенческую. Вроде год разница, а жизнь другая совсем: курят не таясь, пьют не боясь, целуются взасос. Но пока впереди десятый класс, времена наступают суровые. Глядя, как сейчас стонут и вопят о невероятных трудностях ЕГЭ, даже не знаю, что им говорить. Сдать три экзамена, подать документы в пять вузов и выбирать из тех, кто подтверждает твоё зачисление – да Господь с вами! Мы по окончании десятого класса сдаём восемь выпускных в июне и в августе четыре вступительных в единственный вуз без права на ошибку. На кону судьба! Если не поступил – в армию без всяких разговоров. Конечно, можно попытаться откосить, но если нет какого-нибудь не опасного, но легко диагностируемого заболевания типа плоскостопия или не родил ты к восемнадцати годам двоих детей – вперёд и с песней! Конечно, потом можно вернуться к учёбе, даже в какой-то степени проще, поскольку ты льготник по статусу и мозгов больше по прожитой жизни. Но это уже не то. Выпав из общего потока, как ни старайся, всё равно для будущих однокурсников ты уже взрослый. Три года разницы в возрасте плюс твой никому не интересный опыт – это пропасть. Поэтому весь десятый класс – как ни храбрись, как ни учись, а под ложечкой посасывает.

Тем не менее, шестнадцать-семнадцать лет – когда ещё, если не сейчас. Только удивляться остаётся, как я успеваю серьёзно учиться, не менее серьёзно заниматься футболом, играть пусть даже в школьном ансамбле, а ещё мы с одноклассниками записываемся в парашютную секцию, за три месяца проходим полную ДОСААФовскую подготовку и совершаем по несколько прыжков из АН-2 на парашюте Д-1-8У с принудительным открытием купола. Так я ещё и в кино вырываюсь, и с друзьями общаюсь, и с девушками встречаюсь.

Ансамбль усилился Киселёвым, но на базе школы далеко не уедешь, а пристроиться в какой-нибудь Дом культуры или клуб пока не удаётся: уровень не соответствует. Расчёт на Витьку Мамина и Андрея Егорова не сработал: Витька не сумел поступить на дневной и с вечернего ему в ноябре в армию, а Андрей, по зрению несостоявшийся воин, к нам примыкать не желает. Оно и понятно, он намного сильнее. Бегаю за ним, как цуцик, пытаюсь уговорить. К делу подключается школьная женская общественность, болеющая за процветание коллектива. Самая красивая девочка, о свидании с которой я мог только мечтать, неожиданно звонит мне и манящим голосом предлагает встретиться. Я, конечно, соглашаюсь, и мы договариваемся на «Маяковской» в центре зала. Приезжаю в назначенное время и сталкиваюсь там с Андреем, который тоже кого-то ожидает. Мобильников нету, скоординироваться нет возможности, поэтому просто ждём и попутно общаемся. Я по-прежнему укатываю его присоединиться, он по-прежнему твердит, что ему хочется играть в более сильном коллективе и совершенствоваться самому, а не тащить на себе начинающую группу, уровень которой он давно прошёл, к тому же перспективы в любом случае очерчены окончанием школы, а дальше неясно, кто поступит, кто нет и что будет. И потом опять всё сначала?

Девушки наши так и не появились, но поскольку других планов ни у него, ни у меня нет, решаем прогуляться. Он ещё раз, более мягко, приводит все аргументы, но в утешение обещает иногда к нам приезжать и посильно помогать, а самое главное – предлагает мне в кредит купить настоящую бас-гитару «Орфей» в виде скрипки, как у Маккартни. К тому времени у меня налажен некий профильный бизнес – я нашёл одну контору, где есть возможность втихую ксерокопировать и сброшюровывать сборник нот и текстов «Битлз», который при себестоимости 4 рубля уходит по 15. Желающих купить по пять-шесть человек в месяц я нахожу, поэтому мой кредит обеспечен. После самодельной гитары это уже прорыв – «Орфей» звучит и смотрится на моём фоне вполне пристойно.

Спустя некоторое время узнаю, что несостоявшееся свидание наша красавица подстроила специально обоим – на том же месте в тот же час, чтобы мы могли спокойно, не спеша поговорить, а там, чем чёрт не шутит, и договориться. Мы, как джентльмены-партизаны, друг другу не сообщили, кто кого ждёт – и слава Богу, а то разговор мог бы и не состояться.

Лёшка Киселёв со своими ребятами продолжает агитировать за поступление к ним, причём к этому добавляется дополнительный аргумент, который в конечном счёте всё и решит. Предприятие, на котором они через неделю работают, имеет не ахти какой, но комплект аппаратуры. Вопрос в том, что это секретный НИИ, просто так туда не войти, а аппаратура внутри, в актовом зале.

Так потихоньку мы прикатываем к окончанию школы. Экзамены сдаю без проблем, на выпускном балу играем сами всю ночь, поэтому ни напиться, ни потанцевать, ни попрощаться толком не удаётся. Да и в голову не приходит, что многих ты видишь в последний раз. Впереди новая, совсем другая жизнь – манящая, самостоятельная, бесконечная. Скорей туда!

В это же самое время достигает апогея футбольная история. Я стараюсь эту тему сильно не развивать, потому что книга о музыке, но, конечно, футбол – это страсть, это серьёзный труд и хрустальная мечта о звёздной карьере. С последним как раз не очень, хотя я остаюсь основным вратарём выпускной юношеской команды «Торпедо» и даже два раза сижу в запасе дублирующего состава мастеров. Но всё-таки, трезво оценивая себя, понимаю, что сборная СССР не светит, а для второй лиги я слишком амбициозен. Тем не менее, принимаю странное решение готовиться к поступлению в «Завод-ВТУЗ МАИ» (уговорили-таки, демоны) на сборах в спортивном лагере ЗИЛ в Мячково. И там меня ждёт неожиданная и бесконечно полезная встреча.

Лагерь, в котором мы живём и тренируемся, один из самых больших и лучших в Подмосковье. Немудрено, ЗИЛ – это государство в государстве, город в городе, традиции, деньги, забота о своих работниках – всё есть.

Мы составляем незначительную спортивную часть, живя в палатках на окраине этого гиганта. В самом же лагере несколько тысяч детей, от ясельного возраста до десятиклассников. Чего там только нет: кружки, секции, бассейны, образовательные программы, походы, линейки, спортивные игры, уйма всего, отдыхай – не хочу!

Каждый вечер у специально выстроенной эстрады – танцы. Причём не под радиолу или магнитофон, а под настоящую, живую, очень классную группу из Дворца Культуры ЗИЛ. Это уже отрыв башки, на-

чиная с аппаратуры «Регент-60» производства ГДР с ламповым ревербератором (большим прибором, дающим ЭХО-эффект и объём, сейчас заменяется микросхемой) и кончая мастерством участников. Я в первый раз вижу и слышу, как живые люди, из костей и мяса, играют «Deep Purple», «Led Zeppelin», Джимми Хендрикса и т.д.

Включаю свою гиперобщительность и знакомлюсь с музыкантами. Они совсем взрослые, лет по двадцать-двадцать два. Двое из них, между прочим, впоследствии будут играть в «Рецитале» у Пугачёвой. Но больше всего меня поражает басист – Радик Мухаметзянов, а именно его способность играть достаточно сложные партии и при этом петь основной вокал.

Среди футболистов есть двое умеющих играть на гитаре и немножко петь, а ещё один чуть-чуть шкрябает на барабанах. Мы решаем сделать сюрприз остальным, скототив импровизированную группу для выступления на общелагерном фестивале самодеятельности. После первой же репетиции Радик, услышав, как я играю, заявляет, что это никуда не годится и мне надо переучиваться в плане техники. Но поскольку он видит потенциал, то готов ежедневно заниматься по часу в обеденное время. Получается, что между утренней и вечерней тренировками – то самое время, которое вместо обязательного сна я собирался посвятить подготовке к экзаменам – мне нужно отдавать бас-гитаре, забив по самую шляпку на эту самую подготовку. Ну а с другой стороны, где и когда я смогу сделать такой прорыв? Решаю, что школьная подготовка у меня в целом достаточная и недели между окончанием сборов и первым экзаменом вполне хватит.

Не исключаю, что в этот момент кто-то виртуальный, ведающий списком на осенний призыв, поставил против моей фамилии жирный восклицательный знак. Я едва не сыпанулся на физике – и что было бы, если бы и вправду сыпанулся, страшно даже думать. Но кое-как выкарабкиваюсь и, уже спокойно сдав ещё три экзамена, вижу ту же самую фамилию, только в другом, нужном списке, на дверях института.

Зато что касается музыки, то уж здесь я рванул. По сути, из лагеря я вернулся сложившимся бас-гитаристом. Радик заставил меня играть медиатором, поэтому правая рука у меня скоро заработала как часики, а с левой вообще проблем быть не может – ещё со времён виолончели.

Ну а то, как за три репетиции мы подготовили несколько песен для лагерного выступления, подтверждает, что какими-то минимальными навыками руководства группой я уже обладаю.

Глава II. Нулевой цикл (1974 – 1975 гг.)

Музыка всё ближе

Начинается новая жизнь. В футболе мне остаётся доиграть два месяца до конца сезона. Школьная группа также подвела черту. Файзрахманов поступил в МГУ, Мандель не поступил и готовится к армии. Зимин тоже не поступил, но из-за зрения готовится к мирной жизни и поступлению через год. То есть в сухом остатке я, Киселёв и Зимин. Мы наконец добираемся до нашего секретного НИИ с его несекретной отечественной аппаратурой, стоящей в актовом зале. Собственно, с этого момента, наверно, и можно отслюнивать первую реальную страницу истории группы.

Мы по-прежнему связаны проблемой непрохода на территорию НИИ посторонних. Но нам удаётся ежедневным нытьём укатать профком института, что музыкантов среди сотрудников больше нет, а стало быть, и группы нет, так что опять придётся на каждое мероприятие приглашать кого-то со стороны за большие деньги. В конце концов нам сподобилось организовать встречу высоких договаривающихся сторон – председателя профкома, который хоть чуть-чуть, но заинтересован в коллективе, и заместителя директора по секретному режиму, который не заинтересован ни в чём и никогда.

Тема – возможность прохода ребят со стороны на территорию НИИ для репетиций. Зам закрывает вопрос сразу и жёстко – нет и никак! Мы по молодости не врубаемся, что эти два уже пожилых человека продолжают свой какой-то застарелый конфликт, поэтому даже и не успеваем расстроиться, как тот же Зам с плохо скрываемым раздражением спрашивает у профкомовца, почему тот опять хочет проехать на его горбу, заставляя нарушать режим секретности – самое святое, что только есть на Земле, вместо того, чтобы отдать недавно, по его информации, освободившееся помещение бывшей бухгалтерии за территорией института. Может, у профкома есть на него свои виды, о которых институт не знает? Мы сидим, как на нейтральной полосе во время боя, только успевая следить за летающими над нами в обе стороны снарядами.

Ах, нету никаких видов? Ну так и отдайте его под репетиции, пусть бесятся вдали от шума городского. В итоге – первый подарок судьбы, отдельно стоящий флигель рядом с садом Баумана на Новобасманной, с отдельным входом, больше там никого, и ключ у нас.

Непрезентабельно... Но уж больно играть хотелось!

Выглядит он не товарно, но нам-то что! Есть несколько комнат, санузел и полное круглосуточное пользование. Остаётся провести субботник, отчистить и отдраить всё, что чистится и драится, расставить то, что приходится называть аппаратом – и репетируй хоть до утра! Фантастика! Не надо объяснять, что всё, что не репетируй, тоже хоть до утра. Понятно, что через короткое время под видом «нас послушать» помещение становится центром всех институтских, друзейных и даже случайных знакомых тусовок. В молодости это всё очень даже просто. Становимся осмотрительнее после знакомства и распития с какими-то очень хорошими и интеллигентными ребятами, один из которых, видимо, больной на голову, под воздействием выпитого вдруг сначала стекленеет, потом обводит нас злым немигающим взглядом, хватая микрофонную стойку и начинает гоняться за всеми, пару раз от души врезая и своим и чужим. Приходится сначала блокировать его в одной из комнат, потом поднять стол и, развернув ножками назад, с помощью вот такого щита зажать в углу, а ещё потом повалить на пол и крепко связать проводами от гитар. Он рычит, извивается, пытается

всех укусить, а потом вдруг внезапно засыпает. Утром, открыв глаза, по-прежнему связанный, он виновато спрашивает, не гонялся ли он за нами с чем-то тяжёлым в руках. Получив утвердительный ответ, грустно вздыхает и говорит, мол, это у него всегда так – реакция на алкоголь.

Резко ограничиваем доступ и продолжаем упорно осваивать музыкальную науку, черпая знания из магнитофонов, общения с такими же, как мы, начинающими музыкантами и посещения время от времени концертов. Шоком для нас становятся «Песняры» в зале «Россия», куда мы попали, отстояв огромную ночную очередь. Одно дело – слушать записи, пусть даже качественные, а другое – ощутить живой посыл влюблённых в свою музыку блестящих исполнителей во главе с великим Мулявиным, к тому же на самой мощной и совершенной для того времени аппаратуре. После «Крика птицы» я вообще ночь не спал, мурашки по коже бегали!

В связи с этими концертами происходит первый серьёзный конфликт в ещё не окрепшем составе. Мы с Киселёвым на свои законные, с кровью добытые четыре билета пригласили своих девушек. Остальные напряглись в том смысле, что с девушками и жёнами надо ходить в театр, а на такие концерты, где можно что-то почерпнуть и подсмотреть, надо ходить всей группой. Но что вам мешало постоять ночь в очереди вместе с нами и пойти всей группой с любимыми?

Короче, ссоримся сильно, один даже уходит, и после многочисленных просмотров, проб и кастингов мы остаёмся четвером: я, Киселёв, Зимин и Андрюха Шлычков, тоже из нашей школы и института, только на пару лет постарше. Он классно играет на гитаре, причём не медиатором, а пальцами, ухитряясь выхливать самые сложные рок-пассажи, к тому же поёт. Стало быть, мы наваливаемся на трёхголосые песни битлов («Nowhere man», «This boy», «Ask me why»), песняровские шедевры типа «Александрины», «Олеси», «Ты мне весной приснилася» плюс вся московская бит-классика: «Синий лес», «Мемуары», польские червоногитаровские «Анна-Марья», «История одного знакомства» и прочая, прочая...

Репетируем много и усердно, голоса молодые, звонкие, потихоньку начинает что-то как-то звучать. По крайней мере, наши не очень частые выступления гармонично вписываются в происходящие события и способствуют решению стоящих перед нами задач: на концертах хлопают, на танцевальных вечерах танцуют, на свадьбах дерутся. Последние приносят нам первые деньги, на которые мы покупаем всякую всячину типа штекеров, проводов, педалей с эффектами, даже микрофоны. Но радикально проблему не решить: аппаратура ужасная – и

просвета не видно. Предел мечтаний – ревербератор, чтобы дать голосам хоть какую-то объёмность. Да где ж его взять-то? В магазинах не продаётся, самодельные из магнитофонных приставок «Нота» – ненадёжные и некачественные, остаётся только Неглинка.

К тому времени советская промышленность налаживает массовое производство необходимого и качественного, как ей кажется, музыкального оборудования для вокально-инструментальных ансамблей. У всех предприятий, школ, техникумов, ЖЭКов, больницы, совхозов и остальных достаточно так называемых безличных денег, чтобы снабдить страждущих этим говном. С одной стороны, есть возможность музыкантствующей молодёжи после работы-учёбы прийти в клуб или красный уголок и вместо ежедневной выпивки, хотя чаще совмещая, тем не менее ударить по струнам и барабанам, ничего не покупая и ни за что не платя, повышая отчётные показатели о вовлечении трудящихся-учащихся в художественную самодеятельность.

Для разучивания первых трёх вместе взятых аккордов этой техники хватает с лихвой, но, уже начиная с четвёртого, уровень группы превалирует над оснащением.

Поэтому все наши разговоры на девяносто процентов посвящены аппаратуре. На любом настоящем концерте, особенно с участием зарубежных (в смысле болгарских, польских, венгерских) артистов, в антракте у сцены собираются все находящиеся в зале музыканты и, разглядывая стоящие на сцене усилители и инструменты, с видом знатоков живо обсуждают увиденное.

Труднообъяснимая с точки зрения сегодняшнего дня экономика существует в параллельных мирах. Легальная, то есть безличная, с достаточным объёмом, но крайне ограниченная по ассортименту, и реальная, где, в принципе, можно купить всё за наличные деньги. Они не пересекаются. Нельзя пойти в банк и снять со счёта нужное количество купюр. Все обходные пути караются строгим режимом на долгие годы, а особо жадных-алчных могут и расстрелять, так что с этим не шутят!

Есть несколько способов решения вопросов – например, элементарная взятка. Но, даже если отбросить морально-омерзительную сторону, то для реализации коварных планов необходимо знать, куда идти и кому дать! Да, к тому же, кто у меня, зелёного пацана, что-то возьмёт? Клуб самоубийц, что ли? Там и без меня всё отлажено.

Другой вариант, ещё более недоступный, – это толкучка у музыкального магазина на углу Неглинной и Пушечной, знаменитая «Неглинка» или «Глина». Здесь всё время ошивается толпёнь разномаст-

ных и разномасштабных жучков-спекулянтов, у которых можно купить почти всё – от саксофонных мундштуков и гитарных струн до барабанных установок и фирменных усилителей. Почти – это потому что настоящие эксклюзивные инструменты наперечёт, круг их владельцев известен и переходят они чаще всего из рук в руки, не выходя за пределы этого круга.

По субботам вся музыкальная Москва собирается там, создавая скопление и проблемы для проезда транспорта. Здесь и трудовая биржа, и последние сплетни, и место встреч, запланированных и случайных. Но главное – всё-таки торговля, причём если ты что-то предлагаешь, то тут же выстраивается цепочка из постоянно находящихся там персонажей, и каждый из них набрасывает свою дельточку. И если потенциальный продавец внедряется в толпу с другого края, то, пока он доберётся до тебя, цена возрастёт в полтора-два раза.

Распространена ситуация, когда ты хочешь продать старый усилитель и купить такой же поновее. Придя и сказав кому-то, что продаёшь, а другому, что покупаешь, через десять минут твои оба предложения смешиваются в толпе, и к тебе с разных сторон могут одновременно подойти «продавец» и «покупатель», и только тогда, чертыхнувшись, понимают, что они «продавали» и «покупали» одно и то же.

Элита «Глины» – это Александр Изюмов (Изюм) и Виталик Стоноженко (Пупсик), специализирующиеся на настоящих фирменных аппаратах. Источники приобретений – привезённое из-за границы знакомыми дипломатами под заказ, и основной – скупка на корню у зарубежных гастролёров. Настоящие фирмачи в эти игры не ввязываются, а вот поляки, югославы, венгры – за милую душу, только дай! Едва пройдя таможню, музыканты продают всё на корню тому же Изюму, а уж он обязан их оснастить какой-нибудь рухлядью, чтобы гастроли не сорвать, а также снабдить на обратный выезд чем-нибудь, что могло сойти за «звуковую аппаратуру и музыкальные инструменты иностранного производства», чаще всего старые болгарские «Орфеи» и ГДРовские «Мюзимы». От Изюма товар уже поступает на Глину, где продаётся продвинутым лабухам из очень денежных ресторанов либо тем беззаветным фанатам, кто, отказывая себе долго и во многом, накопил на фирменный инструмент, стоивший примерно как автомобиль.

Первый подарок судьбы

Нам ни то, ни это не светит, поэтому играем на чём есть и в душе надеемся, что по мере нашего роста произойдёт какой-нибудь счастливый, соответствующий новому уровню группы, поворот в судьбе.

Об этом мы, собственно, и разглагольствуем тёплым июльским вечером в летней шашлычной сада им. Баумана после репетиции. Такие элитарные места для нас редкость, обычно ходим в пивную «Три ступеньки» рядом с садом, но сегодня получили зарплату со стипендией, так что – досуг для состоятельных господ, в частности, несколько кусочков плохо прожаренного мяса «по-карски» и холодная водка из гранёных стаканов. По мере насыщения и выпивания, где-то в начале третьей (бутылки), в наш уже довольно громкий диспут о творчестве и необходимости найти своего Брайана Эпстайна (менеджер «Битлз») вклинивается мужик за соседним столиком, тоже подвыпивший, интеллигентного вида, но наглый и с девушкой.

– Типа, вы музыканты, да? А играете в основном на свадьбах, да? А аппаратура у вас плохая, да? А вы играть-то умеете, да?

Причём говорится всё громко, разговор слышен всем, ведёт он себя развязно и пафосно. Нам это надоедает, просим перейти к делу: если тебе, мужик, надо свадьбу отыграть или выпускной, готовы обсудить, а так – у вас своя свадьба. Тем более смекаем, что девушку он только что снял и весь спектакль для неё.

На что он, окончательно распоясавшись, говорит своей даме, мол, хочешь, произнесу два слова и эта шпана подзаборная встанет передо мной на задние лапки, жалобно скуля и виляя хвостиками.

Это уже совсем запредельно – мы предупреждаем, что хоть и являемся людьми мирными, однако при такой манере общаться его торец ни от чего не застрахован.

Симпатии девушки явно на нашей стороне. Выжидательно смотрит на спутника. Ещё немного – и она со своим стаканом пересядет за наш стол.

Мужик загнан в угол, но не сломлен. С той же наглой улыбкой додерживает шекспировскую паузу и изрекает: «С этого момента со мной на «Вы»! Меня зовут Борис Львович Голубенко, я директор клуба электрозавода им. Куйбышева. У меня есть полный комплект «БЕАГ». Завтра в пять жду вас на прослушивание. Если пройдёте, получите его в распоряжение. Мне нужен хороший ансамбль для конкурсов и фестивалей, так что «БЕАГ» ваш».

Пауза! Паралич! Обвал!

Мы так и застыли с поднесёнными ко рту стаканами и нанизанными на вилки кусками мяса. То, что он назвал БЕАГом, на самом деле «ВЕАГ» – «биг», пусть не высшего качества, но вполне профессиональный аппарат венгерского производства. Причём именно комплект – басовый и гитарный усилители с колонками плюс вокальная система, куда входит даже ревербератор, создающий эхо-эффект. Выт-кай и играй на здоровье! На Глине вся эта радость стоит дороже двух автомобилей. Все настоящие группы, может, кроме «Песняров» и «Самоцветов», играют на нём, это намного круче того, что мы могли в обозримом будущем себе представить.

Дальше как в анекдоте: «Ещё раз добрый вечер!» Растерянно мямлим, что да, конечно, Борис Львович, завтра будем, постараемся вас не разочаровать.

Девушка восторженно бросается ему на шею, после чего они сваливают, похлопав Лёшку по плечу, а меня потрепав по шевелюре.

После этого нам уже не пьётся и не естся. Быстро рассчитываемся и бежим к телефону-автомату – предупредить остальных.

У меня в жизни несколько таких, вроде случайных, но поворотных-знаковых эпизодов, задавших вектор и скорость движению на много лет вперёд. Это первый.

Ночь спим плохо. Замаячил прорыв в новое пространство. Профессиональных комплектов у самодеятельных групп раз-два и обчёлся. Что значит аппарат такого уровня в семьдесят пятом году? Лучший или худший звук – это вершина айсберга, всё гораздо глубже. Это возможность приглашать более сильных музыкантов, это шанс участвовать в концертах, фестивалях, конкурсах, а со временем, чем чёрт не шутит, побеждать в них, а дальше... А ещё дальше... А уж там... Ой, страшно даже мечтать!

Московский бит начинался среди элитарной молодёжи из влиятельных и обеспеченных семей, способных закрыть самостоятельно стартовые потребности своих музлюбивых чад. Им привозились инструменты, усилители, пластинки. При этом они учились в престижных вузах, впереди светили надёжные и безбедные карьеры. Музыка была для них, в первую очередь, самовыражением, стремлением завоевать авторитет в своей достаточно закрытой золотомолодёжной тусовке. Они играли то, что хотели, как хотели, ни от кого не зависели и плевать на всех хотели из окон своих просторных сталинских квартир. «Сокол», «Аргонавты», «Атланты», «Скифы», «Крестonosцы», «Орфей», «Ребята», «Тролли» – играли в основном кавер-версии и интересны только тем, что давали возможность в

принципе послушать новую музыку в живом исполнении и, честь им и слава, пробили первые бреши в ватной стене советской идеологии.

Позже появились «Мозаика», «Скоморохи», «Оловянные солдатики», «Жар-птица», «Машина времени», начавшие писать свои песни на русском языке. Но всё равно аудитория оставалась замкнутой, даже магнитофонные записи было делать очень сложно, не говоря о распространении.

Поэтому то тут, то там проходили так называемые «подпольные» концерты, или «сейшены», без афиши и объявлений, билеты на которые распространялись опять же среди ограниченного круга посвящённых, который не менялся и практически не расширялся. Происходило это следующим образом. Говорю не понаслышке, сам был свидетелем, как в семьдесят восьмом году, к директору Дома Культуры завода им. С. Орджоникидзе зашли несколько активных румяных молодых людей в пиджаках-галстуках, девушки в белых блузках, все с комсомольскими значками. Приволокли письмо, честь по чести, с печатью, что, мол, такая-то организация или учебное заведение просит за неимением своего зала провести концерт художественной самодеятельности во вверенном вам заведении. Билеты распространяют сами организаторы, они же отвечают за порядок и безопасность. Официально оплатить зал они не имеют возможности, но человеческая благодарность в запечатанном конверте если и не безмерна, то достаточно щедра.

Какой резон им отказать? Ведь, помимо собственного кармана, директору всегда нужны наличные деньги: труба потекла, стекло разбилось, столик накрыть для комиссии и т.д., а здесь само в руки идёт. Никаких подписей и расписок, письмом можно прикрыться, да и доброе дело ребятам сделать.

Прозрение приходит в день концерта, когда лохматые джинсовые ребята привозят и расставляют аппарат, часа за три к Дому Культуры стекается такой же народ с портвейном и косяками.

Билетом служит разрезанная на четыре части первомайская открытка с тем же штампом, что и на письме то ли от завода, то ли от техникума, привезённом в первый раз. Когда зал уже полон, а на улице остаётся ещё столько же не самых скромных и незаметных персонажей, директор с ужасом узнаёт, что в его доселе девственно безгрешном очаге культуры состоится концерт к тому времени одинокой «Машины времени», за всеми выступлениями которой следят специально обученные люди, и что, возможно, сегодняшний рабочий день для него последний. Так оно и происходит. Наутро его вызывают

в городской комитет КПСС и разговор там, точнее монолог, недолгий.

Но это будет через несколько лет, а пока ещё вольница. «Подпольные» группы существуют в параллельном мире, у них свои проблемы, а нам, крестьянам, куда податься? Или, словами Коровьева: «А где ж ему взять валюту?», в нашем случае, аппаратуру. Поэтому перед прослушиванием спим плохо.

Аппаратура есть! Надо усилить состав

Приехав в назначенное время на завод им. Куйбышева, в самом деле обнаруживаем развёрнутый полный «биговский» комплект, на котором репетирует какой-то ансамбль. Выясняется, что на заводе таких два, один из них женский. Кое-как играют, слушать можно, тем более на таком аппарате. Заводские вечера и танцы они закрывают, руководство довольно, что рабочая молодёжь при деле. Но амбиции Бориса Львовича, оказавшегося на поверку неплохим мужиком, простираются гораздо дальше. В прошлом неплохой танцор, он и по миру поездил, и к определённому уровню привык. Просто так, в рамках завода, ему тесно.

Ему надо побеждать на конкурсах, прославлять завод и себя самого. То есть нам предстоит войти в организованный и упорядоченный мир так называемой московской художественной самодеятельности, приняв правила игры, где мы существуем официально, подвергаемся определённому контролю, вернее, присмотру, но за это получаем новые возможности – аппарат, первичный статус и благодаря тому же присмотру возможность быть на виду, а в случае роста и достижений быть замеченными.

Услышав заводские группы, немного успокаиваемся, выходим на сцену, поём несколько вещей. Мы уже намного сильнее их, кастинг пройден. Со стороны заводских музыкантов ощущается некоторая ревность. Приходится бежать за портвейном. Он снимает первый наряд, после чего их очередь бежать. Снимается второй наряд, потом бегаем уже вместе и от души. Борис Львович пирует с нами, через какое-то время появляется его жена, он выразительно смотрит на нас, да мы что, не понимаем, что ли?

Тут же ставится конкретная задача: осенью районный конкурс ансамблей, в котором мы должны победить, иначе он не сможет объяснить присутствие постороннего, составленного не из заводской молодёжи коллектива.

Бьём по рукам. С этого момента очень многое меняется. Всё это время мы находились в перманентном поиске музыкантов, незыблемыми персоналиями являемся только я, Киселёв и Зимин, остальные менялись, чаще или реже. Да и держаться было особенно не за что. То ли дело теперь. Все переговоры с потенциальным участником начинаем с того, что вот мы играем на «Биге», а ты, собственно, кто?

Один из знакомых притаскивает к нам очень взрослого – двадцать шесть лет – клавишника, Андрея Шилова. У него за спиной многие годы участия в разных группах. Он знаком с такими недосыгаемыми (для нас) звёздами, как Чепыжев и Кеслер из «Мозаики», Хабазин из «Весёлых ребят», Воробьёв из «Музыки», Малежик и многие другие. Возраст и авторитет заставляют принять его условия – номинальный руководитель группы, при этом я отвечаю за музыку. В тот же день он зовёт нас в гости, где нас ждёт ещё один взрослый – двадцать три года – гитарист Витя Гожев. Оказывается, они несколько лет играли в ансамбле «Гусляры», потом распались, потому что Витя ушёл в армию, солист Юра Лыков – в оркестр «Современник» Анатолия Кролла, остальные кто куда.

Витя, вернувшись из армии, решил с музыкой завязать, пошёл водить большегрузы, женился на вокалистке той же группы, родил и жил – не тужил.

Однако Шилов, познакомившись с нами, лично увидев «Биг», решил вновь свернуть его с пути истинного, для чего и пригласил на взаимосмотрины.

Тот сначала ни в какую: мол, своё отыграл, другая жизнь, типа взрослый. Шилов подмигивает нам, а Витьке говорит: «Ну и чёрт с тобой! Не хочешь, не надо, а мы с ребятами попоём немного». Садится за пианино, мне даёт гитару и начинает играть что-то песняровское. В какой-то момент, опять же подмигнув, берёт заведомо неверный аккорд. Витька, одиноко оставшийся за столом, аж взвизывает: «Неправильно!»

А Шилов ему:

– Ты, давай, к музыкантам не лезь. Наливай да пей, а нам не мешай!

– Так ведь неправильно!

– Где неправильно?

– Да вот здесь же! Дай гитару! Вот здесь!

– Ты чего, умнее всех? Может, ещё и поём тебе не так?

– Поёте, в принципе, нормально, но у «Песняров» здесь четырёхголосие.

– А где ж нам взять четвёртого? Ты же видишь, нас трое.

– Дайте подпою, сыграй ещё раз!

Пробуем на четыре голоса, несколько раз прокручиваем, звучит очень классно, чисто и звонко.

Вдруг Шилов говорит:

– Хорош фуфел гонять, время тратить на четыре голоса. Он сейчас по пьяни позабавится и свалит, а нам завтра всё по новой.

– Да не свалю я! – Витька понял, что зашёл далеко, и упавшим голосом: «Пойду звонить жене, вряд ли она согласится».

Я так разводить ещё не умею, поэтому влюблённо смотрю на них обоих, Шилов уже хохочет в голос.

Гожев выходит в коридор позвонить, возвращается ещё более озадаченный: «Лариса сказала, чтоб не валял дурака и сейчас же соглашался, все заботы о ребёнке она возьмёт на себя, но в перспективе мечтает присоединиться как вокалистка».

Проводим несколько пробных репетиций и посиделок. В связи с грядущими триумфами остро встаёт вопрос о названии. Шилов с Витькой предлагают вернуться к их историческому «Гусяры». С точки зрения рок-героизма, может, и не лучшее, но с учётом задачи штурмовать официозные верши-

ны вполне подходящее. Невольная ассоциация с «Песнярами» скорее льстит и подстёгивает, чем огорчает. С этим расстаёмся до сентября: у Зимина вторая попытка поступления в МИИТ, у нас каникулы.

Возникшая разновозрастность в группе неожиданно становится цементирующим фактором: нам есть чему поучиться у тех, кто старше, особенно в житейском плане – мы же, в сущности, совсем ещё пацанята. Наверняка накололи бы уйму дров и наделали кучу ошибок, от которых они нас уберегли. Мы, в свою очередь, прошибаем их своей юношеской энергетикой и максимализмом.

Момент их появления счастливым образом совпадает с решением Шлычкова уйти из группы, поскольку для него это всё-таки не более чем хобби и, как следствие, соответствующее отношение к репетициям, на которые он может прийти, а может и не прийти, не любит что-либо усердно разучивать, да и выпивает намного больше, чем мы, что вызывает не осуждение (сами не ангелы), но неудобства.

Так же закономерно именно в те дни заканчивается наша вольница на старой репетиционной базе. То ли соседи пожаловались на круглосуточную тусовку и шум, то ли председатель профкома с замдиректора по режиму помирились, но, придя однажды и открыв ключом входную дверь, мы едва не втемяшиваемся лбами в свежую кирпичную кладку, которой отныне заложена эта самая входная дверь изнутри.

Всё произошло удивительно вовремя. Место для репетиций у нас теперь на порядок лучше, а тусовки рано или поздно привели бы к неприятностям.

Тем более к Шилову в его три комнаты всегда можно прийти в любом составе и сочетании, а у домовитых и хлебосольных Гожевых нальют тарелку супа или займут трояк.

Всё лето мы с Киселёвым по старой привычке частенько наведываемся на школьный двор попеть. И вот однажды мы приходим к нашей любимой лавочке, где обычно собирается народ для приятного (наше пение) с полезным (портвейн по кругу из горла), и видим, что аудитория намного больше, чем обычно, а в середине наяривает какой-то худощавый малый с ярко-рыжими длинными патлами и гитарой. Мало того, что толпа полностью игнорирует наше появление, так и на наше приветствие недовольно оглянулись и зашикали. Ничего себе! От возмущения начинаем его слушать. Редкой силы голос, фантастическая игра правой рукой, заменяющая целую ударную установку, и бесконечный поток собственных песен. Немного неотёсанные, не до конца отшлифованные по тексту, но ёмкие, образные и... их безумное количество. Диапазон широкий – от тех, что парни ржут до колик, до таких, где девчонки плачут навзрыд – цепляет, гад!

Лёха Зимин был готов ночевать за барабанами

Аппаратура по тем временам HiFi. Стараемся соответствовать

Знакомимся. Андрей Якубов, кличка Рыжий, живёт где-то в Лефортово, сюда приезжает к знакомой девушке. Пел в группе, но всех остальных забрали в армию, а он откосил, потому что дурак (в смысле вовремя и правильно оформил справку из психоневрологического диспансера).

На тут же объявленное предложение влиться к нам вежливо поясняет, что, во-первых, через год его бывшие соратники вернутся, а во-вторых, он собирается исполнять только свои песни и ничто другое ему неинтересно. Исключение – несколько хитов «Deep Purple» типа «Highway star», «Child of time» и «My woman from Tokyo», которые он визжит достаточно близко к оригиналу.

В своих вокальных и авторских способностях он уверен так же, как и в собственном звёздном будущем. Мы диву даёмся, как ему хватает глотки совмещать трёхчасовые песнопения в верхней тесситуре с возлиянием и курением после каждой песни. В таком возрасте хочется верить в чудеса, поэтому допускаем, что стоим и разговариваем с будущим советским Джимом Моррисоном, если не с Элвисом Пресли. То-то все окрестные девчонки, вчера не сводившие глаз с меня и Киселёва, сегодня трутся около Рыжего, нарочито укоротив юбки и углубив декольте.

Об этом отдельно. Принятые тогда в одежде мини-стиль у девочек и максимально обтягивающий у ребят обязывает следить за своими фигурами. И очень сильно следить! Только через много лет сверх меры упитанные афроамериканцы (это на современном политкорректном языке, а в то время – толстожопые негры) придумают безразмерные майки, бесформенные штаны и бесполые балахоны, призванные снивелировать их неуважение к культуре собственного тела.

Так что будь добр, не запускай себя, если не хочешь оказаться в конце очереди вместе с не умеющими играть на гитаре и прочими лузерами.

К середине семидесятых московский хиппизм от ультракрайних ортодоксальных форм в виде длиннющих до пояса зелёных волос и широченных клёшей с вишитыми внизу штанин дверными щеколдами и/или горящими лампочками от фонарика переходит к более или менее человекообразному облику. Стремление обратить внимание на свою необычность и западность от внешнего перетекает ко внутреннему.

Появляется свой птичий язык, где русские слова заменяются склоняемыми и спрягаемыми английскими. В обиходе фразы составляются так: «Пит, рингани Бобу на флэт, у него пэреннты скипнули в кантри хаус, аск, можно ли френдам смитинговаться?» (Петя, по-

звони Борьке домой, у него родители уехали на дачу, спроси, можно с друзьями нагрязннуть?) Отсюда же имена: Сеня – Сэм, Миша – Майкл, Коля – Ник, Лёша – Алекс.

Добираются даже до Пушкина:

Три герлицы под виндом
Пряли поздно ивнингом.
«Кабы я была кингицей, – спичет фёрстая герлица, –
Я б на целый ворлд пиплов наткала бы трузеров».
«Кабы стала я кингицей, – секонд спикает герлица, –
Я б для модного пипла клёвый сейшн собрала».
«Кабы я была кингица, – спичет сёрдая герлица, –
Я б для батюшки кинга чилдренёнка бернула».
Онли выспикать успела, дор тихонько заскрипела,
Ин зе рум вошёл грейт гай, местной стороны кингай.
Ол зе тайм их разговора
Он стоял бихайнд забора:
«Лет ит би, пошли на фак!
Должен клёвый быть чувак!»

И так далее. Вершиной является гипотетическое школьное сочинение на английском языке про подвиг Ивана Сусанина:

«Форест, форест, форест... Энималз, энималз, энималз... Ин зе мидл оф зе форест из Иван Сусанин энд поляки. «Вэа из Москоу?» – аск поляки. «Ай донт ноу», – сэйд Иван Сусанин. Энд афтер ит поляки килд Иван Сусанин. Иван Сусанин из зе хиро оф зе Совет Юнион».

Необычайно популярны хиппи-анекдоты типа:

«Стук в дверь. Из-за двери голос:

– Кто там?

– Я!

– Я?»

Или такой:

«Летят по небу две половинки от крокодила – передняя и задняя. Передняя оборачивается и говорит задней: «Какая сегодня замечательная погода, не правда ли?» А задняя отвечает: «...!!!!» (Губами издаётся пердячий звук.)»

А вот ещё:

«Весна, майский лес, всё цветёт, сияет, пахнет. Летит восторженный воробышек и вдруг посреди всего этого рая видит сидящую на ветке обдолбанную вдупель ворону!

Он ей: «Привет, ворона!»

Она мотаает головой в сторону и возбуждённо громко каркает: «Та-а-м-м!!!»

Воробышек в непонятке, но летит в указанном направлении, летает-летает, ничего не находит и возвращается: «Ворона, а что там?» А ворона уже безучастно: «Где?»

И напоследок:

«– Дяденька-дяденька!!! Лифт ведь ещё не приехал!

– Х..йня-а-а-а!!!!!»

Также в моде классические фразы из сказок, но с другими окончаниями, типа: «Забросил Старик невод – и сидит на берегу, как му-дак... без невода». Или: «Посадил Дед Репу... Репу вышел и убил деда».

Из той же серии хиппи-четверостишия:

Я спросил электрика Петрова:

«Для чего тебе на шее провод?»

Ничего Петров не отвечает,

Только тихо ножками качает.

Там же:

Мне бабка выколола глазки,

Чтоб я в шкафу варенье не нашёл.

Теперь я не хожу в кино и не читаю сказки,

Зато я нюхаю и слышу хорошо.

Есть мини-анекдоты, например: «Колобок повесился».

Придумываются даже загадки:

«Под кроватью валяется, на «з» называется.»

Отгадка – пятнадцать копеек. А почему на «з»? Закатилась!

И загадка-апофеоз:

Что такое «Жужжит-летает, в жопу не попадает?»

Отгадка: советская машинка для попадания в жопу.

Любой политический анекдот предваряется фразой: «Мне тут одна сволоочь рассказала...»

Нравы и формы общения тоже любопытные. Легко и непринуждённо сколачиваются компании на один вечер (иногда плюс одна ночь), где молодняк охотно и с интересом общается, чтоб завтра расстаться навсегда. Как-то у меня в отсутствие родителей собирается несколько человек, кто-то куда-то кому-то звонит, и через час в квартиру набивается человек двадцать пять, которых я в первый (и в последний) раз вижу, мы курим, выпиваем, разговариваем о музыке, спонтанно разбиваемся на пары и утром прощаемся, не спросив телефоны. Никакой неловкости и сожаления – так принято. Те, кто решает остаться и зависнуть, – welcome!

Слегка прибираем квартиру и приступаем к операции «Хрусталь». Так называется сдача бутылок и другой стеклотары в специальные пункты приёма. В ходу шутивно-кощунственно переделанная фраза из Библии: «Время вскрывать бутылки и время сдавать бутылки». После хорошей вечеринки может скопиться двадцать-тридцать образцов пустой посуды: бутылки из-под пива (12 коп.), портвейна (17 коп.), «огнетушители» из-под шампанского и самого дешёвого портвейна (18 коп.), банки из-под огурцов (10 коп.), майонеза (3 коп.) и другие. То есть любимый тезис социализма про уверенность в завтрашнем дне напрямую проецируется в том смысле, что при всех раскладах утренний опохмел с бюджетом три-четыре рубля нам обеспечен.

Но это теоретический идеал, реальность жёстче. В пункт приёма всегда огромные очереди плюс берут не всю тару. Приёмщица придирчиво и брезгливо отставляет в сторонку бутылки с неотрванными этикетками, плохо отскоблённой фольгой и малейшим намёком на трещины и сколы у горлышка. Степень заискивания перед ней зашкаливает, осанка и повадки этой дамы соответствуют английской королеве, неожиданно и плотно подсевшей на «Беломор».

В её руках судьба и здоровье подданных на ближайшие часы. Сама она до прямого общения не опускается, совместные старт-апы и бизнес-проекты невозможны, хотя коррупционные схемы прослеживаются. Несколько явно приближённых ко двору джентльменов, снующих туда-обратно через служебную дверь, подходят к озадаченно стоящим с непринятой тарой (обычно половина от принесённой) аккурат в момент осмысления серьёзных недоимок в уже спланированный и распределённый бюджет.

Сочувственно поцокав языком, они ещё раз осматривают неликвид и предлагают забрать всё оптом (кроме действительно покоцан-

ного) на две-три копейки дешевле номинала, за счёт которых они и закроют проблему. Ура! Солнце опять светит!

Зажатый в кулаке трояк (плюс-минус) позволяет направить стопы в близлежащую пивную-автомат, где кипит-бурлит насыщенная и разнообразная жизнь. И там-то мы уже не униженные-оскорблённые, а полноправные участники процесса во всех его проявлениях. Главный прикол в том, что московские пивные той поры с абсолютным пьянством связь имеют минимальную. Сюда не ходят, чтоб напиться. Скорее, напротив – сдемпфировать и минимизировать возможные протуберанцы. Личные автомобили как сдерживающий фактор отсутствуют, кафешек-кофеен тоже мало, бары-рестораны предполагают длительное и финансово-ёмкое погружение в прозаическую романтику. Поэтому все ходят в пивную «по кружечке».

Их по городу в шаговой доступности навалом. Официальных названий и даже вывесок они не имеют, народу приходится брать топонимику на себя. Отсюда «Семь ветров», «Три ступеньки», «Три поросёнка», «Пани Моника», «Грибки», «Пиночет» и так далее. Сюда приходят в мороз – согреться, в жару – остудиться, в дождь – обсохнуть и при необходимости очухаться после вчерашнего с риском уйти в сегодняшнее. А также: поделиться новостями и обсудить проблему, обуздать зашкаливавшую радость и извести нахлынувшую смурь, расслабиться и успокоиться, доказать правоту и выслушать оппонента, уважить авторитетное мнение и выдвинуть свою гипотезу. Здесь могут столкнуться начальники и подчинённые, рядовые и офицеры, спортсмены и болельщики, врачи и больные. Это чистилище, откуда через час-полтора есть два пути – вернуться в прежний формат, домой, к друзьям, на футбол, в театр или уже до конца отпустить ситуацию – через тернии ближайшего гастронома напрямик к манящим звёздам в виде свободного дрейфа по волнам незаданного и непредсказуемого (вру, вполне предсказуемого).

Лет через двадцать я выиграю импровизированный конкурс в спонтанном журналистском застолье: кто одной фразой сможет описать и передать суть тех волшебных заведений. Моя фраза была: «Повторять будете?» Расшифрую. По периметру всего зала вместо столиков прибиты полки, на которых стоят пустые кружки. В пиковые моменты (обед и по окончании рабочего дня) народу набивается под завязку и пустых кружек не хватает.

Вот и образуется посреди зала движущаяся по кругу общность страждущих, спрашивающая у каждого, если в кружке остаётся меньше половины: «Повторять будете?» Получивший отрицатель-

ный ответ деликатно пристраивается рядом в ожидании, остальные продолжают циркулировать до следующей удачи.

Заимевший кружку сначала занимает очередь к окошку в стеклянной перегородке, за которой, собственно, открывается светлый путь к уже близкому счастью. Здесь можно разменять возделенные двадцатикопеечные монеты, на которых и работают автоматы, взять нехитрую закуску – солёные сушки, хрустящий картофель в пакетах, невкусную, твёрдую и вонючую копчёную рыбу, варёные яички, плавленые сырки (последние две позиции в основном для тех, кто предпочитает пиво «с прицепом» – водкой или портвейном).

Остается только помыть кружку, для этого переворачиваешь и ставишь на специальную круглую платформочку прямо в автомате и давишь сверху, что вызывает фонтанчики струек внутри кружки и чуть-чуть снаружи. Типа помыл.

И только после этого бросаешь монетку в щель – и через десяток секунд первый глоток, как первый поцелуй!

Курить запрещено, но можно, дверь в туалет тоже неподалёку, поэтому букет ароматов соответствующий и стандартный для всех подобных заведений. Его, правда, замечаешь только при входе, потом принимаешься.

В наши продвинутые псевдоумные времена социальную значимость тех пивнух можно определить как институт общественных коммуникаций, где легко и ненадолго знакомились, рассказывали анекдоты, шёпотом распространяли слухи и сплетни, делились узкопрофессиональной неафишируемой информацией.

Здесь от священников мы узнали, что скоро тысячелетие крещения Руси, от врачей – про новую страшную болезнь СПИД, от милиционеров – про орудующих маньяков и беглых рецидивистов и так далее. Были и вечные темы: когда помрёт Леонид Ильич и кто будет следующим тренером сборной СССР по футболу. При этом внешнее общение вовсе не обязательно, можно в своём кругу обсудить новые песни, прошедшую репетицию, перемыть кости отсутствующим членам коллектива и помечтать о грядущих триумфах.

С часу до двух окошко закрывается на обед, и вот тут на авансцену выходят багроволицые персонажи, занимая позицию у того самого окошка. Благодаря им всяк припёршийся с бумажным рублём и обнаруживший, что наменять двадцарики негде, даже не успевает расстроиться.

К вашим услугам! Приветливые алкаши решают вопрос – правда, на рубль дают четыре монеты. Да разве это проблема? Менты их не трогают и не посягают на их гешефт, даже разменивая для себя.

А ещё говорят, что ничего святого не осталось у нашего народа! За этот час персонажи успевают наскирдовать прибавочной стоимости на весь оставшийся день и на всю свою разросшуюся после обеда компанию. Есть и другие, ещё более экзотические формы заработка. В знаменитой «Ладье» на углу Столешникова и Пушкинской (ныне Б. Дмитровка) по залу всегда бродит в сопровождении многочисленной свиты худощавый малый, предлагая всем трёхрублёвое пари: он выпьет кружку быстрее, чем любой из вас половину. Его все уже знают, и пари заключают не из азарта, поскольку шансов нет, а ради зрелища. Оно того стоит! По команде «На старт! Внимание! Марш!» он ещё какое-то время насмешиво смотрит на булькающего с выпученными глазами соперника, потом вдруг распахивает огромную пасть, несоизмеримую с его габаритами, и первым отработанным движением вплёскивает туда сразу примерно три четверти кружки и, бросив ещё один ласковый взгляд на оппонента, закидывает остаток небрежно-эффектным кистевым взмахом руки. С чем сравнить этот взмах? Так футболист, обведший вратаря, вколачивает мяч в уже пустые ворота. Так преподаватель, выведя сложнейшую формулу, ставит точку мелом на доске. Так стриптизёрша сбрасывает на пол последнюю деталь одежды. Собственно, за это и платят. Стыдно вспомнить, но мы подняли на смех и весь вечер злобно подкалывали малознамого чувака, вернувшегося из Львова и рассказавшего, что там случайно встретившиеся на улице приятели заходят в ближайшее кафе или бар на чашечку кофе. Мы, идиоты, ржём весь вечер, импровизируя и стебясь вокруг одного вопроса: «Кофе-то зачем?»

Обычная норма потребления, если зашёл ненадолго и ненароком, – две-три кружки. Это как бы не ломая график остального дня и не отрываясь от дел. Если поход спланирован и торопиться некуда, то четыре-пять-шесть... После этого, как уже сказано, момент истины. Уходя – уходи!.. или оставайся. Дальше всё как по книжке: сброс по рублю – по два, кто-то, пока остальные стерегут кружки, сбегает в ближайший магазин и снабдит честную компанию всем необходимым для следующего этапа. Пока при памяти, надо решить главный вопрос – сколько и чего брать.

Выбор, собственно, невелик – портвейн или водка. Если портвейн позволит остаться в статусе выпившего человека, углубит разговор, отточит формулировки и, несмотря ни на что, принесёт душевность в общение, то водка – это уже, как говорится, до первой крови. Поскольку решение принимается осознанно, ещё на берегу, то лучшие всего сразу выстроить алгоритм дальнейших действий, страхующий от вляпывания в неожиданные и неприятные ситуации.

Здесь советский принцип «Своих не бросать» работает чётко. В метро хоть под руки, но заведут, на крайняк посадят в такси, самых ослабевших проводят до дома.

После пива мы водкой не догоняемся никогда. Во-первых, дорого. Во-вторых, не пьём ради нажраться. В-третьих, водка нарушает витающую в воздухе позитивную гармонию. Мы даже находим этому физиологическое объяснение. Если портвейн, плохой или хороший, всё-таки пьётся с ощущением вкуса и аромата (точнее – запаха), то водку приходится вонзать в себя. Не рассчитан организм на добровольное восприятие, приходится осуществлять насилие. А уж он в порядке самообороны выделяет адреналин – отсюда агрессия, беспричинная злоба и мозги набекрень – такой вот экстрим. С водкой, но без пива, связано другое, напрочь исчезнувшее из жизни и труднообъяснимое сегодня явление под названием «Сообразить на троих». Это полный антипод пивных. Никакого общения, зарождающейся дружбы и прочих побочных явлений. У винных магазинов стихийно кучкуются незнакомые мужики-одиночки, которые просто хотят после работы засосать стакан водки и с миром пойти домой. Обычно даже не знакомятся, отношения заканчиваются, не начавшись.

Водка дорогая, сэкономленного рубля, выданного женой на обед, самому купить не хватит – бутылка-поллитровка стоит два семьдесят семь, да и много это для одного. А вот на троих, по рублю и по неполному стакану – самое оно.

Итак, сначала спонтанно обнюхиваются два одиночества и уже вдвоём фильтруют вновь прибывающих вопросом: «Третьим будешь?» Тройки комплектуются быстро, на оставшиеся от трёх рублей тринадцать копеек берётся четвертушка чёрного хлеба и либо несколько килек, либо кусочек колбасы, а чаще ничего. Откуда-то достаётся или одалживается гранёный стакан, наполняемый три раза почти до краёв и по очереди предлагается участникам процесса. После чего – вежливое «спасибо» и каждый своей дорогой.

Для наших гиперболитических натур это дико, но «не суди других...». Есть умельцы, которые разливают водку в стаканы на слух, по булькам. Оказывается, откупоренная и направленная строго вертикально вниз бутылка опорожняется ровно за двадцать восемь булек, не больше и не меньше. Так они успевают эти бульки считать и вовремя прерывать наливалово. Таких уважают и за твёрдую руку уступают лишнюю, двадцать восьмую бульку.

Главное отличие застолий разных эпох состоит в соотношении стоимости выпивки и закуски. Пируют в основном дома, еду готовят сами, и спиртное составляет шестьдесят-семьдесят про-

центров расходов. Скажи в то время кому-нибудь, что недопитый и оставленный на столе алкоголь через двадцать лет будет в порядке вещей. Мигом отправят во Львов кофе пить!

Если к концу не хватает, то бежим в ближайший ресторан (до полуночи) либо (позже) едем к специально стоящим таксистам у метро «Парк культуры» или у Аэровокзала на Ленинградке.

Глава III. Первые успехи (1975 – 79 гг.)

Пока в районе - но уже лучшие

В таких забавах и наблюдениях проходит лето, и с сентября мы начинаем серьёзно репетировать. Впереди – конкурс ансамблей Куйбышевского района города Москвы. Задача – выступить достойно. А почему нет? Состав стабильный, ровный по уровню, поём на голоса уверенно, аппарат хороший. Чтобы не петь комсомольские песни или петые-перепетые шлягеры, делаем обработку нескольких русских народных песен, и это нас по-настоящему увлекает. Знакомимся и приглашаем второго гитариста – Игоря Будённого, правнука героя гражданской войны.

До гитары он занимался в школе по классу домры, что немедленно пускается в ход вместе с ложками, рожками и аккордеоном, которым, как выяснилось, здорово владеет Гожев. Готовимся к конкурсу,

1976 г. В такие костюмы нас одевали на заводе им. Куйбышева

стараясь, волнуемся, переживаем. И не зря. Выглядим на две головы выше любой из двадцати участвующих групп, и первое место достаётся практически без борьбы, что даже немного разочаровывает. За счёт включения натуральных инструментов и минимальной, но яркой театрализации у нас очень выигрышным выглядит блок русских песен. Стараюсь избегать слова «народных», так как не понимаю смысла. Это что, в какой-то момент народ поднялся и давай всем миром песни писать? Ведь нет же! Каждую так называемую «народную» песню писал конкретный человек, имя и фамилия которого до нас не дошли. Так вот и надо писать – песня такая-то, автор неизвестен. По-моему, так справедливее.

После конкурса акции наши взлетают. Теперь мы уже выбираем время для репетиций, а остальные подстраиваются. Мероприятия районного масштаба без нас не обходятся. Мы пока рады самому факту пусть даже бесплатных выступлений на всё более приличных площадках, полных зрителей.

Деньги, правда очень скромные, мы зарабатываем на свадьбах, выпускных вечерах и на танцах. Всё складываем в кубышку, которая тратится на всякие причиндалы, способные хоть как-то улучшить звучание и сценический комфорт. Например, микрофоны из нашего комплекта ни к чёрту не годятся. Они свистят, пердят и звучат отвратительно. Приходится покупать на Неглинке, а там один более или менее приличный стоит, как наше выступление. Та же история с проводами, штекерами, микрофонными стойками, звуковыми педалями, пластиком для барабанов и ещё кучей всего, что отравляет жизнь и опустошает кассу. Это всё постоянно рвётся, ломается, разбивается, а иногда и ворует. Неизбежные издержки жанра – всё время что-то выискивать, покупать, обменивать, бегать по музыкальным магазинам, в которых ни хрена нет, в надежде, что случайно наскочишь на какой-нибудь аксессуар. Сейчас я очень редко захожу в современные музыкальные салоны: во-первых, теряюсь перед ассортиментом – выбор струн, усилителя или провода способен на полдня решить проблему досуга, а во-вторых, до сих пор душит досада за свои искорёженные пальцы, ненайденные звучания и все глупости, которые мы совершали и о которых стыдно вспоминать. Так, например, я был поражён, насколько быстро, ровно и чётко играет клавишник повторяющуюся фразу во второй вещи из пинкфлойдовского альбома «Dark Side of The Moon» – там, где на эту фразу нанизана какофония, заканчивающаяся взрывом. Каждому, кто предлагал себя в качестве клавишника, я, в свою очередь, предлагал в качестве теста выучить эту фразу и выдерживать хотя бы минуту, стоя рядом с секундомером и глядя, как, жопа

в мыле, глаза из орбит, соискатель, потя, устремляется в погоню за «Pink Floyd» на отечественном электрооргане «Юность». Ну не мудак ли я? Немудрено, что этот кастинг никто не прошёл, особенно с учётом того, что в оригинале на клавишах никто не играет, а просто запущен неведомый для нас тогда звуковой приборчик под названием «секвенсор».

Та же история со знаменитым вокализмом после песни «Time» с того же альбома. Поскольку Лёшка Киселёв поёт только в славянской манере, а меня постоянно свербят бесы Запада, я размышляю, как бы это соединить, и исподволь просматриваю вокалистов. Так вот, из многих претендентов один абсолютно точно воспроизводит партию, которую, как опять же через много лет выяснится, поют по очереди три девушки-негритянки. По этому поводу очень точно подходит высказывание замечательного композитора Андрея Мисина: «Господи, как же много нам пришлось додумывать за «Пинк Флойд!»

Параллельно внедряемся в музыкальную тусовку, не пропускаем ни одного мало-мальски значимого концерта или сейшена. А посмотреть время от времени есть на что. Не такой уж это беспросвет. В Москве выступают «Червоны гитары», «Брейкаут», «Локомотив ГТ», «Омега», «Пирамиш», «Скальды», Чеслав Немен, великолепные джазовые коллективы – от всемирно знаменитого оркестра Дюка Эллингтона до польских Адама Маковича, Збигнева Намысловского и многих других. Джаз вообще в это время перестаёт быть «Музыкой толстых» и переживает творческий расцвет, совпадающий с окончательной легализацией. Каждый год в ДК «Москворечье» проходят знаменитые джазовые фестивали, где выступают все и в разных сочетаниях: «Мелодия», «Аллегро», «Каданс», «Арсенал», трио В. Ганелина – очень клёво и суперпрофессионально. Попасть на эти концерты невозможно, но удаётся.

В нашем жанре безоговорочно лидируют «Песняры», хотя очень здорово выглядят молодые «Ариэль», «Модо», «Апельсин», «Весёлые ребята», «Цветы», «Музыка».

На официальных афишах слова «рок-группа» ещё не увидишь, зато постоянно проходят подпольные именно рок-концерты. Многие ещё поют на английском, но уже есть русскоязычные «Машина времени», «Високосное лето», «Аракс», в самом соку «старички»: «Скоморохи», «Оловянные солдатики», «Мозаика».

Причём та же «Машина» пока ещё «одна из». Они только насаждают свою созерцательно-нигилистическую эстетику в жизнерадостный и просветлённый дух музыкальной Москвы, основанный на бардовской культуре шестидесятых. Те же «Мозаика» с «Оловянными

солдатиками» выглядят гораздо более московскими. Другое дело, что Макаревич чутко и вовремя улавливает изменения в настроении и мировоззрении молодняка, находя для него точные образы-символы. А вовремя добавленный оптимизм Кутикова и Подгородецкого приведёт группу к фантастическому успеху начала восьмидесятых.

Опять по лезвию бритвы...

Это герои андеграунда таким, как мы, руки не подают, да мы и не сильно паримся по этому поводу. Играем всё лучше и лучше, потихоньку обрастаем связями и знакомствами. Наше руководство уже нацелено участвовать в городском конкурсе, объявленном на конец семьдесят шестого года, и мы не будем там мальчиками для битья. Я пробую писать песни, вроде начинает получаться, одна из них – «Ноченька» на стихи Есенина – хоть и пропитана насквозь песняровщиной, но в любом случае наша собственная, которая хорошо играет и ещё лучше поётся.

«Ноченька»

Жутко доканывает учёба. То, что поначалу привлекало, сегодня сильно надоедает. Особенно график, понедельно чередующий дневные и вечерние занятия. Это же всё нужно увязывать с репетициями и концертами и на «вечерней» неделе к восьми утра переться в свой экспериментальный цех, где мне уже точно в роли слесаря делать нечего. Устаю так, что невольно становлюсь героем эпизода, вошедшего в историю. А именно: однажды я пошёл гулять с собакой, а собаку дома забыл. Дело было зимой, поздно ночью прихожу замёрзший и голодный с репетиции, только успеваю раздеться, как выходит мама и просит погулять с собакой. Чертыхаясь, напяливаю опять на себя зимнее и спускаюсь во двор. Курю у подъезда с поводком в руках, думаю о своём. И вот понимаю, что как-то не так, чего-то не хватает, а сообразить никак не могу! А когда, наконец, соображаю, мама, рыдая от смеха, выносит из подъезда на руках четвероногого ухмыляющегося мерзавца. Мне кажется, он тоже ржёт.

Но вообще смешно далеко не всегда. Мы с Киселёвым потихоньку начинаем понимать, что музыка для нас уже не просто увлечение-хобби, а часть жизни, которая не отпустит. И с каждым семестром всё более сложная учёба в институте нам попросту не нужна. Впереди маячили жуткие предметы типа «Теории электромагнитного поля», «Электрических цепей» и прочие основы радиостроения. Плюс полнейшее отсутствие студенческой жизни, помимо учёбы и пьянок, по-

скольку для института мы работники, закреплённые за предприятиями, а для предприятий – студенты.

Стало быть, ни вечеров, ни фестивалей, ни походов – ничего! Даже стройотряда и выездов «на картошку»!

Заканчиваем – я второй курс, а Лёха третий. Он-то мне первый и сказал: мол, ты туда не ходи, не фига на третьем курсе делать. Давай лучше подумаем, куда свалить. Почти всё лето прочёсываем институты, но где-то нам не нравится, где-то мы не вызываем доверия, где-то сильно не совпадают программы.

И вот новая напасть: НИИ, где мы работаем, переходит на почти стопроцентный офицерский призыв после института, что усугубляет ситуацию, доводя нас до отчаяния. Первое сентября не за горами. В один из последних дней августа бредём пешком от «Белорусской» ко мне на «Сокол», с ужасом понимая, что ничего с переходом не получится. Проходим «Аэропорт», сразу за которым МАДИ (Московский автомобильно-дорожный институт). Ну он-то точно не по нашему профилю. Хотя... Почему не зайти? Смотрим списки факультетов: всё связано или с машинами, или с дорогами. Есть, правда, ГСУ – «Гидравлика и системы управления». Гидравлика, понятно, мимо, но что там за системы управления? Заходим, выясняем, что есть специальность АСУ (Автоматизированные системы управления), отдалённо перекликающаяся с нашей.

Идём к декану – он, к счастью, на месте. Беседуем, рассказываем о себе. Он неожиданно и активно реагирует на наши музыкальные успехи. Оказывается, каждый год в институте проходит весенний фестиваль искусств, и факультеты очень азартно и старательно стремятся в нём победить. Декан вызывает помощницу, которая говорит, что в одной группе АСУ освободилось два места: одна студентка ушла в декрет, а ещё один эмигрировал. Нам предлагается до шести часов тридцать первого августа принести документы и в течение первого семестра досдать недостающие предметы.

Нехило! Сегодня двадцать девятое. Игра в гусарскую рулетку. Если где-то сбой, не дай Бог, то идти нам с Лёхой обратно, от «Сокола» до «Белорусской», только уже строевым шагом, с повесткой в зубах, напрямик в райвоенкомат на Бутырском валу.

Узнав, что мы уходим, начинают издеваться. В институте говорят – сначала увольняйтесь с работы, на работе – сначала отчислитесь из института.

Весь день тратим на беготню и тщетные попытки преодолеть этот пинг-понг. Не получается! Только утром следующего, последнего, дня нас милостиво соглашаются быстро уволить с работы, но что значит

быстро? В любом случае – заявление, обходной лист, сдача казённых инструментов, расчёт и прочее. Часам к трём справляемся, забираем трудовые книжки, что влечёт автоматическое отчисление из института без обратного хода. Мосты сожжены. Сломя голову несёмся в старый деканат за документами. Там переживаем один из самых страшных моментов в жизни! Женщина, у которой они хранятся в сейфе, полчаса назад уехала на дачу и до конца недели не вернётся.

Время полпятого.

Пи..дец за индексом «Полный»!

Доигрались со своим авантюризмом! Молча курим у входа (точнее, теперь уже у выхода), говорить не о чем и незачем, винить тоже некого. Всё сами придумали, рассчитали и почти осуществили. Почти... В армию охотно берут с незаконченным высшим образованием!

Но кто-то в этот день нас ведёт за ухо! Ведь не ушли сразу, остались курить. Короче, через десять минут появляется та самая Тётя-Мотья, потная и злая, потому что забыла на столе ключи. Пытается от нас отмахнуться, но мы жалобно-неумолимы, в глазах настоящие слёзы, и до неё доходит происходящее. Включается непонятно откуда взявшаяся почти материнская доброта, она смотрит на часы, охает, бежит наверх, мгновенно оформляет документы и... даёт три рубля на такси. Ну, три рубля у нас и у самих есть. Как в плохом кинофильме, без двух минут шесть мы влетаем в наш новый деканат – зачислены!

...И опять удачно!

С первой же минуты, едва переступив порог, ловим ощущение – это наш институт! Всё кипит, студенты на позитиве, преподаватели доброжелательные, секции, кружки, спорт, тусовки – всё, чего мы не видели в прежнем заведении. Там мы были чужие среди своих, свои среди чужих, в МАИ к нам относились как к чужеродным, потому что работа в НИИ считалась главным, а сюда только приходили на занятия. На работе, наоборот, мы считались не полноценными сотрудниками, а, в первую очередь, студентами и ни в какую общественную жизнь не втягивались. Да и какая жизнь в полувоенном, строго засекреченном предприятии, кроме профсоюзных путёвок в санатории и пансионаты? Поэтому пивная «Три ступеньки», равноудалённая географически от не ставшего родным учебного здания и НИИ, не ставшего родным дважды, заменяла имеющийся в каждом институте «сачкодром», где назначались встречи, прогуливались занятия и обсуждались курсовые.

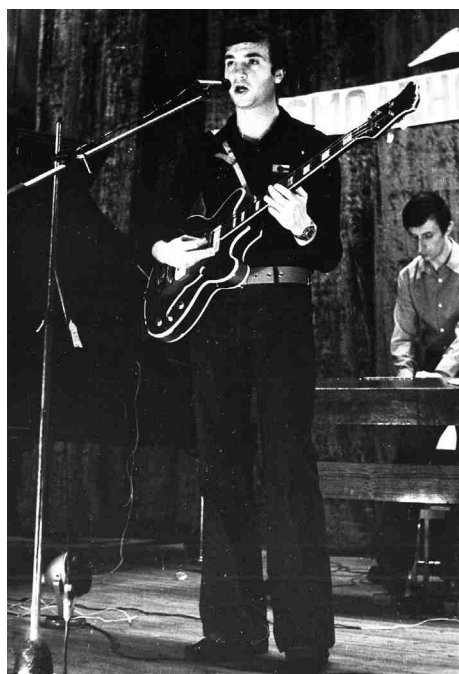
А здесь всё ходит ходуном, мы моментально и плотно вписываемся во всё формальное и неформальное. Музыка является приоритетным фактором для самопозиционирования, выстраивания отношений и просто общения. Выясняется, что в институте порядка двадцати ансамблей и главное тусовочное место – актовый зал с репетиционными комнатами – постоянно бурлит от музыкантов, их друзей, подруг и просто всех, кто на огонёк.

Два коллектива заслуживают внимания. Один – считающийся лучшим в институте (пока!), где ребята старательно играют по нотам, расписанным их руководителем Валей Гуминским. Валя очень строг, дотошен, но на первой же выпивке за знакомство демон-

стрирует свою коронку. У него очень длинный и плоский нос, он берёт банку с солёными помидорками, выливает воду, наклоняет голову так, что нос становится маленькой полочкой, переворачивает банку, выкапывает помидорку на нос, а уж потом скатывает её в тарелочку.

Из его группы четыре человека впоследствии перейдут к нам, да и он сам какое-то время будет нашим клавишником. Но пока он заведует клубом, руководит группой и заправляет всей музыкой, то есть репетициями и выступлениями факультетских ансамблей. Они все никакие, кроме одного, слабенького по уровню, но очень интересного по задумке. Это первый в Москве ансамбль, играющий кантри. Его лидер Серёга Сенчило из Петропавловска-Камчатского помешан на американской сельской музыке, для нас ещё диковинной, и с нуля поднимает коллектив «Орнамент», который, как и мы, институтом не ограничится и через много лет и пертурбаций вырастет в знаменитую «Кукурузу». Нравится – не нравится, но они все нам не ровня, что подтверждается на первом же студенческом вечере, в котором мы участвуем, готовясь к Московскому конкурсу.

У нас хороший аппарат, костюмы, какой-никакой, но сценический опыт. По крайней мере, во время пения мы научились смотреть на зри-

1977 г. Весенний фестиваль МАДИ. На клавишах – Валя Гуминский – тот, который помидорчик из банки носом мог достать

телей, а не в пол или потолок. Студенты признают нас безоговорочно, и на грядущий конкурс мы с трудом выпрашиваем несколько десятков билетов, что явно недостаточно для желающих нас поддержать.

Конкурс проходит в ДК им. Горбунова (впоследствии – знаменитая «Горбушка»), а тогда вполне себе шикарный, ухоженный зал, где порядка шестидесяти групп, победители районных и студенческих фестивалей, в два тура показывают, на что способны. Естественно, полный бардак при подготовке. Все ходят мимо друг друга с петушиным видом и задранными носами. Те, у кого есть хорошая аппаратура, норовят выступить на своей, поэтому вся сцена заставлена комплектами, и сам чёрт не разберёт, кто на чём играет.

Авторитетное жюри с Юрием Саульским во главе отбирает двенадцать коллективов для второго тура. Мы волнуемся страшно, но отыгрываем гладенько и проходим в число лучших, чтобы через месяц во дворце МГУ уже окончательно распределить призовые места. Положа копыто на вымя, есть группы посильнее и поинтереснее. Та же «Мозаика» с легендами московского рока Ярославом Кесслером и Юрием Чепыжовым, играющими на «Динаккорде» и выглядящими настолько мощно, что нам пока в их присутствии сидеть тихо. Но это старый, проверенный, известный коллектив, а крышу всем сносит выступление «Цунами» – группы из ПТУ, где трое не очень сильных участников (бас, гитара и барабаны) выигрывают за счёт классного, ими же написанного материала, удачного использования примитивных, но точных световых эффектов, включения фонограмм с голосом диктора программы «Время», звуками улицы и военного сражения. Яркая фантазия и безупречный вкус.

Первый конкурс. Готовимся к выходу на сцену

1976 г. Готовимся к первому серьёзному испытанию – городскому конкурсу

1977 г. Звуковыми пультами ещё не нахло. Наши звукооператор Женька Поляков крутит ручки усилителей. Хоть так!

Для меня безумно полезный опыт – не только виртуозной игрой и пением можно побеждать. Запомним!

Ко второму туру расклад понятен. До победы нам не дотянутся, но мы уверенно делим места с четвёртого по шестое, получая первый в жизни диплом, хоть и третьей степени. На следующий день концерт Лауреатов, то есть каждая группа может оторваться по полной, играя в том числе фирменную музыку. В те времена это обязательная часть репертуара тех, кто участвует в официальных конкурсах и фестивалях. Своего рода оправдание и индульгенция – мол, вчера мы играли то, что положено и приносит победу, но настоящую музыку мы тоже играть умеем. Мы слаженно и красиво поём битловские «This Boy» и «Ask me why», после чего спускаемся в зал послушать «Мозаику», поделившую с «Цунами» первое-второе места, но в исполнении рок-н-рольной классики не имеющую равных. Это то самое поколение рок-пионеров, которым профессиональная филармоническая карьера нафиг не нужна. Выходцы из «золотой молодёжи», весьма успешно идущие по жизни, и музыка для них – самовыражение и кайф, а не кусок хлеба или вершина карьеры. К тому же любительский статус оставляет полную или почти полную творческую свободу. Взять, например, того же Ярослава Кесслера из «Мозаики». Умница, эрудит, кандидат химических наук, доцент МГУ – он в своё удовольствие написал кучу произведений, в том числе русское либретто рок-оперы «Иисус Христос – Суперстар», которая спустя годы будет успешно поставлена в театре им. Моссовета и станет едва ли не главным спектаклем-долгожителем.

Но пока он самозабвенно визжит «Honky tonk woman» роллингов, сопровождая этот шабаш характерными рок-движениями.

Рядом со мной сидит паренёк, слегка отрешённый от беснующейся толпы. На мой вопросительный взгляд он сокрушённо гово-

рит: «Как же так? Сегодня утром Ярослав Аркадьевич гонял меня, как kota помойного, на экзамене по химии, с позором выгнал и обещал вырванные годы, если не выучу, а сейчас передо мной же скачет типа Мик Джаггер. Моя психика не выдерживает».

Даю ему практический совет: придёшь на пересдачу, как бы незначай насвистывай или напевай тихонько «Satisfaction» – глядишь, разговор не о химии получится, по крайней мере, не с неё начнётся. Как в знаменитом анекдоте-загадке: «Как спасти девушку, которую насилуют два негра? Надо бросить им баскетбольный мяч».

А с Кесслером мы подружимся всерьёз и надолго. Классика жанра – он будет заходить ко мне домой где-нибудь в одиннадцать утра на кофеёк и уходить в четыре утра следующего дня, отменив все свои (и мои) дела, собрав компанию прибывшихся к нам пьяных и счастливых людей.

Всё выше!

Итак, конкурс завершается. «Гусяры» теперь на виду у всех городских структур, занимающихся самодеятельностью, – совершенно новая орбита, где мы востребованы в общемосковском масштабе. Нас берёт под крыло главный по любительским ВИА Валерий Эстеркесс из Московского дома художественной самодеятельности (в этом здании на Большой Бронной теперь синагога). Он довольно зло и едко описан

Концерт где-то на празднике чего-то. Внизу в очках Андрей Шилов, над ним с гитарой Игорь Будённый. Короткие причёски некоторых связаны с военной кафедрой в институте. Стоит второй слева Борис Львович Голубенко

Макаревичем в своей книге. На самом деле, Валерий Львович для своего времени – беззлобный, доброжелательный человек, охотно всем помогающий, особенно если есть возможность пристроить нуждающимся в такой помощи одну из своих восьми трудовых книжек.

С нашим директором Голубенко как-то договариваются, и он время от времени проводит с нами мастер-классы, заодно вставляя коллектив в мало-мальски заметные мероприятия. Тогда же мы впервые позитивно упомянуты в журнале «Клуб и художественная самодеятельность», что свидетельствует об авторитете и легализации.

Жизнь заполнена, расширяется круг нужных и просто дружеских связей. По-прежнему много репетируем. На весеннем фестивале в МАДИ наш факультет благодаря нашему участию вместо обычного пятого-шестого занимает первое место. На следующий день счастливый и растроганный декан приглашает меня с Киселёвым в кабинет, благодарит и объявляет, что в качестве награды за вклад в эту очень престижную победу мы в числе лучших студентов поедem на летнюю практику в Болгарию.

И это не всё. В клубе института проводится ревизия, выявившая недостачу музыкальных инструментов и аппаратуры, давным-давно проданных Гуминским на Неглинке. Валя реально потерял берега. Если под списание гитар и колонок он какие-то разломанные грифы и рваные динамики приволок, то на ударной установке терпение комиссии лопнуло.

Вместо большого и малого барабана он сунул им под нос два старых советских бонга, один из которых в самом деле немного больше другого, – типа, этот большой, а этот малый. Шума решили не поднимать, установку-таки списали, но Вале с помощником указали на дверь. Освободившиеся вакансии предлагают занять мне и Лёшке. Это классно, зарплаты по шестьдесят рублей (со стипендией выходит по сто в месяц, вполне прилично), работа «не бей лежащего» и свой кабинет в институте.

Гуминскому уже не до группы – она разваливается, и мы приглашаем клавишника Валерку Стаина, очень старательного, аккуратного и способного парня в помощь Шилову, который технически уже не тянет сложные партии. Его физический недостаток – сильное косоглазие – мы трансформируем в преимущество: сидя на краю сцены за органом, он вынужден постоянно поворачивать голову в нашу сторону, а зрители поражаются, как можно отыграть весь концерт, ни разу не взглянув на клавиши.

Из этой же группы остаются без дела три Лёшки: неплохой, очень фактурный барабанщик Зотов, вокалист Казаков и гитарист По-

пов. Мы иногда собираемся вчетвером поиграть битлов и криденсов («Creedence Clearwater Rivavel»), ловим кайф, но для объединения на постоянной основе время ещё не пришло. Хотя у Зотова, наверно, какие-то планы есть, он много времени проводит с нами и старается дружить. Казаков – парень с потрясающим потенциалом, от природы сильный и красивый голос с верхним диапазоном, расслабленным горлом и свободным дыханием – то, чему другие учатся годами. Самый смешной и интересный персонаж – это Попов, или в простонародье Попуся, с нашего факультета.

Попуся

В музыке – абсолютный слух, изысканный гитарный вкус, широкий вокальный диапазон, от басов до фальцета, битломан, знает и любит всё то, что знаю и люблю я.

Сюда входит и огромный пласт бардовского наследия шестидесятых-семидесятых. Кроме того, он ярый фанат ещё далеко не всеми узнанной и признанной «Машины времени». На том же самом фестивале он стоически вываливал на головы неподготовленных слушателей макаровскую гитарную меланхолию – «Флаги на башнях» и иже с ними.

В жизни же он вечный борец непонятно с кем, ярый поборник свободы непонятно от чего, готовый в любую секунду открывать новые дороги неизвестно куда.

Ещё одно его свойство – постоянно вляпываться в немыслимые ситуации.

Например, такая: Попуся два раза заваливает экзамен, его вызывает декан и строго официально предупреждает, что третья попытка последняя. Никакие музыкальные успехи уже не спасут, приказ на отчисление подготовлен. Осталось три дня на подготовку и после этого – пан или пропал. Попуся клянётся не есть, не спать, для него это уже не три дня, а семьдесят два часа, поэтому с целеустремлённым лицом быстрым шагом выходит из кабинета.

В первый же вечер с горя он напивается. Второй день и половину третьего пытается учить, к вечеру понимает, что поздно, осилить такой объём он не в состоянии, и обречённо гуляет по Тверскому бульвару, коротая время до неминуемой гибели. Там же случайно знакомится с милой, отзывчивой девочкой, которая весь вечер старается вывести его из петельного отчаяния и в конце концов приглашает его домой поиграть вместе на гитаре и попеть, благо живёт она рядом и дома никого нет. Попуся ошарашен такой лёгкой победой и не верит

своему счастью, но идёт. Девочка открывает дверь квартиры, включает свет и успевает прошептать: «Кажется, папа с дачи приехал», – как из комнаты выходит декан факультета.

Немая сцена на глазах ничего не понимающей девочки. После паузы – «Видите, Попов, какие фортели иногда выкидывает жизнь? Завтра мы увидимся, а пока я вынужден предложить вам тапочки».

Почему я столько о них рассказываю? Потому что впоследствии все они придут в группу, а Зотов и Попов оставят в ней очень заметный след.

Болгария

А пока мы едем в Болгарию. Курица не птица, Болгария не заграница – это понятно, но для первого зарубежного выезда вполне даже интересно. Тем более, всё, что называется практикой, сводится к единственной за двадцать дней экскурсии на какой-то завод. Всё остальное время мы смотрим страну и отдыхаем. Нашу группу из десяти человек составляют ленинские стипендиаты, победители студенческих научных олимпиад, комсомольские активисты и мы с Киселёвым. Руководит нами не старый, но подчёркнуто отчуждённый, необщительный и строгий доцент с кафедры.

Живём мы в Софии, в студенческой общаге, где дружим с очень весёлыми и гостеприимными болгарскими студентами. Однажды их русофильство вылилось, точнее, влилось в нас в виде неимоверного количества ракии, бренди и потом ещё каких-то вин.

Спать мы ложимся в восемь утра, а в полдевятого нас будят и тащат на официальный приём у ректора Софийского политеха, про который мы совсем забыли. Нас с Лёхой как-то собирают, во что-то одевают, куда-то сажают, зачем-то везут.

Приём торжественный, речь проникновенная, затем небольшой концерт институтской самодеятельности, после которого болгары вопросительно смотрят в нашу сторону. Мы с Лёхой делаем вид, что не понимаем, о чём речь, хотя гитары кто-то захватил и даже расчехлил. Но мы не то что петь, «мама» сказать не можем.

И вот здесь наш доцент с широкой улыбкой говорит: «Мы сейчас тоже что-нибудь придумаем». Слегка приобняв, отводит нас с Лёхой в сторонку и с той же широкой улыбкой, обращённой в сторону болгар, шёпотом чеканит нам на ухо: «Ё.. вашу мать! Пи..дюки сраные! Я ж вас не трогаю – пейте, сколько хотите, е..итесь, с кем хотите, делайте, что хотите, но на официальных мероприятиях соблюдайте быть огурцами. Выбор у вас невелик – или прямо сейчас искромётное вы-

ступление, или через три часа есть ближайший поезд на Москву, вещи собрать успеете!»

Не-не, на поезд не надо! Тёплые слова заменяют алкозельцер. Загруженные его призывом, мы хватаем гитары и выдаём такой концерт, что нам сверх программы дарят какие-то сувениры, а доцента приглашают в ресторан.

Покупать из шмоток особенно нечего, кроме нетрущихся джинсов «Рила» (что тоже неплохо). Зато раздолье в книжных магазинах. Всё, о чём у нас можно даже не мечтать, здесь лежит спокойнѣхонько: бери – не хочу!

Мы покупаем полные сумки почти на все деньги. Здесь и Есенин, и Булгаков, и много-много чего, в том числе пафосный четырёхтомник «Антология советской поэзии», где по двум-трём стихотворениям можно получить представление обо всех мало-мальски заметных стихотворцах. Мне, постоянно находящемуся в перманентном поиске стихов для музыки, это безумно интересно. Болгария отходит на второй план. И не зря. Впервые узнав о Рубцове, Самойлове, Когане, я натываюсь на поэму Дмитрия Кедрина «Зодчие» про храм Василия Блаженного, создатели которого были ослеплены по приказу Ивана Грозного, «дабы они... не поставили лучшего храма...». Пронзило насквозь, я сразу понял, что рано или поздно мы сделаем из неё нечто очень клѣвое.

Едва возвратясь в Москву, ещё мокрый, после душа, снимаю трубку зазвонившего телефона, и некий деятель сообщает, что ансамбль включен в Поезд Дружбы московских профсоюзов, который через месяц поедет в... Болгарию.

Концерт в Болгарии, в зале Центрального комитета Коммунистической партии с ведущими болгарскими мастерами искусств

1977 г. Первая поездка в Болгарию с «Поездом Дружбы». Слева направо: Валера Стаин, Лариса и Витя Гожевы, я, Лёша Зимин, Лёша Киселёв

Спасибо товарищу за наше счастливое детство! Обзваниваю народ, все рады, при этом Шилов заявляет, что он уезжает в отпуск, готовьтесь сами, а я вернусь к отъезду и включусь, после чего сваливает. Мы начинаем репетировать и прекрасно обходимся без него, что и закрепляется общим решением. Зато есть возможность взять Ларису Гожеву, вспомнив старые договорённости и одновременно закрыв тему протокольных песен, необходимых для мероприятий такого рода, типа «Катюши», «Я шагаю по Москве» и ещё какой-то на болгарском языке, в которых она охотно и хорошо солирует.

На концертах в Болгарии в дурацких русских костюмах, зато в Москву все вернулись в джинсах (молодым не понять!)

Поезд Дружбы... Болгария... Экстрим для печени

Восемнадцать дней переездов из города в город по всей Болгарии с остановками через каждые 2-3 часа, чтоб поднять тост за нерушимую болгарско-советскую дружбу и посмотреть местный фольклорный коллектив. Поэтому помним всё плохо, кроме нескольких очень удачных выступлений и женщин, ходящих босиком по горящим углям. Это так и осталось за пределами понимания.

Плюс ещё год. Польша. Slade

По приезде начинаем так впоследствии и не завершённую крупную форму, по сути написав новую музыку на балладу Андрея Якубова «Белая Роза» – легенду о Белом море, где злой колдун превратил влюблённую пару: парня – в море, а девушку – в розу на берегу этого моря. И когда через много лет волны моря достигли-таки розы – на берег вышли дряхлые старик и старушка. В общем, подростковая бредятина, но мы и были подростками, поэтому произведение захватило по полной. То была эпоха крупных форм – знаменитая «Орфей и Эвридика», песняровские «Песнь о доле» и «Ванька-встанька», ариэлевский «Емельян Пугачёв», «Алые паруса» ансамбля «Музыка»... А мы чем хуже? На главные роли приглашаем двух новых солистов – первокурсницу из нашего института Наташу Беляеву и Сашу Мартынова, единственного, кто прошёл кастинг, а именно – провизжал полностью пинкфloydовские вокализы из «Dark side of

the Moon». Саня (кличка Качум) ведёт абсолютно асоциальный по тем временам образ жизни: не работает, крутится в хипповой тусовке, а зарабатывает пением в церкви – дикость дикая.

Но поёт классно, ничего не скажешь.

По мере завершения работы над «Белой Розой» я, как ни странно, начинаю к ней остывать. Всё-таки текст уж больно самопальный, да и музыка не дотягивает. Она даёт неоценимый опыт в работе над крупной формой, тем более, во мне уже крепко сидит поэма «Зодчие» – действительно великие стихи. Никому ещё ничего не говорю, но втихаря набрасываю музыку.

Тем временем наши акции растут, мы везде желанны и даже позволяем себе отказываться от выступлений, на которые пару лет назад бежали бы галопом. В институте нас опять делегируют за границу, на сей раз в Польшу, в составе интернационального студенческого строительного отряда. Звучит? На поверку это десять человек, заслуживших поездку активным участием в жизни института. Командиром назначен Сергей Катырин (ныне Президент Торгово-Промышленной Палаты), а комиссаром... я! Ну да ладно, ответственность невелика, но Польша – весьма передовая страна, по крайней мере в музыке. Как пошутила бесстрашная Марыля Родович на одном из концертов в Одессе: «Мы все живём в одном социалистическом лагере, только в нашем бараке веселее». Кстати, за две недели не очень ударного труда на стройке какого-то коровника нам заплачены вполне приличные деньги в злотых.

Работаем мы почему-то бок о бок с польскими зеками, их охраняют полицейские с огромными деревянными кобурами. И как-то случилось, что мы теряем ключ от бытовки, в которой переодеемся. Вся стройка безуспешно носится в поисках запасного, пока кому-то не приходит в голову обратиться к охранникам: нет ли среди вверенного им контингента специалиста нужного нам профиля? Охранник добродушно кивает и кричит: «Гжегош!» Появляется Гжегош – низенький улыбчивый жулик в арестантской робе. Охранник ему по-польски ставит задачу, показывая на замок. Тот залиvisto смеётся, достаёт из кармана какую-то железячку, вставляет, как-то проворачивает – и дверь открыта.

Профессионал! Но это так, бытовуха. Фантастическим же событием становится посещение в Познани концерта «Slade», невесть как приехавших в Польшу, уже не на пике, но очень даже в силе. То, что они вытворяют на сцене, совершенно отвязные, по рок-н-рольному весёлые, абсолютно позитивные, в наших советских головах не укладывается. Фейерверк, ураган, смерч! Два часа суперкачественного, с бешеной энергией и клёвым звучанием рока. Я набираюсь наглости и какими-то немислимыми аргументами пробиваюсь к ним к гримёр-

ку. Коротко общаемся (для них это первый контакт с советскими), и все четверо расписываются в моей записной книжке.

Эти автографы будут меня поить на шару весь оставшийся год в качестве вещдоков. Каждый божий день меня в клубе ожидает новая аудитория с уже откупоренным портвейном: «Расскажи!» «Значит, дело было так... Стой-стой, куда столько? Спасибо, конечно, давайте за музыку! Значит, дело было так...», – ну и далее в лицах. Апофеоз – раскрытая на нужной странице записная книжка. Заканчивается это неожиданно.

Однажды меня прямо в коридоре стопарят несколько первокурсников, и один из них, наглющего вида, с ходу просит показать автографы «Slade». Я, ошалеv от такого беспардонного нарушения возрастной и междурсовой субординации, машинально выполняю просьбу. Этот беспредельщик выжидательно смотрит на остальных, после чего каждый из них протягивает ему рубль, и они сваливают.

Собираемся ехать на концерт “Slade”. Справа Сергей Катырин (ныне Председатель Торгово-промышленной палаты России)

Жестокие законы шоу-бизнеса

Но через десять минут я вознаграждён по полной. Поднявшись в клуб, застаю Сенчилу, слегка пьяненького, который взхлёб рассказывает Киселёву, что он знает в Москве Дом культуры, где есть два полных, новеньких, в заводской упаковке комплекта «Бига». Мы с Киселёвым, коротко переглянувшись, мгновенно превращаемся в Лису Алису и Кота Базилио, то есть с помощью припасённой бутылочки коеньячка и лъстиво-восторженных оценок их последнего концерта вынюхиваем-таки название учреждения.

Пугая Сенчилу случайной встречей с ректором в таком виде, предлагаем ему пару часов вздремнуть в нашем кабинете на ди-

ванчике, а сами пулей несёмся по указанному адресу, заходим к директору, представляемся и через десять минут бьём по рукам. Аппаратура на самом деле стоит на складе, в чужие неопытные руки отдавать её жалко, а тут мы, какие-никакие, а уже с

1978 г. Лёня Киселёв

авторитетом и багажом за спиной. Кроме аппарата, нам даётся в постоянное пользование довольно большая комната, где всё можно стационарно расставить и только втыкать-вытыкать рубильник в начале и конце репетиции. К тому же в этом Доме Культуры базируется и репетирует группа «Цветы» Стаса Намина – неплохое и интересное соседство. Не дыша от счастья, выходим на улицу: надо ехать в институт, будить Сенчило и как-то с ним объясняться.

Покупаем ещё коньяку, поднимаем его и издали втираем – мол, нафига кантри-группе, с их банджо, скрипками, погремушками и стиральными досками, два комплекта «Бига». Сенчило говорит, что и вправду не надо, но не отдавать же врагам! «А друзьям?!» Сенчило смотрит на нас трезвеющим взглядом, не в силах поверить в степень нашего коварства. Ничего не поделаешь – жестокие законы шоу-бизнеса.

Пытаемся обосновать, что нельзя было оставлять ситуацию без вмешательства, пока он спал. А вдруг бы кто-нибудь за эти три часа узнал и опередил? Зато сейчас аппарат уже в наших общих руках (что главное!), у нас есть технически грамотные ребята, способные качественно обеспечивать его работоспособность и в любой момент готовые его предоставить для выступлений и репетиций «Орнамента».

Сенчило постепенно приходит в себя: мол, почти убедили, но пять бутылок коньяка за наводку – отдайте и не грешите! Можно не сейчас. Да мы можем и сейчас. Нет, сейчас не надо – целее будут.

Вологда. Юрий Поляков

В сентябре горком комсомола просит заткнуть их дырку – съездить на неделю в Вологодскую область поддержать своим искромётным искусством уборку урожая в Нечерноземье. Нас освобождают от работы-учёбы, и мы едем.

Возглавляет делегацию некто Юрий Поляков – молодой московский поэт, но уже член Союза писателей и секретарь комсомольской организации. Столь серьёзный статус вызывает опасения, но Юрка ещё до отправления поезда мгновенно их рассеивает, первым выставив на стол в купе бутылку невиданного тогда виски. Защёлкали замки чемоданов, развернулась скатерть-самобранка, и в момент «Провожаящим выйти из вагона» поднимается первый тост.

Приезжаем в Вологду. Слякоть-слякотная. Нас не встречают. Как обычно – кто-то не дозвонился, телеграмма не дошла, конь не валялся.

Сами звоним местным комсомольцам. Они в шоке: какому идиоту пришло в голову в сентябре устраивать эту поездку, когда грязь непролазная, условий никаких и вообще... нам бы космонавта или киноактёра – возни меньше. Тем не менее оперативно селят нас в гостиницу – мы с Поляковым и Киселёвым оказываемся в четырёхместных апартаментах с удобствами в коридоре и каким-то торговцем мандаринами с местного рынка в качестве соседа.

Обещают завтра решить, как нас занять. Услышав такое, Саня Мартынов садится за телефон и начинает обзванивать близлежащие деревни с предложением организовать наши концерты.

Наутро прибегают радостные местные комсомольцы и с торжествующим видом сообщают, что ввиду того, что стало известно о наших попытках организовать левые концерты, руководство дало команду немедленно отправить нас в Москву с соответствующими сопровождающими письмами. И вот здесь Поляков, до того милый, улыбочивый, корректный, переходит на понятный этим придуркам аппаратный язык. Поставив их чуть ли не по стойке «смирно», выливает на них своё видение ситуации. Смысл в том, что вместо того, чтобы исправить все свои недоработки и быстро организовать хоть какие-то концерты, коль скоро мы уже здесь, они, ухватившись за какой-то, причём недостоверный, повод, пытаются окунуть нас в то, чем сами являются.

Через полчаса у него встреча с первым секретарём Вологодского областного комитета комсомола, просит местных далеко не уходить и не обижаться.

Куда всё девалось? Наши грозные оппоненты, скуля как щенки, едва не описавшись от страха, мямлят, что их опять ввели в заблуждение, и они готовы выполнить любые наши предложения.

Полякова уже не остановить – мы так ещё не умеем. Без единого бранного слова, практически не повышая голоса, он в качестве великой благодетели поручает им срочно организовать два-три концерта в городе и отправить нас домой с почётной грамотой и благодарственным

письмом. С этой минуты всё как по маслу. С Поляковым заружились крепко и на долгие годы. Уже став самым, на мой взгляд, заметным автором постперестроечной эпохи, уважаемым главным редактором «Литературной газеты», Юрий Михайлович при встречах всегда меня подкалывает несостоявшимся коммерческим туром, держа в цепкой писательской памяти все детали той поездки, включая нашего соседа-абхаза дядю Павлика – того самого торговца мандаринами.

Уже первые!

В те же дни узнаём, что в декабре очередной городской конкурс ансамблей, и наше новое руководство ставит задачу максимально достойного результата. Да мы и сами чувствуем, что уже созрели. Вот здесь я и достаю из рукава ту самую поэму «Зодчие» Дмитрия Кедрина, собираю коллектив, показываю сделанные к тому времени заготовки и предлагаю за оставшиеся три месяца навалиться и проделать необходимую работу, получив тем самым преимущество перед остальными за счёт литературного материала, отсутствия необходимости исполнять комсомольско-патриотические вирши и возможности создать многоплановое развёрнутое произведение, в то же время укладываясь в регламент выступления десять-двенадцать минут.

Народ целиком «за». Приступаем, хотя это в чистом виде авантюра. Мы репетируем отрывки произведения, в то время как оно написано едва наполовину. Ну ничего: глаза боятся, а руки делают. Пробиваем с Киселёвым свободное посещение занятий и, по сути, полностью забываем на учёбу: пятый курс – не выгонят.

Ни до, ни после я не был так захвачен музыкой. Я не ем, не сплю, любое вынужденное отвлечение от звучащей в голове композиции вызывает раздражение. Со мной в тот период трудно общаться. На все вопросы, не имеющие отношения к «Зодчим», отвечаю односложно и невпопад. Репетируем прямо с колёс, только что продуманные куски разучиваем, меняем на другие, ищем оптимальную форму всего произведения. Наконец, где-то за месяц до конкурса, в первый раз играем композицию от начала до конца, пригласив нескольких знакомых музыкантов, в том числе Кесслера и Стаса Намина.

Уж мы расстарались, сами того не замечая, работая изо дня в день, вставляя всё новые и новые придумки: церковные хоры, ростовские колокольные звоны, слайды, многоголосые красивейшие расклады с речитативами на их фоне, – нам самим уже трудно было изнутри оценить сделанное.

1978 г. Настраиваемся на победу в Московском конкурсе.

1978 г. За три часа до триумфа на московском конкурсе ансамблей. Наша супертехника и супертехники: Ванечка, Папа Толя и Мамай

И когда мы сошли со сцены в зал, наши гости долго сидели молча. Первым заговорил Кесслер: «Пацаны, давненько у меня мурашки не бегали. Я и не заметил, когда вы из искрящих, способных юнцов превратились в очень крепкий, изобретательный, талантливый коллектив. Думаете, сказал вам приятное? Нет, приятное скажу сейчас. «Мозаика», как всегда, обязана в таких конкурсах побеждать. Но сейчас я отчётливо понимаю, что нам нечего противопоставить тому, что вы сваяли. Самолюбие не позволяет нам быть вторыми, поэтому, придумав какую-нибудь уважительную причину типа подготовки к докторской диссертации, мы, пожалуй, с грядущего конкурса соскочим». Не сон ли это? Услышать такое от пафосного, вальяжного, всего уверенного в себе Кесслера – это серьёзно.

1978 г. Первое место среди двух тысяч московских любительских ансамблей. Слева направо: Валерий Стаин, я, Алексей Киселёв, Алексей Зимин, Наталья Беляева, Виктор Гожев, Александр Мартынов

Стас более сдержан, но и более конкретен. «Вижу вас чуть не каждый день, думал, шпана какая-то гитарно-подзаборная, а вы вон какие молодцы. Давайте, берите первое место, а потом поговорим. У вас есть все перспективы для большого будущего, я вам помогу». Первое место! Стас первым произносит вслух то, о чём мы, может, и мечтаем, даже верим в душе, но Стас сказал это настолько буднично и по-деловому, что вдруг до нас доходит – мы его займём. И нечего стесняться!

Оставшееся время до конкурса бесконечно гоняем композицию, выверяя темп, свет, фонограммы, слайды – чтобы, как говорится, от зубов отскакивало. Для верности обкатываем её на нескольких концертах – супер! Это уже новый уровень.

В первом туре порядка сорока с лишним групп, выступаем в конце второго дня.

Видимо, какие-то слухи уже прошли, к нам все относятся подчёркнуто уважительно. Осталось только убедить жюри в своей состоятельности. А председатель, на секундочку, великий Марк Фрадкин.

Но мы не зря столько репетировали – отыгрываем как здрасьте! Среди остальных групп есть лучше, есть хуже, но они обычные. А мы за счёт композиции сразу в другом измерении. Сохранилась чудовищная запись.

«Зодчие»

Во время перерыва ко мне подходит Марк Григорьевич Фрадкин: «Не знаю, как вас зовут, но хочу рассмешить. Я очень люблю эту поэму и в студенческие годы пытался положить её на музыку, но ничего толкового у меня не получилось. А у вас получилось. Поверьте, я получил удовольствие, поздравляю и с радостью жму руку. Не думаю, что на этом конкурсе у вас есть конкуренты».

Второй тур также проходит без сучка без задоринки. Всего допущено восемь групп: «Панорама» с потрясающим гитаристом Володей Санниковым и клавишником Владимиром Давыденко – музыкальным редактором Центрального телевидения. Такого качественного и интеллигентного исполнения рока мне раньше слышать не приходилось. К сожалению, Санников через пару лет погибнет в автокатастрофе, и на этом всё закончится.

Мощно выглядит военный ансамбль «Молодость», студенческий «Эльдорадо» и другие – всех не вспомнишь.

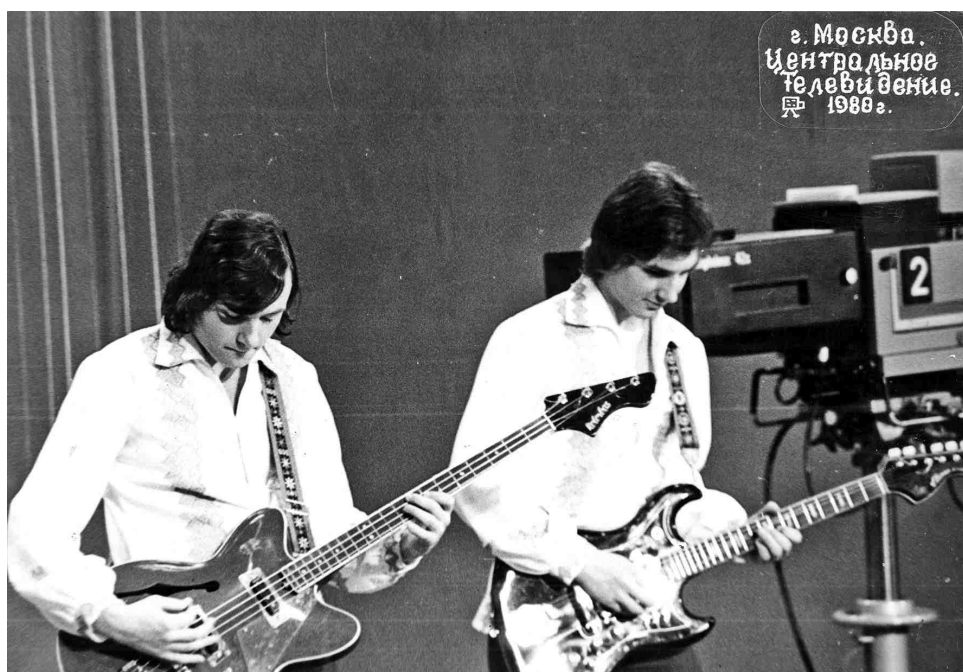
Объявляют итоги – мы первые! Первые!! Первые!!!

На следующий день по традиции – концерт лауреатов. И только здесь мы узнаём, на каком волоске всё держалось, по какому лезвию бритвы в игольное ушко мы прошли.

«Гусяры» с композицией «Зодчие» заняли первое место среди московских групп

Утром Саню Мартынова арестовали. Мы понятия не имели, что, прочухав систему организации подпольных концертов, он, не мудрствуя лукаво, накопил открыток, разрезал на четыре части, ставил какой-то штамп чего-то и продавал эти квиточки по пять рублей на якобы концерты «Машины времени», «Високосного лета», «Удачного приобретения» и другие сейшеновые рок-тусовки. Пару раз прокатило, а на третий его повязали.

1979 г. Первая съёмка «Гуляров» на ЦТ. В камеры смотреть ещё не умеем

Сашка потрясающе со своей бородёнкой, закатив глаза, визжал самый сложный и ответственный кусок композиции, где ослепляют зодчих.

И случись с ним беда днём раньше, не видать нам первого места, по крайней мере, так убедительно. А так в оставшиеся пару часов запираемся в какой-то комнате с пианино, перекидываем голоса, перераспределяем партии и кое-как из ситуации выходим. На все вопросы по Мартынову отвечаем: мол, заболел.

Дело сделано, победу уже никто не отнимет, Саню жалко, конечно, но это его путь, который он сам выбрал. Мы надолго теряем его из виду, но он ещё вернётся.

На фоне сегодняшних селфи и прочих видеовозможностей бросается в глаза, как мало, по сути, нам удалось зафиксировать на визуальных носителях. Оно и немудрено. Ни видеокамер, ни цифровых фотоаппаратов ещё нет, не говоря о мобильных. Поэтому каждая фотография – это следствие большого, кропотливого и ответственного труда в домашних условиях. Для этого необходимо уметь пользоваться фотоаппаратом, бачками для проявления плёнки, фотоувеличителем, кюветами, глянцевателем, и это только для чёрно-белой фотографии. Цветные в домашних условиях вообще не рассматриваем. То есть покупаешь плёнку, в полной темноте вскрываешь её и на ощупь наматываешь на кассету,

которую потом вставляешь в фотоаппарат. В кассете 36 кадров, поэтому сделанный сегодня снимок в любом случае будет ждать, пока ты не отщёлкаешь весь запас плёнки.

После этого, используя ванную комнату, ты в одной чашке разводишь проявитель, в другой – фиксаж, между ними ставишь кастрюлю с водой и, погасив свет, опять же на ощупь вскрываешь фотоаппарат, перематываешь плёнку на специальную проявочную катушку и помещаешь её в проявитель на 7-8 минут. После этого прополаскиваешь её в воде, погружаешь в фиксаж и через 15 минут можешь в первый раз попытаться рассмотреть и оценить то, что у тебя получилось (или не получилось).

Процесс проявки самый ответственный, поскольку любая ошибка: не тот порядок жидкостей, не до конца остывший раствор, случайно кем-то включённый свет – ведёт к необратимой потере съёмки. Если негатив нормальный, его необходимо высушить на обычной бельевой верёвке, привязав грузик к низу, потом свернуть в рулончик и перейти к печатанию снимков. Это самый волнующий и сладостный процесс.

Готовишь увеличитель – прибор, где на подставке с регулируемой высотой находится камера для плёнки, кадры которой с помощью сильной лампы проецируются вниз на рамку, куда вставляется фотобумага. Здесь немного проще, поскольку можно

Выше только небо! Чтобы ВИА, да ещё любительский, на ТВ – фантастика!
Слева направо: Андрей Егоров (Буба), Алексей Киселёв, Андрей Родин, Алексей Зотов (Лис), я, Николай Соцков (Никсон)

специальным светильником с красным светом освещать всё происходящее. С опытом приходит понимание, сколько секунд надо проецировать кадр на бумагу и, засунув лист в кювету с проявителем, ждать, когда начнёт проступать изображение. Наконец можно рассмотреть, что, собственно, ты снял, удачно-неудачно, качественно-некачественно, красиво-некрасиво, угадал – не угадал с резкостью, выдержкой и другими настройками фотоаппарата. Почти в каждом доме всё это имеется, почти все умеют снимать, проявлять и печатать. Хорошая плёнка и фотобумага – дефицит, максимально доступное – это продукция фирмы ORWO (ГДР). Kodak, Nikon, Fuji даже в названиях не проглядываются.

Зато мы до сих пор фотографируем, а не фоткаем, удачные снимки умеем ценить и храним в альбомах.

Только музыка

Стас не обманул. Буквально через несколько дней после конкурса он сажает меня в машину, и мы едем в Московскую областную филармонию, в которой они в то время работают. Там он представляет меня руководству, говорит много хороших слов – и, в принципе, с нами готовы работать, правда, на мизерных условиях.

Лестно это слышать, но реально мы ещё учимся в институте и вообще нам комфортно в сегодняшнем статусе группы, где кое-чего добились, заняли определённые позиции и сам чёрт не брат.

Первая встреча с «Песнярами»

Лёшка Зотов – в обычном виде...

Нас приглашают на телевидение и делают отдельную двадцатиминутную программу, впереди также маячит поездка в ГДР, поступает предложение принять участие в уже профессиональном конкурсе артистов эстрады. Мы, естественно, соглашаемся. В день выхода телепередачи приезжаем в Дом культуры и смотрим её всем составом вместе с директором.

Директор новый – вместо уволенного за уже упомянутый концерт «Машины времени». Павел Михайлович Барский – подвижник и энтузиаст джаза, каждую неделю он устраивает что-то на эту тему, причём всегда очень здорово. Все звёзды: Хащенко, Зубов, Пишиков, Лаци Олах – постоянные гости всевозможных джазовых вечеров и вечеринок. Рок-музыку он не любит, но к нам относится прекрасно, к тому же мы для него весьма полезны.

Поэтому выход телепередачи нужно отметить – снаряжаем экспедицию в ближайший магазин, а поскольку на всю компашку портвейна нужно много, в качестве сумки берём микрофонный чемодан с названием группы на крышке.

Отстояв очередь из работяг нашего же завода, слышим возглас: «Ой, ё..! А ещё по телевизору показывают. Глядь, они пьют то же, что и мы!»

Выступление на Московском конкурсе артистов эстрады не такое триумфальное. Проходит он в Театре эстрады, где восседает очень серьёзная жюри под председательством Иосифа Кобзона. Обстановка

более строгая, чувствуется, что в отличие от любительских конкурсов, где главное для всех – заявить о себе, посмотреть, почерпнуть, вдохновиться, здесь все уже решают конкретные задачи, нам пока не очень понятные. По всем углам перешёптываются, до нас доносятся отдельные слова: тарифная ставка, гастрольный график и другие термины из чужого для нас мира.

Конкурс проходит в три тура без зрителей, причём на первом и втором надо играть разные произведения. Решаем начать с «Зодчих».

Безоговорочно лидируем после первого тура в жанре ВИА. Видимо, кому-то карты спутали – ни поздравлений, ни добрых слов.

Дата второго тура парадоксально совпадает с защитой диплома у меня и Киселёва. А тут ещё в ночь перед выступлением предлагают отыграть выпускной вечер в какой-то школе за очень хорошие деньги.

Приходится успевать всё – организмы молодые, почти железные, выдержим!

Конкурс в 12 дня. В пять утра заканчиваем выпускной, два часа спим там же на стульях, потом собираем аппарат, ребята едут в Театр эстрады расставляться и настраиваться, а мы с Лёшкой к девяти в институт защищать диплом. Справедливости ради, я к тому времени учёбу практически бросил. Такое на пятом курсе можно, тем более что нас знали, любили и практически не трогали, даже ставили приличные оценки для стипендии.

За десять рублей мне вынесли с кафедры на неделю чей-то позапрошлогодний диплом, чтобы слизать и вернуть. Осталось только переписать текст, вставив необходимые, заданные мне параметры, и «перестеклить» схемы. Опять как на первом курсе – на спинки двух стульев кладётся орг-

1979 г. Родька только пришёл в группу. Старается!

● Почетное звание народного получил вокально - инструментальный ансамбль «Гусляры» клуба станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе. Артистов ансамбля видят в рабочих общественных и цехах завода, в парках и концертных залах. Звания народного ансамбля удостоен первым среди самодельных коллективов клуба.

Мои
Права
Я сам
1980

стекло с письменного стола, под него настольная лампа, на него скреплённые два листа ватмана: снизу с готовым изображением, сверху чистый – и вперёд! Экономится время, и не загружаются мозги избыточными знаниями, которые мне никогда не пригодятся. Только музыка!

Ровно в девять мы с Киселёвым первые влетаем в аудиторию, впопыхах развешиваем по стене свои схемы и чертежи и один за другим предстаём в чём есть перед государственной комиссией. Лёшка ещё в состоянии что-то промямлить, а я вообще ни в зуб ногой, да и мысли мои не здесь. Тем не менее на какие-то вопросы отвечаю, в общих чертах что-то бормочу с серьёзным выражением лица. Короче, пятнадцать минут позора, тройка за защиту и такси, мчащееся в Театр Эстрады. Чудес не бывает, распыление не может быть бесконечным, бессонная ночь, диплом, как отвлекающий фактор перед ответственным выступлением, да и конкуренты поработали.

Короче, второй тур мы не вытягиваем по материалу. Русские обработки слабее композиции «Зодчие». Единственный шанс – зажать энергетическим посылом, но у нас сегодня с этим не очень: силёнок на искреннюю феерию не хватает, а профессиональных навыков для имитации таковой – тем более.

Поэтому получаем специальный диплом «За творческий поиск», и все облегчённо вздыхают. Лауреатами становятся запланированные коллективы – кто бы их сейчас вспомнил!

Этот конкурс становится неким рубиконом. Понятно, что этот состав достиг своего потолка. Необходимы перемены. Слава Богу, это не приводит к конфликтам или обидам. В какой-то из дней садимся за стол, и каждый определяет для себя своё будущее. Мы с Киселёвым ставим всё на музыку, готовы и намерены переходить на ежедневные репетиции, отбрасывая, по сути, всё остальное. Это автоматически невозможно для тех, кто ещё не закончил учёбу – Зимин, Беляева, Стаин. Витька Гожев тоже идти до конца не намерен: семья, хорошо оплачиваемая работа, да и возрастом он постарше.

Новый состав

Барабанщика находим сразу – это Лёха Зотов, которого и искать не надо, он всё время рядом и даже партии, оказывается, загодя выучил. Институт он закончил вместе с нами и готов ко всему. На клавиши наконец созревает «Буба» – Андрей Егоров, тот самый, из нашей школы. Все эти годы он время от времени появлялся, следил за нашим ростом, советовал, приводил всякий народ. В том числе легендарного,

фантастического Сергея Владимирского – учёного-филолога, который самостоятельно освоил порядка двухсот музыкальных инструментов разных народов мира, от волынки и таблы до альты и валторны. Впоследствии он будет вести авторскую телепрограмму на эту тему – «Странствия музыканта». Но для постоянной системной игры в группе Сергей не приспособлен, да и двести инструментов нам не нужны.

В течение двух-трёх месяцев мы каждый день просматриваем-прослушиваем разный народ, но всё не то. Вспомнили про «Рыжего» – Андрюху Якубова. Он охотно откликается и притаскивает с собой странного молчаливого парня, якобы скрипача. Бородатый, с крупными чертами лица и тяжёлым взглядом – так выглядит в советских фильмах сын кулака, которого ушлые комиссары уговорили-таки вступить в колхоз. Пришёл и сидит в углу. «Ты на скрипке играешь?» – «Немного». – «Ну, давай».

Он достаёт ноты, ставит их на пюпитр, нудно и неуверенно играет какой-то этюд. Нашего терпения надолго не хватает, выразительно смотрим на Якубова, он огорчённо разводит руками. Просмотр окончен. Единственная зацепка, что у него басовый регистр в голосе, но этого мало.

Он выходит в коридор, а мы начинаем крутить-вертеть самого Якубова. К сожалению, он за эти годы пить стал больше, а петь хуже. По крайней мере, вокализы ему уже не под силу. В «Зодчих» есть момент, где это необходимо. Андрюха пыжится, но ничего не выходит. Я от досады резко останавливаю группу, и в наступившей тишине из коридора доносится именно то, что нужно, – пронзительный сильный фальцет, абсолютно в стиле и характере. Выбегаем в коридор, где сидит на корточках огорчённый соискатель.

– Это ты?

– Ну я...

– А чего сразу так не спел?

– Не просили...

Заводим его обратно, знакомимся. Андрей Родин (или в простонародье Родька). Чувак немного приободрился и начал подавать признаки жизни. Якубов пытается его расшевелить, просит нас сыграть что-нибудь в стиле кантри, потом джазовую пьеску, потом блюзовый квадрат – парень выдаёт такие классные скрипичные партии и импровизации, что нам стыдно смотреть друг на друга: идиоты, чуть не прозевали такой бриллиант! Просто есть люди, не умеющие в один момент себя преподнести, а у нас часто не хватает терпения.

Как бы то ни было, мы в тот вечер заполучаем парня, закрывшего сразу несколько позиций: скрипка и вокал, причём в широчайшем диапазоне –

для многоголосия незаменим. Единственная проблема – он чувствует себя очень неловко, потому что от Якубова мы отказываемся, а именно он привёл Родьку. По-пацански, действительно, нездорово, но жизнь есть жизнь. Его постепенно отпускает, тем более Якубов всё понимает и сам убеждает Родьку остаться.

В коллективе появляется первый непьющий: у Андрюхи культ тела и физической силы. Мы ахаем, когда он впервые обнажил торс, и ахаем ещё раз, когда, схватившись двумя руками за вертикальную трубу в коридоре, он перевёл тело почти в горизонтальное положение.

Незакрытой остаётся позиция гитариста, причём обязательно поющего гитариста. Пока с нами Лёшка Попов, но ему ещё два года учиться, да и нет у него нашей одержимости.

Мы на перепутье. С одной стороны, как у любительской группы, у нас всё более чем хорошо: иногда крутят по радио, пишут в газетах, готовится вторая телепрограмма с нашим участием, оформляем поездку в ГДР, нам присваивают статус «Народного коллектива» – звучит для группы смешно, но даёт возможность пробить небольшие зарплаты для ребят.

О работе в филармонии особо не думаем, в основном потому что ничего об этом не знаем. Понимаем только, что здесь мы сами себе хозяева, а там заставят петь комсомольские песни и вообще это другой мир – соваться страшно. Первый опыт общения с протеже Стаса Намина это показал.

В поисках гитариста звоню Виктору Столбе – руководителю военного ансамбля, с которым мы год назад пересеклись на конкурсе. Он приглашает меня в часть на «Добрынинской», принимает по высшему офицерскому разряду: водка, тушёнка, соленья, колбасы всякие. Выясняется, что он создал уникальную систему прохождения службы – собирает со всей страны талантливых мальчишек и комплектует ротиреруемую, но постоянно действующую концертную бригаду.

Командование всецело поддерживает его, потому что хороший бесплатный концерт – в армии твёрдая валюта, за которую можно решать все вопросы: от стройматериалов для ремонта части до кадровых решений и подъёмов по карьерной лестнице.

Как раз сейчас заканчивают службу несколько ребят, один из них неплохой гитарист и ещё более неплохой вокалист – Коля Соцков. Знакомимся, его отпускают на прослушивание, вроде всех всё устраивает, ждём месяц до его дембеля.

Тратим это время на совершенствование аппаратуры. Что-то продаём по мелочам, что-то покупаем. Нам нужен электроорган, хотя бы немецкая «Вермона», но она тоже стоит денег. Знакомые ребята срочно

распродают аппарат, и мы совсем по дешёвке покупаем «сосиски» – голосовые длинные биговские колонки – полное говно, но и они в дефиците, а для небольших помещений типа ресторана вполне сойдут. Выходим с этим предложением на Неглинку, у нас берут телефоны, обещают позвонить.

Через пару дней звонят: «Вы готовы? Мы едем!» Пока они едут, мы выставляем видавший виды, довольно пошарпанный товар в ярко освещённое фойе, подключаем и ждём. Через какое-то время вбегают один из основных глиновских спекулянтов Витя, фамилию не помню. «Вы что, с ума сошли? Что вы тут Лувр устроили? Свет немедленно сделать еле-еле, громкость убрать, всё стащить в один угол. Быстро делайте, клиенты в такси, я за ними».

Быстро делаем. Через две минуты он приводит каких-то дремучих покупателей, явно издалека, и быстро-быстро: «Так, смотрите! Всё на месте, всё работает. Динамики пощупайте: все целые, звук идёт из каждого. Всё устраивает? Быстро давайте деньги, грузитесь и уезжайте. Мы все под прицелом: по-моему, за нами ехала чёрная «Волга». У вас две минуты».

Покупатели судорожно слюнявят деньги, хватают колонки и сваливают. За три пары чистый навар девятьсот рублей как с кустика. И магазин «Продукты» ещё открыт!

Немного добавляем и у того же Вити через пару недель берём орган и четыре хороших (в смысле венгерских) микрофона. А здесь и Колька Соцков (в дальнейшем Никсон) подоспел.

Мы с Киселёвым и Зотовым после всех возможных оттяжек и отсрочек выходим на работу по институтскому распределению, согласно которому три года обязаны трудиться на указанном предприятии.

Но там не указано, как мы обязаны трудиться. Поэтому с первого же дня в новой организации под названием АСУС (Автоматизированная система управления строительством) Главмосстрою я чётко даю понять, что от основной линии предприятия я максимально дистанцируюсь, прихожу-ухожу вовремя, охотно выполняю любые общественные задания, организую вечера, концерты и тому подобное, но тонкости профессии осваивать не собираюсь. Создаётся удобная для меня патовая ситуация – я не могу уйти, они не могут выгнать.

К тому же несколько раз в месяц приходят всякие письма и циркуляры с просьбой освободить меня от работы в связи с концертами, поездками, съёмками и т.д.

В конце концов все смиряются с тем, что я отбываю положенное время, а главная жизнь у меня не здесь. Примерно так же обстоит дело у Зотова и Киселёва. Жизнь начинается после шести вечера в родном

ДК завода им. Орджоникидзе, продолжается там же за полночь и заканчивается разездом на перекладных с помощью поливальных машин, водители которых охотно подвозят бедных музыкантов в пределах своей территории. А там ловится следующая.

Глава IV. Переход в профессионалы (1980 г.)

Почти готовы

Трудно сказать, чем бы это закончилось. Мы набираем дикий темп и уже не можем остановиться. Репетируем каждый день после работы и в выходные с утра до вечера. Как следствие, всё звучит очень крепко, особенно в вокале.

Однажды в коридоре перед репетицией встречаю директора с каким-то пожилым, но очень представительным мужчиной чиновничьего типа. Знакомимся – проверяющий из горкома профсоюза. Сказали, что через час зайдут на репетицию. Действительно заходят. Боже ж ты мой! Во что превратился наш проверяющий. Нет, с ног не валится – закалка старая, но на владение лицом сил уже не хватает.

1980 г. Хорошо помню этот концерт первого января в восемь утра в воинской части. Сосредоточенность запредельная! Немудрено!

Послушав пару песен с надутыми щеками и выпученными, как при базедовой болезни, глазами, он поднимает руку, собираясь говорить, и, не опуская её, долго стоит в наступившей тишине. Наконец с силой выдыхает воздух из раздутых щёк и с пафосом провозглашает: «ВЕ-ЛИ-КО-ЛЕП-НЕЙ-ШЕ!!!» – подкрепляя каждый слог движением так и не опущенной руки. Директор, хрюкнув, закрывает лицо ладонями и вышмыгивает за дверь. Ну не негодяй?

Вдруг проверяющий начинает быстро и проникновенно говорить. Он искренен и открыт, ему всё понравилось, с имеющимися недостатками мы несомненно со временем справимся, но на сегодня он в восторге. Всё бы ничего, но этот текст нам приходится понимать в основном по интонации, паузам и движениям рук, поскольку в речи он использует постоянно только одно слово – «где-то». То есть «Где-то!.. Где-то-где-то-где-то!!! Но где-то – где-то (поднимает большой палец), а где-то (разводит руками) – где-то!....» и так до конца. Выждав паузу, он начинает рисовать коллективу самые радужные перспективы, особенно если мы будем и дальше заниматься с таким же усердием, как и сейчас. А сейчас – просто молодцы. Ради второй части он сумел найти новое слово – «Наверное!», повторяя которое, доносит до нас свои мысли и пожелания.

Нам хватает выдержки поблагодарить его за добрые слова, тепло попрощаться, довести до кабинета директора, открыть дверь, тихонь-

ко поддавить сзади, чтобы он туда вышел, вернуться в свою комнату, а уже там начинается истерика.

Но в основном всё серьёзно.

Мы придумываем классную расстановку, переместив ударные в правый передний край сцены, а клавиши с роялем симметрично влево, из-за чего барабаны перестали лезть в голосовые микрофоны, сзади появилась возможность использовать экран на сто процентов и вообще стало просторно и свободно. Концертов много, ни одно более или менее значимое городское мероприятие без нас не обходится. Мы включены в культурную программу «Олимпиады – 80», в апреле нас посылают на знаменитый агитпоезд «Комсомольская Правда» на БАМе. Готовимся к этой поездке, сколачиваем ящики для аппаратуры (сами! из досок!). И в этот момент на одну из репетиций приходят двое прикинутых, старше нас, но всё-таки молодых людей. Говорят, что видели по телевизору, и приглашают коллектив для штатной работы в Тюменской филармонии. Мы в смятении. Обещают золотые горы, как минимум профессиональный статус, гастролы, заработки и остальную пургу, которую обычно гонят администраторы, сманивая артистов. Но для нас-то всё необычно: мы эту туфту слушаем в первый раз – и как не поверить! Начинаем взвешивать «за» и «против». Родька на следующий день бежит увольняться. Никсон тоже, причём между делом заметив, что самоделка надоела ему до чёртиков, всё равно с завода он уходит и если не с нами, то без нас будет пробиваться в какой-нибудь профессиональный коллектив. Буба тоже «за». Мне, Киселёву и Зотову сложнее. Мы молодые специалисты, работаем по распределению, три года не имеем права увольняться. Но делать нечего, постепенно приходит стойкое убеждение, что надо линять из инженерии и погружаться в новую жизнь. Я иду в свой АСУС Главмосстроя к директору, замученному бесконечными просьбами от разных организаций освободить меня то на концерт, то в поездку, и честно всё рассказываю. Он смотрит на меня недоверчиво, потом спрашивает: «А ты правда уйдёшь? Не передумаешь в последний момент?» Не понимая, к чему разговор, я по дури спрашиваю – неужели без меня никак, после чего он со смехом смахивает все бумаги со стола, запирает ящики и говорит: «Ближайшие три дня я занимаюсь только твоим увольнением. Прошу тебя – сиди на месте и никуда не дёргайся, я всё сделаю. Уволить я тебя не имею права, придумаем в Главке что-нибудь нестандартное. Только не мешай! Я побежал!» В результате на свет появляется чудовищный по нелепости приказ: «В связи с необходимостью увеличения добычи нефти и газа на ударных комсомольских стройках Западной Сибири перевести молодого специалиста Давыдова Юрия Николаевича-

ча с должности инженер-системотехник «Управления АСУ Главмосстроя» на должность артиста вокально-инструментального ансамбля в Тюменскую областную филармонию». Зотов и Киселёв тоже как-то решили свои вопросы. Но у нас уже спланирована поездка на БАМ, и мы, как порядочные, должны её отработать. Летим в Иркутск, там совместный концерт с коллективом, который был до нас, потом они в аэропорт, а мы на смену им в поезд.

За кулисами среди уезжающих артистов, охотно общаясь со всеми, ходит... Владимир Ильич Ленин. В те времена это ещё в диковинку. Брежнев, Хрущёв, Гитлеры, Чарли Чаплины по Красной площади не шастали, и ощущения странные, тем более что Ильич полностью в образе, слегка картавит, называет всех «батенька» и держит собеседника за пуговицу. А уж когда после концерта он подваливает ко мне и нахваливает группу, я невольно выпрямляю спину, а руки сами по себе вытягиваются по швам. Ну, да ладно. В тот же день садимся в поезд, причём поезд прикольный: бархатные мягкие диваны вместо полок, вагон-кинозал, вагон лекционный, в спальнях вагонах есть душевые, кормят вкусно.

Первая остановка – Тайшет. Надо сказать, что многие названия с детства на слуху благодаря сибирскому циклу песен Пахмутовой. Причём настолько талантливым, что такие города, как Братск, Усть-Ильим, Тайшет, донельзя романтизированные в этих песнях, поражают несоответствием реальности. Грязный, уродливый, с несуразной застройкой Тайшет. Идём после концерта к вокзалу (к счастью, недалеко!), дует сильный ветер, ни одного фонаря и душу разрывает панический ужас от доносящихся со всех сторон в кромешной тьме жутких звуков, ближе всего к волчьему вою. Местные, заметив наше состояние, со смехом поясняют, что таким образом зеки, строившие в своё время эти дома, передавали приветы грядущим поколениям: во время строительства, где-нибудь между третьим и четвёртым этажами, во внешнюю стену замуровывалась бутылка из-под шампанского таким образом, что часть горлышка оставалась наружу и, будучи примазанной цементом и заложённой кирпичом, была совершенно незаметна, но при ветреной погоде начинала издавать тот самый вой. И это навсегда. Кроме нас в составе группы композитор Александр Журбин, хор под управлением Бориса Тевлина (там есть девушки), лекторы, журналисты-международники, инструкторы, но интереснее всего общаться с Героем Советского Союза, знаменитым снайпером Владимиром Ивановичем Пчелинцевым, лично уничтожившим 110 фашистов, из них 11 снайперов. Он вспоминает безумно интересные вещи: как его делегировали в разгар

войны в составе советской пропагандистской делегации в Англию и Америку, где он по неделе жил в качестве личного гостя у Черчилля и Рузвельта. Нас поражают также его рассказы про профессиональную снайперскую этику, которая не позволяет, например, убивать вражеских солдат, если они в данный момент находятся вне боя и без оружия.

Лучшие залы и очень хороший приём в Братске, Шушенском, Абакане, Саяногорске, Красноярске – для первого раза впечатлений масса.

Тюменская филармония

Возвращаемся в Москву – там уже ждут наши будущие коллеги, расспрашивают о поездке. Когда узнают, сколько мы дали бесплатных концертов, смеются и называют сумму, которую мы получим за то же самое на настоящих гастролях. Не космический, но аргумент! Наконец все уволены, дела улажены, инструменты собраны, сомнения преодолены. Едем!

На Ярославском вокзале мамы-папы, друзья, куча ещё какого-то народа. Воистину провожают в Новую жизнь!

По дороге ближе знакомимся с новыми коллегами. Один из них – Александр со странной фамилией Екельчик, руководитель коллектива, в который кроме нас включены конферансье Евгений Вокаль (опять странная фамилия, ну да ладно!), две певицы, обе Гали – одна совсем дурная, да и в возрасте, вторая получше, но тоже несколько нам не интересна, и две танцовщицы – сёстры-близняшки, круглые двадцатилетние дуры, да и танцовщицы из них... не буду продолжать.

Фото для первой чёрно-белой афиши в Тюмени.

Постепенно врубаемся: одна из сестёр спит с Екельчиком, дурная певица – его же подруга детства из родной для обоих Феодосии, та, что помоложе, походная жена Вокаля, а все вместе – эстрадная бригада под названием «Беспокойные сердца» для работы по Тюменской области. В неё мы и должны влиться, играя свой репертуар и сопровождая вышеперечисленным. Едем в поезде в общем-то мирно, ситуация для нас новая, потом разберёмся, что к чему.

Мы уже крутые, к тому же москвичи, – что нам эта Тюмень! Приезжаем рано утром: город никакой, но почему-то симпатию вызывает. Селимся в гостиницу «Восток», приводим себя в порядок и едем в филармонию знакомиться.

А там уже Екельчик с Вокалем презентовали приезд классной группы, поэтому к нам проявляется интерес, да мы и не возражаем. Единственное, чего абсолютно не знаем, – как себя вести, и поэтому делаем кучу глупостей. От незнания включаем пафос, снисходительно осматриваем концертный зал (мы ведь не знаем, что наше первое в нём выступление состоится только через четыре года), разговариваем через губу, думая, что набиваем себе цену. А глазами филармонии истина гораздо прозаичнее. Те самые «Беспокойные сердца» существуют исключительно для выполнения плановых концертов в области, причём как на севере, где нефть, газ и достаточно цивилизованная, в основном приезжая публика, так и в совсем уж грустных южных сельскохозяйственных районах. Набираются в этот коллектив случайные люди, как правило, на одну поездку, сопровождают певицам, танцовщицам и самому Екельчику, который показывает невысокого уровня фокусы. При этом Екельчик и его ближайшее окружение делают приличные деньги на так называемой «вертушке» – это когда проданные билеты с неоторванным контролем отбираются у зрителей при входе в зал, потом глядятся обычным утюгом и снова запускаются в продажу. В больших городах и в серьёзных залах, где билеты с указанными местами, это слишком рискованно, а практически на всех площадках области – на здоровье!

Поэтому наши честолюбивые планы покорения «Альберт Холла» и «Олимпиады» сильно не совпадают с задачей этих мелких жуликов заработать за поездку несколько тысяч рублей, а потом найти новых простофиль.

Но... мы в то время действительно здорово играем. И справедливости ради, руководители филармонии, во главе с директором Леонидом Мечиславовичем Згерским, всё-таки относятся к нам как к творческому коллективу, а не рядовой колхозной бригаде. После худсовета нас приглашают в кабинет и объявляют, что мы будем работать в этих

самых «Беспокойных сердцах», но в статусе самостоятельного ансамбля «Гусляры». В тот же день идем в Горсад, надеваем концертные костюмы, залезаем на какое-то раскидистое дерево и через несколько дней получаем первую афишу, пусть не цветную, но всё равно – с фотографией и фамилиями. Нас тарифицируют в жанре ВИА первой категории, при условии поступления на заочное обучение в Тюменское училище искусств. К тому же мы со своей активностью и общительностью, буквально за несколько дней знакомимся и завязываем связи в комсомоле, в управлении культуры, с местными журналистами, музыкантами, телевизионщиками, отчего нашей руководящей честной компании становится совсем грустно. Тем не менее, выезжаем на первые концерты. Дебют наш состоялся в райцентре Ярково, в доме культуры. Мы выходим, как бы невзначай, всей группой в фойе и дивимся, что вот, на глазах, люди платят деньги за то, чтобы посмотреть наше выступление. Чудеса!

Нас водила молодость

Первые примерно десять концертов, методом проб и ошибок, окончательно выстраиваем концертную программу (неоценимый опыт!), затем приспособляемся к тому, что в отличие от самоделки, где каждый концерт – это маленькое событие, здесь это ежедневная работа, за вечер по два, а то и по три концерта, причём на разных площадках с переездами. Но нам эта работа нравится, мы кайфуем от успеха, причём как в больших дворцах культуры, так и в крохотном зальчике сельского клуба. Грузчиков у нас нет, аппарат таскаем и коммутируем сами по несколько раз за вечер, со временем достигаем в этом совершенства – ни одного лишнего движения, у каждого свой маневр: надо сложить и упаковать закреплённые за каждым стойки, зачехлить и оттащить в автобус собственный усилитель с колонкой, смотать провода. К концу поездки, на автоматизме, мы сворачиваемся и грузимся за семь минут, а разгружаемся и подключаемся – за двенадцать.

Когда через полгода мы набираем техническую группу, они начинают ныть, что собирать и разбирать аппаратуру так быстро физически невозможно. Нам это надоедает – как-то раз, после первого в этот день концерта, сажаем их в зал с секундомером и устраиваем образцово-показательную загрузку, переезд и установку с подключением уже на новой площадке, с запасом укладываясь в норматив. С тех пор претензии от них не принимаются.

Что делать! В двадцать с небольшим лет у нас здоровые молодые тела, дурные головы, вера в свою звезду и неизбывная радость от того, что любимое дело росчерком пера стало твоей профессией, за которую, к тому же, сравнительно неплохо платят.

Отношения с нашими руководителями очень быстро перерастают в конфликт: мы не желаем мириться с тем, что по вышеуказанным резонам для выступлений выбираются самые глухие медвежьи углы.

Последней каплей становится утренник в школе для младших классов, где они разыгрывают трёхкопеечные сценки, показывают фокусы, поют с детьми песни, а мы должны аккомпанировать «Пусть бегут неуклюже» и «Голубой вагон». К счастью, до совсем уж крайних форм борьбы не доходит, нашли компромисс – доработать поездку до конца, но без детских концертов. А поездка такая – 66 концертов за месяц по Тюменской области с сохранившейся в моей записной книжке географией и способами передвижения вверх на Север: Тюмень (выездные концерты на автобусах) – Тобольск (поезд) – Горноправдинск («Комета» на подводных крыльях по Иртышу) – Ханты-Мансийск («Комета») – Нефтеюганск («Комета» по Оби) – Сургут (автобус) – Берёзово («Комета») – Белый Яр (вертолёт) – Тюмень (вертолёт и самолёт).

Конечно, по первому разу для москвичей впечатлений уйма. Тобольск – древняя столица Сибири, в жутко запущенном состоянии, требующая глобальной реконструкции (что, кстати, и сделано в наши дни), но сохранившая остатки внутреннего шарма. Там грузимся на «Комету». С удивлением узнаю, что если в Москве – это вид прогулок и развлечений, то здесь, в отсутствие дорог, – абсолютно серьёзный вид транспорта, заменяющий летом так называемый зимник – дорогу по льду Иртыша. Следующий пункт – посёлок Горноправдинск – изумительное по красоте место на высоком берегу среди тайги. Это базовый посёлок геологов, поэтому очередное чудо: из четырёх тысяч жителей – три с половиной с высшим образованием. Ну, с ними мы разговариваем на одном языке, поэтому принимают здорово. Далее опять по реке до Ханты-Мансийска. Дыра дырой – город не город, деревня не деревня, чёрт те что, короче. Это сейчас практически столица, причём красивая. Дальше – Нефтеюганск и Сургут, рабочие города, чувствуется драйв и энергия. Затем Берёзово с несуществующей, якобы смытой, могилой Алексашки Меньшикова, сосланного сюда при Петре. И оттуда на вертолёте в Белый Яр.

Нам повезло! Здесь в конце июня тепло, даже жарко, и новое впечатление – полярный день. Приходилось ли кому-то в час ночи, после концерта, загорать и купаться в реке? Так вот, чердак отъезжает пол-

ностью, заснуть невозможно, понятие времени, дня и ночи исчезает – просто живёшь и всё.

Наконец, последний концерт, и вылет в Тюмень – это тысяча с чем-то километров.

Аэропорт в Белом Яру в то время – песчаная взлётная полоса (оказывается, бывает), небольшой деревянный домик и уйма людей, ожидающих отправки: наступило время отпусков. А тут мы, со своей аппаратурой! Короче, билетов нет и не будет, вся надежда на какой-нибудь ведомственный борт, который завезёт сюда что-нибудь необходимое (например, пиво) и полетит обратно. Так что будем уповать на милость местного начальства.

К нам сразу же подходит какой-то хант, по типуажу точь-в-точь чукча из анекдотов – маленький, сморщенный, улыбчивый и через слово вставляет «однако». Указав рукой на готовящийся к отправке куда-то неподалёку АН-2, он просит в очень правдоподобной форме десять рублей, чтобы добраться, наконец, до дома, к семье. Мы сбрасываемся по рублю, после чего он, радостный и благодарный, бежит якобы в кассу, но возвращается только часа через два в дупель пьяный. Сотрудники аэропорта долго сокрушаются и извиняются за то, что не успели предупредить, что это Иван – местная достопримечательность, живёт здесь уже семь лет, ни фамилии, ни документов. Сказку про билет домой новеньким рассказывает каждый день, иногда по нескольку раз. Ну да Бог с ним!

Выясняется, что наши доблестные руководители взяли себе билеты загодя и под предлогом сдачи отчёта в филармонии, смылись ближайшим рейсом со словами: «Мы обо всём договорились, сегодня к вечеру вас вывезут. Ждите!» Это ожидание в итоге растягивается на четыре дня, в течение которых чего мы только не делаем. Когда свихнулись совсем, стали на виду у всех играть в «слона», вызвав недовольство ожидающих пассажиров. Мы же, вместо ответной грубости, предложили особо активным мужичкам присоединиться. А народ там северный, суровый. Ответом было – «Что?! Вы совсем ох..ели?!?... А впрочем, давайте!» В результате, была собрана команда из местных, и, наверное, впервые в истории, состоялась междугородняя встреча Москва – Белый Яр в «Большого Слона», семь на семь, при неистовой поддержке жён, детей и всех присутствующих.

Наконец, на пятый день, Божьей милостью, начальник аэропорта показывает на огромный вертолёт МИ-6 и говорит, что, потеснив своих земляков, он может загрузить всю нашу аппаратуру и одного человека. Остальных отправит завтра. Главное сейчас – вывезти аппаратуру. Решаем, что лететь надо мне и уже там, на месте, разбираться

со всеми остальными вопросами, в том числе, как доставить весь этот скарб ночью из Тюменского аэропорта в филармонию. Загружаем все наши колонки-усилители-стойки-барабаны, и я лечу. В Тюмень прибываем затемно, летчики вызывают аэропортовский грузовик, и я один (!) перетаскиваю на него полторы тонны нашего груза. Сейчас уже не вспомнить аргументы, в основе которых – бедственное положение музыкантов в СССР, но как-то убалтываю водителя грузовика до-

везти всё это, включая меня, до филармонии. Довозит, помогает разгрузиться и уезжает, не взяв денег. А ещё говорят – плохая эпоха! На следующий день прилетает остальная орава, мы приходим в себя, чистим перья и прямым ходом в филармонию – определяться с нашими командирами и вообще с будущим. Бог не фраер, узнаём, что Екельчика два дня назад повязали на местной толкучке с двадцатью парами джинсов, которые он, купив в Москве по 180 рублей, впаривал по 250. И сидит он в милиции уже третий день с довольно серьёзными перспективами. Так что, не до нас ему, сильно не до нас. Злорадствовать тут нечему, тем более, мы тоже не белые-пушистые. Такими серьёзными операциями мы, конечно, не занимались, больше по мелочам. Дело прошлое – я лично продал по 15 рублей десять дисков Джо Дассена, купленных в «Мелодии» на Новом Арбате по 2.50 и ещё несколько красивых футболок из ГДР. Жить-то надо было до выезда на гастроли! В общем, наш внутриколлективный конфликт разбирался в отсутствие главного оппонента. Выслушав все наши претензии, директор филармонии Згерский махнул рукой: мол, если такие умные, что справитесь со всеми организационными вопросами, везите своего администратора и работайте самостоятельно.

С этим и возвращаемся в Москву. А там попадаем в совершенно другое пространство. Всё готово к Олимпиаде, город вычищен (в смыс-

ТРИСТА МИНУТ РАДОСТИ

вечера

Они, конечно, к вечеру устали — экскурсии по Москве, соревнования, но от теплой встречи улыбки осветили их лица. Что и говорить, а в интерлубе Люблинского района гости принимать умеют. Олимпийский чемпион Николай Мартынеску, увидев в холле много красочных плакатов и цветов, сказал:

— Празднично, совсем как на фанельной эстафете...

Известному румынскому спортсмену выпала честь нести огонь Олимпиады по территории своей республики.

— Жаль, что в Москве я выступаю лишь в роли болельщика и туриста, — добавил он. — Такие прекрасные спортивные сооружения, а Олимпийская деревня просто «восмое чудо света»! Одна надежда, что сборная Румынии покажет неплохие результаты по многим видам спорта...

Тем временем начинался концерт. Композиция музыкального ансамбля «Гусляры» на стихи поэта Дмитрия Кедрина «Зод-

чие» вызвала настоящий фурор. Прославленная гимнастка Теодора Унгуряну долго жала руку Юрию Давыдову — руководителю группы:

— Обязательно буду ждать, когда выйдет ваша первая пластинка. Обязательно!

Юрий с ней согласился:

— Я тоже буду ждать...

А танцевал лучше всех экс-чемпион Европы по классической борьбе в тяжелом весе Виктор Долипски. За что и получил приз — набор олимпийских значков. К общему удивлению, от этого он огорчился. Но все быстро прояснилось:

— У меня два сына. Как же им значки разделить?

Узнав, что мучает чемпиона, председатель интерлуба Александр Суков вошел в его «положение» и подарил еще набор...

За окном была уже настоящая ночная тьма, когда на прощание все пели «Подмосковные вечера».

ле улицы отмыты до блеска) и зачищен (все сомнительные элементы из города временно эвакуированы). Пикантность ситуации в том, что для Москвы мы по-прежнему ансамбль «Гусяры» ДК Московского завода им. Орджоникидзе и горком комсомола на весь срок Олимпиады доверил нам ежедневно развлекать иностранных гостей в Интерклубе на базе Люблинского Дворца пионеров. Зал там великолепный, организация на уровне, но концерты, естественно, не оплачиваются, что в наших уже профессиональных мозгах вызывает дискомфорт. Зато мы можем достойно показать себя всем нужным людям, к тому же программа восторженно принимается иностранцами. А уж тем более поражает их, что на сцене – студенты и молодые инженеры.

Решаем тему нашего новоприобретённого профессионального статуса замалчивать, насколько возможно долго, чтобы не морочиться на этом этапе с базой и аппаратурой. Администрация Дома культуры до поры хаваает наше бесстыжее враньё про агитационно-пропагандистские поездки, количество и продолжительность которых резко возросли пропорционально росту популярности и востребованности коллектива. Платой за это является, опять же, возросшее число безвозмездных выступлений, нужных заводу. В общем, кое-как разруливаем этот щекотливый вопрос и целиком отдаемся Олимпиаде. Москва, как ни странно, малолюдна и просторна. Видимо, зарубежные гости даже кратко не смогли заместить огромную массу командировочно-колбасного народа, которую Москва ежедневно пропускала через себя. В магазинах относительное изобилие, причём без особых очередей. Изобилие, естественно, в нашем понимании: два-три сорта колбасы, финские лицензионные сигареты мировых марок, пепси-кола, фанта и даже, кое-где, французская парфюмерия (последнее по слухам, сам не видал). Больше всего поражают югославские соки в пакетиках из фольги (например, вишнёвый!) в баре Интерклуба, а один раз завозят и дают по банке финского (опять же) пива, которое при открывании самоохлаждается. Рассказывая об этом мужикам во дворе, едва не получаю по морде «за враньё».

На три недели город становится гораздо ближе к мировой цивилизации. Все уличные указатели продублированы на английском, как и объявления в общественном транспорте, гораздо больше улыбок и позитива. И на этом фоне в один из дней проносится невнятный слух о смерти Высоцкого. Ну, нам не привыкать, на моей памяти такое раза три уже происходило, поэтому значения не придаём. Но вечером, по дороге домой, для очистки совести, поднимаюсь из метро «Таганская». Боже! На сей раз чудовищная правда! Перед театром, в витрине которого траурный портрет, безмолвно стоят люди, большое

количество людей. Традиции каких-то массовых проявлений скорби еще отсутствуют, поэтому никаких свечей, цветов на асфальте и другой привычной сегодня атрибутики. Люди просто стоят и молчат. Но, как молчат! Намного громче и слышнее, чем любые дежурные речи в такую минуту. Официальной информации по-прежнему никакой (сегодня такого не представить), поэтому даже время панихиды и похорон распространяется через сарафанное радио.

В объявленный день, вдвоём с сестрой, едем на Таганку. Выход из метро на площадь закрыт, да и не выйти там – огромная толпа людей заполняет всё пространство до сантиметра. Фотографии не в состоянии передать атмосферу, да и не надо её передавать. Кто видел – тот видел, кто ощутил – тот ощутил, а рассказать это невозможно. Идти можно только вниз, к набережной, и где-то там, у высотки на Котельнической, находится конец некоей гипотетической очереди, уходящей в переулки и стоящей, естественно, в никуда. Но зато какие лица у людей, какие глаза, какая сила от них исходит!

Время от времени возникают какие-то уроды с одинаково бритыми затылками, что заставляет задуматься, и вбрасывают в толпу реплики типа: «А что, собственно, случилось? Ну, умер Высоцкий от пьянки. Почему столько народу и столько скорби?» Как они хотели, чтобы кто-то ответил или даже ударил, а из-за их спины выскочили представители общественности в штатском и скрутили смутьяна за нарушение порядка и мелкое хулиганство. Не, ребята! Народ уже учёный, да и руки марасть об эту мразь никому не охота. Брезгливый взгляд сотен глаз – вот максимум, на который они могут рассчитывать.

По пути очереди из каждого окна доносится родной хриплый голос, ставший символом возрождающегося человеческого достоинства. Достоинства, которое десятилетиями запуганная страна не могла выразить массово, плечом к плечу, да ещё на глазах и перед объективами всего мира. Мне кажется, что поезд под названием «Социализм» сошёл с рельсов именно в тот день и хотя ехал ещё довольно долго, но уже по бездорожью и совершенно не понимая куда.

Олимпиада заканчивается, разорвав под конец души зрителей улетевающим Мишкой. На мой взгляд, третье и последнее режиссёрское чудо XX века.

Первое (говорим только о режиссёрских приёмах, игнорируя идеологию) – открытие Олимпиады 1936 года в Германии с факельным шоу. Второе – бросание фашистских знамён к подножию Мавзолея на Параде Победы в 1945 году.

Тем обиднее, судьба самого Мишки, приземлившегося в районе Ленинских гор, затем гнившего несколько лет в свёрнутом виде на складах ВДНХ и в итоге безжалостно сожжённого. И это вместо того, чтобы тот самый ВДНХ украшать. Чем он, собственно, хуже крейсера «Аврора» или скульптуры «Рабочий и колхозница»? Радости, по крайней мере, людям больше принёс, это уж точно.

Сами с усами

Немного отдохнули, пришли в себя – и пора опять в Тюмень. Решаем ехать на стык сентябрь-октябрь, чтобы бабахнуть две нормы концертов за третий-четвёртый квартал и сидеть до марта в Москве. Опять что-то мямлим в Доме культуры про ударные стройки, и нас кое-как, уже с явным недоверием, отпускают. Мы понимаем, что это в последний раз и нам надо серьёзно думать об аппаратуре. Получить от государства профессиональный западный комплект могут только «Песняры», Пугачёва, Магомаев и ещё несколько суперзвезд. Что-нибудь попроще выдурить, наверное, возможно, но ждать инициативы от филармонии нам не приходится, а у нас самих еще силёнок маловато – не знаем входов-выходов. Поэтому принимаем самое идиотское решение из всех возможных: каждому участнику группы оставляем на жизнь сто рублей в месяц, а остальное сбрасываем в общий котёл, чтобы через пару лет обзавестись нормальным комплектом и ни от кого не зависеть. Прямо как в песне – «чушь прекрасную несли», романтики хреновы. Кроме этого, у нас в запасе подсмотренная и описанная выше «вертушка», плюс какой-никакой торговый мост Москва-Тюмень-Москва. Из Москвы джинсы, только поаккуратнее, а из Тюмени – огромные лохматые собачьи шапки, весьма модные в то время. Все вроде соглашаются.

Мы избавляемся от балласта в виде танцовщиц, певец, фокусников, а главное – наших руководителей. Стало быть, остро встаёт вопрос администратора группы. Готовых брать неохота – серьёзные не пойдут, а областного разлива мы уже проходили. Решаем найти ко-го-то из своей среды: не Боги горшки обжигают!

Зотов приводит на разговор Максима Миссина – нашего забытого знакомого ещё по самодеятельности в МАДИ. Общаемся. Макс обладает минимально необходимыми для эстрадного администратора порочными качествами: выпивает, бабник, картёжник, с выраженной деловой жилкой, но при этом обаятелен, остроумен, со своим кодексом чести (в то время), готов биться за идею. Наше предложение для него – прорыв из тупика, поскольку из института его выгнали, в армию не

взяли по здоровью, и он застрял на распутье, устроившись рабочим сцены в театр им. Маяковского, а в свободное время развивая-оттачивая упомянутые навыки. Приглашаем также Серёгу Жукова из нашего института – мима-самоучку, причём нестандартного: с весьма плотной для мима фигурой, смешной рожей и очень здорово работающего. Нам же нужны паузы в концерте.

Оставляем ещё конференсье Женю Вокаля, который вовремя предал своих прежних дружков и переметнулся к нам. Артист с большим, чем у нас, опытом пока ещё необходим. Хотя уже понимаем, что он пустой, как барабан.

На мажорной ноте приезжаем в Тюмень, дружно поступаем в училище искусств и обнаруживаем несколько неприятных сюрпризов. Во-первых, по всему городу висят афиши вокально-инструментального ансамбля... «Гусляры» (!), какой-то то ли Черкасской, то ли Черниговской филармонии. На поверку коллектив сколочен из одесских ресторанных музыкантов, выгнанных за что-то с работы и устроившихся на время в филармонию. Прикольные, взрослые мужики, неплохие музыканты, пьющие, дружелюбные, но к «Гуслярам» они имеют такое же отношение, как мы к балету. Программа ужасная, аппаратура отвратительная, народ валит из зала толпами. Мы понятия не имеем,

1980 г. Фотографируемся для первой цветной афиши. Самое важное на снимке – аппаратура (одолжили у Стаса Намина). В центре – конференсье Евгений Вокаль.

что, оказывается, наши «тёзки» появились и зарегистрированы лет восемь назад, в связи с чем, в части названия, имеют формальный и законный приоритет. К тому же, с этим названием, в ближайшие годы в Тюмень и в любой город, где они побывали, соваться бесполезно. Поэтому, срочно заседаем всей командой и решаем переименоваться в «Зодчие» – слово чуть-чуть мудрёное, зато стопроцентно проходимое с худсоветовской точки зрения. Опять же, согласуется с нашей главной композицией и, в принципе смыслово подходит – типа создатели уникального и вечного. С пивом пойдёт!

Во-вторых, наши предыдущие руководители не оставляют коллектив без внимания и с помощью некоторых работников филармонии делают гадость. Вместо уже понятного и почти полюбившегося севера нас посылают в южные районы. Мы ещё не знаем, какой уровень коварства и подлости таит эта поездка, а когда узнаём – уже поздно. Месяц концертов по деревням, где клубы с печкой, сцены без занавесов, а в нескольких случаях занавесы без сцены, где дороги в основном грунтовые и на дворе сентябрь с дождями. Гостиницы в райцентрах соответствующие, горячая вода только в стакане от кипятильника и политкорректным словом «удобства» называются находящиеся в конце коридора не унитаза даже, а грязные сральники. Не нравится слово? А вам бы туда зайти! Держимся из последних сил, переезжая каждый день по два раза из деревни в деревню. Повторюсь, без грузчиков – то есть всё таскаем, включаем и настраиваем сами.

Апофеозом становится переезд из райцентра Бердюжье, где мы прожили несколько дней, обчёсывая близлежащие деревни по бездорожью, в не менее райский уголок под названием Армизон (сколько всего интересного забыл, а вот эту ху..ню помню). Дорога традиционно грунтовая, то есть просто грязь, а тут ещё осенний беспросветный дождь. Ехать километров пятьдесят. Местные мужики говорят, что автобус точно не

Ярким, красочным представлением явились концерты колыбельно-инструментальной группы «Зодчие». Корреспондент «Ишимской правды» встретился с директором эстрадной программы Виктором Рысиным.

— Нам приятно, что мы вновь встретились с ишимцами, — говорит В. Рысин. — Нам дорога каждая встреча с вами и хочется работать еще лучше. Наша главная задача — нести в своем искусстве прекрасное настроение, ведь песня и музыка всегда шагают рядом с нами. Теплый прием, искреннее сибирское гостеприимство — вот что сопутствует артистам на всех концертах.

Этот коллектив сравнительно молод, но на профессиональной сцене делает уверенные шаги. Артисты в постоянном творческом поиске, они ищут свой почерк, свой ответственный только им, тщательно работая над подбором репертуара.

Нельзя отметить, что это второй состав ансамбля, ишимцам намерено, помимо недавних гастролей ВИА «Гуслиры». Основа осталась прежней, сменились лишь некоторые участники коллектива, но по творческому почерку зрители легко узнавали бывших «Гуслиров». «Зодчие» стремятся к тому, чтобы каждый концерт был ярким, праздничным представлением, и когда закрывается занавес, они радуются, что встреча прошла интересно, что они обрели новых друзей, поклонников эстрадной песни.

Вряд ли после встречи с «Зодчими» забудешь, то

тепло, которое царит в зрительном зале на протяжении почти двухчасовой программы. Чувствуется, что артисты в первые минуты своего выступления протягивают невидимые нити к зрителям. Это и есть те Узы взаимопонимания, без чего немислим эстрадный концерт.

● У нас в гостях

«Зодчие»

Оригинален концерт Леонид Филоненко, который не только удачно связывает номера концертной программы, но и с особой легкостью пародирует и своим появлением на сцене вызывает добрую улыбку зрителей.

«Симетар» вокально-инструментальной группы «Зодчие» заметно отличается от репертуара многих других групп. «Симетар» вокально-инструментальной группы «Зодчие» заметно отличается от репертуара многих других групп не только отличные музыканты, аранжировщики, но и солисты. У каждого хорошее голосовое данные, творческая индивидуальность. Зрители тепло принимали выступления пианиста и солиста Александра Суздальева, флейтиста и вокалиста Алексея Киселева, ударника Алексея Зотова. В любом исполнении ими музыкальное произведение, будь то композиция «Аллегория» или посвящение Дякону Ленинову, чувствуется философское протекание стихов, а голоса солистов сливаются в единое целое, мелодия и свет служат фоном, на котором происходит действие.

Нак легко и искусно показывала свое мастерство артистка оригинального жанра, лауреат Всероссийского конкурса артистов эстрады Александр Балабаев, особо хочется сказать о музыкальной позиции по поэме известного советского поэта Дмитрия Кедрин «Зодчие». Она и является стержнем всей программы. Композиция длится всего 13 минут и в финале, в гаснущем свете прожекторов и софитов, мы видим истинное творение рук человеческих — храм Василия Блаженного на Красной площади. «Зодчие» по-своему тонко, оригинально подошли к решению этой задачи и от того музыкальная композиция выигрывает вдвойне. Надого запоминаются голоса солистов Алексея Киселева, Александра Суздальева, Алексея Зотова и Юрия Давыдова. Незаметно и легко выступают вслед за фортепьяно флейта, ударные и электронитар. Музыка написана руководителем группы Юрием Давыдовым и гротесковой форме.

Мы не случайно включили это произведение в свой репертуар, — говорит в заключение Виктор Рысин. — Зрители очень тепло и сердечно принимают это произведение, а та особая тишина в зрительном зале во время представления нам дорога.

У нас в гостях — «Зодчие». Хочется пожелать большому творческому коллективу молодым, изобретательным, истинно влюбленным в музыку и песню работам.

Ф. БАЛАНТОВ

пройдёт, стало быть, единственный вариант – это грузовик с повышенной проходимостью. Добываем где-то ГАЗ-66 военного образца, запикиваем аппарат, как-то втискиваемся сами в этот же кузов, крытый тентом. Хитрый Никсон с видом человека, умеющего жить с комфортом, обустроивает себе лежачее место между бортом и грудой колонок. Потихоньку ковыляем, чувствуя каждый момент, что грузовик дорогу не держит и скользит по ней, как по льду. На одном из поворотов, несмотря на малюсенькую скорость, машину начинает заносить бортом вбок, причём именно тем, где лежит Никсон. Шансов нет, ещё секунда – и она опрокинется в кювет. Мы, как тараканы из всех щелей, успеваем выпрыгнуть, а Никсона уже зажало ящиками – ему не выбраться. Не знаю, сколько сантиметров не доскользил грузовик до точки опрокидывания, но очень немного. Может, из-за того, что мы выскочили, он стал легче и, к счастью, неустойчиво замер. Мы аккуратно, буквально на цыпочках, откидываем задний борт и, как хрустального, выволакиваем Никсона из заточения. Всё это время он сначала орёт, потом бормочет, потом просто всхлипывает. Я впервые слышал столько матерных слов подряд. Немудрено! Очень кстати оказался проезжающий мимо трактор. Мы облепляем его, как мухи липкую ленту, он цепляет грузовик и вот так, с ветерком, часа через полтора мы прибываем в конечный пункт. Говорят, «Битлз» тоже в первый раз ехали из аэропорта в Нью-Йорк в открытом лимузине, только погода была хорошая.

Узнаём, что гостиницы в Армизоне нет вообще и для всех заготовлены матрасы на полу прямо в Доме культуры, правда, в библиотеке – уважили. Но есть и хорошее. В фойе нас ожидает вызванный несколько дней назад из Москвы друг и фанат, некто Лёва, который за то, чтобы побыть в коллективе, согласен работать в качестве тягловой силы – надо сказать, весьма кстати. Смешной, беззубый, позитивный, по-пролетарски смекалистый и бесконечно преданный группе. Пока мы ехали, он уже договорился с местными, что кто-то принесёт соленые огурчики, кто-то – маринованные грибочки, кто-то – рассыпчатую картошечку, а ещё кто-то ... Лёва таинственно закатывает глаза – сюрприз! В общем, жизнь потихоньку налаживается. Коротко совещаемся: всё равно, пока дожди, нам отсюда не выбраться, а райцентр большой, три дня по два концерта выдержит, тем более Дом культуры, сам по себе, вполне приличный, свежестроенный. А по округе не поедем: как дороги подсохнут – сразу в Тюмень. У нас есть что сказать родной филармонии. Начинаем готовиться к вечерним концертам, а параллельно сказка становится былью. Уже и картошечка здесь, и грибочки с огурчиками ждут, и сало откуда-то нарезалось. Но это всё на потом, а пока заканчиваем настройку. В фойе уже полно народу,

последние аккорды – и мы с минуты на минуту откроем двери в зал. Вдруг из фойе доносится грохот разбитого о кафельный пол чего-то большого-тяжёлого-стеклянного, и сотни зрительских глоток издают пеструю какофонию – от истерического хохота до возмущённых криков. Выбегаем на шум – о Боже! Этот придурок Лёва ухитрился расколоть тот самый сюрприз – трёхлитровую банку самогона, которую от сердца приволок какой-то потенциальный поклонник. Причём, он окатил брызгами и осколками самых уважаемых людей с билетами в первый ряд. Не говорю уже о том, какой запах (по-нашему – штунг) моментально заполонил всё пространство. Посреди этого ужаса стоит сам Лёва, мокрый, с виноватым видом разинув беззубый рот. Хичкоку не снилось! А времена-то советские, и с юмором не у всех хорошо. И те, у кого хорошо, как раз не опасны. Опасны те, которые серьёзные. Одно письмо от ветерана войны или ударника сельского хозяйства в филармонию или газету – и всё. Сливай воду, ансамбль «Зодчие»! Никакие аншлаги не спасут. Мне приходится публично извиниться, тут же при всех строго объявить Лёве, что он уволен и духу его завтра здесь не будет. Кое-как народ успокаиваем, фойе проветриваем, осколки собираем. Концерты проходят хорошо, нам всё прощают, благодарят, говорят, что придут ещё раз. Поднимаемся к себе, из чего-то сооружаем стол, как-то рассаживаемся и ужинаем, кляня Лёву на чём свет стоит, потому как, рассчитывая на «сюрприз», мы ничего не закупили, а переживаний для одного дня слишком много, чтоб заснуть трезвыми. А вот и сам Лёва, робко открывает дверь, держа полную сумку с чем-то звякающим. Мол, виноват, завтра уезжаю, но сегодня, во испупление вины, решил на прощанье проставиться. Дальше помню плохо, нас с Никсоном содержимое сумок вырубает быстрее всех и наглухо. Просыпаюсь утром, народ уже встал, завтракают. Взгляд натывается на Лёву, сидящего за столом. «А ты чего здесь делаешь? Ты же уволен». Лёва хлопает ресницами, а вся толпа делает мне страшные глаза и крутит пальцами у виска. Я не отступаю: «Позвольте все-таки осведомиться, что это всё означает?» Мои верные дружки, прыская в кулак и произнося вразнобой отдельные слова, открывают страшную тайну. Они ещё сидели, когда я среди ночи проснулся и на обратном пути из туалета, махнув ещё полстакана, Лёву простил и амнистировал.

Так проходит ещё два дня, в течение которых Лёва продолжает проставляться в особо крупных размерах, а на третий утром, как по заказу, выглянуло солнце, и мы, уже в автобусе, тепло прощаемся с этим славным местом (надеясь, что навсегда). Только отъезжаем, как наперерез автобусу бросается женщина средних лет и боевого вида, перегородив дорогу. «Куда это вы, орёлики, собрались? А платить кто

будет?» Час от часу не легче! Выясняется, что это директор винного магазина, в котором Лёва, со своей беззубой улыбкой, каждый день брал спиртное как бы под нас и как бы в долг – отсюда его такие щедрые проставления. Сгорая от стыда, извиняемся, расплачиваемся, а Лёву высаживаем из автобуса на растерзание, как в древности провинившихся матросов бросали за борт на съедение акулам.

Приезжаем в Тюмень, где нас ожидают готовые документы на продолжение сельского турне – путёвка ещё на 60 концертов в похожие места. Но, мы решаемся в первый раз показать зубы и категорически отказываемся ехать, идём в полном составе к директору филармонии и находим слова обосновать нашу позицию. Главный смысл – для выполнения плана по культурному обслуживанию села есть коллективы попроще и попокладистее. Мы свою карьеру видим несколько иначе.

Директор филармонии, Згерский Леонид Мечиславович, шестидесяти лет, стильный, статный, умница, начал работать директором ещё при Сталине. У него делали первые шаги Зыкина, Гуляев, Пугачёва. Гигант, причём настолько непростой, что кажется бесхитростным. Знаменитая поговорка – если про человека говорят, что он хитрый, то он уже не хитрый. Аккурат про него – в том смысле, что не говорят.

Внимательно нас выслушивает и отдаёт распоряжение изменить маршрут в сторону северных районов. Что и требуется доказать: там и дороги с твёрдым покрытием, нет этой ужасной грязи, и суточные не 2.60, а 3.50, и продукты получше, и зрители не коренная деревенщина, а активные люди, в большинстве молодёжь, приехавшие из Москвы, Ленинграда, Украины, Прибалтики зарабатывать, а кроме того, быстро, без раскочки войти в настоящую взрослую жизнь.

Много позже я понимаю, что эти сельские туры были потрясающей профессиональной школой. Грубо говоря, в больших залах, дворцах спорта, на стадионах, даже в Кремлёвском Дворце всегда можно улучшить момент, чтобы почесать жопу, если зачесалась. А здесь нет. Потому что сидят в зале в двух метрах перед тобой, не поклонники группы, отстоявшие очередь и доставшие вожделенные билеты (будет и такое), а восемь трактористов, четыре старухи, двадцать детишек и одна коза – концерт приехал! И ты должен перед ними полтора часа находиться и что-то такое вытворять, чтобы понравиться. Сложный вопрос, потому что на такие концерты есть специально заточенные сельские бригады: «скрипка, бубен и утюг», «цыганские лилипуты на льду» и тому подобные безымянные герои внедрения культуры в массы, денег в кассы. Эти могут выступать и

в поле, и в вагончике, и в яслях – лишь бы концерты шлёпать (или на сленге – палки строгать). А мы-то на взлёте. У нас впереди «Олимпия», «Карнеги-Холл» и «Уэмбли». Только вера в свою звезду позволяет нам держаться. Кстати, я здесь описываю много алкогольных ситуаций, но при этом перед концертами мы не пьём никогда. Никаких жёстких установок и клятв на крови – просто как-то не прижилось это у нас.

Один раз за всю карьеру такое случилось – до сих пор стыдно (об этом уже скоро). Правда, Буба иногда играет слишком неточно (и об этом позже). Списываем до поры на холод и невозможность толком разыграться.

Пердуны и Витязи

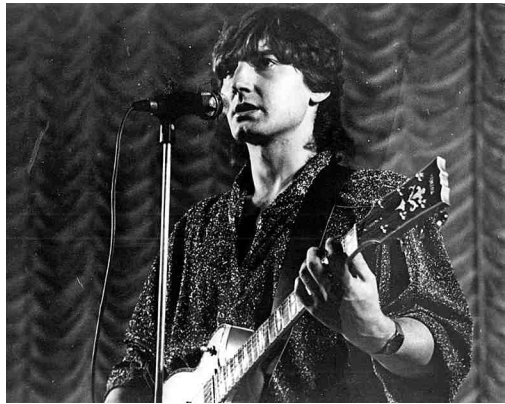
В целом, мы стали абсолютно гастрольными волчарами, сам чёрт не брат, напугать уже ничем невозможно. Коллектив давно разбит на несколько подгрупп.

Первая – алкогольно-сексуальная эскадрилья, гордо именующая себя «Витязи», искатели приключений, стоически переносящие последствия своих подвигов в виде периодических фингалов и закономерных симптомов.

Вторая – «Пердуны», ведущие абсолютно небогемный стиль жизни в виде таскаемых с собой электроплиток, кастрюль, запасов круп и консервов, докупающие в местных магазинах картошку, морковку и лук. Запах из их номеров сводит с ума. Но самолюбие «Витязей», умноженное на тайное уважение к «Пердунам», особенно после концертов, когда жрать нечего, никогда не позволит постучаться на тарелку супа, да те и не нальют. Впрочем, и «Пердунам» на фоне критично затянувшегося воздержания, двери в номера «Витязей» с доносившимися оттуда песнопениями и звонким девичьим смехом закрыты, вход заказан.

Исключение составляют общепраздничные мероприятия, когда «Пердуны» варят побольше, а «Витязи», в свою очередь, снимают девушек с запасом.

Есть ещё третьи – малочисленные и всеми презираемые субъекты, норвящие

Никсон

лавировать между первыми двумя, да так неуклюже, что ортодоксальные «Витязи» и «Пердуны» даже не стали придумывать им название.

Конечно, подмывает назвать фамилии и принадлежность каждого, но справлюсь с этим соблазном. Некоторых, к сожалению, уже нет с нами. Живым ещё хуже – жёны-дети начнут расспрашивать подробности. Поэтому оставим каждому путь к отступлению.

Нас ждут северные посёлки и города, в одном из которых сталкиваемся с доселе невиданным. Днём перед концертом «Пердуны» кашеварят, а «Витязи» идут на поиски общепита. Сразу от гостиницы, вдоль дороги, просто россыпи, поле непаханое стройных отборных подосиновиков. Берётся ведро, и первый раз в жизни мы не ищем грибы, а просто наполняем ёмкость. На это уходит минуты четыре. Фантастика!

Поскольку «Пердуны» всё прошёлкали, а «Витязи» происхождение грибов не раскрыли, согласован внеплановый общий ужин по расчёту: «Витязи» приносят грибы, а «Пердуны» их жарят. При этом водка и чай остаются в рамках кастовой принадлежности.

Как-то раз, после концерта, в очередном нефтегазостроительном посёлке к нам подваливает некто одноногий с чёрной бородой и костылями, от всего сердца приглашает на стакан водки. Заходим куда-то неподалёку, как-то рассаживаемся на чём-то, устраиваем скатерть-самобранку. Этот некто берёт в левую руку бутылку водки, в правую – нож-тесак типа сапожного и неожиданно резким наискось ударом срезает-сбивает горлышко вместе с пробкой, причём ни одного осколка, только бутылка и горлышко. Почтенному собранию он поясняет, что работает в местном ОРСе*, а по существовавшему в то время нормам, если предъявить разбитую бутылку с неповреждённой пробкой, то эта бутылка списывается как разбитая при перевозке.

Опыта длительных поездок ещё не хватает. Начинает трещать по швам одежда, не рассчитанная на таскание аппаратуры и лазанье в кузова грузовиков. У Зотова, в какой-то момент, отрывается рукав рубашки, у Никсона на куртке ни одной пуговицы, у Киселёва джинсы протёрлись до дыр. Придётся терпеть до Москвы. Кисель под джинсы надевает синие треники – и ничего не видно. Никсон перетягивает куртку ремнём, и по крайней мере не холодно. Зотов же, определив бывшую красивую рубаху в рабочую одежду, надевает сверху чёрный брезентовый плащ времён кинофильма «Семеро смелых».

* ОРС – Отдел рабочего снабжения – структура, отвечающая за то, чтобы у работников на столе реально были съедобные продукты. Значение ОРСов было важнейшим в условиях неналаженной торговли, в частности, на Крайнем Севере.

Триумфы местного значения

Двадцать девятого октября в городе Урай торжественное заседание, посвящённое Дню комсомола, после чего наше выступление. Но туда ещё надо добраться вертолётom из какого-то посёлка. И, как назло, жуткая непогода, липкий снег, туман – короче, вертолёты не летают. Наконец, во второй половине дня садится Ми-8, специально посланный за нами. Опаздываем уже часа на полтора. Лётчики по связи докладывают, что нас забрали, взлетаем. С той стороны рации начальственные просьбы максимально ускориться. Максимально – это как? Вертолёт же не ракета. Летим как летим. На том конце успокаиваются и говорят, что народ не расходится, ждёт. Садимся – здесь уже настоящая зима: минус пятнадцать, а мы в демисезонном. Но и это не всё. Лётчики говорят, что им нужно лететь дальше, а уже практически стемнело. В полной темноте им взлетать запрещено, поэтому они умоляют нас войти в положение, то есть вертолёт сядет, не выключая винтов, мы сбросим аппаратуру и вещи из дверей, ляжем на них, чтобы не унесло и не разбило, а они очень аккуратно взлетят прямо над нами. Мы пацаны с понятием, преодолеем и это. Не учли только, что минус пятнадцать, точнее не знали. Как это можно описать? Восторга от собственного героизма никакого. Страшно и холодно! Наконец, они улетают к ебням, а мы грузимся и едем в городской Дворец. Сияющий огнями, очень большой, чистый и красивый. Урай к тому времени – уже достаточно обжитой город нефтяников, поэтому всё объяснимо. В зале торжество, знамёна, ветераны, пионеры, руководство – весь набор! Все нарядно одетые, с воодушевлением ждут концерта, причём ждут уже часа полтора. Видимо, слух по области уже пошел, да и газеты писали. Мы, в суматохе втаскиваем на сцену аппарат, благо несколько комсомольцев помогают, но включать-то мы должны сами.

Лёшка Зотов – в обычном виде...

...и в образе. Слева – конференсье Женья Вокаль

При нашем появлении на сцене воодушевление зрителей улетучивается. Мы из-под вертолёта, голодные, нечёсанные, небритые – натуральные бомжи, или, по-местному, бичи. Зотов судорожно расставляет барабаны, а они, напомню, стоят на авансцене справа. Чёрный брезентовый плащ ему мешает, он в запаре его сбрасывает, а там красивая рубашка с одним рукавом. Зал не выдерживает, в мёртвой тишине чей-то упавший голос:

– Парень, у тебя рубашка с одним рукавом...

Зря он это, Зотова злить не надо:

– Это я жилетку из неё делал, не успел.

И отрывает второй рукав:

– Теперь нормально?

Через пару минут в дверях перед сценой появляется наряд милиции, зорко следя за каждым нашим движением. Наскоро отстраиваемся и бегом за кулисы. Организаторы нас подгоняют, требуют начать через пять минут. Мы отвечаем, что ровно через двенадцать. Народ не уходит, остаётся в зале. А мы уже умеем и побриться за три минуты без зеркала, и грязные волосы чуть-чуть присыпать мукой, слегка намочить и причесать, в конце концов, просто умыться. Каждое движение выверено. Конферансье Женька Вокаль выходит первым и начинает свой монолог. Значит, у нас ещё три с половиной минуты, чтобы переодеться и напоследок по очереди глянуть в единственное зеркало. Костюмы две недели назад стирали, пять дней назад гладили, так что одеты, считай, с иголки. Женька объявляет нас, мы выскакиваем, берём первый аккорд и видим, что зал выпал в осадок. В сознание зрителей не вмещается, как за десять минут эта босота, сироты казанские сумели превратиться в нарядных, красивых, холёных парней, к тому же классно поющих.

Это был один из самых удачных концертов. Народ, заведённый контрастом перевоплощения, плюс мы сами, после всех мытарств оказавшись в настоящем, тёплом и уютном зале, себя не щадим, силы не экономим, эмоций не жалеем.

Сразу после концерта, с последним аккордом публика в буквальном смысле слова нас не отпускает даже переодеться, вылезает на сцену, фотографируется, берёт автографы. Зотов всё ищет чувака, который выступал, чтобы расписаться ему на оторванном рукаве, но тот смылся.

Наутро после концерта начинается привилегированная жизнь на все четыре дня пребывания в этом расчудесном месте. За нас взялись на уровне не самых крутых перцев, конечно, но вполне соответствующем приёму руководителей средней руки из Москвы, прибывших в

командировку. Для нас: бассейн в любое время суток, пропуска в исполкомовскую столовую, все номера с горячей водой, а главное – пиво!

Урай был крайней точкой, где есть единственный в округе, самый северный пивзавод, причём из-за чистой и мягкой воды пиво вкуснее. Соответственно, вся округа, в радиусе пятисот километров правдами и неправдами находит поводы послать в Урай вертолёт, например, для подписания жизненно важных и срочных бумаг, чтобы на обратный путь набить его под завязку вожделенным напитком. Так вот, каждый день нас ждёт ящик бесплатного пива, который не столько экономит деньги, сколько поднимает самооценку на недосягаемую высоту.

«Пьяный» концерт: первый и последний

Но всё хорошее в жизни заканчивается, даже Урай. На волне позитивных эмоций прибываем в Салехард, гордо и высокопарно именуемый столицей Ямало-Ненецкого округа. На самом деле не город даже, а так – населённый пункт, застроенный непонятно как, непонятно какими домишками.

Можно, конечно, умиляться деревянными тротуарами, котлетами из оленины, пирожками с брусникой, но всё остальное... Все стремительно развивающиеся города, где кипит движуха, далеко в стороне, а Салехард – дыра дырявая, тягучее болото с ленивым, унылым и, мягко говоря, неподвижным населением. Дальше водки и рыбалки фантазия не идёт. Мы не рискуем вечером зайти в ресторан на первом этаже нашей двухэтажной деревянной гостиницы «Ямал». Причудливая смесь хитровских трущоб Гиляровского и покорителей Аляски Джека Лондона. Каждые пять минут распахивается дверь и из полутёмного зловонного зала, в клубях табачного дыма и оглушительной музыки околотюремного репертуара (ныне шансон!), выползает очередной пополамный персонаж промокнуть снегом расквашенную рожу. Ни одной женщины мы так ни разу и не увидели, хотя визги и вопли доносились. И вот в этой обстановке нам надо продержаться три дня и шесть концертов, которые Макс на радостях залепил: афиши висят, билеты продаются – всё, мы привязаны. Концерты идут натужно, публика невосприимчивая и неэмоциональная: сидят в тулупах и шапках, смотрят, почти не хлопают. Причём, им вроде как нравится. Мы честно очень стараемся, но... не хлопают. Видимо, не принято. Так проходят первые два дня, а на третий...

Первый и последний раз за всю историю группы мы выступаем пьяными. Третий день совпадает с праздником 7 ноября, и концерты

начинаются раньше обычного. Приходим загодя на настройку и порепетировать (лишь бы из гостиницы!). В Доме культуры нас уже ждут новые знакомцы – два весёлых непросыхающих дурня, уже в возрасте, один киномеханик, второй электрик или наоборот. Фамилию одного из них помню до сих пор – Нечитайленко. Вот они с утра и завели песню: мол, делать вам нечего, всё равно по праздникам у нас народ дома сидит – никого не будет. Зовут в каптёрку, где уже, как положено, на свежей газетке, разложен добротный северный стол: строганина, рыба всякая, соленья, грибочки и гвоздь программы, венец мироздания – двухлитровый бутыльчик вкуснейшей брусничной на водке

А вот это не просто фотография, это портрет эпохи! Не знаю, кто и с какой целью запечатлел прикроватный столик в номере Зотова, но мне она объясняет всё, что происходило накануне. Это Тюменская область, где-то на Севере. После концерта кто-то пришёл к Лёшке посмотреть телевизор (чёрно-белый «Шиялис», который Зотов возил с собой – в номерах телевизоры были редко и работали плохо). Из-за временной разницы программы шли до часу-двух ночи. Потом захотелось выпить. Этот таинственный кто-то сбегал в свой номер за водкой (Лёха пил только на шáру), зато к столу было подано овсяное печенье, банка маринованных помидоров с единственной вилкой, пачка «Беломора» со спичками, вода из-под крана в графине и какие-то консервы в правом верхнем углу, которые без ножа так и не смогли открыть. Когда вся закуска закончилась, была выставлена банка сгущёнки с двумя дырками (через одну не потечёт), сделанными ножничками для ногтей (справа внизу) из походного несессера.

Оттуда же утром был изъят и щедро использован одеколон, чтобы нейтрализовать запах этого ужаса. Так жили. Кому не нравится, не смотрите!

настойки (накануне после концерта попробовали). Причём, судя по отсутствию трепета в глазах и неаккуратному, с брызгами, разливу, бутылник явно не последний. Они приглашают, мы отнекиваемся. Они настаивают, ещё настаивают, сильно настаивают и мы... не поддаемся! Выходим на первый концерт, а там то же самое, что и на предыдущих, плюс ко всему – все зрители пьяные, ну не в дупель конечно, но пьяные, это видно. Кое-как доползаем до конца, но, поверьте, петь композицию «Зодчие» для такой публики есть не самое благодарное занятие. Чертыхаясь, заканчиваем концерт, впереди второй, у нас час времени, которое нечем занять, а здесь эти два змея под ногами увиваются. «Пошли к нам, вы не видите, что ваши старания никому здесь не нужны? Разве мало того, что хотя бы два человека в Салехарде искренне вас любят и восхищаются творчеством? Строганина до конца концерта не дотянет, да и мы тоже!»... Уговорили! Садимся, начинаем, продолжаем, ещё продолжаем. В самом разгаре вспоминаем про концерт, в нашем сознании он уже не больше, чем досадная пауза в столь душевно протекающем застолье. Гостеприимные хозяева вдруг спрашивают, можно ли в какой-нибудь песне выйти на сцену и просто постоять вместе с нами, осуществив, таким образом, самую заветную, но до сих пор не сбывшуюся мечту. Можно! Конечно, можно! Сегодня всё можно!

«Старого деда» в этот раз не допоем.

Пора начинать. Пьяные все, кроме Родьки, включая конферансье Женю, администратора Макса, звукорежиссёра Чижова и светооператора Мамаева. На ногах, конечно, стоим твёрдо, но не более того. Женька Вокаль часто-часто моргает покрасневшими глазками, язык временами прилипает к нёбу. Чиж выставил локти на пульт и немигающе уставился на сцену. Стало быть, он нас точно видит. Интересно, слышит ли? Мамай, во время приветственного монолога, поочерёдно включает то синий, то зелёный свет. Ну, хоть не стробоскоп. Итак: «Встречайте! На сцене группа «Зодчие!»

Выходим. Батюшки! Полный зал нарядно одетых, с нормальными лицами молодых ребят и девушек. Уже потом узнаём, что восторженный слух о нашем концерте пошёл с самого начала. И вся молодёжь применила свой стандартный для этого города приём. То есть, чтобы не оказаться в зале с обычной салехардской публикой, они договорились пойти всем на самый последний концерт, оторваться в своём кругу.

Но, получается, что отрываемся мы сами в их кругу. Весело только нам, и это веселье быстро проходит. Начинаем изо всех сил перебарывать ситуацию. Фигушки! Брусничная настойка держит крепко, не отпуская ни на шаг. Любое соло Бубы на клавишах ближе к авангардному джазу, чем к исполняемому произведению. Никсон тоже играет в стиле ранних Пинк Флойд, только очень громко. Я время от времени совершаю на басу гармонические открытия. Хитрый Зотов отказался полностью от мелких барабанных рисунков и долбит только жёсткий ритм, что позволяет нам не рассыпаться окончательно. Киселёв бросил петь и сосредоточился на работе с залом, широкими жестами призывая публику повеселиться вместе с нами. И только трезвый Родька, от безысходности уткнувшийся в скрипку, зыркает оттуда укоризненным взглядом. К середине концерта свалившийся в штопор самолёт начинает потихоньку выравниваться, благо в этом месте несколько несложных быстрых песенок, да и мы до предела жмём на морально-волевые качества. Вдруг новая напасть: заручившись нашим обещанием, Нечитайленко со своим дружкой появляются на сцене. Аналог современной телепередачи – «Минута славы». Мужики они не промах: успели где-то из драмкружка слямзить сценические костюмы и предстать перед зрителями в образе. Один в длинной русской рубахе и лаптях – чистый дедушка-сказитель из «Садко», только без гуслей. А второй – в полном обмундировании времён Великой Отечественной войны, включая свёрнутую в кольцо и одетую наискось плащ-палатку, бутфорский автомат и каску: ни дать ни взять – «Отец солдата». При этом, с широкими улыбками на сияющих лицах, они принялись вразнобой и

невпопад маршировать на месте. И даже это публика нам прощает, тем более что мы уже почти отрезвели. Песня закончилась, наши былин-ные герои прямым ходом рванули в каптёрку отмечать дебют – можно работать дальше. Остаётся абсолютно беспроигрышный русский блок с композицией «Зодчие» в финале.

Блок начинается с русской народной песни «Старый дед», первые слова которой пелись акапельно, то есть без инструментов:

«Старый дед задумал
Другой раз жениться...»

После этого сидящий на стуле Дед в исполнении Родьки начинает высекать искры из балалайки, включаются остальные – и дальше всё на одном дыхании. Но это в обычном состоянии, а сейчас...

Довольно слаженно поём первую строчку: «Старый дед задумал...» Набираем воздуха петь вторую, и вдруг Родька (заметим, единственный абсолютно трезвый) издаёт дикий хрюкающий возглас и начинает истерично ржать, причём бесшумно у него не получается, и всё, на что он способен, – это, закрыв лицо руками, громко-громко рыдать, типа, плачет от горя. При этом он осознаёт глубину падения, и мы видим, как одной рукой он удерживает балалайку, а второй, задрвав сзади рубаху, начинает изо всей силы щипать себя за поясницу, чтобы через боль победить смехунчик. И ему это почти удастся, но здесь уже мы не выдерживаем – есть предел человеческих возможностей. Две-три попытки собраться и продолжить песню лишь усугубляют ситуацию. На сцене шесть блеющих баранов, корчащихся от смеха. Становится ясно, что вторую строчку нам не спеть никогда. Но произведение надо как-то завершить, коли начали. Пытаемся песню рассказать в прозе своими словами, каждый вносит свою лепту, сквозь хохот, задавая Деду конкретный вопрос и снова выпадая в осадок:

«Дед, что же ты задумал, а?
Дед, ты что, с ума сошел?
Дед, зачем же тебе это надо?»
И даже дать указание:

«Дед, хорош народ смешить, иди домой к бабке!»

У Зотова рассыпаются барабаны. Буба случайно нажимает на клавиши носом. Чижов с Мамаевым за пультами в зале умирают, обнявшись. Миссин на стуле рядом с ними, как выяснится потом, описался.

Всё!!!... Нет, не всё! Из-за кулис с видом «Последнего самурая» выходит Вокаль – самый опытный, самый профессиональный. Мы спасены! Переступая через корчащихся, кто на корточках, кто в три погибели, а кто уже просто лёжа, зажмурив глаза и зажав пальцами уши, доходит до микрофона и громко с выражением возглашает: «Жи-

ли-были старик со старухой!» – после чего, как есть в тройке и бабочке, растекается на полу вместе с остальными. Вот теперь всё!

Зрители одновременно встают и направляются к выходу. В полном молчании – ни ругани, ни упрёков, лишь одна девушка негромко говорит: «Ребят, за что вы нас так обидели? У нас же праздник сегодня!» Подействовало. Вскაკиваем, начинаем извиняться, просим дать нам пятнадцать минут, чуть ли не за руки хватаем, а они просто молча уходят, глядя на нас, как на козлов. Так хреново на душе не было никогда. Даже сейчас вспоминаю – и такая стыдоба. Постараюсь этот эпизод не перечитывать. Но что правда, то правда – больше алкогольных опытов на концертах мы не ставили. Ставили после.

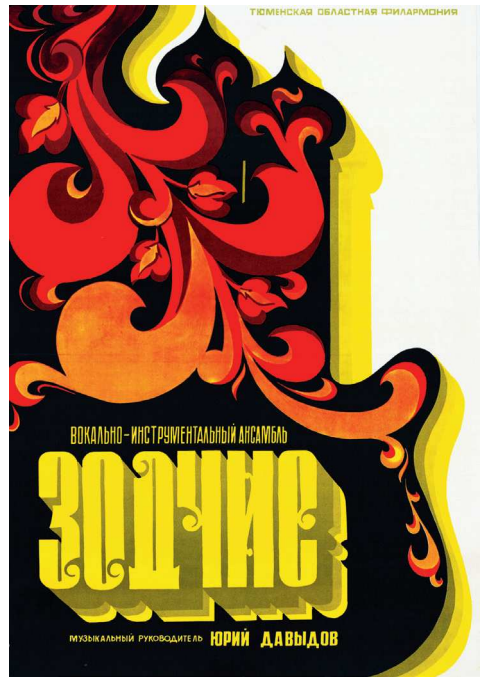
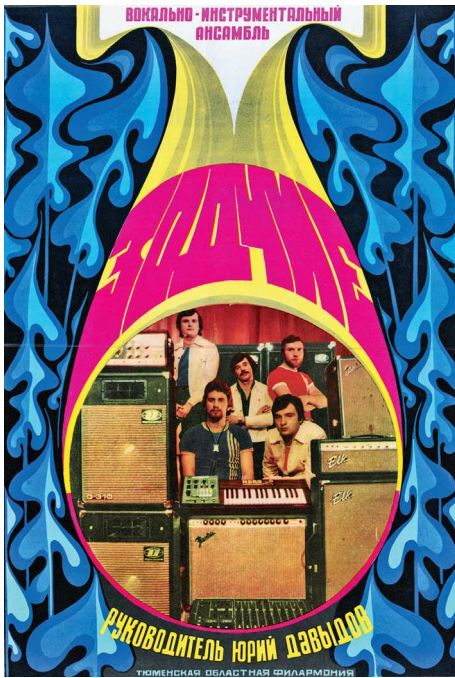
Это была самая длинная поездка за всю историю. Два с половиной месяца.

Путь в цинизм

Возвращаемся в Москву. В Доме культуры наконец просекли по поводу наших «комсомольских ударных» поездок и требуют поставить всё на профессиональные рельсы, то есть заключить договор с филармонией на аренду репетиционной комнаты и аппаратуры. А мы в этих вопросах ещё плаваем. Если сами поездки по Тюменской области уже отскакивают, что называется, от зубов, то как развивать и продвигать группу на новый уровень, мы понятия не имеем, хотя очень хотим. К тому же появляется подозрение, что филармония нам в этом вопросе не помощник. Скорее, наоборот: их вполне устраивает наш сегодняшний статус областного коллектива, шлёпающего план по концертам в родной Тюменщине, да ещё и с прибылью.

Но зато мы живём жизнью профессиональных артистов. Никаких утренних подъёмов на работу, можно репетировать хоть с утра до ночи, и вообще, голова ничем, кроме группы, не забита. По сравнению с нашими одноклассниками-однокурсниками, вроде как вырываемся вперёд – как же, артисты, гастролы, красивая жизнь, поклонницы. Мы этот миф в целом поддерживаем, тактично опуская самые сокровенные детали касаясь географии поездок, сельских клубов и всего того, что в настоящий момент сопровождает нашу «звёздную карьеру».

Хотя, как посмотреть. Мы за полгода прошли такую творческую и жизненную школу, стали абсолютно зрелыми, самостоятельными мужиками, зарабатывающими вполне достойные для нашего возраста деньги, опять же занимаясь любимым делом. Осталось только правильно распорядиться плюсами нашего положения и, как можно бы-

стрее избавиться от минусов того же положения. Если об этих самых минусах сказано уже немало, давайте, наконец, о плюсах. Первый и главный – в Тюменской филармонии за все годы работы никому даже в голову прийти не могло вмешиваться в наши творческие вопросы. То есть абсолютная свобода. Это для тех, кто сейчас кричит о страшных зажимах, цензуре, запретах при проклятом советском строе. Мы столкнёмся с ними позднее, в Москве, и довольно быстро научимся максимально комфортно обходить все препоны. Единственным вторжением в нашу личную музыкальную жизнь есть и будут неустанные попытки художественного руководителя филармонии Проскуракова включить в наш репертуар свои многочисленные опусы, типа:

«Случаются такие вечера,
 Когда, присевши на поляне кругом,
 Геологи притихнут у костра,
 Стесняясь взглядом встретиться друг с другом...»

Нехило? Или:... Нет, в стихах не вспомню. Суть песни, написанной к Олимпиаде, была заложена в ключевой строчке, венчающей каждый припев. Типа, выходи, неизвестный друг, посоревнуемся в Москве. Пусть не на минном, а на футбольном поле будет ясно, кто из нас сильнее и круче.

И это все серьёзно, представляете? И таких песен у него уйма – член Союза композиторов. Это ещё видеть и слышать надо. Типаж обалденный, старый дятел, чистый товарищ Огурцов из «Карна-

вальной ночи», правда, в душе безобидный. И вот он заводит меня под ручку в кабинет, сажает к пианино и хорошо поставленным плохим голосом начинает очень выразительно и старательно выводить ЭТО, время от времени заодно поглядывая на меня в ожидании объективной, в смысле восторженной, как художник художнику, оценки. Рассказывать об этом смешно. А тогда мне приходится, чтобы старика не обидеть (душевность здесь ни при чём, от него зависят наши концертные ставки, утверждение репертуара и ещё куча малозначимых, но формально необходимых вопросов), изображать на лице сопереживание, вскакивать, просить повторить особо понравившиеся места, мечтательно закатывать глаза, причмокивать, радостно потирать руки, в задумчивости прохаживаться взад-вперёд по кабинету, держа за подбородок и шевеля губами. Об этом можно отдельную книгу написать. Трилогию «Путь в цинизм». Часть первая – «Детство» («Юность» и «Мои университеты» ещё впереди).

Отслушав с десятков нетленок и, боязливо косясь на толстенную стопку следующих, ждущих своего часа, прошу дать мне эту и эту, даже можно ещё вон ту. Сразу подкладываю соломку, в том смысле, по таланту ли мне, а тем более моим охломонам, исполнить эти вещи так, чтобы максимально раскрыть авторский замысел. Будем стараться изо всех сил, но получится ли... Вы сами художник, всё понимаете. Мне всё-таки кажется, что эти песни подойдут.

И пулей прочь!

В следующий приезд на его вопрошающий взгляд прямо с порога бодро говорю, что вот эта песня в работе, ищем оптимальную аранжировку, а эта, к сожалению, не пошла – текст всё-таки не дотягивает (он-то музыку пишет!), а что касается той, она должна отлежаться, скоро приступим. Он:

– Может, ещё показать что-нибудь?

– Благоволите!.. С удовольствием!.. Ничего себе!.. Что ж вы в тот раз не с них начали?.. Лучшее на потом приберегли, Авенир Владимирович?.. Ха-ха!.. Давайте эту, эту, эту, а ещё вон ту!.. Представляю, что у вас там в пачке лежит, если как следует покопаться!

Так, два-три месяца ещё протянем. Прости меня, Господи! Но должен же кто-то правду написать! Не один же я подобные экзекуции выдерживаю! Так всегда было, да и сейчас есть.

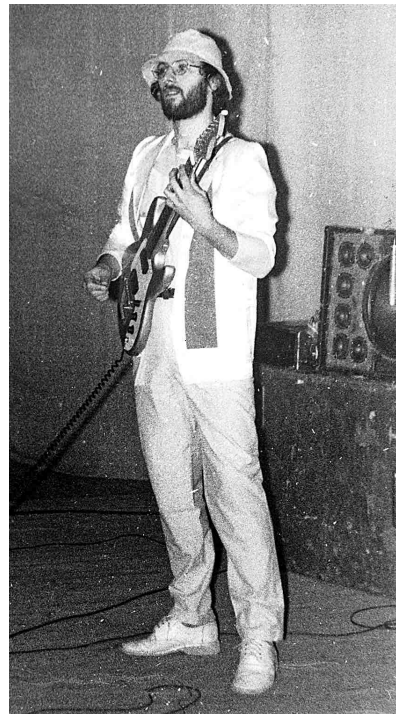
Самое смешное, что в конце концов мы одну песню действительно позже сделаем. Ту самую, первую, где «геологи притихнут», поэтому и текст помню. Дело в том, что мы катаемся по северам, где время от времени натываемся на торжественные даты и профессиональные

праздники. Как ни крути, а проще одну песню спеть, чем каждый раз выдерживать допросы на тему: вот, мол, полный зал сидит, ребята трудятся в нечеловеческих условиях, неужели у вас ничего нет про них, хотя бы одной песни? Ну что с ними делать, не петь же «Главное, ребята, сердцем не стареть»!

Вспоминаем про геологов, быстро соображаем, что по ситуации «геологи» в куплете легко меняются на «строители», «нефтяники», а если, допустим, некоторые профессии по ритмике не проходят, например, лесорубы, газовики или лётчики, то, отталкиваясь от географии, возникают, скажем, «таёжники» или «полярники».

Преступление и наказание

Решаем вооружиться этой песней на все случаи жизни! И худрук счастлив. А тут ещё сопутствующие факторы сложились благоприятно. Закончивший институт Лёшка Попов, после долгих уговоров, всё-таки через два года присоединяется к нашей банде, а парень он по-прежнему своеобразный. Пьём мы как-то в Сургуте после концерта в гостинице с местными музыкантами. Пьём, пьём, о том – о сём, в основном, конечно, о музыке. Где-то к трём ночи добрались до гитар, что свидетельствует об оптимальном сочетании количества выпитого, правильности тем для разговора и, видимо, общей благой атмосферы. Местные музыканты спели несколько битловских песен – стало быть, нам с Попусей и Родькой надо отвечать. У нас на этот случай есть несколько заранее отрепетированных трёхголосых заготовок, типа «Nowhere man», «Ask me why», «Help» – в принципе, достаточно. Причём, мы со временем научились весьма натурально обыгрывать как бы случайность происходящего. Мини-спектакль – от преувеличенных похвал в адрес местных: мол, здорово, молодцы! – до как бы совета между собой, что спеть в ответ. «Попуся, ты «Help» помнишь? Там слова ещё, дай Бог памяти, во вступлении... сейчас... Ага!

Попуся

«Help! I need somebody,
Help! Not just anybody,
Help! You know I need someone,
Help!...»

Вспомнил? Давай ты основной, а мы с Родькой на подпеве – он сверху, я снизу. Все всё поняли? Поехали! Раз, два, три, четыре – и выдём притихшим аборигенам нашу как бы импровизацию. В тот раз, после первой песни «вспомнили» вторую, потом третью и в конце всем столом «Golden slumbers». И тут Попусю клинит. Он начинает на фоне витающего над столом духа братства и любви гнусавым голосом доказывать, что мы не спели один куплет. Я ему:

– Попуся, ты рехнулся уже от пьянства? Где тебе приснился ещё куплет в песне, которая у всех на слуху и давно циркулирует по организму каждого битломана вместе с кровью?

А он своё, чёрт упрямый. Пытаемся всем столом доказать – ни в какую! Мне надоело:

– На коньяк! Все свидетели!

Он:

– Давай! А как докажешь? Я хочу сейчас убедиться.

Это уже не шутки, я аж трезвею от такой наглости. И что с ним делать в этой ситуации? Повторю вводные: город Сургут, ноябрь восемьдесят второго года, четыре утра, интернет ещё не изобрели, на улице минус 30, магнитофона под рукой нет, не говоря о дисках. Включается один из местных:

– У меня в подъезде живёт приятель, у него есть болгарская пластиночка «Световна естрада», на ней есть эта песня.

– А на чём слушать-то? Проигрывателя нет!

– Да, у него радиола. Но у другого приятеля, в соседнем подъезде, есть переносной проигрыватель. Четыре утра, конечно, но дело уж больно серьёзное. Только я один не поеду.

Короче, я одеваюсь, мы выходим на улицу, ловим какую-то «Скорую помощь» (почему-то без врача), по дороге рассказываем суть проблемы. Водитель возмущён попусиным поведением и заявляет, что он денег с нас не возьмёт, но хочет присутствовать при разрешении спора. С такой же просьбой обращаются безжалостно разбуженные ребята, те самые – один с пластинкой, второй с проигрывателем. Ближится кульминация. Мы впятером вваливаемся в номер, где продолжается застолье, включаем проигрыватель, ставим пластинку – там всё как надо. Попуся в говне! Он пытается напоследок выдвинуть совсем уже позорный тезис, якобы болгары один куплет вырезали, но всему есть предел, даже моему терпению:

– Попуся, гад, давай коньяк!

– А у меня нет, завтра отдам.

– Ах, у тебя нет? Но ты же услышать песню сейчас хотел, мы полгорода на ноги подняли, привезли тебе, поставили – сейчас, как просил! В общем, так. Филармония нас дрючит, что про Тюмень ничего не поём. Поэтому, как несостоятельного должника, в яму сажать не будем, но вот тебе песня про «геологов притихших», в наказание будешь её петь. Иди учи!

Выучил! На обычных концертах мы её, конечно, не поём, но на спецмероприятиях – за милую душу. Жизнь так устроена – деньги платят или за труд, или за позор. И с тюменской темой от нас, наконец, отвалили или отвалили на конец. Такие вот зигзаги столбовой дороги к творческой независимости.

Володя Белов

Поскольку мы до поры не нервировали родной худсовет в плане написания собственных текстов, то в благодарность за это никто и никогда даже не вякнул по поводу музыки. Как играем, так и играем. В плане же текстов согласовано три копытца, из которых можно водички выпить. Первое – это бесспорные русские народные песни плюс стихи проверенных советских авторов. Содержание при этом неважно. Поэтому мы находим шедевры сомнительной идеологии у Кедрина, Маяковского, Есенина, Евтушенко, Дементьева. Во втором нам с опаской, но разрешается экспериментировать с классикой – Шекспир, Некрасов, Бёрнс плюс совсем уже на грани – Гумилёв, Брюсов. С последними обязательное условие – стихи должны быть напечатаны в официальных изданиях, а такие есть. Третий вариант – это, опять же, тюменские поэты. Естественно, мы со своим московским снобизмом с порога отвергаем саму такую возможность. До тех пор, пока унылым ноябрьским вечером я, ужиная в какой-то пельменной, не разговорился с небольшой компанией студенческого вида. Совершенно очаровательные ребята. Узнав, кто я и зачем, они нагло заявили, что могут меня не удивить даже, а огорошить. Тем более это совсем рядом. Времени навалом, поэтому со скептической рожей, но иду. На первом этаже пятиэтажки в однокомнатной квартире нас встречает хозяин – Володя Белов, он немного постарше, лет двадцати восьми, с энергичным лицом, ясными глазами, мощными руками. Только вот ноги, маленькие, недоразвитые, беспомощно свисают с инвалидной коляски. Оказывается, в детстве на него в лесу упала срубленная дедом сосна и перебила позвоночник. Володя оказался хорошим поэтом и очень

яркой, сильной личностью. При полном отсутствии денег, кроме инвалидной пенсии, живя в спартанской обстановке, он сумел сделать свою квартиру центром тюменского молодёжного андеграунда, куда всяк мог зайти, показать свои стихи или песни, послушать других. Считалось моветоном прийти с пустыми руками, поэтому стол перманентно накрыт едой и не едой. Припозднившимся или уставшим за вечер гостеприимно предоставляется пол на кухне, что делает квартиру достаточно вместительной и постоянно обитаемой. Володя умело и привычно руководит этой разношёрстной, постоянно меняющейся компанией, поддерживая, советуя, а когда надо – и одергивая зарвавшихся или напившихся. Один раз он прямо из коляски даёт по морде одному придурку за не к месту, при дамах, употреблённую матерщину. И придурку мало не кажется. Володю практически не печатают, в его положении сочинять бодрые комсомольские вирши не умелось, да и не хотелось, скорее всего. Я и сейчас иногда перечитываю несколько оставшихся в доступе лирических, очень глубоких стихотворений. Года через два после нашего знакомства он уйдёт из жизни. В Тюмени помнят и по возможности внедряют, вернее, пытаются внедрять его имя и стихи в культурное наследие региона. Наверное, это те самые повзрослевшие девчонки и мальчишки, которых я тогда встречал у него. Спасибо им!

Я же тогда уговариваю разрешить мне попытаться положить кое-что из его стихов на музыку. Оказалось непростым делом. Начисто лишённый тщеславия и внешних амбиций, не имея коммерческих целей, он искренне не понимает, зачем нужно что-либо делать со стихами, которые, на его взгляд, и так хороши и самодостаточны. Он приводит безумно трогательные аргументы. Типа стихи, как мои дети, вот они дома, всё время на глазах, я знаю, кому их читаю, вижу, какую реакцию они вызывают, могу что-то пояснить или доказать. А так я не буду знать, кто их будет слушать, тем более с музыкой, да и зачем всё это! Тем не менее, отпускает на волю несколько отобранных мною и впоследствии реализованных стихов. Таким неожиданным боковым способом закрываю вопросы по тюменским авторам.

Сто десять концертов мы дали за два с половиной месяца гастролей. Пока филармония подводит и обсчитывает итоги, в ожидании зарплат сводим свои дебаты-кредиты. Отчётливо понимаем, что, пока мы не обзаведёмся нормальной аппаратурой, жизни не будет. Через этот суровый постулат проходят все музыканты той эпохи.

В те времена аппаратура в России больше, чем аппаратура. Это гарантия постоянных гастролей на больших площадках, стадионах, во дворцах спорта в хороших городах. Потому что любой концерт

надо как-то озвучивать. Попытки собирать на соплях нечто единое из разрозненных аппаратов, рассчитанных на обычные залы – это курам на смех. Нужной мощности и качества не то что в СССР, а и в соцстранах не выпускается. Западные аппараты считанные, их распределяют в Министерстве культуры с большой кровью и взятками. Правдами-неправдами делали самопальные комплекты, но, опять же, ящики для колонок сколотить можно по чертежам, а динамики, усилители, микрофоны, пульты всё равно нужны, а это огромные деньги. Вот и влезали в долги, комбинировали, хитрили, изголялись кто во что, но к аппаратуре стремились. Если подходящий комплект есть у популярного артиста или коллектива, то за его использование берутся отдельные деньги. И это уже головная боль директоров программ. Отсюда так называемые «сборные» концерты, где перед основной звездой (на администраторском сленге «гастролёром», или за глаза «мартышкой»), собирающей публику, в первом отделении выступает всякая «ботва» – жонглёры, танцоры, неизвестные певцы и группы, с которых собирается дань для оплаты той самой аппаратуры, а иногда и дополнительных чёрных конвертов для звезды. Если звезда не имеет аппаратуры, то к «ботве» припиливаются какой-нибудь выпавший из модной обоймы, но авторитетный исполнитель, успевший её в своё время хапнуть, какой-нибудь Кола Бельды, Иван Суржиков или эстрадный оркестр Утёсова, но без Утёсова. Такая система продумана «от и до», годами отработана и всех устраивает. Администраторам есть на чём проводить концерты, звёздам есть во что петь и получать левые деньги, «ботве» – чем ездить по хацепетовкам и мухосранским, лучше отдавать часть денег и работать комфортно. Так что, если есть аппарат, ты в порядке при всех раскладах. Для меня до сих пор загадка: почему аппаратура распределялась по коллективам и возилась по всей стране вместе со штатом техников и грузчиков вместо того, чтобы раз и навсегда обеспечить ею концертные организации и использовать на месте и в ближних регионах, как, собственно, происходит сейчас. Думаю, что система тех лет специально все подстраивала под себя. Главный критерий – это не общий коммерческий успех, а возможность вытащить при строящейся системе социалистического контроля деньги на обеспечение безбедной жизни всех, кто так или иначе был рядом с кормушкой. И действительно, здесь перечислены асы, умевшие это делать. Время от времени их ловили и даже сажали, но это часть профессии. В период поиска способов прорыва меня знакомят с одним из них, Яшей Давидовичем, который два года в бегах, со съёмной квартиры в районе «Динамо» продолжает рулить процессом, заделывает концерты,

комплектует программы и распределяет деньги. Общаться с ним – одно удовольствие. Весёлый, огненно-рыжий, еврей-умница, энциклопедия и кладёз историй, ситуаций и знакомств. От него узнаю массу полезного, интересного и смешного. Начал он, как с трёх китов, тремя анекдотами про эстрадных администраторов.

Первый. Июль сорок первого года, два администратора слушают по радио сводку новостей от Советского Информбюро. Голос Левитана: «Сегодня, после тяжёлых кровопролитных боев, наши войска оставили город Витебск». Один другому взволнованно:

– Семён, какой ужас, Витебск оставили!

Другой отвечает:

– Да брось ты! Подумаешь, Витебск! Да там зал всего на триста мест!

Второй. Сорок третий год. Одесса. Разгар оккупации. Немцы пытаются обнаружить и уничтожить подпольный отряд, скрывающийся в катакомбах. Уже и газами травили, и водой заливали, и огнёмётами жгли, а всё равно раз в неделю те вынырнут, кого-нибудь пришьют или листовки расклеят и обратно нырк – с концами! И никто не знает, где их искать. Вдруг в расположение отряда приходит незнакомый человек и говорит:

– Здравствуйте, я Абрам Львович Шмуерзон, я хочу работать для Победы.

Те в ужасе:

– Как вы нас нашли? В городе три человека знают, где мы.

– Послушайте, я администратор Одесской филармонии, думаете, для меня проблема найти ваш отряд? Дайте мне задание для Победы!

– Ладно, Абрам Львович! Начнём с простого. Вот вам мешок с прокламациями, возьмите и распространите в городе.

– Это надо для Победы?

– Да.

– Хорошо, надо так надо.

Берёт мешок и уходит. Его нет день, два, три, неделю. Партизаны в шоке – или провокатор, или уже где-то висит. Наконец появляется, с тем мешком, с которым и ушёл:

– Я замучился распространять ваши прокламации для Победы, – кладёт мешок на пол, – возьмите деньги!

Третий, программный. После гастролей коллектива администратор сдаёт в бухгалтерии авансовый отчёт. Бухгалтер проверяет расходы по пунктам: транспорт, суточные, гостиница, почтовые, аренда... И в конце – зелёная фетровая шляпа. Бухгалтер:

– Что за шляпа?

Администратор:

– А, вот видите, у меня на голове новая шляпа! Правда, красивая?

Бухгалтер:

– Мне всё понятно, но при чём здесь шляпа? Шляпу покупайте за свои деньги!

Вычёркивает. Через месяц ситуация повторяется. Опять отчёт, опять шляпа, опять бухгалтер, уже сердясь, вычёркивает:

– Я же сказала, шляпу за свои!

Третий раз, опять все расходы выписаны и посчитаны, шляпа на сей раз в отчёте отсутствует, но сам стоит в новенькой шляпе. Бухгалтер ехидно, тыча ручкой в отчёт:

– А где же ваша зелёная фетровая шляпа?

Администратор, тыча пальцем туда же:

– Она здесь, но ты её хрен найдёшь!

Это анекдоты, а плюс легендарные истории из жизни. Ещё в тридцатые годы в провинциальном городе объявлен концерт и на афишах написано, что если программа не понравится, то деньги за билеты будут возвращены. Естественно, все хитрые жители расхватывали билеты, чтобы после концерта сказать, что программа плохая, деньги назад. А программа и впрямь говно. Концерт подходит к концу, народ уже рванул к кассам, как вдруг все участники выходят на сцену и хором поют «Интернационал».

Есть более современные. В той же самой Одесской филармонии в восьмидесятые годы работал администратор. Работал хорошо, но любил выпить на работе. Замечания, увещевания, выговоры ни к чему не привели, и в конце концов директор официально объявил, что за пьянку лишает его квартальной премии. Тот говорит – мол, не надо, будет хуже, на что возмущённый директор выставляет его из кабинета. Проходит пара часов, у директора раздаётся телефонный звонок из горкома партии, и растроганный секретарь по идеологии высокопарно выражает восхищение благородным почином работников Одесской филармонии, который, безусловно, будет подхвачен всеми предприятиями города. Материал об этом выйдет в завтрашнем номере газеты «Знамя коммунизма». Ничего не понимающий директор, положив трубку, скоро выясняет – обиженный им администратор направился прямо в горком, где объявил руководству города о том, что на общем собрании сотрудников единодушно принято решение перечислить квартальную премию в Советский Фонд Мира.

Артисты, кстати, тоже не отставали. В конце шестидесятых годов в Москонцерте работал жонглёр по имени Юрий Никулин. Администраторы решили это использовать. Где-нибудь в райцентре появ-

лялась афиша: «Большая эстрадно-цирковая программа с участием... и огромными буквами... ЮРИЯ НИКУЛИНА». Дом культуры трещал по швам, люди висели на люстрах. В середине концерта выходил конференсье и торжественно: «А сейчас выступает Юрий Никулин!» Шквал, ураган, недоумение, пауза, мёртвая тишина.

Чувак выходил на сцену, доставал паспорт, показывал его зрителям и говорил: «Никакого обмана нет, я действительно Юрий Никулин». После чего минут пять жонглировал и уходил.

А вот ещё. В те годы сольные концерты были редкостью. Чаще это были сборные концерты артистов разных жанров (их ещё называли «солянка» или «скрипка, бубен и утюг»). К администратору одной такой бригады накануне выезда подваливал какой-то ухват и предлагал себя для программы в качестве эквилибриста, работающего на шесте. «Ой, как хорошо. Нам как раз нужен цирковой номер». На гастролях происходил один и тот же сюжет. В каком-нибудь районном Дворце культуры этот орёл подходил к директору, брал за локоть и тащил на сцену. Там он доставал коловорот для зимней рыбалки и на голубом глазу спрашивал, где директору удобнее всего было бы просверлить в паркете дырку для установки шеста. Директор лез за валидолом, Христом-Богом умолял артиста и администратора снять этот номер, на что артист неохотно соглашался при условии, что ему и так заплатят. Рано или поздно наступало разоблачение, после чего «эквилибрист» спокойно подыскивал другую бригаду. Страна большая...

Осталась в истории и шутка, когда на сцену выносили табуретку, на неё ставили баян и все уходили. Через три минуты тишины и недоумения в зале выходил конференсье и объяснял: «Вы только что посмотрели номер «Одинокая гармонь»».

Были, конечно, среди администраторов и жулики, и сволочи, и просто идиоты. Были странненькие, типа всем известного Ромы, от которого шарахались, поскольку на вопрос «Как дела?» он начинал серьёзно и подробно рассказывать, как у него дела, что получается, чего хотелось бы избежать, плюс планы на будущее. Неизбежные конфликты не всегда принимали агрессивный и воинственный вид. Известен случай, когда обиженные артисты устроили своему директору смешную экзекуцию, а именно, вырезали из фольги контур автомата Калашникова и, улучив момент, наклеили его под обшивкой большого чемодана, с которым он ездил. Ничего не подозревающий директор с шутками-прибаутками ставит в аэропорту чемодан для просвечивания в зоне контроля, а в нём АКМ. Тут же появляются дюжие молодцы, скручивают несчастного директора – и вместе с чемоданом в кутузку. Там чемодан открывают, ничего не находят и с изви-

нениями отправляют снова на досмотр. Так ситуация повторяется несколько раз, рейс задерживают, весь самолёт наблюдает за этим замечательным спектаклем, артисты счастливы.

Про это, наверно, можно отдельный сборник написать, а ещё лучше книгу, большую серьёзную книгу о вечном, как жизнь, и недостижимом, как бесконечность, споре, что первично-вторично – артист или администратор-продюсер-менеджер-промоутер, название профессии сами можете выбрать. Система взаимоотношений, в которой замешано всё – антагонизм и привязанность, верность и предательство, расчёт и интуиция, сочетание благородства и порока, любви к искусству и жёсткой меркантильности. Лёд и пламень, палач и жертва, ангел и дьявол – в этой ипостаси может оказаться любая из сторон, при этом периодически меняясь местами. Мне встречались директора, любящие музыку не меньше, чем артист деньги. Но в классическом варианте стартовые позиции выглядят так.

Артист: Я гений, а вы все нужны только в качестве услуги моего дарования!

Директор: До нашей встречи о твоей гениальности знал только ты сам, сидя дома или выступая на задворках!

Я воевал в разное время на обеих сторонах баррикад, а стало быть, был во всех шкурах. Могу сказать, что правы и те и другие. А самое главное, не надо добиваться окончательной истины, пусть из этого клубка противоречий высекаются искры в виде высококачественного эстрадного продукта в тех случаях, где работают одинаково талантливые в своем деле люди. Такие как Валерий Леонтьев и Семен Фрадин, «Машина времени» и Владимир Сапунов, «Любэ» и Олег Головкин. Так было, есть и будет всегда.

Тёмные стороны светлого пути

А тогда мечта о нормальном западном комплекте аппаратуры окончательно утвердит совершенно чудовищное решение – смесь романтики и идиотизма. Как уже сказано, каждый оставляет себе сто рублей в месяц (и то, когда не на гастролях), а всё остальное сбрасываем в кучу и копим, копим на аппаратуру и инструменты. Нам в среднем по 23 года, мы ещё не понимаем, что этим прекрасным душевным порывом коллектив обречён на развал, вопрос только времени. Тем не менее, по итогам той поездки у нас есть первая куча в несколько тысяч – результат освоенной и доведённой до совершенства «вертушки», наследия наших первых незадачливых руководителей. Как мы это делаем – мама дорогая! Первая фаза – самая ответственная – отбор билетов пе-

ред началом концерта у входящей в зал публики. Мы с Зотовым надеваем объёмные куртки или плащи, встаём по обе стороны входной двери и... по правилам мы должны отрывать контроль, а сами билеты возвращать (по правилам). На деле же мы всегда чуть запаздываем с запуском зрителей, чтобы у единственной (естественно!) двери создалась толкотня. И когда наконец эти двери распахиваются, зрителей встречают два улыбочиво-вежливых и предупредительно-обходительных злоумышленника. После чего, здороваясь с каждым и желая хороших впечатлений, мы призываем задних не напирать, а передних не задерживаться. В невидимой части процесса происходит следующее. Зритель с девушкой, а то и с семьёй, держа в руке два-три-четыре билета, протискивается наконец ко входу. Я беру из его руки билеты и готовлю отрывательное движение. И вот здесь как раз Зотов сердечно приветствует вошедшего и тех, кто с ним. Они поворачиваются к нему с улыбкой, чтобы ответить, и мне вполне хватает времени смять эти два-три-четыре билета в кулаке, а оторвать и вернуть им какой-нибудь клочок от вчерашних. Очень важно в момент вручения одного клочка приветливо подбодрить их, с улыбкой глядя в глаза, чтоб не пялились на то, что я им всучиваю. Типа, проходите, пожалуйста, быстрее, народу много, и занимайте свободные места, вон, смотрите – во втором ряду по центру. Зотов параллельно зычным и в тоже время проникновенным голосом (у него получалось!) успокаивает задних – мол, всем места хватит и без вас не начнём. Со временем наши показатели неуклонно растут. Поначалу нам удастся спасти от преждевременного отрыва половину билетов. Потом, по мере возрастания ловкости рук, широты улыбок и приобретения хороших манер, процент поднимается всё выше и, в конце концов, достигает абсолютных величин. Непроходимая пара, как в хоккее Фетисов и Касатонов. Отнимаем всё. Тем, кто выжидательно смотрит или протягивает руку, вручаем ошмёток или более настоятельно просим пройти. Крайний случай – уронить билеты на пол и ждать, пока этого зрителя не пронесёт в зал толпа. А билеты потом поднять можно. После этого кучу смятых билетов ждёт следующий этап технологического процесса. В дело вступают Вокаль с Киселёвым, которые в течение ночи должны небольшим, специально возимым с собой галстучным утюгом вернуть билетам максимально первоначальный вид. Для этого нужно правильно смочить их перед гладкой. Смочишь мало – останутся складки, много – билет станет рыхлым, как туалетная бумага, и вызовет вопросы. Мы во время гладки сидим у них в номере и усиленно курим, чтобы заглушить запах раскалённой бумаги. Вообще, тема алиби и безопасности – основная в таких делах. У нас у каждого по три-четыре галстука в чемодане, чтобы в случае чего объяснить происхождение утюга. В начале поездки

мы специально объявляем лишние концерты, чтобы потом составить акты об их отмене (отключили свет, не смогли добраться вовремя и т.д.), вернуть деньги за билеты и легко отмахиваться от вопросов, почему эти самые некоторые билеты уже явно были в продаже. А потому! Концерты отменили, билеты сдали, вот и продаём их – видите, они с контролем, нормальные.

И, наконец, вершина айсберга – Макс («Сидоров-кассир»), перед концертом всё это хозяйство официально и успешно реализующий. Временами мы с Зотовым себя развлекаем, глумливо призывая публику аккуратнее обращаться с билетами – типа, мятые не принимаем (!). Ну, я вам скажу, на третьем месяце гастролей по северам и не такое возможно. Не пытайтесь повторить!

В конце поездки подводится общий баланс, разбрасывая выручку на все залы. Всё равно мы приносим филармонии огромную прибыль.

И вообще, будьте милосердны, граждане! Цели у нас самые светлые – обзавестись необходимым. Когда все доходы вместе с зарплатой скидываем в общий котёл, получается весьма убедительно. Мы в состоянии купить новую ударную установку и двухрядный орган «Вермона». После некоторых размышлений решаем не брать деньги у Бубы. Мы наконец поняли причину его весьма невнятной игры в последнее время. У него с собой все время плоская фляжечка с коньячком, и «Старый Лис» Зотов несколько раз его засекает с поличным то в кулисах, то за углом, то ещё где. Несколько раз беседуем, вместе и по отдельности, но без вариантов. Мы как-то прозевали у него точку невозврата. Становится ясным, что надо потихоньку присматривать нового клавишника, если не вместо, то в добавление. Для меня это личная катастрофа. Андрюха – мой, по сути, учитель, благодаря ему я сделал первые правильные движения ещё в школе и в «Деревянных зубах».

Самая страшная проблема для руководителя любого творческого коллектива – что делать с ребятами, с которыми прошёл от нуля весь период становления, кто тебе дорог как друг и как музыкальный единомышленник, но остановился в росте. Это же они своим горбом создали фундамент, на котором сейчас и потом всё будет основываться. Однако фундамент фундаментом, но чем выше и быстрее строится здание, тем сильнее некоторые будут отставать или по другим причинам не соответствовать. Дилемма простая и безжалостная – тормозить развитие группы, оставляя старых музыкантов или приглашать в состав других, более подходящих. А кто они, эти подходящие? У каждого из них собственные музыкальные вкусы и пристрастия, а если ещё и амбиции присутствуют, то

вливать их в уже существующий коллектив бывает очень непросто. Плюс особенности характера, часто далеко не сахарного. Но это и к старым относится. Бывает, что ты, руководствуясь благими постулатами, держишь кого-нибудь в группе до последнего, а потом от него же и получаешь кучу неприятностей. Примеров уйма.

Ставки высоки, особенно у тех, кто приходит в музыку из мирской жизни. Априори отказ от обычной карьеры, пущенное псу под хвост образование. Но и у меня ставки тоже высоки, поэтому абсолютный выигрыш исключён, в любом случае приобретаешь-теряешь. Стать звёздами хотят все, но для этого необходимы как минимум три составляющие – талант, колоссальный труд и удача. Это если в основе творчество и музыкальная совесть. В других случаях всё проще – вполне может хватить и связей. Другое дело, что связи, как правило, результат работы и вращения в нужных кругах, а попасть туда – это тоже труд. В советские времена при отсутствии чётких коммерческих параметров и благодаря огромному зрительскому интересу можно легко обходиться без всякого творчества. Удачно подсуетиться, спеть одну или несколько песен маститых авторов, засветиться пару раз по телевизору, крутнуться по радио и выпустить пластиночку. Всё, жизнь удалась! Ты запущен на орбиту, которая кормит тебя до конца дней. Конечно, со временем может меняться уровень гастролей. На пике это Москва, Киев, Сочи, Таллин, далее по нисходящей – Пенза, Луганск, Липецк, Мурманск, потом уже совсем – Урюпински, Шацки, Находки и Кызылы. Самое смешное, что ставки за концерт одинаковые везде, разница лишь в гостиницах, площадках, ну и в самоощущении, конечно. Что-то усложняю – давайте попроще. По стране ползает куча ансамблей, уродливых и бездарных, для которых эти вопросы в принципе не существуют. Есть некий руководитель – Бог и Царь, работодатель, абсолютный диктатор, отвечающий за количество концертов и деньги, ему вообще до фонаря, кто в коллективе. И, с другой стороны, орава сереньких музыкантов, кочующих по этим всевозможным «сердцам», «гитарах» и «ребятам». С ними о творчестве тоже не сильно поговоришь. Программа у всех однотипная. Первое отделение – мудистика из песен советских композиторов, а второе – десяток популярных западных шлягеров. Искусство в массы, деньги в кассу!

Греет то, что Олимпиада, если не взорвала, то прилично трянула это болото. Статус профессиональных филармонических групп получили «Машина Времени», «Автограф», «Интеграл», «Аракс» и многие другие герои сейшеновой тусовки.

Это сейчас время всех примирило, а тогда разграничение было конкретное и представить за одним столом Андрея Макаревича и,

скажем, Юрия Маликова, руководителя «Самоцветов», было невозможно. Причём взаимные претензии у обеих сторон были небезупречны. Рокеры обвиняли ВИАшников в продажности и конформизме, не допуская мысли, что, скажем Владимиру Преснякову или Юрию Петерсону такая музыка просто нравилась и они получали от неё удовольствие, кстати, подкреплённое высоким профессиональным уровнем. При этом ВИАшники, в принципе, гораздо более толерантно относились к рокерам. Хотя и там и там были как талантливые музыканты и коллективы, так и абсолютно никчёмные – пена на волнах популярных течений. Были и умельцы, я без иронии (почти!), оставившие след и в роке, и в ВИА – такие, как Сергей Беликов, Вячеслав Малезик, Александр Барыкин, Александр Буйнов, в конце концов вышедшие на сольную карьеру и там не затерявшиеся. Особняком стояли почитаемые и уважаемые всеми «Песняры», «Поющие гитары», «Цветы», «Арсенал», «Норок», «Ялла», «Ариэль», «Модо», «Иверия», находящиеся выше жанровой принадлежности благодаря ярко выраженному творческому лицу и уровню выдаваемой на-гора музыки. И суровый, драконовский, с перегибами, контроль над эстрадой отчасти был следствием того, что за любым новым явлением выстраивалась орава пустых, бездарных, использующих только найдённую форму коллективчиков и людишек. Так было с ВИА, когда первые ребята с гитарами потом и кровью проторили путь остальным, такое было в середине восьмидесятых с рок-группами, когда внезапно вся страна затянулась в чёрные кожи и нацепила вериги, а ещё позже, вслед за «На-На» возникли ещё большие чудеса природы типа премьер-министров, корней, челси, чая вдвоём – всех не вспомнишь. Девчата не отставали: в погоню за уже запредельными «Миражом» и «Комбинацией» устремились всякие блестящие, виа-гры, сливки... тьфу, не к ночи!

Полные честолюбивых планов, возвращаемся с гастролей. В конце концов, мы даже по возрасту перед очень многими имеем фору. В Москве нас не забыли, наоборот, то, что мы профессионалы, породило активность второразрядных композиторов и жуликоватых администраторов, постоянно крутящихся вокруг ансамбля с обещаниями и посулами. Но, нам нужны серьёзные директора программ, теле- и радио-редакторы, аппаратура, костюмы, афиши, нормальные гастроли. Дело идёт туго. С кем попало мы уже не связываемся, а до реальных воротил ещё не дотянуться. Пока у нас небольшой перерыв в репетициях после поездки – целыми днями шатаюсь по Росконцерту, куря на лестничных площадках, дёргая за рукава, знакомясь, рассказывая, убеждая. Но там и без нас всё хорошо. Молодой творческий коллектив мало кого интересуется, хотя мелькать на глазах и постепенно расширять круг знакомых,

пусть даже не очень ещё полезных, – удел любого, начинающего свой путь в большое искусство.

Классикой жанра можно считать рассказ Владимира Петровича Преснякова-старшего, как ему дал путёвку в это самое большое искусство величайший из великих – Леонид Утёсов. Воспроизвожу этот шедевр устами и от лица самого Петровича, хотя, поверьте, бумага не передаст. Итак:

«В шестьдесят пятом году я, молодой саксофонист, уже поднаторевший в аранжировке джазовых и эстрадных произведений, широко известный в узких свердловских музыкальных кругах, решил начать покорять столицу. Никому не сказав, рванул в Москву, зная только один адрес, откуда надо начинать штурм, – Театр Эстрады.

Сошёл с поезда, разыскал театр, и вот я уже по знаменитой лестнице, стены которой увешаны героями эпохи – Бернес, Шульженко, Райкин... – пробираюсь в зал. На сцене репетирует оркестр Утёсова. Внимательно слушаю, дожидаясь перерыва и, собрав всю храбрость-наглость, подхожу к дирижёру – мол, молодой джазовый саксофонист из Свердловска, делаю аранжировки, вот ноты. Тот взял, полистав, хмыкнул: «А что, на бумаге интересно! Приходите послезавтра в это время, попробуем что-нибудь поиграть из вашего». Два дня не ем, не сплю. Прихожу в театр и уже из фойе слышу, не веря ушам, что звучат мои аранжировки в исполнении лучшего на тот момент советского биг-бэнда. На цыпочках прокрадываюсь за кулисы и, ни жив ни мёртв, сажусь на краешек какого-то пуфика, душа воспарила, сердце выскакивает, глаза не видят, только уши... И вдруг, уши слышат чьё-то покашливание: «Кхе-кхе!» Возвращаюсь на землю, поднимаю голову – и новый удар под дых. Надо мной возвышается Леонид Осипович, как с картинки. Теряю дар речи и соображение, даже вскочить забываю. А тот ещё раз: «Кхе-кхе! Ты кто?» Я ему, сидя, снизу вверх: «Владимир Пресняков, молодой джазовый саксофонист из Свердловска, слушаю, как ваш оркестр играет мои аранжировки». Утёсов, кивая, дал мне закончить фразу и потом, безо всякой паузы: «Пишёл на х..й!» Я, чуть не в слезах, мгновенно испаряюсь и только много позже узнаю, что десятки лет на этот самый пуфик, предназначенный исключительно для маэстро, никто и ни при каких обстоятельствах садиться права не имел. А я невольно осквернил его своей неопытной задницей. Поначалу сильно расстроился, а потом вдруг дошло: Стоп! Сам Утёсов увидел меня, Сам ко мне первый подошёл, Сам поинтересовался, кто я, а узнав, Сам дал мне одновременно направление и путёвку в большое искусство».

Чуть ранее происходит и оставляет глубокий след на всю жизнь случайная встреча на лавочке возле памятника Пушкину, где я разговорился с очень пожилым человеком, воплощающим в моём понимании образ стопроцентного аристократа.

Статный, в бабочке, в белоснежной сорочке, туфли до блеска, руки холёные, волосок к волоску, с элегантной тростью, речь изысканная. О том – о сём: я про институт и ансамбль, он про себя: профессор-филолог, член-корреспондент, доктор наук, автор много чего, очень бодрый и оптимистичный. А мне двадцать лет, мозгов ещё ноль, и я бесстыдно спрашиваю: мол, так и так, вам восемьдесят восемь лет, разве в этом возрасте можно чему-то радоваться и вообще, как такое может быть?

Он, ни капли не обидевшись, со снисходительной улыбкой объясняет: «Юрий, вам трудно это представить, но поверьте на слово – у меня сейчас самый счастливый период. Всю жизнь удаётся заниматься любимой наукой, репрессии не задели, с войны вернулся без царапинки, куча трудов, толпа учеников, жена здоровствует, дети-внуки-правнуки, как видите, хожу на своих ногах и с удовольствием. Поэтому я не просто счастлив, а счастлив абсолютно».

Я слушаю его с открытым ртом, а он после паузы вдруг грустно продолжает: «Правда, Юрий, есть одна очень серьёзная проблема». – «Какая?» Он, ещё более погрузнев: «Попиздить не с кем!»

Меня отбрасывает на спинку лавочки. Он спешит меня успокоить: «Юрий, вы не ослышались, но это не ругательство. Я филолог и в словах не ошибаюсь. Мне есть с кем поговорить, побеседовать, поспорить, пообсудить, подискутировать, посплетничать... а вот попиздить не с кем. Ушли все друзья-ровесники, с которыми на одном языке, в едином пространстве, с полуслова, с полувзгляда, с полужеста. И мне этого безумно не хватает. Так что всех пережить – это не всегда весело».

Чем старше становлюсь, тем чаще вспоминаю того старика и его гениальную фразу. Она, кстати, и заставила меня не затягивать с написанием вами читаемого.

Моим же оружием

Памятуя о каких-то случайных встречах и разговорах, перевернувших или подтолкнувших развитие группы на ранних этапах, я должен рассказать, к каким неожиданным последствиям приводит иногда готовность общаться с каждым встречным прохожим.

Прогуливаюсь как-то по Пушкинской, останавливаюсь у витрин редакции «Известий» и разглядываю от нечего делать фоторепортажи о каких-то мировых событиях. Поздний осенний вечер, малолюдно. Около меня оказывается симпатичный чувак лет тридцати пяти, с усиками, хорошо и дорого одетый, обаятельный, но очень грустный. Как бы невзначай завязывает разговор, начав с того, что всё реже можно встретить молодых интеллигентных людей, которых интересует что-то, кроме сиюминутных потребностей. Здесь в витринах столько интересных событий освещается, а никого нет, все куда-то спешат. А ведь бывают в жизни моменты, когда необходимо всё переосмыслить, что-то спокойно обсудить, разобраться с кошками, которые давным-давно острыми когтями безжалостно скребут твою нежную душу. В одиночестве это сделать невозможно. В таком настроении и до крайних шагов недалеко. Тем более в такую жуткую беспросветную погоду. Аккуратно интересуется, кто я и что. Рассказываю. Чувак проявляет неподдельное участие, намекает, что у него огромные связи в самых разных кругах и если уж кто-то из себя что-то представляет, возможностей втащить на вершину успеха вполне достаточно. Хотелось бы побольше узнать о группе, а в идеале послушать. Если есть кассета с собой, то можно не стоять уже здесь на холоде, а поехать в гости к нему, чтобы неторопливо и комфортно пообщаться на всякие конкретные и отвлечённые темы. Живет он один, так что никого не побеспокоим, а выпить и закусь у него найдётся. Я с удовольствием соглашаюсь – мы едем куда-то в Кузьминки. Чувак (Слава его зовут) – сама любезность. Я пока ещё ничего не понимаю. Действительно, большая уютная квартира. Пожалуй, слишком уютная, но я по-прежнему ничего не понимаю. Из холодильника возникают коньяк и дефицитные в ту пору колбасные и рыбные нарезки, распечатывается пачка «Мальборо». Слава призывает меня не стесняться и никуда не спешить, если засидимся допоздна или много выпьем, то можно остаться и у него. Да я и не против (кретин!). Слава в восторге. Откупорен второй коньяк, на столе уже чёрная икорка, разговор совсем душевный (про одиночество!). Я от сердца, полон сочувствия, предлагаю познакомить его с красивыми и душевными девушками, а там они уже с его одиночеством разберутся. Инициатива отклика не встречает, скорее недоумение. В том смысле, что он одинок, но ещё не настолько, чтобы с девушками связываться. При этом он вроде как случайно, но всё чаще – то рукой по моим волосам, то приобнимет, то рюмочкой в носик чокнется. С большим опозданием, но наконец врубаюсь, для чего я, собственно, зван в это комфортное гнездышко. Нет, не могу поверить! Это

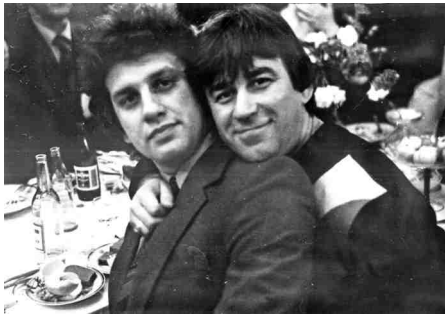
меня, прожжённого и опытного донжуана, только что поставили в положение наивной и доверчивой девочки, открывшей свой богатый духовный мир сторающему от вожделения похотливому козлу. Мозг разорвался от понимания, что с первой и до последней секунды Слава слово в слово, жест в жест обыгрывал мой обычный сценарий, только я был в противоположной роли. Без грубости, но резко сваливаю и всю дорогу истерически ржу над собой, особенно над тем, что теперь лучше понимаю несоглашающихся девушек.

Трещина

Ещё летом Женька Вокаль пригласил на наш Олимпийский концерт певца из московской филармонии Игоря Косарева, толстого весёлого человека, в котором я с изумлением узнаю педагога и режиссёра, ставившего наши детские представления в пионерлагере «Романтика». Он потрясён нашим концертом и в самых превосходных степенях рассыпается в комплиментах! А композиция «Зодчие» – так просто сшибла с ног.

Конечно, лестно слышать высокие оценки от опытного профессионала, тем более что он, безумно щедрый и хлебосольный, сразу располагает к себе всю группу. Дружба развивается стремительно. Чуть ли не каждый день мы или у него дома, или за его счёт в закрытых ресторанах ВТО, Дома литераторов, Дома композиторов, где он завсегдатай. К нему подходят и дружески приветствуют известные актеры, писатели, какие-то околоартистические персонажи, и Игорь Александрович всем представляет нас как самую популярную группу будущего года – он об этом позаботится. Есть от чего крыше съехать!

Апофеозом становится организованная им поездка в Ригу, где мы в Доме офицеров очень успешно даём восемь концертов, первое отде-

Зотов и первый директор группы Виктор Рысин. Лёха жёстко играет на Витиных слабостях

1981 г. Мы с Зотовым: «Лёха, рано нам ещё в Московскую филармонию! Сожрут!»

ление аккомпанируя ему, а во втором играя свою программу. С нами его администраторы и помощники, не скрывающие, как бы это помягче, особый взгляд на биологическое устройство человека, особенно на сексуальную составляющую. Голубые, короче. Но к нам они не лезут, а остальное, по большому счёту, их личное дело.

Опасность подкралась с другой стороны. Постепенно объясняется то внимание, которое проявил Косарев к нашей группе. Всё очень банально. У него разбежался аккомпанирующий ансамбль, и ему, чем собирать по новой свой собственный, гораздо проще взять готовый, который, к тому же, полконцерта будет играть самостоятельно, причём с успехом. На первый взгляд соблазнительно: столичная филармония, гастролы по всему Союзу, быстрая раскрутка. Этими аргументами Игорь Александрович всё настойчивее начинает меня душить на предмет перехода к нему. Но есть и смущающие вопросы по каждой позиции.

Столичная филармония – это значит, мы на пятнадцатых ролях, а на первые – иди пробейся. Сожрут – и не подавятся. Гастролы по Союзу тоже разными бывают. В данном случае речь идёт о длительных турне по одному концерту в день, то есть для того, чтобы что-то зарабатывать, в Москву вообще не надо заезжать. Что касается быстрой раскрутки, то вопрос – почему за все эти годы он сам себя не раскрутил, так и оставшись широко известным в узких кругах? Ни пластинок, ни выступлений по радио и ТВ. Одним словом, не сходится. К тому же мы по штатному расписанию из самостоятельного вокально-инструментального ансамбля «Зодчие» превращаемся в коллектив, сопровождающий выступление солиста московской областной филармонии Игоря Косарева. Мнения в группе разделились. Я, Киселёв и Зотов считаем, что рано нам ещё лезть в эти джунгли – случись что, не выберемся, сил не хватит. Остальные уверены в обратном.

Раскол

Тем не менее, приступаем к репетициям безумно интересной композиции на стихи вышеупомянутого тюменского поэта Володи Белова «Воспоминание о Руси». Рассказывая об этом, ощущаю непроходящую с годами досаду, поскольку от неё не сохранилось ничего: ни нот, ни записей, хотя бы на бытовую кассету с репетиции. Остаётся только голословно утверждать, что это был самый смелый и в то же время музыкально подкреплённый шаг в новое, не хоженое для нас пространство. Очень красивая, но не мелодичная, скорее, состоятельная музыка – смесь «Пинк Флойд», Чеслава Немана и «Юрай Хип»,

только на славянской основе. Работали мы над ней самозабвенно, доводя до совершенства очень сложные многоголосые пассажи. Случись всё по-задуманному – неизвестно, куда в итоге мы могли вырлиться в музыкальном направлении. Но, не случилось. Продолжая работать над композицией, выезжаем на очередные гастролы в Тюменщину. Коллектив уже расколот, хотя внешне ещё всё более-менее пристойно. Мы выбиваем в филармонии ставки для техников и жизнь расцветает новыми красками: сами к аппаратуре больше не прикасаемся, кроме одной-единственной образцово-показательной погрузки-разгрузки, о чём уже сказано. И, конечно, в экстремальных ситуациях – на проходящие поезда, например. Здесь целая технология. Аппаратура пока ещё вмещается в два обычных купе. Поэтому несколько загруженных с верхом багажных тележек скромно стоят на перроне в районе нужного нам вагона. Итак, поезд прибывает. Стоянка четыре минуты. Администратор Макс утыкает проводницу в билеты, обязательно (!) развернув её спиной к вагону, кто-то один встаёт на стоп-кран. В это время, техники своим, где-то взятым железнодорожным треугольным ключом открывают дальний нерабочий тамбур и, подкатив тележки с аппаратом, слаженно и неумолимо забрасывают его в вагон. Главное – успеть всё закидать с перрона, а аккуратно сложить – это уже потом. Из тронувшегося поезда на ходу не высадят, запрещено правилами, сам поезд из-за этого тоже не остановят. Проводницы ведут себя по-разному. Иногда дело обходится шоколадкой, в какие-то крайние моменты, особенно если проводница буйная, просто приходится блокировать её, окружив плотным кольцом. Кричать-то она, понятно, кричит, но аппаратуру до отхода техники впихнуть успеют, если что, мы поможем! А в дороге уже всегда разберёмся и с ней, и с начальником поезда. Ляпы, если бывают, то другие. На какой-то станции занимаем исходные позиции на перроне у предполагаемой стоянки нашего предпоследнего вагона. Поезд прибывает и вдруг резко тормозит, со всеми скрипами, визгами и искрами, аккуратно не доехав чуток до тележек с аппаратурой. Из окна тепловоза высовывается машинист и, перекрикивая шум: «Сдвиньте подальше своё говно, долбоёбы!» Звучит очень обидно, за такое рожи чистят, но мы действительно тележки поставили очень близко к краю – он бы их сшиб со всеми вытекающими, поэтому всё по делу: «Спасибо, парень! Извини!»

За это время вместо Бубы, с подачи как раз Косарева, к нам приходит новый клавишник – девятнадцатилетний вундеркинд-абсолютник Лёня Липницкий (Лёпа) из Коломны. Большой, толстый, кудрявый очкарик с ярко выраженной еврейской внешностью, правда, блондин. Когда мы всей группой по очереди снимаемся в фотоателье на каки-

е-то документы и очередь доходит до Лёпы, мастер восхищённо кричит: «Вот на ком всё держится!» По музыке с ним очень комфортно, во всём остальном он совсем несмышлёныш.

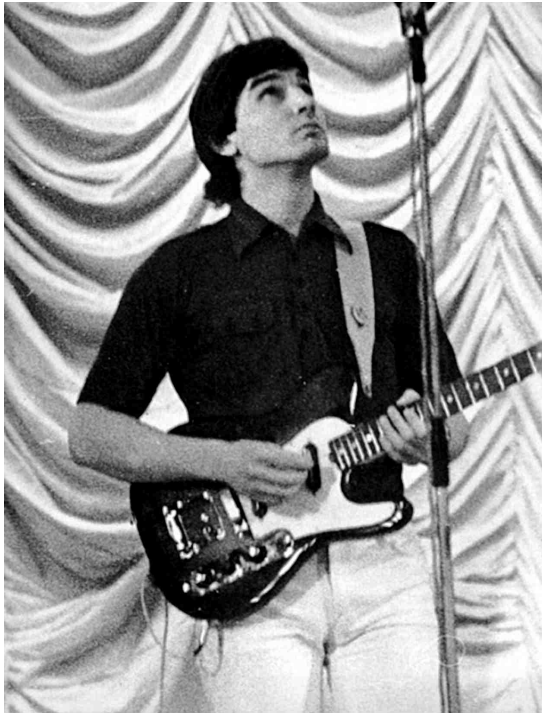
В первый же день после концерта Вокаль в халате заходит к Лёпе, жалуется на поясницу и спрашивает, умеет ли он делать массаж. Лёпа, вздохнув обречённо, говорит, что, мол, да, умеет. Дальше ситуация развивается в параллельных пространствах. Вокаль говорит, что пошёл в душ и через десять минут ждёт Лёпу в своём номере. В этот момент у Лёпы в сознании конец мироздания. Оказывается, коломенские друзья-музыканты всячески отговаривали его от филармонической карьеры, используя в качестве главного аргумента их представления о стопроцентной гомосексуальности профессиональных артистов. Но Лёпа слишком любил музыку и после долгих-долгих мучений и внутренней борьбы всё-таки решился. Поэтому на Вокаля в халате он отреагировал уже как на неизбежное зло и... тоже пошёл в душ. Придя к Вокалю в назначенное время и сделав, как умея, массаж, он замер в ожидании и долго не уходил, вызвав недоумение у Женьки. Когда, наконец, тот его выставил, Лёпа совсем загрустил, понимая, что его, скорее всего, выгонят из группы, как чем-то не угодившего. Мало того, у робкого еврейского мальчика хватило мужества и отваги спросить у кого-то, по каким именно параметрам он не подходит. После всеобщей смеховой истерии объясняем Лёпе, что его целомудрие неприкасаемо.

Через пару дней отмечаем в Заводоуковске день рождения Зотова. Выпили у него в номере подходяще, спать рано, идти некуда. Слышим в коридоре чьи-то голоса, выходим, а там какие-то кавказцы играют в карты и что-то обсуждают. Мы ведём себя крайне недостойно, наехав на них – типа, чего так громко шумите под дверью именинника! Услышав в ответ адекватный посыл с направлением движения, развязываем безобразную драку, во время которой, на фоне нескольких расквашенных носов и фингалов, из номера появляется Вокаль и разбивает об косяк двери бутылку из-под шампанского, оставив в руке горлышко типа «розочка». Козёл драный – это уже чистая провокация на настоящую кровь, тем более с ингушами! Слава Богу, на шум прибежали их друзья. Увидев нас, встали между нами, как войска ООН и, что-то им сказав, утащили с поля брани. Наутро, очухавшись и оценив ситуацию, решаем извиниться. Стучимся к ним и застаём за столом человек пятнадцать со зверскими лицами, очень злых. Мямлим какие-то слова. Один из них, который вчера растащил всех по сторонам, говорит: «Жалко, что вы так хорошо играете, потому что люди вы недостойные и наши кинжалы по вам плачут. Но мы были вдвоём на концерте и пожалели вас. То, что пришли, молодцы, но как быть с этим? – И показывает на синяк под

глазом у одного из них. – А к нему сегодня невеста приезжает, это простить нельзя». Чтоб ничего сложнее у нас в жизни не было! Приносим тональный крем – и через минуту наш жених как огурчик. Это уже мир: нас сажают за стол, достаются водка, мясо, овощи – и понеслась дружба, благо концертов в этот день нет.

Полуторамесячные гастролы проходят на одном дыхании и заканчиваются пятнадцатью концертами за пять дней в Тобольске – в волшебном, как сказочный теремок, деревянном драматическом театре, старейшем в Сибири (в середине девяностых сгорит дотла).

Живём этот период в двух параллельных мирах. Увлечённо, фанатично готовим новый репертуар во главе с уже упомянутыми «Воспоминаниями о Руси», в то же время чувствуем, как глубже и шире становится трещина в коллективе по поводу перехода в Московскую областную филармонию. Главным агитатором и пропагандистом становится Вокаль, который, получив какие-то авансы на будущее у Косарева, день и ночь охмуряет Никсона, Лёпу и Родьку посулами земных и вселенских благ. Он, видимо, понимает, что с его бородатými фельтонами и провинциальными манерами на фоне роста группы долго в ней не задержится, и решает сыграть на опережение. И совершенно ему по фигу, что навсегда раскалывается хороший коллектив, что

Никсон – непревзойдённый мастер общения со зрителями.

он абсолютно не отвечает за будущее этих ребят (что, собственно, и случится). То есть повторяется история годичной давности при устройстве в Тюмень, только Женя сменил хозяина. Год назад за счёт единства и энтузиазма мы выстояли, а сейчас не хватает опыта, плюс ошибочные решения, в частности, по общей кассе на аппаратуру, позволяющие играть на меркантильности. А мы с Киселёвым и Зотовым ещё и в бутылку лезем – типа, ах так, ну и валите к своему толстому певцу, без вас обойдёмся!

Глава V. Безвременье (1981 – 1983 гг.)

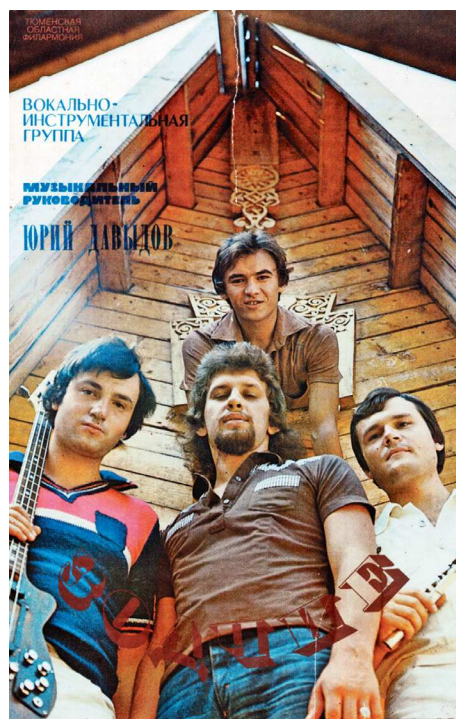
...Затеяли играть квартет

Они и сваливают. Конечно, ничего путного там не выходит и выйти не может, но мы отброшены на непривычные для нас позиции. Наступает почти двухгодичный период безвременья, в течение которого мы только успеваем латать дыры в составе, чтобы отработать очередную поездку. После ухода ребят долго ищем замены, но более-менее вписывается только клавишник Сашка Суздаlev из развалившегося к тому времени «Цунами». Чтобы не брать совсем уж случайных людей, пробуем играть в экспериментальном составе, благо Лёха Киселёв как-то очень быстро освоил флейту.

Итак, четверо: рояль-орган, флейта, бас-гитара, барабаны. Поём все, причём для многоголосия используем новых звукорежиссёра и светооператора. Они оба с голосами и гармоническим слухом, реально в некоторых местах подпевают аккорды в расположенные перед ними микрофоны. Голь на выдумки хитра!

1981 г. Оптимистичнее, чем «Битлз». Зотов, Суздаlev, Давыдов, Киселёв

Бесстрашно кладём на музыку классические произведения, в частности «Сонет №5» Шекспира, «Жирафа» Гумилёва, «Ноктюрн» Маяковского. Кое-как наскребаем программу. С точки зрения выхода из положения и музыкальной стилистики, это интересно, но группа в целом сильно просаживается. Вернувшийся через полгода Никсон усиливает программу, однако кураж музыкальный уже сбит. Пытаемся взять новых музыкантов, но они по разным причинам не задерживаются, и получается, что вместо того, чтобы двигаться и развиваться, мы всё репетиционное время тратим на ввод в программу ребят, которые меняются после каждой поездки.

«Сонет №5»
Шекспира

«Ноктюрн»
Маяковского

На волоске

Дикая ситуация происходит с моим лучшим другом и соратником Лёшей Киселёвым, который понимает, что, как музыкант, он безнадежно отстал, и мы вместе потихоньку размышляем о его дальнейшей работе в качестве директора коллектива.

В этот период он женится на второй из сестёр-близняшек, которые танцевали в нашей

первой тюменской поездке. Ну, женится и женится. Восторга от невесты никто не испытывает, но это его личное дело. На свадьбе он просит меня оформить, теперь уже жену, костюмером, чтобы не расставаться. Не вопрос, пробиваю ставку, оформляем, выезжаем. Проходит какое-то время – она к костюмам не прикасается. Я подхожу к Лёшке и спрашиваю: по этому поводу ждать нам чего-то или искать другие способы...

Вдруг он взрывается безумной тирадой в мой адрес, в конце которой заявляет, что он уже всё продумал. В Москве в военкомате служит его двоюродный брат, причём как раз по учёту офицеров запаса. Стало быть, ему не составит труда на два года меня отправить послужить Родине в качестве лейтенанта дорожно-строительных войск в Амурской области. Он с ним уже разговаривал, тот ждет отмашки. Альтернатива – моё добровольное отречение от группы в его пользу и увольнение из филармонии. С музыкантами он уже всё решил. Прошляпил я этот момент, когда именно он порекомендовал добавить в группу нового гитариста, клавишника и вокалиста. Зотов примыкает к ним как к побеждающей стороне. То есть со мной остается только Никсон, который Лёшку всегда недолюбливал, а уж идти ему в подчинение даже не рассматривает.

Расклад фиговенький. Я, конечно, в шоке и от самой ситуации, и от Лёхи. Не знаю, что на него нашло. Мы столько всего вместе прошли и съели, я далеко не ангел, но его искренне любил и ценил, а тут такое. Вечером того же дня, распустив нюни, сижу в гостинице и думаю о бренности всего земного. Вваливается Никсон с бутылкой водки, уже откупоренной, но нетронутой, с колбаской, взятой ещё из дома, и дает абсолютно неожиданный расклад.

Итак (по первому стаканчику): никогда не относясь ко мне как к близкому другу, он, тем не менее, впервые сталкивается с таким предательством и глумлением над справедливостью. А посему кое-что уже по собственной инициативе предпринял.

А именно (по второму стаканчику): позвонил маме в Москву, и её муж, генерал-полковник, не побрезговал лично набрать этому самому Лёхиному брату и доходчиво объяснить, что засидевшийся на тёпленьком месте офицер московского военкомата со строительством амурских дорог справится куда лучше, чем тюменский музыкант. Стало быть, Родина пока обойдётся без меня.

И последнее (разливаем остаток): сейчас допьём и, пока наши бывшие товарищи празднуют победу, тихонько, через чёрный ход гостиницы пойдём на вокзал, благо рядом, я сяду в поезд до Тюмени и в 9:00 утра на опережение изложу свою версию и план выхода из кризиса директору филармонии. Так и делаем. В три часа дня, перед выездом на концерт, я уже возвращаюсь, имея полный карт-бланш на руках и мы с Никсоном наблюдаем за нашими сильно погрузневшими оппонентами. В тот же день вечером, после концертов, к нам приходит Зотов (тоже с бутылкой и колбаской) и красноречиво излагает, как трудно было ему там, за линией фронта, изображать единение с этими недостойными персонажами и, как он счастлив выйти, наконец, из вынужденного подполья к своим истинным друзьям, чтобы рассказать в деталях всю правду. Неужели друзья не

поняли и не оценили его тонкий замысел? Неужели по-настоящему верили, что Лёха Зотов может так опростоволоситься и сойти со столбовой дороги, ведущей к успеху? Неужели?.. Неужели?.. Неужели?.. Как бы то ни было, а барабанщик у нас остается. С Лёшкой Киселёвым мы с того момента практически не общались. Знаю, что несколько лет он пытался создать цирковой аттракцион с удавами, потом гораздо более успешно строил коттеджи под Москвой, но несколько лет назад тяжело заболел и ушёл из жизни. Я до сих пор не понимаю того всплеска агрессии и методов, которыми он хотел со мной разобраться. Если я в чём-то был не прав (что вполне возможно) либо кто-то кого-то не так понял, то почему после стольких лет дружбы и протоптанных вместе вёрст нельзя было просто сесть и в лицо всё сказать? Наверняка нашли бы компромиссы. Даже если шерше ля фам!

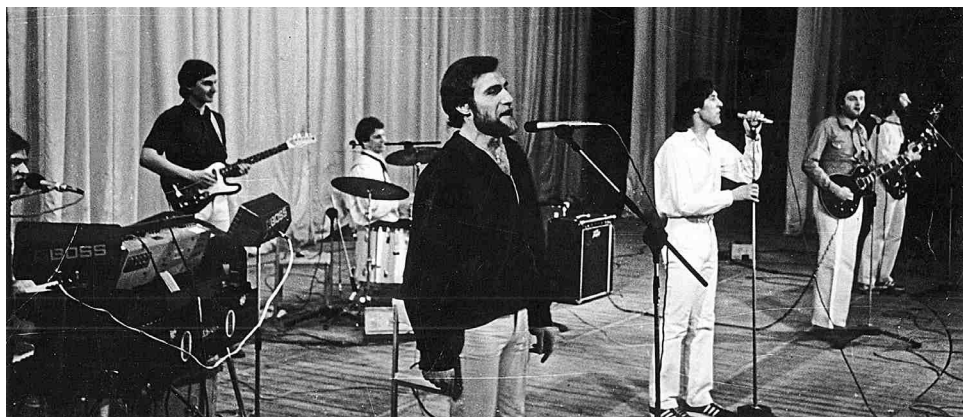
Без на месте

Ничего не поделаешь, приходится жить дальше. У нас откуда-то появляется интересная бригада рабочих сцены из недобитой московской хипповой тусовки, с длинными причёсками и странными кликухами (Дюк, Хантер и Риччи), заменяющими настоящие имена. Даже в самые лютые морозы они не носят носков, зато возят с собой проигрыватель с пластинками. Как ни зайдёшь к ним в номер, они всегда сидят на полу и под психоделическую музыку типа «Pink Floyd» или «Genesis» ведут неспешные беседы по сути на одну и ту же вечную тему: что всё-таки первично – Мы в Мире или Мир в Нас?

При этом дым от курения содержит явно не табачные ингредиенты. Мы всё понимаем, но, пока не попались, это их дело. Находим им эффективное применение. Приехав куда-нибудь в райцентр, сначала выпускаем их, чтобы потусовались у Дома культуры, а когда ошарашенный их внешностью народ разбегается звать на концерт друзей и соседей, тихонько выходим сами. Аншлаги стопроцентные!

Напоследок успеваем насладиться ещё одним заповедным уголком российской глубинки. Город Котельнич Кировской области. Приехали, вроде город как город, но какой-то не такой. Улицы кривые, расположены непонятно, куда не бросишь взгляд, отовсюду веет глубинным вековым идиотизмом. Венчает эффект городской Дворец культуры, находящийся в чистом поле... в шести километрах от города. Начинаем выяснять и узнаём, что именно с этого мегаполиса Салтыков-Щедрин писал свою «Историю города Глупова».

Возвращаемся в Москву – и опять всё по-новой. Латаем состав, восстанавливаем (в который раз) программу, чтобы успеть выехать на

1983 г. В белом – Саша Добрынин

Аттестат Никсона. Святая святых для каждого артиста. На его основании устанавливали оплату

гастроли в Тюменскую область (в который раз) и после них опять кого-то недосчитаться. Чистая белка в колесе. Хотя группа становится сильнее – мы просматриваем уйму музыкантов, среди которых, ставший впоследствии очень известным гитарист Дима Четвергов и будущая звезда Серёга Пенкин. В то время он только приехал в Москву из Пензы, помешан на Леонтьеве, но при этом двигается как циркуль и притоптывает в такт башмаком сорок седьмого размера. Хотя парень хороший и поёт здорово. Мы даже и не подумали на него тогда в плане особенностей. Просто музыкально-стилистически говорить не о чем. А берём мы созревшего наконец Лёшку Попова и Саню Добрынина. Того самого, что через несколько лет в составе «Весёлых ребят» обесмертит себя, подарив «Розовые розы» Светке Соколовой.

Пропоёт он у нас год, потом обоюдно расстанемся. Ему хочется петь стандартные попсовые шлягеры с незамысловатыми словами, а мы всё-таки подбираем смысловые произведения. Тот случай, когда оба правы. Зато возвращается Родька, и в этом составе мы, наконец, сдаём комиссии Министерства культуры «сольный концерт в одном отделении».

Чисто статусно-бухгалтерский идиотизм той эпохи. В любом случае, мы с самого начала играем все полтора часа, но право на сольное отделение позволяет получать за концерт 16 рублей 50 копеек вместо прежних девяти. Не хотел об этом подробно рассказывать, потому что, не имея поддержки от филармонии, нам приходится самостоятельно искать выходы (почему все говорят выходы, когда на самом деле ищут входы?) на людей для решения этого вопроса. Но я же не зря кручусь всё это время, как уж на сковородке, какими-то связями начал обрастать. Так я знакомлюсь в Росконцерте с шикарным бородачом Дмитрием Законом (это фамилия, пусть и парадоксальная для эстрадного администратора) – в то время директором ансамбля «Лейся, песня». Узнав о проблеме, он сводит меня с одним из теневых эстрадных генералов того времени – Сергеем Христофоровичем Меликом. Тот готов взяться, но надо заплатить, причём прилично. Вариантов у нас нет, поэтому соглашаемся. Машина завертелась. Мелик сам с нами занимается, не забыв всунуть в программу свою песню (Бр-р-р!), сам собирает нужный состав худсовета, сам его проводит и сам же утверждает решение.

Потихоньку постигаем науку сдачи программ, а также разрешения и утверждения произведений, по тем временам весьма и весьма скользких в идейном плане. Здесь помогает метод т.н. «ложных мишеней», то есть добавление в программу заведомо непроходных вещей, которые отвлекут на себя внимание и гнев комиссии, оставив в покое то, что мы действительно хотим петь в концерте. Приёмчик не нов. Говорят, великий Гайдай, чтобы спасти «Бриллиантовую руку», придумал гениальный эпизод ядерного взрыва, которым заканчивался фильм. Естественно, у просмотровой комиссии во время приёмки возникло много вопросов по всей картине, но начали со взрыва. Мол, что это и зачем? Гайдай на голубом глазу начинает убеждать, что взрыв является главным смысловым символом, без которого этот фильм – обычная незамысловатая комедия положений. Комиссия начинает злиться, а Гайдай ни в какую: взрыв является доминантой фильма – и точка. Страсти накаляются до предела, и председатель комиссии заявляет: мол, только через мой труп, что угодно оставляйте, но взрыв надо убрать. Гайдай, сняв очки, чуть ли не сквозь слёзы, горестно сожалеет, что не смог убедить своих коллег в правоте и, махнув рукой, со скорбным лицом, с трудом сдерживая смех, покидает заседание. Взрыв вырезали, но всё остальное сохранили. Вот это классика жанра! Знаменитый писатель Юрий Поляков, начинавший в юности больше как поэт, делился со мной своими не менее хитрыми способами. К примеру, он хочет, чтобы в журнале или газете напечатали его острое стихотворение. Редактору предоставляется возможность

выбирать, то есть показывается папка с тремя произведениями. Сверху лежит лист с абсолютно нейтральным, но неинтересным стихотворением, под ним то, что Юра хотел напечатать, и внизу такое, что не могло быть опубликовано нигде и никогда – чистая антисоветчина. Каждый раз происходит одна и та же сцена. Редактор берёт папку, начинает читать первое: «Старик, ну вроде неплохо, но как-то ни о чём». Доходит до второго: «Вот это здорово, но, боюсь, не пропустят! Жалко!» Наконец, открывает третье и тут же хватается за голову: «Ё-моё! Ты чего, ох..ел? Смерти моей хочешь? Ладно, давай второе».

Вокруг да около

Адаптировав этот джентельменский набор к своей ситуации, начинаю его внедрять. Мы довольно долго репетируем композицию на стихи Н. Некрасова «Я за то презираю себя...», крутим-вертим её так и сяк, но в итоге она так и не получается. Бывает, ничего страшного. Приходит в голову показать её на худсовете, поставив вслед за ней «Жирафа» Гумилёва – поэта, вызывающего много вопросов у стражей коммунистической идеологии. Сказано – сделано. Срабатывает точно. Худсовет сокрушается, что не раскрыта вся мощь некрасовского гения, в то время как какой-то Гумилёв сделан вполне прилично. Виногато киваю, прошу время на доработку. Некрасова вычёркивают, Гумилёва оставляют. Через пару месяцев таким же макаром протаскиваем песню «Идём через время вброд...» памяти Джона Леннона. Опять с Некрасовым не получается, просто напасть какая-то. Видно, не судьба. Его вычёркивают, про Леннона оставляют. Много позже такую же роль будет играть «Девочка в баре» Юрия Лозы, которую регулярно вычёркивали, оставляя остальные его песни.

В тот период мы в шаге от официального дебюта в Москве. Николай Рыкунин, тот самый, из дуэта «Шуров и Рыкунин», ставит программу в Лужниках и хочет нас туда включить. Даже афиши по городу висят и в газетной рекламе мы напечатаны. Но... выясняется, что для выступления в Москве требуется разрешение управления культуры Моссовета, а это особая тема. Даже «Машина времени» получит его только в восемьдесят шестом году.

Но для «Машины» это, скорее, вопрос принципа – они и так на тот момент лучшая группа СССР, а для нас – очередной несостоявшийся шанс вырваться из заколдованного для нас круга под названием Тюменская область. Огорчены сильно, но жизнь не только из разочарований состоит. Вдруг, ни с того ни с сего, в Москву приезжает группа

«Бутлег Битлз», что вызвало не ажиотаж даже, а истерию у всех начинающих взрослеть битломанов. Суть шоу – в музыкально и внешне абсолютно идентичном копировании битловского концерта. Москва, не менее идентично и с большой радостью, спустя двадцать лет воспроизводит битломанию шестидесятых. Мы решили не рисковать и для стопроцентно гарантированной покупки билетов (достаточных связей тогда ещё не было) всем составом приезжаем накануне вечером к залу «Россия» (светлой памяти) и вливаемся в огромную толпу-очередь, которая объединила несколько тысяч правильных людей с единой душой. Такого позитива ещё поискать. Все приехали в майках, пиджаках-битловках, вытасненных из сундуков клёшах, некоторые в париках, многие с гитарами и уж абсолютно все с портвейном.

Не знаю, как спалось в ту ночь постояльцам гостиницы, но вокруг было море музыки и океан Любви. А уж мы с Никсоном, Попусей и Родькой постарались от души. Хвастаться тут нечем, мы всё-таки профессионалы, но всё равно приятно, когда вокруг тебя толпа подпевающих и подливающих ребят, среди которых не выдержавшие конкуренции с нами ленноны-маккартни-харрисоны. Не забуду! Концерт, конечно, тоже потрясающий, но главное всё-таки было накануне.

В начале зимы, на свадьбе у Зотова, единственный раз за всю историю напьётся Родька. Мы сидели вместе и между «Горько!» обсуждали развитие группы. Я по обыкновению заряжал группу оптимизмом. В процессе разговора мы с Никсоном замечаем, что Родька, ни с того ни с сего, вдруг налёт на водочку, и чем ярче и темпераментнее мои доводы, тем мрачнее он становится. К концу он на ногах едва-едва – мы с Никсоном решаем его проводить домой на «Авиамоторную». Выходим из метро, я продолжаю его убеждать, что всё будет хорошо. Он слушает-слушает, а потом спрашивает: «Всё будет хорошо, да?» Я киваю. И вдруг он во весь голос: «А почему она ушла от меня?!» – после чего заглатывает пригоршню снега, перемахивает через чугунное ограждение и кубарем катится по склону находящегося рядом сквера.

В процессе общения с Законом мы побывали на концерте «Лейся, песня» – если честно, группа дышит на ладан. Единственное светлое пятно – молодой клёвый вокалист, работающий вставным номером под Элвиса Пресли, с высоким набриолиненным коком, длинным белом пиджаке и чёрных брюках-дудочках. Он шикарно поёт рок-н-роллы и классно двигается в правильной стилистике. Спрашиваю у Дмитрия – что за парень? Тот очень хорошо о нём отзывался, в том смысле, что талантливый, бесспорно, ему бы ещё свой стиль найти – и цены бы не было. Парня зовут Коля Расторгуев, через несколько лет он найдёт свой стиль. И цена у него будет – достаточно высокая. Но в дан-

ном случае всё по делу. Отец и основатель «Любэ» Игорь Матвиенко изумительно пишет супершлягеры, отталкиваясь от фрагментов лучших образцов советской песенной классики и подчас напрямую их цитируя. Но это так мило, так невинно, а на выходе с Колькиной помощью получается такой классный продукт, а поклонники у них такие, что не будем копать и ёрничать. По-любому, это здорово. К тому же, благодаря таким, как «Любэ», мужское начало на эстраде противостоит педерастической экспансии.

Мы с «Любэ» ещё пересечёмся в дальнейшем. А пока нас приглашают в первый раз в приличную поездку, где отделение поём мы, а второе – Ирина Понаровская и её, на тот момент, муж – советско-негритянский певец Вейланд Родд. Родившийся от смешанного брака и выросший в нашей стране, Вейланд – или, как его зовут свои, Велл – очень умело обыгрывает своё происхождение: со сцены говорит с сильным акцентом, фирменно одевается и ведёт себя очень нагло, причём, тоже как-то фирменно нагло. Но на него ходят, как сумасшедшие, особенно в городах, закрытых для иностранцев, а таких в СССР немало. Вот и наше совместное турне включает в себя Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Миасс, где в каждом городе одного рекламного щита с улыбающимся темнокожим лицом и надписью «Известный негритянский певец Вейланд Родд в дуэте с несравненной Ириной Понаровской» достаточно для многодневных ажиотагов. К тому же у них классное оборудование, арендуемое у одного из аппаратных воротил Москвы – Виталика Стоноженко по кличке Пупсик. Мы на таком ещё не играли. Фирменные усилители, микрофоны, голосовая система, барабаны, клавиши – фантастика! И на наших глазах в Магнитогорске один из местных работников сцены, по непонятным причинам, вдруг перед концертом случайно нажимает кнопку экстренного пожаротушения. Сверху на сцену обрушивается столб застоявшейся ржавой воды. Зрелище не для впечатлительных. Бросаемся на помощь, выливаем из клавиш воду, пытаемся организовать сушку и чистку всего остального. Концерты отменяют, самым спокойным оказался Пупсик: «Риск – часть нашей профессии». Поясняет, что поскольку аппарат нелегально приобретён и арендуется тоже неофициально, то ни застраховать, ни обезопасить его возможности нет. Да и как застраховаться от пьяного старого дегенерата? Поэтому, как оптимист, в случае ЧП он считает не то, что утрачено, а то, что осталось. Классный подход, запоминаю. Ситуация переключается со знакомой одесской цветочницей тётей Аней, когда к ней прибежали дочери и зятья с криками и воплями:

– Ой-ой! Несчастье! Несчастье! Погиб наш семейный бизнес! Сгорела теплица. Несчастье! Несчастье!

Ответ тёти Ани:

– А ну-ка тихо! Дети, внуки – все здоровы, никого не зацепило? Не обожгло?

– Нет, не обожгло. Ой, несчастье! Несчастье!

Тетя Аня:

– Ну, а раз не обожгло, то, Слава Богу, это не несчастье. Это убыток!

1983 г. Магнитогорск. Следующего концерта не будет. Старик-охранник по ошибке включит систему пожаротушения

Ловчев и другие

В Златоусте неожиданно знакомимся со знаменитым футболистом «Спартака» Евгением Ловчевым. Судьба играет с человеком... После триумфальных выступлений за «Спартак» и сборную СССР он попал в круговорот событий, пытаясь сражаться с системой спорта в нашей стране и, конечно же, был обречён. С него снимали звания, титулы и с «волчьим билетом» он тренирует здесь заводскую команду. Я, как человек, футболу не чуждый, провожу с ним почти всё время, пока мы там. Нам приходит в голову организовать футбольный матч прямо на заснеженном поле городского стадиона между его командой и музыкальной сборной, собранной из двух коллективов. Накануне наши соперники побывали на концерте, и мы их разыграли. Днём перед концертом я напросился к ним на тренировку, причём Женька, зная, что я занимался футболом, решает меня не представлять, как музыканта, а как бы пришёл новый вратарь. Я худо-бедно со всеми упражнениями справляюсь и за 20 минут до конца как бы отпрашиваюсь у тренера на концерт. Ребята из команды шалеют от такой наглости новичка (первый день в команде, а уже отпрашивается)

и на следующий день планируют со мной очень жёсткий разговор в раздевалке. Вечером, придя на концерт, они во всё врубаются и долго смеются над собой. А с Ловчевым мы ещё пересечёмся очень плотно.

В той поездке мы классно общаемся с музыкантами Понаровской – богатыми, весёлыми и хлебосольными ребятами из Молдавии. Один из них возит с собой диковинный по тем временам видеомагнитофон. Естественно, для всех это окно в мир, и мы ночи напролёт просиживаем у него, просматривая всю киноклассику и музыкальные программы.

Становится ясно, что группе необходим хороший администратор, чтобы ниже уже не опускаться. В этот период у нас работает конференсье – очаровательный парень Володя Агафонов, по кличке Гладиятор (как верный муж, он с девушками только разговаривает и иногда гладит). Обладая широкими знакомствами, он пытается решить этот вопрос и представляет меня всей концертной верхушке тех лет. Эдуард Смольный, Феликс Кац, Лев Меламедман, Олег Жак – эти люди могут всё. Другое дело, что без раскрутки мы особого интереса у них не вызываем, но всё равно потихоньку движемся. Нам нужен свой директор, а каким он должен быть, я увидел в Тюмени, заехав туда на пару дней после гастролей. Прошел слух, что должен прилететь директор скандально известного «Интеграла» Александр Бриль на переговоры по поводу концертов в зале филармонии. А я уже стараюсь знакомиться со всеми людьми такого уровня, поэтому жду. Немного раньше назначенного часа в служебную дверь входит пожилой полный возбуждённый человек, одетый по всем тогдашним стандартам респектабельности: кожаное пальто, ондатровая шапка, мохеровый шарф, импортный костюм, в руке дипломат. И идёт он первым делом не в приёмную директора, а в находящийся рядом с входом большой кабинет БОРЗ (бюро организации зрителей), где сидят так называемые «борзовики» – прожжённые нахрапистые тетki с вечным чаем и сплетнями, принимающие заявки и занимающиеся распространением билетов. Они знают весь город, и весь город знает их. В те времена билеты на концерты – очень твёрдая валюта, легко конвертируемая по системе «ты мне – я тебе» в продукты, шмотки, железнодорожные и авиабилеты, места в детсадах и решение других жизненных вопросов.

Так вот, запыхавшийся Бриль вваливается прямиком к ним, плюхается в кресло, смахивает со вспотевшего лба седую прядь волос и, не здороваясь, просит воды запить валидол. Не давая расслабиться, начинает громко причитать, что слышно далеко за пределами кабинета: «Господи, зачем мне всё это надо? Как я, старый дурак, мог попасть в такой переплёт? Всё, больше не могу! Сейчас сделаю в Тюмени

1983 г. Памятные гастроли с Понаровской. Слева направо: Суздаев, Родин, Зотов, Слава Каплун (барабанищик Понаровской, у которого видеоманитофон), Володя Агафонов (конферансье, ныне Генеральный директор Московских театрально-зрелищных касс), я в наикрутейшем финском спортивном костюме, сидит Никсон

15–20 концертов и заканчиваю! Пора к детям, к внукам. Ну мыслимое ли дело? Вчера в Барнауле молодые пацаны лезли по водосточным трубам, чтоб попасть на концерт! Слава Богу, никто не разбился, а то не сидел бы я сейчас здесь – вернее, сидел, но не здесь. А девчонки по всей гостинице этих придурков караулят. Мне это надо? А в Кемерово толпа собралась такая, что движение пришлось перекрывать. Так там хотя бы просто толпа, а в Кирове студенты демонстрацию устроили с транспарантами «Мы идем на «Интеграл». И все шишки на кого? На меня, конечно! Нет, больше не могу и не буду! Последние концерты, а там пускай делают, что хотят. Без меня!»

Немного отдышавшись, уже за чашкой предложенного чая он даёт притихшим тёткам ряд практических советов. Например, в первые ряды знакомых не сажать: очень громкая музыка и очень яркие световые эффекты. Все билеты сразу в продажу не пускать, потому что и так ажиотаж, а после первого концерта он утроится, ваши знакомые и друзья вас же и разорвут – отложите побольше. Старайтесь, чтобы поменьше было журналистов, а то иногда пишут чёрт те что – начинаются разборки. Через час, выйдя от директора филармонии с подписанными договорами, незаметно заглядывает в кабинет «борзовиков» с довольным видом человека, хорошо сделавшего свою работу, и уезжает. А там паника, аврал! Сенсация в город вброшена, и уже пошла

обратная волна. Все тётки на телефонах, дым столбом, вид у них стал надменный и снисходительный. Видно, что финские сапоги, югославские гарнитуры и путёвки в Болгарию уже в кармане, а это только начало.

Но такие виртуозы в стране наперечёт. Да и продавать нам пока особо нечего. Приходится самому заниматься продвижением группы, на это уходит уйма времени и сил. Я начинаю чувствовать, что потихоньку отстаю как музыкант и в одиночку мне с обоими направлениями – творческим и административным – не справиться.

Нужна свежая музыкальная кровь. Нужна-то нужна, да где её взять? Пытаемся договориться с Борей Носачёвым, но у него своя группа «Мистерия буфф» и они как раз проходят идеологическую обработку у вышеописанных Косарева с Вокалём. А там за обещаниями в карман не лезут. Борька – очень интересный музыкант и человек. Попав в юные годы на работу в «Останкино», он каким-то образом имел доступ к просмотру зарубежных программ, в том числе и музыкальных. И пока мы рассматривали мутные чёрно-белые фотографии, он спокойно смотрел концерты лучших групп мира, перенимая стиль поведения, сценические движения, манеру одеваться. Поэтому музыка «Мистерии», что называется, на вкус и цвет, но от Борьки глаз не отвести. Почти все песни написаны на стихи Маяковского, в основном ранняя лирика и сатира зрелого периода, причём не безобидная. Но фамилия «Маяковский» заставляет оппонентов засовывать языки куда поглубже, и «Мистерия» существует долго и относительно денежно, хотя Борька в «Зодчих» в конце концов появится.

Появится в группе и Сашка Белоносов – потрясающий музыкант-клавишник, которого мы присмотрели на Московском конкурсе, том самом, который сами выиграли несколько лет назад! Он выступал с группой «Форум», в ней, оказывается, играл в то время Сергей Минаев – будущий диджей СССР № 1. Но пока разговор с Саней упёрся в его учёбу в Московском инженерно-физическом институте.

На орбите возникает также Лёня Ермолович, флейтист и скрипач из Иркутска. Хороший музыкант, чудный парень, но у нас есть Андрюха Родин, поэтому с Лёнкой просто дружески общаемся, а в свободное время не менее дружески музицируем.

В обойме потенциальных участников довольно много музыкантов, но все они исполнители, а нам бы новых идей и песен. Приятно, что вокруг группы образовывается своя тусовка из музыкантов, готовых чем-то помогать, держа в уме возможное будущее участие.

Глава VI. Плюс Лоза (1983 г.)

Из пунктов А и Б навстречу друг другу...

В один прекрасный день Лёнька Ермолович даёт мне телефон и говорит, что вот, мол, солист «Интеграла», Юрий Лоза, ушёл из группы, чтобы завязать с гастрольной деятельностью и жить исключительно сочинительством песен, получая авторские отчисления за их исполнение. Поэтому было бы очень интересно познакомиться, так как нам нужен материал, а ему – исполнители.

Про группу «Интеграл» я, конечно, слышал, но никогда не видел. Правда, соседская девочка рассказывала, что где-то посещала их концерт, и это было классно, особенно впечатлил Юрий Лоза (фамилия запоминающаяся). В Москве им выступать не разрешают.

Звоню, представляюсь, договариваемся о встрече. Естественно, ни про каких «Зодчих» он слышать не слышал, но статус группы его устраивает, в том смысле, что профессиональный ансамбль будет петь его песни.

Приезжаю по указанному адресу в районе «Войковской», где он снимает квартиру. Меня слегка удивляет совершенно не рокерская внешность – с короткой стрижкой, спортивный по фигуре и движениям парень. Мы садимся, и он часа за полтора записывает на обычный кассетник порядка двадцати песен, разных по стилю и уровню, но в целом клёвых. Договариваемся, что после ближайшей поездки встретимся опять, поскольку на гастролях будет уйма времени всё это внима-

1984 г. В 2014 году похожая девушка победит на Евровидении.

тельно отслушать, переварить и попробовать сделать. Через два дня мы отбываем в очередной вояж по родной Тюменщине в усечённом составе – без клавишника. Хотя инструмент с собой взяли, и на нём поочерёдно играли Родька, Попуся и даже я. Кроме того, мы вводим в репертуар песню Теодора Ефимова «Человек не игрушка», где я играю на виолончели и одну а-капельную сценку типа русской народной (мы в косынках в образе девочек), дурацкую, но смешную, под названием «Стёпа» плюс старый рок-н-ролл Кесслера «Чарльз Дарвин был не прав» – в общем, смотрится всё не так плохо.

Недостаток репертуара добиваем битловскими «Michelle» и «Can't buy my love», причём весьма близко к оригиналу как по исполнению, так и по картинке: три гитары, две стойки с микрофонами, барабаны – народ принимает хорошо. Естественно, слушаем кассету с Лозой. Зотов, как обычно, безапелляционно заявляет, что много нормальных вещей, но одна станет супершлягером – та, которая про маленький плот. Как только появляется возможность порепетировать, ментально, на одном дыхании, её склеиваем. Никсон поёт в характере, инструментов хватает вполне, да и стиль а-ля «Червоны гитары» нам вполне знаком и любим. Вечером того же дня в городе Нягань (оттуда сейчас КВНовская команда «Кефир») происходит её первое исполнение. Вопросы сняты моментально – после первого куплета под гитару, когда вступает барабанная бочка, весь зал начинает хлопать в такт. В поездке делаем ещё пару-тройку лозовских вещей, но «Плот» не перешибить, да и не надо. Поэтому Никсон не врёт, рассказывая, что он в составе группы первым исполнил знаменитую песню.

Возвращаемся в Москву, встречаемся с Юркой, общаемся. Его очень радует успех «Плота», как и тот факт, что мы серьёзно отнеслись к его песням. Решаем по этому поводу выпить, начинаем более плотно общаться, получается очень душевно. Юра знает себе цену, при этом полное отсутствие пафоса. Выясняется, что он обожает играть в футбол, и я сразу приглашаю его завтра присоединиться к футбольной тусовке на «Водном стадионе», где каждые выходные народ играет навывлет и куда я уже намылился. Утром встречаемся, бегаем до упаду, потом едем к нему, где с не меньшим азартом рубимся в шахматы. Настолько быстро и хорошо сходимся, что расставаться неохота, я сажусь за телефон, и вечером мы встречаемся уже у меня в расши-

«Человек
не игрушка»

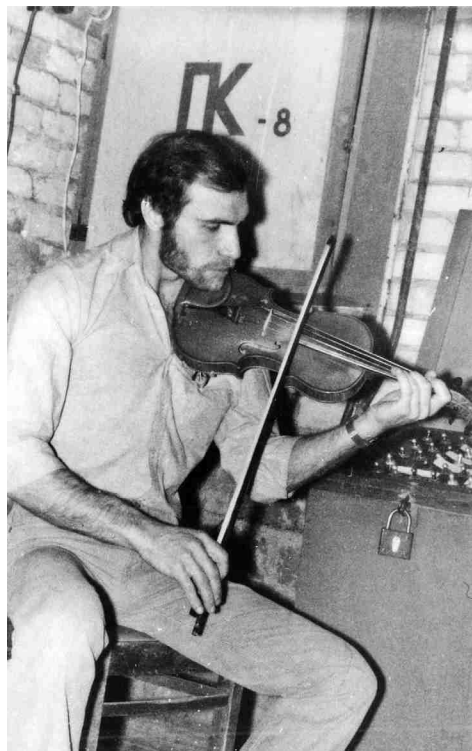

«Чарльз Дарвин
был неправ»

«Michelle»

ренном составе и несколько ином, разнополом формате. Подробности опустим, но получается, что мы в течение двух дней форсированным маршем прошли путь от поверхностного делового знакомства к достаточно близкому приятельству. Эти отношения мы сохраняем и развиваем, довольно часто встречаюсь и общаясь. Как-то у нас заходит разговор о том – о сём, в котором Юра говорит, что пока песни его вся страна не запела, жить на авторские довольно сложно, да и с точки зрения советского социального и правового статуса он тунеядец*, и рано или поздно возникнут проблемы наряду с вопросами, почему, не

Родька – единственный, кто до конца доучился в Тюменском музучилище

работая, он ошивается без прописки в Москве.

В связи с этим нельзя ли положить в филармонию трудовую книжку, чтобы легализовать его нахождение в Москве, поскольку у нас здесь репетиционная база, да и стаж чтоб не терялся. При этом половину зарплаты он готов отдавать в «чёрную» кассу ансамбля. Признаюсь, я до этого всё время думаю о том, как привязать Лозу к группе, но это невозможно. Что мы можем ему предложить? Тюменские дыры после многолетней работы в «Интеграле» в качестве одного из лидеров звёздной группы? Смешно!

Поэтому такой разговор для меня – неожиданный сюрприз. Единственное условие, которое должно всех обезопасить, заключается в том, что Лозе в следующую поездку нужно слетать с нами в Тюмень, оформиться на работу, выехать с нами как бы на гастроли по области и через пару дней тихо улететь в Москву. В конце поездки ему нужно тем же путем к нам присоединиться, чтобы снова показаться в филармонии. Договорились, что его место будет за пультом рядом со звукорежиссёром, что позволит ему, не находясь на сцене, получать артистическую ставку. А уж втереть филармонии,

* В советское время каждый человек, даже артист был обязан где-то работать или официально состоять в творческом союзе. В противном случае грозило уголовное наказание (например, Иосиф Бродский был отправлен в ссылку).

что наша музыка усложнилась настолько, что одному звукачу никак не справиться – это теперь моя забота. Не хватает, мол, рук, а главное – ушей.

Наступивший позитив обламывается, когда Родька, совершающий свою обычную утреннюю пробежку от дома до парка Лефортово, с ходу ныряет в пруд, и внезапно у него так схватывает сердце, что бедняга еле добирается до берега, еле вылезает, еле-еле, из последних сил, вызывает «скорую». Его кладут на носилки и отвозят в больницу, где кардиограмма устанавливает беспристрастный и жестокий диагноз – инфаркт. Мы в шоке, Родька тоже – с чего бы и откуда? Но что есть, то есть, с тех пор всё, что с ним происходит, так или иначе проецируется на эту беду, которая через шестнадцать лет первым выдернет его из нашей жизнерадостной и, казалось бы, вечной компании.

А пока, меняем уже купленные билеты, вспоминаем, находим и в кратчайшие сроки вводим в программу Лёню Ермоловича.

Едем в Тюмень поездом и случайно оказываемся в одном вагоне с коллективом Галины Ненашевой. Контраст сильный – сильно помятые, полупьяные ветераны, хотя музыканты все очень сильные. Ехали они куда-то на халтуру, то есть официальные, но внеплановые концерты. Запомнился ответ самой Ненашевой на вопрос, заданный музыкантами:

– В какой город едем, Галина Алексеевна?

– За наличные!!!

Проведя вечер с этими неплохими мужиками, понимаем, тем не менее, что судьба отвела нас от классического музыкантского гастрольно-жизненного уклада с ежедневными пьянками, картами и трёпом вокруг одних и тех же тем (даже шутка такая была: «Три вещи, о которых могут говорить музыканты? – О джинсах, о пи..де и о подзвучке»). Плюс жлобско-музыкантский сленг, большие напоминающий уголовную феню:

Лабать, лабух – играть (на инструменте), музыкант

Берлять, берло – есть (в смысле кушать), еда

Кирать, кир – пить алкоголь, выпивка

Друшлять, друшл – спать, сон

Базлать, базл – говорить, разговор

Штунг – запах

Зусман – холод

Башлять, башли – платить, деньги

Сурлять – по-маленькому

Верзять – по-большому

Качумать, кач – молчать, тишина

...и т.д.

*И ещё набор стандартных, переходящих через поколения борода-
тых шуток, приколов и присказок.*

*Например, ответ музыканту, который жалуется на плохой ин-
струмент: «Не имей Амати, а умей лабати!»*

*Или в автобусе, когда все повернули головы в сторону проходящей
симпатичной девушки, подаётся команда: «Отставить равнение!»*

*Кто-нибудь снимает девушку после концерта и почти убалты-
вает её поехать в гостиницу музыку послушать и пообщаться. Про-
ходящий мимо коллега останавливается: «Слушай, чуть не забыл!
Тебя жена просила позвонить срочно». Идущий следом добавляет:
«Лев Моисеевич недоволен тем, что ты не пришёл на последний укол».*

*Иногда в подобной ситуации на несчастного соискателя набра-
сывается весь коллектив: «У тебя сын!!!»*

*Мы иногда тоже этим балуемся, но это уж совсем от безысходки
или усталости.*

Ничто не предвещало

Прибываем в Тюмень, несколько дней репетируем, показываем программу, оформляем все нужные документы и вылетаем в Надым – северный город, до которого полтора часа лететь на ТУ-154. Там запланировано шесть концертов, затем перелёт в Новый Уренгой, из которого, как и договорились, Лоза улетит.

Ведёт он себя просто изумительно. Всё время на позитиве, с улыбкой, подсказывает дельные вещи, следит за звуком. Абсолютно легко общается со всеми ребятами, выпивает, валяет дурака, достаточное внимание уделяет нашим старым и вновь приобретённым тюменским подругам.

Хотя поначалу в его глазах я просто опущен. В Тюмени проходит что-то партийно-областное, очень важное, все гостиницы заняты, и нас селят в жуткой халупе по шесть человек в комнате с удобствами в коридоре. Я, пряча глаза, хочу ему что-то объяснить, но он со смехом меня опережает: «Юрбан! (Именно так он величал меня.) Ничего не говори. Кого-кого, а меня этим не напугаешь, было и похуже». И уже ко всем: «Пацаны! У вас, а точнее, у нас не самая плохая команда. Все документы в порядке, перспективы есть. Верьте, что всё будет: и Дворцы спорта, и стадионы, и Сочи, и Питер, и Киев – всё! Причём гораздо быстрее, чем вы думаете. Главное – не распускать нюни, а работать, работать и ждать той самой чуточки везения, без которого в нашем деле никуда!»

Эта тема в течение вечерних и полуночных посиделок доминирует – и водка камень точит: мозг не верит, а душа надеется. Вылетаем в свой Надым, отработываем концерты и в последний день Юрка проставляет отходную, точнее, отлётную – завтра он валит в Москву. Гостиницей для артистов в Надыме служит большая квартира в обычной девятиэтажке, причём мы живём на втором этаже, а на первом располагается гастроном, винный отдел которого легко обходится без сомелье. В наличии один единственный напиток, встречающийся только в этой местности, а именно «Спирт питьевой» по 9 рублей 20 копеек (поллитровая бутылка). Видимо, он не замерзает и при транспортировке занимает вдвое меньше места, чем водка, к тому же оставляя место для творчества. Имеется в виду, что чистяком его пить – радость не для всех, зато при разбавлении водой из-под крана можно играть с концентрацией, а стало быть и с крепостью. Бывалые люди подсказали, что для получения сорокаградусного напитка из девяностошестиградусного пропорция два (спирт) к пяти (вода) не совсем верна, а более точная – пять (спирт) к двенадцати (вода) – труднодостижима в полевых условиях. К тому же, сорокаградусная смесь спирта и воды всё-таки не совсем водка, почему – непонятно, но не совсем. Причина, наверное, в технологических нюансах, возможных в заводских условиях, а вернее, в их отсутствии здесь. Гораздо надёжнее визуально-пальпационный способ, в основе которого наблюдение за цветом пламени продукта, если его поджечь, а также измерение на ощупь температу-

Никсон и Лоза. Пока всё отлично, но через два часа они подерутся

ры того же продукта, нагревающегося при разбавлении. Так вот, есть тонкости. Допустим, мы стремимся, всё-таки, к более-менее водкообразному эталону. В этом случае, как, впрочем, и в других, требуется на глаз влить воду в спирт либо наоборот, обычно производится в кастрюле либо в графине (при наличии). После этого продукт взбалтывается, маленькая толика его наливается либо в блюдце (при наличии), либо прямо на клеёнку (что чаще) и поджигается. Теперь самое главное. Если концентрация спирта превосходит искомую, то пламя будет синее по краям, а посередине жёлтые всполохи, а если этой самой концентрации недостает, то вообще ни хрена не загорится. Сверхзадача – добиться ровного синего пламени по всей поверхности разлитой жидкости. Температура продукта сразу после соединения обоих ингредиентов должна примерно соответствовать температуре тела. Самая распространённая ошибка неопытных пользователей состоит в манипулировании всем объёмом спирта сразу, потому как если, не приведи Господь, случайно переборщить с водой, то обратной дороги нет. Это как на воздушном шаре кончился горячий воздух – всё, путь только вниз. А посему необходимо оставлять немного спирта в бутылке – в качестве коррекционного запаса.

В тот вечер что-то у нас не пошло. То ли торопились и «на глазок», тяп-ляп, сварганили не так, то ли ещё что (а собственно, что ещё?), но напиток получился недобрым, или, как его впоследствии охарактеризовал Лоза, нежизнеутверждающим.

Плюс (вернее, минус) к этому, закуска на всю ораву состоит из двух банок кабачковой икры и одной – зелёного горошка. Глянув на эту скатерть-самобранку, даже скупой Попуся не выдерживает и выкатывает на стол свой НЗ – три головки чеснока. Хлеба так и не нашли.

Становится понятно, что мы столкнёмся с иммунным дефицитом, в том смысле, что организму не хватит иммунитета справиться с этим пойлом. Но не отступать же!..

Застольная беседа протекает вполне мирно, пока Лоза, бравировавший тем, что играл в футбол за юношей алма-атинского «Кайрата», не заявляет, что здесь ему равных нет. Ну нет и нет, я сижу, посмеиваясь, поскольку мы с ним уже играли. А Зотова и особенно Никсона это почему-то задевает. Видимо, Колька, всерьёз занимавшийся хоккеем в ЦСКА, счёл такое бездоказательное бахвальство недопустимым – плюс великодержавный московский шовинизм. Короче, Аннушка пролила масло, хотя пока всё мирно и весело.

Мы за разговором упускаем момент, когда обычно позитивный Никсон выпадает из общего пространства, утыкается в одну точку, прикуривая следующую сигарету от предыдущей, желваки ходят,

зрачки сузились. Быть беде! Поводит окрест очами, не сразу находит Юрку и, набычившись, начинает (цитирую, если не дословно, то очень близко к оригиналу):

– Ну, вот ты, например, Лоза. И все знают, что ты Лоза. И никто не спорит, что ты Лоза. Ну и что? А я вот, например, тоже Никсон. И все знают, что я Никсон. И никто не спорит, что я Никсон. Теперь ты понял?

Лоза ничего не понимает, но видно, что пытается, задает навоящие вопросы. Никсон агрессивует ещё больше, выводя из себя до этого вполне благодушного и в меру пьяного Юрку. Наконец Никсон провозглашает:

– Лоза! Поскольку ты слов не понимаешь, я вызываю тебя на дуэль! Выбирай любое оружие, я буду драться нунчаками.

Терпение Лозы иссякает:

– Давай! Остальным не лезть! Я буду драться подушкой и одеялом.

Ну хоть не на ножах, к тому же Юрка к дуэли всё-таки относится больше как к приколу.

Ситуация фиговая. Единственная надежда, что Никсон уже еле стоит на ногах. Тем не менее, достает нунчаки из чемодана, а Лоза в самом деле берёт одеяло и подушку, причём с кровати Никсона. Местом дуэли служит лестничная площадка. Наши Челубей и Пересвет занимают исходные позиции. Никсон со зверским лицом и устрашающими воплями, крутя вразнобой нунчаками, надвигается на Лозу. Юрка не выдерживает этого зрелища и начинает дико ржать, мы за ним. Никсон ещё успеваает крикнуть: «Не один ты! Все суки!» – после чего, наконец, попадает нунчаком себе по лбу и падает замертво. Нам остаётся лишь отнести его в кровать, положив под голову недавние орудия битвы и укыв ими же.

Никсон впоследствии будет доказывать, что его вывел из себя брошенный Лозой стул, от которого он, с детства не боящийся летящей шайбы, успел увернуться, но здесь уже каждый помнит как помнит – давно дело было.

Не вынесла душа поэта

Здесь бы всё и забыть! Ан нет! Рано утром собираемся в аэропорт. Лоза, у которого на вечер того же дня куплен билет Новый Уренгой – Москва, непрерывно рассматривает в зеркале свою опухшую от спирта и переживаний физиономию, озабоченно приговаривая: «Откуда в Заполярье в начале октября столько пчёл?»

Едем в автобусе. Никсон обижен на весь мир. Ни с кем не разговаривает, думу свою думает. Мы переглядываемся и тихонько хихикаем, вспоминая вчерашнее. На холоде быстро приходим в себя. Впереди перелёт и два вечерних концерта в Новом Уренгое. Вдруг Никсон громко заявляет: «Ставлю вопрос ребром – или я, или Лоза!» Начинаем его успокаивать: мол, Лоза вечером улетит – и ты опять самый лучший и незаменимый. Нету у тебя конкурентов на этой планете! Нету! Вроде успокаивается, весь полёт спит. Прилетаем, селимся в гостинице, немного отдыхаем и собираемся у входа – мы на площадку, готовиться к концертам, а Лоза в аэропорт в Москву.

Появляется Никсон, успевший за это время сбегать в поликлинику и взять больничный из-за якобы ангины. «Я не шутил. Или Лоза навсегда покидает коллектив, или я сегодня не работаю, как, впрочем, и завтра, и послезавтра».

Здесь уже Лоза не выдерживает по-настоящему, достаёт свой билет, рвёт на мелкие части: «Никсон, ты меня за...бал! Назло тебе никуда не лечу, остаюсь в коллективе в качестве солиста, больничный свой засунь себе в жопу. У нас четыре часа до концерта, без тебя что-нибудь придумаем». Вот это сюжет! Пи..дец всему!?! Или сказка становится былью?! Никсон ошарашен, мы тоже в шоке. Но сильно огорчаться или радоваться нет времени. Мчимся на площадку, быстро втыкаем инструменты, начинаем судорожно лепить программу – народ здесь суровый, северный. Протестуют по-своему: если не нравится – встают и, громко топая, по центральному проходу выходят из зала. А кому это приятно?

Очень быстро выясняется, что всё не так плохо. Лоза, отсмотрев за пультом с десятков концертов, многие песни, хоть и путая слова, мог допеть до конца. Плюс его собственные песни, которые, естественно, он и так знал, а пел уж точно не хуже Никсона. Плюс несколько песен под гитару – как бы вставной номер. Плюс несколько простых его песенок, которые мы с ходу в состоянии примитивно саккомпанировать. Плюс то, что поёт Попуся, плюс две битловские, плюс два фельетона от конференсье. В общем, полтора часа вытягиваем, при этом «Стихи о советском паспорте» читать не приходится.

Самая проблемная позиция – одеть на сцену Юрку. Воскресенье – магазины закрыты, да и какие, к чёрту, магазины в Уренгое? Лоза, хитро улыбаясь, успокаивает нас: мол, как человек опытный, захватил с собой на всякий случай интеграловский концертный костюм. Помните, как Остап Бендер доставал из саквояжа всё, что может пригодиться для сравнительно честного зарабатывания денег, в том числе афишу, чалму и тому подобные атрибуты? Вот и здесь, видимо после

очень долгого перерыва, свет увидели пёстрая ковбойка и невероятного фасона розовые панталонны, обтягивающие и очень тонкие. Вот, собственно, и всё. Юрка ударился в ностальгию:

– В последний раз я их надевал полтора года назад в Ялте, в зале «Юбилейный» на набережной. А ещё были и длинный шарф, и ковбойская шляпа, и красные ботфорты.

Пришлось его прервать:

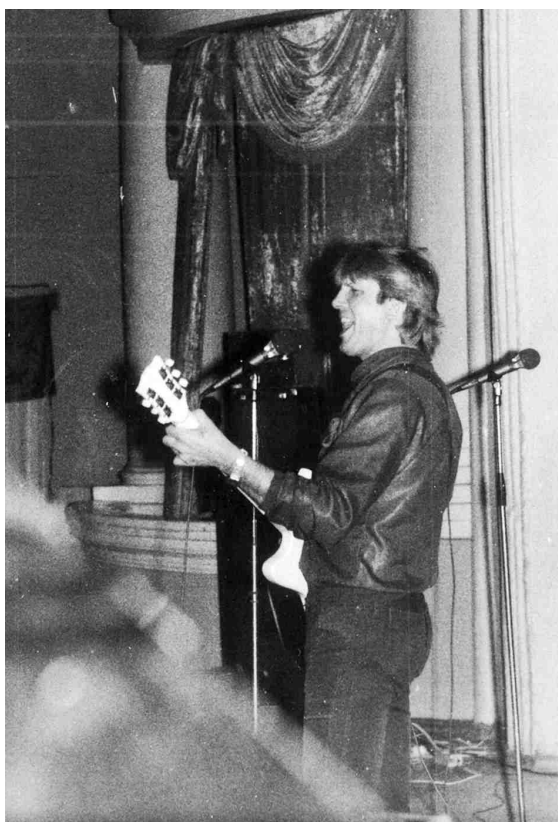
– Юрок, полчаса до концерта, мы в Новом Уренгое, из головных уборов могу предложить спортивную шапочку, из обуви – чёрные зимние полусапожки с молнией, «Прощай, молодость» называются. В зале плюс семь, народ сидит в тулупах. Боюсь, розовые штаны не прокатят.

Изнемогая от хохота, кое-как, с миру по нитке, во что-то его одеваем. Перед концертом дикий подъём с лёгкой примесью страха. С одной стороны, всё сыро, шатается – дай Бог ноги унести, доиграть всё от начала до конца. С другой стороны, Лоза впервые выходит на сцену в качестве солиста «Зодчих», причём абсолютно неожиданно как для нас, так и для себя.

Ничего, кое-как отыгрываем, причём лозовские песни, из тех, что мы на шáру сыграли, приняли здорово. Юрка очень дово-

Первый выход Лозы на сцену в составе «Зодчих» – назло Никсону

Юрий Лоза

лен. Свой дебют в группе он сопровождает фразой: «Дед Пердяй за старое взялся!»

А второй концерт уже прошёл будто так и надо. После концерта, возбуждённые, долго не расходимся, и Лоза озвучивает своё решение – в том смысле, что его всё в данный момент устраивает и он готов работать солистом группы на постоянной основе. Никсон, просидев в зале оба концерта, сильно озадачен, но у всех такое классное настроение, что мы зовём его за стол, размягчаем, наливаем, убеждаем, что его присутствие в группе по-прежнему необходимо. В конце концов все замиряются, и на завтра спокойно работаем концерты, просто отдав песни Лозы петь Лозе.

Жизнь продолжается! Юрку очень веселит тюменский диалект. Как вам, например, фраза «Айда вперёд, ага, однако справа будет свёрток»? В переводе – езжайте прямо, и через какое-то время будет поворот направо. Кроме того, когда я начал осторожно намекать, что условия поездки по области не всегда комфортные, да и ситуации бывают всякие, Юрка тут же пополнил сокровищницу отечественной эстрады несколькими леденящими душу эпизодами из собственной биографии времён раннего «Интеграла».

Находясь лютой зимой на гастролях где-то в казахстанских степях, в гостинице с удобствами во дворе, при температуре минус сорок, лично Бари Алибасов изобрёл способ, позволяющий, сидя на «очке», не заморозить своё мужское хозяйство дующим снизу студёным ветром. А именно: прямо на «очко» стелется сложенная вдвое газета, после чего нужно сесть, как обычно, «орлом», но наступив ногами на её края. Быстро совершив все необходимые действия, исполнитель натягивает штаны и уже в них двумя ногами спрыгивает с подиума на пол. Соответственно, газета с оставленным на ней грузом под влиянием силы тяжести проваливается вниз, в яму. Гениально! Безжалостное время стёрло имя музыканта – героя другого эпизода, в котором этот самый музыкант-герой вышел в три ночи из гостиничного номера в коридор, голый, в состоянии максимальной эрекции, и, разводя руками, начал жалобно причитать дежурной по этажу: «С этим ведь надо что-то делать!» Эту историю я долго считал неперешибаемой, пока Слава Добрынин через много-много лет не сбросил её с пьедестала сагой, где главный персонаж, кстати, известный и уважаемый, но в тот момент сильно пьяный, вошёл вечером в переполненный ресторан гостиницы, абсолютно голый, держа ниже пояса поднос, на котором лежало всё его... ну понимаете!..

Эй, молодёжь! Можете чем-то ответить великим старикам? Или я в вас сильно разочаруюсь!

Перезагрузка

Но, как выясняется, настоящие испытания только начинаются. У нас в гастрольном графике стоит некий населенный пункт под названием Пур. Ну, Пур и Пур, поехали, в смысле – полетели. Сейчас в это трудно поверить, но в то некоммерциализированное время мы перелетаем по северным районам Тюменской области абсолютно бесплатно. Для этого надо просто зайти в какой-нибудь нефтяной или газовый трест и сказать, что нам надо попасть туда-то и туда-то. В этих контрактах действительно работают классные молодые мужики, с мозгами, с драйвом, с деловой хваткой и отсутствием страха перед масштабом задач. Пройдёт не так много лет, и на фоне падающей в пропасть страны именно они удержат свою отрасль на плаву и в конце концов помогут переломить общую ситуацию.

Таким способом нам дают вертолёт, мы часа полтора летим над тундрой и попадаем в посёлок Пур – такую дыру, куда не то что Макара телят не гонял, а все чукчи, эскимосы и коряки своих собак и оленей держат подальше. Там мы даём два концерта и... застреваем на несколько дней, поскольку погода кошмарная, вертолёты не летают, реки замёрзли – и отсюда не выбраться. Но нет худа без добра: мы приводим программу в порядок, уже с учётом Лозы – как ведущего солиста и гитариста группы. Меня поражает, что при всей своей индивидуальности Юрка – абсолютно ансамблевый чувак. Отсолировав своё, он спокойно встаёт в строй и делает всё необходимое для общей программы, аккомпанируя другим, вводясь в старые номера, подпевая в бэк-вокальных партиях, участвуя в мизансценах. Его интегральный опыт для нас бесценен: мы делаем очень серьёзное смещение в сторону театрализации песен. При этом вырисовывается очень мощная авансцена: у микрофонов на передней линии никого ниже 182 м – Никсон, Попуся, Лоза и я, при этом все разнотипажные, зрителям это нравится. Юрка рассказывает про приёмы, практиковавшиеся в «Интеграле» для пущей привлекательности: выбривать грудь в соответствии с вырезом рубахи, категорически отказаться от нижнего белья под обтягивающими шёлковыми панталонами и, более того, всё, что под этими панталонами, собирать вместе и перекладывать на одну и ту же сторону.

Ну это перебор, конечно. Нам вполне хватит песенного материала, который мы старательно и добротнo делаем. Получается, что в итоге всех всё устраивает: мы закрыли репертуарные проблемы. Юрка, в свою очередь, полностью самореализован: половину программы составляют его песни, причём без всякого диктата и при абсолютно до-

Юрий Лоза и Володя Занин

брожелательном и лояльном к нему отношении, чего в «Интеграле» он не видел. Спустя некоторое время, уже в Москве, я стану свидетелем их встречи с Алибасовым по каким-то итоговым делам. Бари поведет себя крайне неприятно и агрессивно. Но это уже не сильно будет волновать даже Юрку. Становится ясно, что сплачивается ядро чего-то нового и клёвого.

Из Пура перелетаем в Ноябрьск, где, как когда-то, выгружаем аппарат под вращающимися лопастями вертолётa – правда, есть возможность оттащить его до взлёта к стоящему неподалёку поезду: посадочная площадка рядом со станцией.

Наступает пятиминутка Лозы: он не проследил, что большая чёрная гитара с акустическим корпусом, на которой он играет, не закреплена и от вертолётного вихря полетела-покатилась под поезд и потом дальше в тундру. Юрка в ужасе бросается за ней, ныряет под поезд, несётся по сугробу и метров через сто настигает беглянку. Добравшись до гостиницы, обнаруживаем сразу две неприятности. У гитары отломана и не подлежит реставрации треть задней части корпуса. А ещё лозовская шуба, великолепная серебристая шуба из искусственной цигейки, купленная вчера за триста рублей ввиду внеплановой задержки на гастролях в сложных климатических условиях и весело обмытая, при преодолении подвагонного пространства жутко и несмываемо испачкана сажей, мазутом, маслом и что там ещё у этого вагона снизу. Первый шок заглуша-

ем оставшимся от вчера и, успокоившись, обнаруживаем, что, несмотря на ампутацию, гитара продолжает играть и даже строить (непостижимо!). А что до шубы, то Лоза с присущим оптимизмом рассуждает: мол, это лучше, чем если бы испачкалась гитара, а оторвалась и улетела треть от шубы. Так, по крайней мере, не холодно. В Москве отчистим.

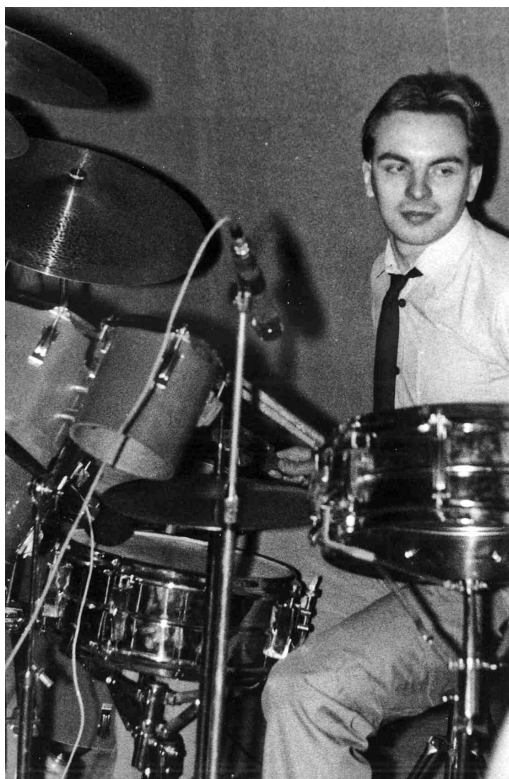
Вскоре в группу приходят сразу два клавишника – Саня Стражгородский и Володя Занин, причём последний бросает очень денежную точку в тюменском ресторане «Восток», к тому же у него класснейший по тем временам инструмент «Crumar multiman». Звучит всё красиво. К нашему возвращению в Москву получает широкую популярность выпущенный летом под названием «Примус» Юркин альбом «Путешествие в рок-н-ролл» – тот, где «Девочка в баре», «Баба-Люба» и другие весёлые прикольные песни. Это омрачается тем, что наверху усиливается борьба с рок-н-роллом и выходит специальный циркуляр – по сути, «волчий билет» для многих групп и исполнителей. Там есть и «Примус», но это название как бы в стороне: мы-то «Зодчие», к тому же в Тюмени, где ударные стройки и решаются судьбы страны. Лоза в списке фигурирует, но нет такого, что ему нельзя выступать в составе профессиональных филармонических групп. Поэтому «Девочку в баре»

исполняем не всегда, Лозу иногда прячем под псевдонимом Савич (фамилия его матери) и как-то существуем в текущем режиме, выстраивая потихоньку здание на перспективу. С Юркой в это время мы очень близки, он даже переезжает ко мне в свободную комнату на Пушкинской, мы примерно одновременно знакомимся со своими будущими жёнами и много времени проводим вместе. Юрка сводит меня со многими людьми, которых знал

1983 г. Лоза – свидетель на моей свадьбе

ещё по «Интегралу» и так или иначе вокруг группы создаётся движуха. На Пушкинской он, правда, живёт недолго, поскольку в то время это ещё коммуналка и соседями там семья лимитчиков, работников коммунальных служб, – незлобивые люди, но дурные через не могу. Когда Светлана впервые остаётся у Юрки на ночь и утром идёт умываться, глава семьи Сашка (водитель поливальной машины) сердечно приветствует её в коридоре: «Привет, Светка! Ну что, всё заебись?» А Света – натура утончённая, рафинированная – для неё в этот момент мир рухнул. Пришлось Лозе восстанавливать его в другом месте проживания. В декабре у меня свадьба, на

1984 г. Наконец позиция ударника закрыта. Первый концерт Генки Гордеева

которой Лоза – свидетель. В разгар веселья подходят Никсон с Зотовым и говорят, что, в отличие от Лозы, они слышат про радужные перспективы четвёртый год, а поскольку их пригласили в жуткий в творческом отношении, но стабильно и исправно дающий по сорок концертов в месяц ВИА «Поют гитары» (не путать с «Поющими»), то они уходят. Я чуть не в слезах, умоляю их ещё чуть потерпеть: неужели они не видят перемен, но они уже всё решили. Мы расстаемся друзьями, охотно общаемся до сих пор, но у них на всю жизнь штырём торчит совершённая тогда роковая ошибка – съесть всё дерьмо, которое перепало группе в период становления, а за полгода до коврижек самим уйти и пролететь мимо всего, чем другие, пришедшие на их места, были щедро вознаграждены.

Мы остаемся в составе – Лоза, Попуся, Стражгородский (Занин сваливает обратно в кабак), я и выздоровевший Родька. Парадокс, что не успеваем найти ударника и в очередную тюменскую ссылку едем со случайным мужиком – москонцертным трубачом, умеющим кое-как держать ритм на барабанах. Но поскольку сложных партий у нас нет, его хватает. А вот программа становится цельная,

мы включаем ещё несколько Юркиных вещей: «Я знаю, все договорятся», «Дела», «Полночный блюз», «Огни эстрады».

Забавная история с появлением знаменитой Юриной песни «Я умею мечтать».

Однажды утром Лоза явно несвежий, хотя вчера не пили. «Вот, ребята, всю ночь с песней провозился, вроде неплохо получилось. Давайте сегодня на концерте всырую, без аранжировки, просто под гитару спою – дико интересна первая реакция». Нет проблем. Обозначили место в программе, ушли за кулисы, встали – самым любопытно. Свет гаснет, пушка на Лозу – он делает романтическое лицо и вдохновлённо начинает:

Мне уже многое поздно,
Мне уже многим не стать,
И к удивительным звёздам
Мне никогда не слетать... и т.д.

Доходит до припева:

О далёких мирах, о волшебных дарах,
и вместо: Что когда-нибудь под ноги мне упадут, – слышим:
Что когда-нибудь...
где-нибудь...
кто-нибудь...
чего-нибудь...
ТЬфу, б..дь!

В Москве продолжаем репетировать новые вещи и, как обычно, просматриваем музыкантов, но уже не спеша. Главная вакансия – это барабанщик. Обращаемся к Борьке Носачёву, который знает всех и все знают его. Он притаскивает к нам Гену Гордеева – барабанщика-вундеркинда, который в шестнадцать лет уже играл в профессиональном ВИА «Шестеро молодых». Играет он на самом деле здорово, хотя парень своеобразный, не всегда уравновешенный, бывают периоды, когда до него трудно достучаться. Но в целом человек позитивный, правильный, меня с ним связывает футбольно-болельщицко-торпе-

«Я знаю все
договорятся»

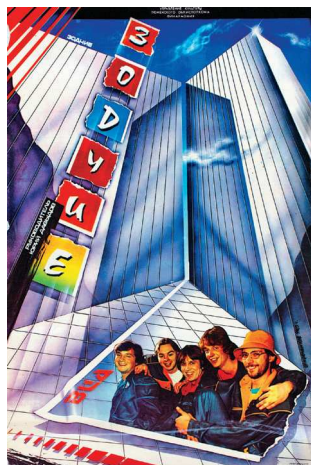
«Дела»

«Полночный
блюз»

«Огни эстрады»

довское единение. Так или иначе, позиция ударника на долгие годы закрыта.

Заказываем новые афиши, смешные сегодня, но тогда очень модные. Мы летим в звёздном небе или несёмся на чём-то, куда-то, в каком-то измерении.

Чувствуя, что набираем обороты, даём для раскрутки несколько бесплатных концертов в Москве – в Политехническом музее, в родном МАДИ, ещё где-то. Возвращается уверенность, что всё не зря, что ещё чуть – и взлетим. Наш директор Макс, через каких-то знакомых проникает в святая святых – в дом моды Вячеслава Зайцева. Это едва ли не первый в Москве оазис западной эстетики – и вообще не нашей культуры. Представляете, вы набираете в восемьдесят четвёртом году телефонный номер, и вместо привычных «Да!» или «Алё!» приятный женский голос: «Это Дом Моды, здравствуйте! Меня зовут Татьяна.

1984 г. В костюмах от Зайцева (Егора)

Могу я вам помочь?» Представляете? А мы нет! Приезжаем с Максом и Юркой знакомиться с Самим. Он внимательно оглядывает нас с ног до головы: «У вас в группе все такие... высокие?» И это с его неповторимой интонацией. Пригласил сына Егора, который тут же предложил свою только что показанную коллекцию. Какие-то странные марсианские костюмы цвета «мокрый асфальт», но зато они есть, они от Зайцева, и они в любом случае стильные и лучше того, что было у нас на сцене и у Лозы в саквояже. Благодаря завязавшейся дружбе с Егором, отныне мы, на зависть всем, вхожи в святая святых – в закрытый бар на пятом этаже, где бармен Коля в разгар сухого закона распахивает двери в любой час дня и ночи, а побывав на концерте, крайне неохотно берёт с нас деньги. Егор уговаривает меня подстричься у них и за руку подводит к улыбочивому парню: «Познакомься, Юра, это наш Валя – классный парикмахер и начинающий модельер». Подстриг он меня, в самом деле, потрясающе. Не берусь судить, каким Валя стал модельером, но фамилия известная – Юдашкин.

Парень, это - Север!

Даже по Тюмени ездить уже не так грустно. Но и не всегда весело. В поезде, где-то между Сургутом и Ноябрьском, иду вечером в вагон-ресторан. Он не работает. Стучу. Не открывают. За окном минус 30, в тамбуре соответственно, поэтому стучу ещё сильнее. Наконец открывает пожилой мужик, но внутрь не пускает:

– Чего надо?

– Поесть.

– Не видишь, что закрыто?

– А почему закрыто? Шесть вечера, есть охота!

Вставляю ногу в дверь, пытаюсь войти.

– Сказано, закрыто!

Продавливаю его, вхожу. Ресторан вправду не работает, каких-то два здоровых угрюмых жлоба перекалдывают ящики.

– Ты чего хамишь? Иди к себе с миром!

– Я вам пойду с миром! Я вам так пойду с миром, что мало не покажется! Я всё напишу, как вы работаете, что у вас тут в ящиках и вообще, дайте только до Тюмени доехать!

– До Тюмени, говоришь?

Начальник на секунду встречается глазами с угрюмыми. Те встают и выходят в тамбур.

– Ну, в Тюмень, так в Тюмень. На секунду выйдем со мной.

Мы тоже выходим в тамбур, а там стоят эти угрюмые и одна из внешних дверей настежь – холод лютый с метелью мгновенно пробирает до костей.

– Ребята, этому в Тюмень срочно надо, отправьте, – начальник закрыл за собой дверь в ресторан.

– Чего стоишь, прыгай! – угрюмые придвинулись ко мне. – В одну сторону сорок километров до ближайшего огонька, в другую – тридцать пять. Дойдёшь – твоя взяла! Нет – весной тебя с другими «подснежниками» найдут, которые, как и ты, пьяные, поскальзываются и случайно вылетают из тамбуров. Прыгай!

Неужели в жизни всё так просто? Коллектив, в теплом купе травящий байки, прошлая и будущая карьера, весь несовершенный мир, в котором я, тем не менее, нашёл себя – всё это в двух вагонах от меня, а здесь страшная темень с морозной вьюгой, куда я должен шагнуть из несущегося поезда и откуда мне, понятно, не выбраться. К счастью, не так всё просто. Снова открывается дверь в ресторан, оттуда начальник: «Заходи!» Захожу. «Садись!» Сажусь. Протягивает стакан: «Держи!» Держу. Достает водку, наливает до краёв: «Пей!» Пью. «Ничего не говори». Да я и так молчу. «Парень, это Север! Ты должен это понять. Твоё счастье, что я когда-то работал администратором в вашей Тюменской филармонии, поэтому с тобой просто решил провести показательный урок. Надеюсь, ты его усвоил. На Севере не всё можно делать, а уж тем более говорить. А теперь иди. Ты меня не знаешь, и я тебя не знаю. Не вздумай кому-нибудь рассказать!» Возвращаюсь к своим, встречают меня весело: «О, Дядя, ты где пропал? Мы уж подумали, ты решил пешком в Тюмень идти». Смешная шутка. Но поскольку я про Север всё понял, то молча смотрю на шутников, вложив в этот взгляд всё, что мог и должен был сказать.

Доезжаем до Тобольска. Здесь теплее, то есть обычная ноябрьская погода: осень уже закончилась, а зима ещё не наступила. Дождь со снегом, слякоть, ветер, температура в районе нуля – говнище, короче!

Ёжась, выгружаемся. Поезд опаздывает на час, народу полный перрон, продрогшие и промокшие пассажиры торопятся быстрее внутрь вагона, где по крайней мере можно согреться. На наши места заходят какие-то студенты в стройотрядовских робах. Они даже помогают нам выгрузить аппаратуру, чтобы быстрее попасть в тепло. Приятно, что они нас узнают и говорят много хорошего. На этой ноте расстаемся, поезд трогается, мы грузимся в автобус и едем в сторону гостиницы. На полдороги вдруг вопль Стражгородского:

«Где сумка?!» Мы сразу рубаемся, о чём речь. У него день рождения попадает на середину поездки, и он пёр из Москвы через все гастролы

целый праздничный стол человек на пятнадцать: водка «Посольская», коньяк «Армянский пять звёзд», несколько батонов колбасы, кучу дефицитных консервов – от чёрной икры до крабов, ещё какие-то деликатесы. После короткого дознания ясно, что её, понадеявшись друг на друга, забыли в купе под столом. А день рождения через пять дней. Конечно, обидно, все притухли, а Сашка чуть не в слезах – едем молча. Неожиданно его осеняет:

«Слушайте, а многие из нас могут похвастаться, что испытывали хоть раз настоящее, колоссальное, абсолютное счастье?» В ответ напряжённая тишина. Часом, не рехнулся от горя? «Сейчас поясню. Вы этих ребят, что сели на наши места, помните? Как они, бедолаги, выглядели? Почти околевшие! А теперь представьте: они заходят, раздеваются, начинают располагаться, поезд трогается, в вагоне включают свет, они видят под столом большую сумку. Возвращать поздно, поэтому открывают посмотреть, что внутри. Так вот, повторяю, вы когда-нибудь счастье испытывали? Могу предположить, что эта самая сумка, планомерно открытая в заранее намеченные сроки и ожидаемо использованная по назначению, не принесла бы нам и сотой доли тех ощущений, которые эти ребята сейчас поймали. А с моим днём рождения разберёмся, без накрытого стола не останемся».

В тот же приезд в Тобольск мы устанавливаем рекорд – даём шесть концертов в день. Начинаем в восемь и десять утра в большой воинской части, где командование решило поощрить таким образом солдат. По окончании на сцену выходит замполит с благодарственной речью: «От имени личного состава хочу сказать вам, ребята, от всей души – хорошо играете! Громко!!!» Оттуда переезжаем в кинотеатр, где днём даём ещё три. И последний – в доме культуры железнодорожников перед вечерним поездом в Тюмень. Причём прикол состоит в том, что для дневных концертов кинотеатр, как единственный в городе, дают под концерты с большим скрипом и ненадолго. Вот Макс и решает не ломать установившийся и привычный жителям график, поэтому задежывает концерты как киносеансы – в 13.00, 14.40 и 16.20. Нормально! Народ посмотрел – и на выход, а через вход сразу новые зрители. Едва успеваем покурить между сеансами – пардон, концертами.

Но в целом, заработки в то время оставляют желать лучшего. Плюс только в том, что, отбомбив свои нормативные концерты в Тюменщине, мы пару-тройку месяцев сидим в Москве, занимаясь своими делами и иногда подхалтуривая. Так однажды, в период моих атак на Росконцерт, нас впервые берут в проверочную поездку, причём, не как группу «Зодчие», а аккомпанировать какому-то певцу в сборном стадионнике в Нижнем Тагиле. Поскольку это первый обращённый в

1983 г. Готовимся к первой серьёзной фотосессии. В поисках образа...

Фотограф посоветовал чуть-чуть, чтобы глаза блестели...

Юркина Света забрала наши лица и взялась за дело сама...

Вот что у неё получилось...

«Чего ты ржёшь? На себя посмотри!»

А это уже вместе

1983 г. Времена для рока суровые, от греха нам пошили русские костюмы

нашу сторону взгляд тогдашних эстрадных деловаров, отказываться нельзя – и мы едем.

Лоза там был не нужен и охотно остался дома, а мы заработали за два дня по сто рублей, несмотря на то, что наш соловей на последнем концерте из-за перепоя петь не мог, а только стоял, держась за стойку и глядя в сторону трибун. Но мы пять концертов до этого с ним отдежурили, поэтому, мобилизовав память, находчивость, мужество и нахальство, как могли, общими усилиями, где-то каждый по кусочку, где-то вместе, но добрались до последнего припева, который внезапно очнувшийся герой неожиданно воспроизвёл самостоятельно.

Деловары были в восторге: в таких ситуациях у них особенно ценятся смекалка и несгибаемость. На банкете по завершении гастролей они сажают меня за стол и заявляют, что профессионально-бойцовский кастинг мы прошли, надо чуть-чуть подрасткнуться – и наше будущее обеспечено.

Прилетев домой в четыре утра, не обнаруживая дома супруги, которая была на последнем месяце. Звоню маме, она меня ошарашивает – сын! В полпятого набираю Лозу, говорю, мол, сын родился, что делать-то? Он и отвечает – понятия не имею, как в таких случаях поступают, приезжай быстрее, будем думать. Мчусь к ним на Коломенскую, а там Светка уже сварганила столик, за которым мы и продумали всё утро, день и вечер, только компашка разрасталась. Эх, золотое время!

«Куда это вы плыть собрались?»

До филармонии потихоньку доходит, что нас продавать на гастроли выгоднее, чем муржить по области. Мы договариваемся с Омском и Новосибирском на четырнадцать и шестнадцать концертов, соответственно. Причём и там, и там на одной площадке – в центральных залах города. Наша филармония в шоке. И уж совсем перестаёт что-то понимать, получив через два дня телеграммы из обоих городов, что билеты проданы и можно ли увеличить количество концертов. Плюс ещё одна заявка от Кирова. Мы, если честно, тоже в лёгкой эйфории. Но!.. Не спеши, а то успеешь!

Чтобы поехать на гастроли в другой регион, необходимо получить в Росконцерте гастрольное удостоверение. Для этого принимающая сторона телеграфирует о том, что принимает, отпускающая, в данном случае наша Тюменская, что отпускает, плюс договор между ними и утверждённая тем же Росконцертом концертная программа. И здесь я вляпываюсь сдуру по колено в дерьмо. Я прихожу заверять программу, а в Росконцерте это делает параллельный отдел – не гастрольный,

а отдел художественных коллективов, отвечающий за репертуар. Нас там в принципе знают, особых проблем я не жду, при этом дую на воду: Лоза у нас Савич, «Баба-Люба» с другим текстом и называется «Я как заводной», всё спорное убрано или замаскировано. Тем более печать тюменского худсовета уже стоит. Для совсем уже крайнего случая у меня распечатаны тексты всех песен.

Предъявляю сотруднику программу. Он без всякого интереса просматривает её, видит наш штамп, собирается ставить свой. Пока ищет его в ящичке стола, для заполнения паузы спрашивает:

– Тут у вас много своих песен, я не против, но тексты-то нормальные, криминала нет?

И вот здесь отсохни мой язык, которым я уверенно говорю:

– Да, конечно, всё нормально! У меня и тексты с собой. (Мудак! Он же не просит показывать!) Достая и протягиваю пачку (Рука, тоже отсохни!). Он испуганно смотрит на неё, откладывает в сторону заветный штампик и обращается к сидящей где-то в углу скучающей пожилой даме:

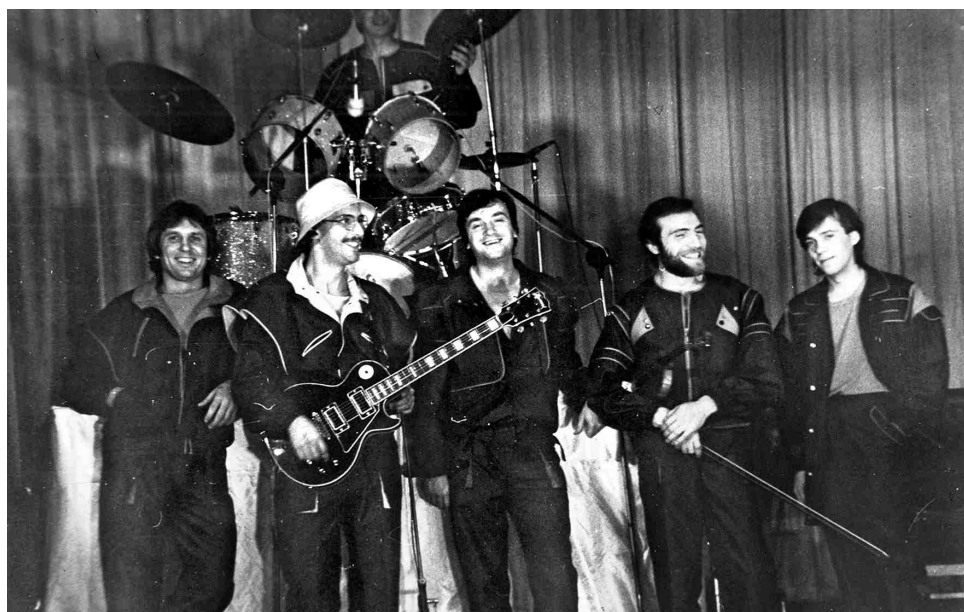
– Любовь Михайловна, тут ребята из Тюмени хотят показать вам тексты песен.

– Пожалуйста, с удовольствием посмотрю, покажите.

Подхожу к ней, с улыбкой протягиваю. Начинает вчитываться, внезапно бледнеет, губы дрожат, руки не слушаются.

«Революция»

1984 г. Только Сюткина нам не хватало!.. И через два месяца он придёт

– Вот здесь у вас песня – «На маленьком плоту» называется. Это что, это о чём? Куда вы плыть собрались? А что означает «... прежних ошибок груз»? То есть всё, что происходило в стране – это ошибки, которые тянут вас ко дну? Как хорошо, что вы мне это показали – я сумею оградить зрителей от вашего пока ещё незрелого творчества. Где у вас концерты? В Омске и Новосибирске? Всё продано, говорите? Ничего не поделаешь, придётся отменять. Убытки, которые придётся понести, ничтожны по сравнению с ущербом для воспитания молодёжи, и я счастлива, что сумела это предотвратить. Поверьте, я не враг вам, просто это моя работа и мой долг.

Пока я пытаюсь прийти в себя, отправляются циркуляры по отмене концертов. Выхожу на улицу, звоню из автоматов в надежде что-то понять и исправить. Дозваниваюсь до Димы Закона. «Кто смотрел тексты? Любовь Михайловна? Старик, это же Барулина! Глухо как в танке! Её не обойти – не объехать. Приходи через месяц с исправлениями, а эти концерты не спасти. С ней никто не будет связываться. Теперь будешь знать».

Мне не хватает духу рассказать группе, что я, по сути, сам инициировал эту литературную экспертизу. Поэтому малодушно вру, что первым делом потребовали все тексты, читали вслух и вынесли коллективный вердикт.

Через несколько дней узнаём, что это не прихоть старой ма-размонки, а совершенно новая и реально опасная ситуация для всего жанра. В недрах карательно-идеологических органов вызрела новая инициатива, направленная на окончательное уничтожение рок-музыки в СССР, даже в том лояльном и конформистском виде, в котором она существовала на профессиональной эстраде. Для этого, как водится, сначала запущена статья в «Комсомольской правде» под зловеще-многообещающим названием «Барбаросса рок-н-ролла». Кто забыл, кодовым словом «Барбаросса» назывался план Гитлера по захвату СССР. Спустя некоторое время в Министерстве Культуры появляется и рассылается приказ, согласно которому в целях «дальнейшего улучшения патриотического воспитания молодёжи» и в свете борьбы с появлением на нашей эстраде и вообще в жизни элементов, глубоко этому воспитанию чуждых, а напротив: разлагающих, пресмыкающихся, унижающих и отрицающих, необходимо поставить всем этим элементам, в частности так называемой рок-музыке, жёсткий заслон. Провести сокращение рок-групп и вокально-инструментальных ансамблей, оставив в СССР по итогам проверки не более тридца-

ти коллективов. Создать для этого специальную комиссию, которая отсмотрит концертные программы всех действующих профессиональных ВИА в малом зале «Олимпийской деревни» в период осени-зимы 84-85 гг. Надо ещё помнить, что статья выходит при Андропове, приказ – при Черненко, никакой перестройкой ещё не пахнет, атмосфера устало-затхлая и этим страшна. Тридцать ансамблей на всю страну, включая московские, белорусские, грузинские, молдавские и среднеазиатские. А нам-то как встрять в эту квоту? Одна надежда, что это очередная компанейщина, которых даже на нашем веку уже вдосталь.

«Выжившие»

Пока суд да дело, уезжаем вместо Омска и Новосибирска опять в свои края. Шагом вперёд является то, что слухи о творческих и кассовых успехах наше руководство не обходят – и Згерский объявляет шесть (!) концертов «Зодчих» в зале филармонии. Ну надо же, какое мужество! Билеты разлетаются, как пирожки, что его сильно удивляет, а нас радует. До концертов ещё месяц, едем по знакомым северным маршрутам, причём нас уже ждут и на концерты ходят целенаправленно послушать «Зодчих» с Юрием Лозой или Юрия Лозу и группу «Зодчие».

В тот момент это неважно, потому что из Москвы приходят тревожные новости. Первым прослушивание проходит великий «Ариэль» и... не сдаёт программу. Через пару дней расформируют «Карнавал», потому что во время обсуждения программы, пока ещё можно было договориться о пересдаче, Саня Барыкин в лицо заявил Анатолию Ивановичу Баеву, главному чиновнику Минкульта, отвечающему за происходящее: «Кто вы такой, чтобы оценивать рок-музыку? Вы же баянист по образованию, вот и обсуждайте народные хоры с балалайками». Короче – дело швах! И вот здесь неожиданно на первый план выступают преимущества Тюмени. После первого концерта в зале филармонии директор приглашает коллектив в кабинет и говорит, что, в отличие от многих, нам бояться особенно нечего, в том смысле, что при самых плохих раскладах группу не расформируют. Он просто спрячет нас на этот смутный период по самым северным, самым комсомольским, самым ударным посёлкам. И там, глядишь, или Эмир помрёт, или ишак сдохнет. А пока будем бороться другими методами. На следующем концерте с удивлением видим в директорской ложе одного из самых выдающихся людей того времени – всемогущего начальника «Главтюменьгеологии», дважды Героя Социалистического труда, первооткрывателя тюменской нефти

Фармана Курбановича Салманова. Действительно, великий мужик, к тому же слывёт меценатом и покровителем всего живого и интересного. Именно он отгрохал в Тюмени Дворец культуры «Геолог», построил стадион и создал футбольную команду, какой до него и не пахло. Срочно, в последнюю секунду, вставляем в начало концерта песню, ту самую, про «притихших геологов», причём забытый уже текст пишем на нескольких листах крупными буквами и кладём Попусе под ноги. Но песня лирическая, как бы задушевная, и наш световик, которого мы, естественно, забыли предупредить, вырубает свет, оставив только пушку на Попове. Но мы уже тёртые-перетёртые, по сему, не останавливаясь, повторяем вступление, во время которого я успеваю незаметно подойти к кулисе и тихонько рявкнуть – так, что Старина Хэнк (кличка осветителя) включил полный свет даже в зале. После песни видим, как Салманов смахивает скупую слезу и дальше становится самым активным и благодарным зрителем. После концерта они с директором заходят к нам в гримёрку, Салманов тепло благодарит и просит меня завтра прийти к нему в кабинет. Естественно, бегу бегом. В назначенное время захожу, у него сидит помощник, протягивает мне лист бумаги. «Мы тут подготовили письмо Министру культуры, думаем, он отреагирует». Читаю, горжусь. Там в самых правильных и энергичных тонах, принятых в то время, говорится, что от имени двухсоттысячного отряда тюменских геологов... пошло-поехало! Про высокий профессиональный уровень, про труднейшую задачу поднимать людей на трудовые свершения, с чем «Зодчие» прекрасно справляются, про нечеловеческие условия, не считаясь с которыми, группа добирается до каждого посёлка, до каждого объекта, стараются достучаться до сердца каждого покорителя, ну и дальше в том же духе. А стало быть, нельзя оставлять великую газонефтяную стройку в самом разгаре без ансамбля «Зодчие», который говорит о понятных и правильных вещах понятным и правильным для молодёжи языком. Потому как если их разогнать, то мы не можем гарантировать, что намеченные партией грандиозные планы по освоению Западной Сибири будут выполнены полностью и в срок. И подпись со всеми регалиями. Безумно приятно ощущать такую поддержку, но всех наших проблем она не решит. Нам же не просто нужно сохранить профессиональный статус, а резко двинуться вперёд. Тюменская область действительно хороша тем, что можно отсидеться какое-то время от репрессий, ну, а дальше-то что? Лоза вечно в областной бригаде работать не будет, остальные тоже. Надо как-то вырываться, тем более, что впереди маячит Фестиваль молодёжи и студентов, и я потихоньку наостряю лыжи в эту сторону.

1984 г. Первое подобие триумфа. Слева направо стоят: «вставной» певец Стас Громов, Попуся, конференсье Евгений Вокаль, Лоза, я, мим Серёга Жуков, Лосев, Родька, Гордеев. Сидят-лежат: техники и администраторы

Если добиться включения в культурную программу, то незаметными не останемся – это сразу новый уровень... мечтай-мечтай!

Пока мы поднимаем все связи, все концы, прошлые и настоящие, резонно рассчитывая и на будущее. Москва так устроена, что бабка за дедку, внучка за Жучку. Знакомимся и обращаем в свою веру редактора только появившегося и безумно популярного журнала «Собеседник» Гену Ни-Ли, а через него – молодого, набирающего вес сотрудника горкома комсомола Костю Воробьёва. Оба станут моими самыми близкими друзьями на долгие годы. А пока Генка ухитряется вставить в журнал коротенькую заметку, в которой устами участника новой популярной группы «Зодчие» Алексея Попова описана красота неземная и небывалый душевный подъем от увиденного в Тюменской области. Такие вещи в те годы моментально замечаются руководством и создают определённый запас прочности. Ещё более мощной охранной грамотой является малюсенькая информация в «Советской России», в которой газета благодарит группу «Зодчие» за выступление перед коллективом редакции. Этот концерт нам устроил Костя Воробьёв. Своего рода оберег.

Но это в мирное время, а сейчас малый зал Олимпийской деревни по колено в крови. Крушат всех подряд – в мягком и жёстком варианте. В мягком – не принимают программу и дают время на исправления, в жёстком – расформируют сразу. Так под нож пошли «Лейся, песня», «Крузи», «Визит», «Август» и многие-многие другие.

Я стараюсь посещать просмотры, чтобы лучше понимать ситуацию и становлюсь свидетелем уникальных событий: как система ломает зубы от созданного самой же системой. В один из дней программу сдаёт вокально-инструментальный ансамбль «Надежда» под руководством Михаила Плоткина. До отворачивания беспомощный коллектив, созданный на нерукопожатной для всего рок-н-роллевого сообщества основе, в репертуаре – только песни Пахмутовой, к тому же сделанные очень плохо и неинтересно. Немудрено – Плоткин, танцор по профессии, потрясающий, может быть, даже лучший администратор ВИА в стране, но в музыке ни в зуб ногой, при этом за счёт связей и энергии прочно держащийся на плаву.

Мужик, в принципе, неплохой, музыканты, работающие у него, очень довольны жизнью, но только жизнью. О музыке речи не идёт, хотя через коллектив прошли такие асы, как Игорь Иванов (легендарный исполнитель «По французской стороне...»), Володя Кузьмин и многие другие. При этом Плоткин, не скрывающий своей сексуальной ориентации, ведёт себя всегда эпатажно и весело-беспардонно. Достаточно увидеть, как он представляется, знакомясь с людьми: «Михаил Владимирович Плоткин, художественный руководитель ансамбля «Надежда», еврей, педераст». Естественно, у него куча врагов из-за неприятия всего того, что он делает, умноженного на элементарную зависть, поскольку ансамбль в обойме, концертов уйма, выезды за рубеж, телевидение, записи – всё есть.

И вот он шанс – отыгаться за все годы. Комиссия по приёму не помещается в один ряд, все враги припёрлись по собственной инициативе – вбить гвоздь в крышку гроба «Надежды». Шансов выжить никаких. Начинается унылая, ужасно выстроенная, плохо отрепетированная программа. Члены комиссии ухмыляются, под столом потирают руки, ждут – не дождутся конца этого кошмара и начала обсуждения. В зале народу тоже уйма, всем любопытно присутствовать при крушении исполина. Один Плоткин удивительно спокоен, благожелательно оглядывает своих недругов, злорадно зыркающих на него в ожидании развязки. И она наступает. В конце программы Миша прямо из зала поднимается на сцену и объявляет: «Вокально-инструментальный ансамбль «Надежда» прощается с Вами и в заключение исполняет самую любимую, самую популярную песню Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «До отправления поезда осталось пять минут». Просим весь зал, включая членов комиссии, подпевать вместе с нами. Мы не случайно выбрали именно эту песню, поскольку ровно через пять минут ваш поезд уйдёт».

У всех от такой наглости челюсти отвисают до колен... Но!!! С первыми аккордами вступления из-за ширмы на сцену выходит... Александра Николаевна и садится за заранее выкаченный рояль, поглядывая время от времени в зал – вопросы есть?

Это за пределами Зла и Добра! Так оттрахать комиссию не удавалось никому и никогда! Симпатии зала на стороне гениального Плоткина. Бог с ней, с «Надеждой», но эти людишки за зелёным столом на наших костях тоже поплясали и оттянулись вволю! (Кстати, Барулина тоже там.) А Мишка не унимается. В конце песни весь ансамбль, во главе с Пахмутовой, взявшись за руки, выходит на авансцену и уже без инструментов, хлопая в такт, зацикливают по кругу строчку «Не ошибись, выбирая пути!», как бы обращаясь к комиссии. Такую потрясающую фигу в кармане мог изготовить только Плоткин. Наша музыкантская братва в задних рядах, превозмогая хохот, вскакивает на ноги и начинает изо всех сил горланить вместе с ансамблем.

Так вот, комиссии ничего не остаётся, как тоже встать и хлопнуть в такт. По идее, Плоткина за проделку легко можно посадить в тюрьму по статье «Глумление над трупами», поскольку члены обособленной комиссии признаков жизни не подают, они умерли. И лишь спустя какое-то время, очнувшись, бочком-бочком – по стеночке за дверь. Я даже не уверен, состоялось ли обсуждение программы.

Но такой Плоткин один. И Пахмутова одна. А нам, крестьянам, куда податься?

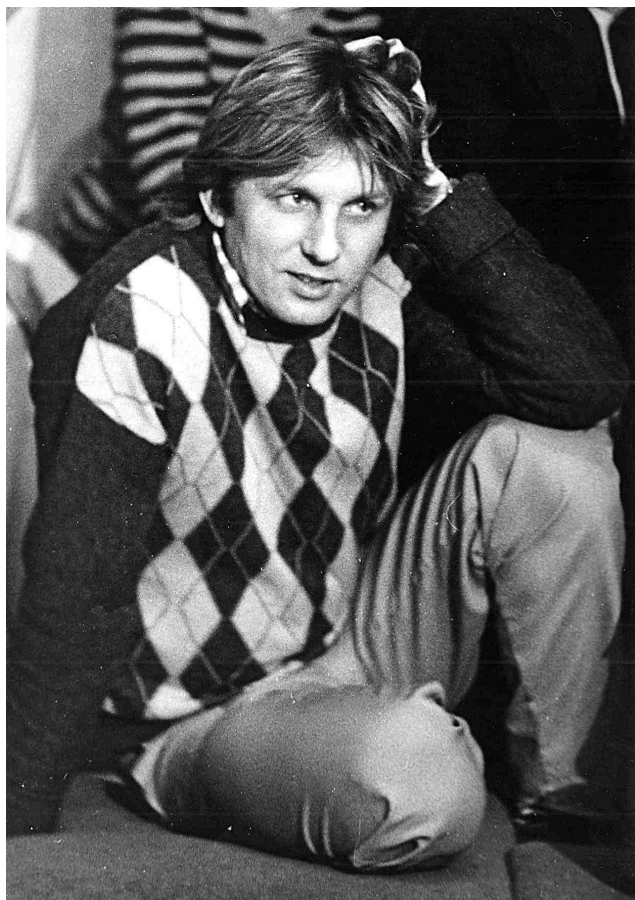
Не мутьём, так катаньем

Ясно одно: нужно придумать какой-то нестандартный ход, выбить членов комиссии из привычного желобка, по которому они уверенно движутся, в каждый момент времени зная что делать. История с «Плотом» с одной стороны, и Плоткиным с другой – лучшая иллюстрация сказанного.

Каким-то образом на нас выходят с дурацким, но беспроярышным предложением. Некто Вячеслав Гроховский, композитор, Член Союза, у которого никто никогда не слышал ни одного произведения, но зато пользующийся большим влиянием во всём, что касалось распределения путёвок, квартир, машин, садовых участков, в принципе хороший мужик, написал на стихи такого же деловитого поэта Диомиды Костюрина нетленное монументальное полотно «...И жив солдат!» длиной в сорок минут, обтекаемо-бестолковое, но – весной грядёт

40-летний юбилей Победы в Отечественной войне и подобная композиция – это спасательный круг. Назначаем встречу с авторами, они приезжают, показывают... Мдааа! Двенадцать частей, вроде с точки зрения формы сделано по всем правилам – с лейтмотивами, рефренами, красной нитью и речитативами. Только как всё это играть и тем более слушать? Святых Отцов проводили, сидим, сильно озадаченные, обсуждаем, что делать с этим ужасом. Тут Лоза и говорит: «А о чём, собственно, мы сейчас? Есть другие варианты проскочить? Я, например, их не вижу! А посему не х..й пи..дить! Завтра с утра садимся и начинаем делать. В конце концов, кто сказал, что нужно играть так, как написано? А как же глубокое осмысление, творческая переработка, собственное прочтение? Мы ведь музыканты, чёрт возьми! Берём их основу и пишем свою музыку, только и всего».

Выхода нет – садимся репетировать. Забавно, но через какое-то время появляются определённый азарт и стремление довести творение хотя бы до состояния, чтоб самим противно не было. И нам, в общем, это удастся. Очень помогла идея сопроводить композицию кадрами

военной кинохроники. Мы убиваем сразу двух зайцев – создаём визуальный ряд, без которого эту райскую музыку слушать сорок минут невозможно в принципе, а главное – наши коварные и жуликоватые мозги уже продумали фишку, при которой мы сможем легко соскакивать с исполнения композиции в концертах, ссылаясь на отсутствие кинопроекторов в зале. Хотя кинохроника заслуживает отдельного описания. Заказали мы её на «Мосфильме» у одного из

1986 г. С Юркой в то время было очень комфортно

самых опытных монтажёров за 400 рублей. Но был нюанс. Кадры не идут сквозняком через всё производство, а должны возникать время от времени, в самых сильных местах. Кинопроектор – это не видеомагнитофон, его остановить нельзя. Единственный выход, которым мы и пользуемся – это заполнение пауз вклейками из чёрной пленки. То есть аппарат крутится всё время, а на экране либо кадры там, где надо, либо он тёмный. Стало быть, мы должны играть абсолютно ритмично и абсолютно одинаково, чтобы кадры возникали именно там, где они нужны. Задача не из лёгких: там есть паузы на пять-семь минут – иди, сыграй их точно по времени. Но как-то приспосабливаемся. Тем более что сводки с просмотрового фронта очень тревожные. Ансамбли расформируются один за другим. Я время от времени езжу на показы, и возникающий страх стимулирует добросовестную и интенсивную подготовку. Глаза боятся, а руки делают. Месяца через два все части композиции, каким-то образом, собраны и соединены между собой. Начинаем попадать в кадры кинохроники. Потихоньку, если не уверенность, то надежда проскочить худсовет появляется, хотя комиссия лютует. Присутствую на расстреле «Визита» и «Россиян», с удивлением обнаружив, что под именем последних скрывается только что набравшая популярность, но уже запрещённая группа «Телефон» с очень

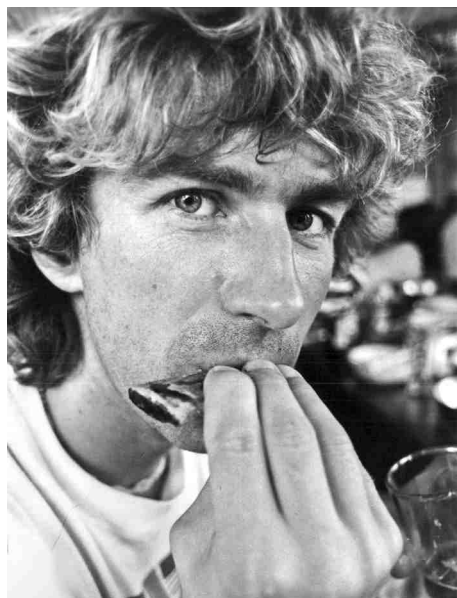
Сюткина ещё нет. Фотографии для оформления документов в Монголию, куда нас так и не выпустят. Спустя годы, глядя на эти одухотворённые лучезарные лица, думаю – а может, и правильно?

смешными текстами, в которых фигурируют два постоянных персонажа – Лев Абрамович Каскад и Сулейман Сулейманович Кадыров. Ребята обречены, несмотря на то, что добавили в состав для просмотра очень хорошего клавишника – моего приятеля Мишу Михайлюка. Получилось, что я наблюдаю за последним выступлением этого самобытного коллектива. Ухожу с чувством искренней досады.

Глава VII. А ещё Сюткин (1984 г.)

Вот это да..!

Через два дня иду по Петровке и нос к носу сталкиваюсь с Михайлюком и парнем, в котором я узнаю солиста «Телефона». Знакомимся: Юра – Валера. Приглашаю зайти ко мне на чашечку или рюмочку, как пойдёт. Охотно соглашаются: у них депрессуха, расформированы подчистую – уже вышел приказ! Тема чашечки неактуальна, поэтому по дороге заходим в «Елисеевский» и запасаемся, чтобы потом ещё раз не бегать. Исходим из поговорки – одна бутылка нормально, а две будет мало. Или – между первой и второй... должна быть ещё одна! Садимся,

Валерий Сюткин.

ся, как водится, разговор неспешный и задушевный. Мне важно знать, как проходит обсуждение, они рассказывают. Звонит Лоза, предлагаю ему присоединиться. Он приезжает. Валерка (в процессе узнаю его фамилию – Сюткин) говорит, что планов у него особых нет, зовут в «Интеграл», но он ещё не решил. При слове «Интеграл» мы с Лозой начинаем ржать по поводу того, что Бари Алибасову не повезло сегодня с консультантом для Сюткина. И как-то в процессе разговора вышли на вариант, не присоединиться ли ему к нам – разумеется, если пройдем ко-

миссию? Лидирующий вокалист группы – материя тонкая, поэтому я удивлён, что ни Юрка, ни Валерка не выказали даже намёка на опасение, как они будут делить сцену и славу. Подгребают Макс Миссин, и мы уже начинаем обсуждать возможное развитие группы в новом варианте. В разгар беседы Валерка говорит, что ему всё-таки надо посоветоваться с женой – уж больно неожиданный поворот.

Мы на это отвечаем, что для нас это тоже неожиданный поворот, и мы все вместе должны немедленно поехать и посоветоваться с его женой, благо «Елисейский» ещё полчаса открыт. Срываемся, дозапащаемся, едем на «Красносельскую», где Валерка проживает в коммуналке, как, впрочем, и мы с Лозой.

Компания классная, разговор оживлённый и содержательный, жена согласна, нам всем очень хорошо вместе. Ясно, что потенциал состава колоссальный. Договариваемся, что в военную композицию Сюткина не вводим, он будет за пультом помогать звукорежиссёру, но на работу оформляем и делаем несколько новых номеров для второго отделения концерта с его участием, включая кое-что из «телефонного» репертуара – «Восточный базар», «Спи, малыш» и пародию на Челентано. К Валеркиному удивлению, при работе над его вещами мы добавляем свои идеи, и они звучат и выглядят гораздо клеветее. Все с удовольствием включаются в эту тему, потому как сразу видно, что программа усиливается. Очень ко двору пришёлся и ленинградский конференсье Серёга Кипрушин, которого Валерка притащил из «Телефона». Абсолютно непафосный – работая на коллектив, помимо своих разговорных вставок, он охотно участвует в разыгрываемых на фоне музыки сценических действиях. Не без странностей, одна из которых – непреходящая страсть смотреть все наши концерты, перемещаясь постоянно за кулисами в разные точки. И здесь он беззащитен. Если где-то в темноте стоит ящик или ещё что – Серёга обязательно об него шмякнется; если неровность или яма какая, то он споткнётся или провалится; если штырь в стене, то стопроцентно воткнётся ему в бок. Апофеозом его невезучести станет через пару лет наш концерт в Ленинграде в зале «Октябрьский». Финал концерта, мы выходим на последний поклон, во время которого Сергей обычно регулирует аплодисменты и одновременно как бы прощается с публикой, провоцируя её к вызову группы на «бис». Мы кланяемся, а Сергея нет. Мы такие проблемы закрываем легко. Сюткин берёт микрофон и делает всё, что надо. Но где Серёга? Стоим, согнувшись в поклоне, ничего не видим, а только слышим, как сзади кто-то несётся сломя голову... топ-топ-топ-топ... потом вдруг сильный удар чего-то обо что-то... ба-бах!.. потом жуткий вопль: «Ё.. твою мать!!!)... и, наконец, грохот упавшего тела...

бу-бум!!! Уходим со сцены – за кулисами сбоку лежит наш Кипрушин в отключке. Что же случилось? Серёга с кем-то заболтался в курилке и прошлёпал финал. Когда это понял, помчался на сцену и уже при выходе, чтобы сократить пару метров, одёрнул висящую на пути боковую кулису. А в «Октябрьском» за каждой такой кулисой вертикальная узкая бетонная стенка. В неё-то он, бедный, и втемяшился. После этого, собранием коллектива, Кипрушин переименовывается в «Непрушин». Вместе с ним Валерка сосватал ещё телефонного гитариста Андрея Артюхова, который неплохо разбирался в технике и хорошо слышал общий баланс группы, а посему согласился работать звукорежиссёром, курируя всё, что связано со звуковой и световой аппаратурой: состояние, транспортировку, ремонт. Укрепление группы по всем фронтам радует глаз. Осталось только проскочить комиссию. Композиция вылизана и несколько раз обкатана на публике. Более того, мы получаем не удовольствие, конечно, но удовлетворение от хорошо сделанной большой работы, к нашему удивлению, достаточно тепло принимаемой зрителями. Здорово помогает кинохроника, особенно уникальные и не показываемые в то время кадры – например, фрагменты Парада Победы со Сталиным на трибуне Мавзолея. Нам не даёт расслабиться необходимость синхронного попадания в кинохронику, что одновременно нас забавляет, превратившись в своеобразную игру. А техническая группа просто стала резаться на деньги в «попадут – не попадут». К тому времени наши хиппи-герои коллектив покинули, видимо, смирившись всё-таки с тем, что «Мы в Мире», – и возникает новая четвёрка: Толя Рудаков по кличке «Петрович», мастер на все руки, весёлый добродушный малый, Олег Сысоев по кличке «Старина Хэнк», помешанный на дамах и на этом впоследствии погоревший, а также некто по кличке «Кишка», фантастически дремучий парень, путавший мансарду с «Массандрой», магнолию с Монголией и считавший, что камикадзе – это грузинская фамилия. Но аппарат таскает исправно и незаменим в случаях, когда доску нужно пилить вдоль. Ещё один чудаковатый, который, получив зарплату, попёрся с чемоданом на Тюменский вокзал, где попался в лапы цыганок. Позолотив ручку и оставшись через три минуты без копейки, он от досады раскручивает чемодан и швыряет его в середину огромной глубокой лужи, после чего все помогают его вытаскивать. И вот на каждом концерте эта группа товарищей (плюс Миссин) собирается в боковых кулисах ставить по рублю на кинопоказы. Азарт – штука заразная, поэтому мы придумали ещё одну игру, теперь уже для всего коллектива, кроме Лозы. Потому что играли как раз на Лозу – точнее, на его сольное, под гитару, исполнение потрясающе душевной песни «Мать пишет». Там есть в каждом

куплете строчка «...а я читаю между строк...» с резким мелодическим уходом на верхнюю ноту. Так вот, на утренних концертах или после выпивки накануне мы заметили, что Юрка эту самую высокую ноту со звуком «Я» берёт не всегда, что и породило закулисный (в прямом смысле) тотализатор. А именно: в песне четыре куплета, слова за душу берут так, что не все зрители выдерживают. Кто-то украдкой смахивает слезу, кто-то всхлипывает, не таясь. И всё это, затаив дыхание. А за сценой жизнь кипит. Лоза поёт эту песню под гитару, высвеченный одинокой световой пушкой, звук и свет регулировать не надо. Стало быть, весь коллектив прибегает за кулисы с разменянными рублями, зажатými в кулаках. Спонтанно и быстро образуются пары-тройки-четверки – по рублю на эту ноту, типа «возьмёт – не возьмёт». Первый куплет – не взял. Экспресс-расчёт – и тут же на второй куплет. Слышен только возбуждённый шёпот: «Удваиваю!», «Ставлю против всех!», «Сразу ставлю на третий и четвёртый!» В конце песни Юрка тянет слово «с-ы-н-о-о-о-о-ок», после чего всегда несколько поклонов под аплодисменты, так что все успевают окончательно рассчитаться и вернуться на свои места.

Нам не страшен Серый Волк!

Но, пока программу не сдали, это юмор висельников. Как ни заучивай, композиция большая, никто не застрахован от ошибок, можно что-то забыть или перепутать. На одном из публичных прогонов, ближе к концу, Лоза должен петь:

«Земля подобной не припомнит вспашки
Сквозь гул снарядов, взрывы бомб и мин,
Родился я, наверное, в рубашке,
Перед собою вижу я Берлин –
и сзади на экране штурм рейхстага.»

Юрка уверенно преодолевает первые две строчки, потом вдруг запинается: видно, что дальше забыл. Но, как говорится, опыт и мастерство берут верх над молодостью и задором. Мгновенно появляется новый вариант текста, от которого мы падаем от смеха, но, что главное, зритель ничего не просекает. Итак:

«Земля подобной не припомнит вспашки
Сквозь гул снарядов, взрывы бомб и мин...»

...пауза, после которой речитативом на диком эмоциональном подъёме, с радостным надрывом:

«И вот он! Вот он! Вот он! Вот он! Вот он!
И вот он! Вот он – город наш Берлин!»

При этом одна рука простирается в зал, второй тычет назад, в экран, где, как обычно, идёт штурм рейхстага.

Наступает дата просмотра. Слава Богу, в этот день программу сдаём мы одни, поэтому можно спокойно отстроиться и настроиться. Малый зал Олимпийской деревни – рок-голгофа, ощущение, что по залу летают призраки и тени уничтоженных здесь музыкантов. За два часа до начала прогоняем композицию, после чего разбредаемся в ожидании. К счастью, народу в комиссии немного, мы ещё проходим как второй эшелон. Примерный расклад: за нас Гроховский, Костюрин и ещё кто-то неизвестный, которого они приволокли; против – Барулина и ещё несколько человек из её отдела. Остальным до фени, будут оценивать по факту. Немного тревожно: не вызовут ли негатив запрещённый Лоза, хотя и замаскированный, как все, в слегка стилизованный, цвета хаки костюм, и уже однажды расформированный Валерка за пультом, с поднятым воротником пиджака и тёмных очках.

Максимально собранные выходим и без единой помарки отбабахиваем свои сорок две минуты. Плюс обязательные «День без войны на земле» и «Если бы парни всей земли». Впечатление такое, что комиссия сильно озадачена. Вроде собрались, чтобы спокойно, в штатном режиме ликвидировать

*«Мы верим
в тебя»*

*«День без
выстрела»*

*«Если бы парни
всей Земли»*

Валеркин приход здорово усилил программу

очередной ВИА областного масштаба, а здесь на тебе! С учётом грядущего 40-летия Победы тематика соблюдена даже не на пять, а на шесть баллов, авторы легальные, члены Союза композиторов и Союза писателей, поэт Костюрин вообще в «Правде» печатается – с этой стороны тоже под нас не подлезешь. Исполнили чистенько, аранжировки неагрессивные, специально заточены на комиссию, голоса строят как по отдельности, так и в аккордах, звук негромкий, текст разобрать можно. Да ещё кинохроника за спиной на экране – придраться не к чему. Безысходка! Им же надо нас расформировать. Председатель комиссии – начальник Управления Министерства культуры Анатолий Иванович Баев. Тот самый, на которого в своё время за что-то сильно осерчал величайший советский танцор Махмуд Эсамбаев. Поймал его где-то в коридоре и, взяв за пуговицу, орал на всё Министерство: «Товарищ Баев, да? Запомни: я – Э-САМ-Баев!!!»

Меня позвали на обсуждение.

– Итак, кто хочет высказаться? – Анатолий Иванович понимает, что ситуация вышла из-под контроля. Нашим засланным казачкам, членам комиссии, мы здорово облегчили задачу всеми перечисленными факторами. Поэтому, они спокойно и уверенно дают высокую оценку нашему высокоидейному и сильнохудожественному произведению, с едва скрываемым злорадством оглядывая запрограммированных оппонентов. Те молчат в тряпочку, даже Барулина заткнулась – это вам не беззащитного в те годы Лозу топтать. Здесь, если рот не так откроешь, можно и с работы вылететь. Баев пускает в бой последнюю фигуру – творческого работника лет восьмидесяти пяти, фронтовика с орденскими планками. А у дедули свои кайфы. «Я в музыке современной, в этом вашем джазе ничего не понимаю, но я в первый раз увидел, что существует столько интересных кадров военной кинохроники. Вы же прямо мой путь весь показали! Я вспомнил, как и Курск освобождал, и Днепр форсировал, и Берлин брал. Спасибо вам, сынки! Единственное, что хроника вся чёрно-белая. Поищите, может, цветную где найдёте! Гораздо красочнее было бы, а?!» Баев молча хватается за голову и выносит

высочайшее повеление – коллектив, как творческую единицу, сохранить, но программу через два месяца подготовить полностью и показать на публике. Испугал ежа голой жопой! Главное, что не разогнали. Стало быть, не зря два с половиной месяца ваяли это монументальное полотно, не зря репетировали по ночам, не зря привыкали к кинохронике и шили костюмы. Чувство выполненного долга направляет весь коллектив по привычному маршруту – через «Елисейский» ко мне домой, где мы с чистой совестью напиваемся как свиньи.

Пошло дело!

Через несколько дней уезжаем в Тюмень на очередные сто концертов. Шлёпаем их быстро, по два-три в день. Города самые боевые – Нефтеюганск, Сургут и опять Тюмень.

Поскольку в Москве готовились к просмотру, то репетиции по вводу Сюткина в программу начинаем уже в поездке, выезжая в залы с утра перед концертами. И вот здесь до нас стало доходить, какого уровня команда собралась. Мы на одном дыхании, чуть ли не в первый день, доделываем предложенные Валеркой «телефоновские» номера – «Восточный базар» и «Спи, малыш», причем последняя песня заслуживает особого рассказа. Мы её чуть-чуть подправили, подрихтовали и из дежурной, хотя и миленькой антивоенной колыбельной соорудили песню-индугенцию для всех, кто хочет зажечь в зале спичку или зажигалку – абсолютно новая в то время форма зрительской реакции. Вначале на музыкальном фоне наш ведущий Кипрушин-Непрушин голосом Левитана вещает, что «наступивший год назван Организацией Объединённых Наций годом Мира. В один из вечеров этого года состоится необычный референдум. Каждый, кто отдаёт свой голос за мир, должен вечером выйти на улицу со светящимся предметом в руках. Специально запущенный спутник под названием «Око Мира» сосчитает количество огоньков и тогда сторонники войны поймут, как их ничтожно мало». После этого идет сама колыбельная – типа «Спи малыш, мы желаем тебе – пусть будет мир на земле». Дальше начинается проигрыш, свет на сцене гаснет и мы в полной темноте, по очереди поднимаем над головой и включаем заранее заготовленные фонарики. ЁПТЫТЬ!!! Зажечь в зале живой огонек и знать, что за это тебе ничего не будет, что ты поддерживаешь гуманный призыв этих прекрасных ребят из группы «Зодчие», которые не

«Восточный базар»

«Спи, малыш»

остаются в стороне от важнейших проблем, стоящих перед человечеством, – народ просто с ума сошел! Дело новое, непривычное. Конечно, и директора концертных площадок, и милиция пытаются на нас наезжать, получая от нас стандартно-издевательский ответ: «Вы против того, что ваша прекрасная молодёжь поддерживает идеи мира? Формы вас не устраивают? Привыкайте – это молодёжь. У нас утверждённая программа, мы же им не говорим, мол, давайте спички жечь, это у них такой внутренний порыв. И слава Богу! Гордиться надо такой молодёжью». Наезжанты, обоссанные с ног до головы, делают объявления перед концертом: «Уважаемые зрители, использование во время концертов спичек, зажигалок и других видов

1981 г. Нефтеюганск. Пришествие Сюткина

1985 г. Первая гастроль с Сюткиным. Ролс-Ройс подан

открытого огня строго запрещается!» Ну вот, здесь даже те, кому в голову прийти не могло делать что-то подобное, бегут в ближайший киоск или одалживают спички у соседей по ряду.

Очень весёлой становится переложённая в кантри знаменитая песня-марш «Не кочегары мы, не плотники» с четырёхголосым вокальным ретро-раскладом а-ля квартет «Улыбка» (на музыкальном сленге «расчёска»), то есть очень близкое расположение голосов с постоянной шестой ступенью в мажоре и седьмой-девятой в миноре (это для музыкантов). Очень классно играют Лоза на гитаре, стилизованной под банджо, и Родька на скрипке. Неугомонный Сюткин показывает нам наброски музыкального шаржа на Адриано Челентано, который они делали в «Телефоне». И вот здесь, в первый раз во всю мощь, заработал собранный в группе коллективный разум. Мы просто садимся в кружок и начинаем обсасывать эту идею. С Челентано вообще не вопрос. Лоза тут же напяливает красную панаму, поднимает воротник

«Не кочегары мы,
не плотники»

1985-1987 гг. Конкурс на лучшую фотографию пародии на Челентано. Голосуйте!

Репетируем «Коммунальную квартиру»

пиджака, надевает тёмные очки, нижняя губа вперёд, руки в карманах, чуть согнутый – готово! Он выходит в сопровождении свиты – Сюткина, Родина и Кипрушина, один из которых ставит стул, протирает и вручает микрофон, другой даёт сигарету, третий щёлкает зажигалкой и полотенцем разгоняет дым, в результате чего Челентано всё-таки издаёт пару фраз из знаменитой «Soli».

Нам не даёт покоя, что номер хоть и смешной в то время, но очень короткий и как-то сильно особняком от остальной программы. И вот коллективный разум, в минуты одного из самых запомнившихся вдохновений, выдаёт на-гора ярчайшую музыкальную пародию, причём не на отдельных исполнителей, хотя они фигурируют и узнаваемы, а на целое явление, заполонившее в те годы советское музыкальное пространство – ежегодный итальянский фестиваль в Сан-Ремо.

Начинаем с того, что перебираем несколько итальянцев на предмет возможного пародирования. И так совпало, что песни, которые с ходу с ними ассоциируются, слеплены по одной и той же гармонической схеме. Зацепившись за это, мы нанизываем их одна на другую, напевая одновременно. Так и выходит, что мы с Артюховым начинаем «Донна, донна, музыка ту», следом, напевая «Чи сара...», выходит Лоза в образе

Пародия на итальянскую эстраду

1985 г. «Коммунальная квартира»

Ромины Пауэр с цветком в волосах, с её нескладными движениями и долговязой фигурой. Потом Валерка, в очках и слегка подогнув колени, изображая Альбано, врывается в уже и так смешной хор со своей «Феличита!», одновременно обыгрывая разницу в росте знаменитого дуэта. И когда уже вроде дальше некуда, появляется Родин и, остановив всех, в кондовой советской манере выпевает написанную по той же схеме подсуетившимся Игорем Сарухановым «Позади крутой поворот». Мы невольно обрушиваем целый пласт тогдашней музыкальной моды. Реакция зала с первого же концерта описанию не поддается. Это уже первый настоящий гвоздь программы, созданный группой!

Дальше – больше. У Генки Гордеева есть великолепное соло на ударных. Почти все группы имеют в репертуаре специально сделанную быструю песенку, в которой после двух куплетов-припевов все уходит со сцены, барабанщик пять минут долбит своё соло, потом все выходят обратно и эту самую песенку заканчивают. Незамысловато! Ставим задачу – придумать принципиально другое. Как минимум – никакой быстрой песни. Несколько дней крутим-вертим варианты, и в головы приходит другая история. Мы все – соседи по коммунальной

«Коммунальная квартира»

1985 г. «Зодчие» – это уже классно. Но знаем об этом пока только мы и зрители Тюменской области. Слева направо сидят: Олег Сысоев (Хэнк), Юрий Лоза, Юрий Давыдов, Алексей Попов (Попуся), стоят: Андрей Артюхов, Андрей Родин, Валерий Сюткин, Макс Миссин, сидят на барабанном подиуме – Геннадий Гордеев, Игорь Лосев, Сергей Кикрушин

квартире, собираемся утром на кухне, стараясь не шуметь, дабы не разбудить ещё одного жильца, потому что он проснётся – и всем капец. Появляемся мы в самых разных образах. Я глажу рубаху утюгом, Артюхов листает конспект, Родя делает зарядку, Лоза с перевязанной щекой страдает от зуба, а Сюткин говорит по телефону, причём в микрофон и, как бы жалуясь на жизнь, подспудно объясняет непонятным, что происходит. Потом от шума последний сосед, то бишь Гордеев, всё же просыпается – мы в ужасе сваливаем за кулисы. После такой умиротворённой камерной сцены он-таки обрушивает своё соло, по окончании которого мы опять выходим и, призывая зал к сочувствию, завершаем номер.

Придумывается потрясающий прикол – та самая фига в кармане, которую так обожает советский зритель. К тому времени записи «Примуса» и «Телефона» очень популярны, и народ после «Девочки в баре» и «Восточного базара» в целом врубается, кто такие Лоза и Сюткин. При этом открыться полностью они не могут, да и как это сделать? Мы же не можем просто взять и сказать со сцены, что вот, мол, Лоза из «Примуса» и Сюткин из «Телефона» – эти названия по-прежнему официально запрещены. Придумываем! В ближайшем магазине покупаем настоящий примус и большой надувной красный телефон типа «Асисай», которые отныне в руках Лозы и Сюткина. Поскольку Валера говорит по нему довольно долго, Лоза подходит сбоку и, качая насос у примуса, раздражённо-плаксивым голосом вопит:

– Валера, оставьте уже в покое телефон! Вы не один такой!

Ответ Сюткина:

– Юра, вы со своим примусом тоже давно всех утомили!

Шифровка в зал отправлена и с восторгом принята. Зрители благодарны, что мы принимаем их в нашу подпольно-прикольную игру для посвящённых.

Чуть раньше удаётся изобрести сценическую разукрашку для Юркиной «Бабы-Любы». В середине семидесятых я случайно присутствовал при первой попытке концерта под фонограмму. На стадионе «Динамо» ансамбль «Самоцветы», отчаявшись отстроить мало-мальски приличный звук из разрозненного набора усилителей и колонок, решил воспользоваться записью. Вышел курьёз. Ни цифровых устройств, ни компакт-дисков не было, поэтому подогнали автобус с громоздким катушечным магнитофоном СТМ, используемым на радио. Звук-то он давал, но был ненадёжен, поскольку плёнка иногда зажёвывалась. Так и произошло. Зрители, конечно, не подозревали о таком лукавстве, поэтому стадион опешил, когда любимая всеми быстрая энергичная песня вдруг стала замедляться, а звук понижаться.

«Мой адрес Советский Союз» за несколько секунд плавно перетёк в звуки, с помощью которых в детских мультиках общаются динозавры, а потом и вовсе остановился:

Заботится сердце!

Сердце воооллнуууееееетттсссяяяя...

...и обосранные музыканты, замершие на сцене с выключенными инструментами. Скандал был страшный. Даже заметку в «Вечерней Москве» написали.

Мы и отталкиваемся от этой истории – якобы у группы в «Баба-Любе», при достижении кульминации рок-н-рольного угара, что-то ломается внутри механизма, музыка замедляется и останавливается, после чего Лоза достаёт стилизованную ручку для ручной заводки двигателя, засовывает её под сиденье Гордееву, прокручивает её – и с нескольких попыток песня опять набирает темп и завершается даже быстрее, чем была в начале. Всё! У нас есть концовка, которая вытащит любой концерт. «Коммунальная квартира», «Итальянские пародии», «Баба-Люба», после чего на контрасте – «Спи, малыш». Сливайте воду, недруги! Теперь, что бы ни случилось, звучит-не звучит аппаратура, есть-нет у нас настроение, умная-глупая публика, плохо-хорошо идёт остальной концерт – наше дело правое! Победа будет за нами!

В тот день, когда мы собираемся отпрямьрить новый блок, концерты отменяются из-за смерти генсека Черненко. Третья смена лидера за два года. Народ реагирует серией анекдотов, из которых мне больше всех нравится начало программы «Время», где сидящий на траурном фоне диктор говорит скорбным голосом: «Дорогие товарищи! Вы, конечно, будете смеяться, но Черненко тоже умер».

Три дня официального траура в стране мы усердно поминаем Константина Устиновича. Причём у меня и вправду есть ощущение всамделишной горечи. Дело в том, что в такие дни оцепляют весь центр, чтобы многотысячные массы обезумевших от утраты могли организованно растянуться в окрестностях Дома Союзов для последнего прощания с усопшим. В эту резервацию попадает «Елисейский» магазин, куда никому просто физически не пройти, кроме жильцов прилегающих домов. Абсолютно пустой магазин, полный выброшенных на всякий случай в продажу

«Баба Люба»

дефицитных продуктов, – можно запастись на годы вперёд. У обычных покупателей, привыкших к повседневному обычному столпотворению, психика могла бы и не выдержать. И вот – пустой «Елисей» там, а я здесь, в Нефтеюганске, а следующий царь ещё неизвестно когда помрёт. Обидно!

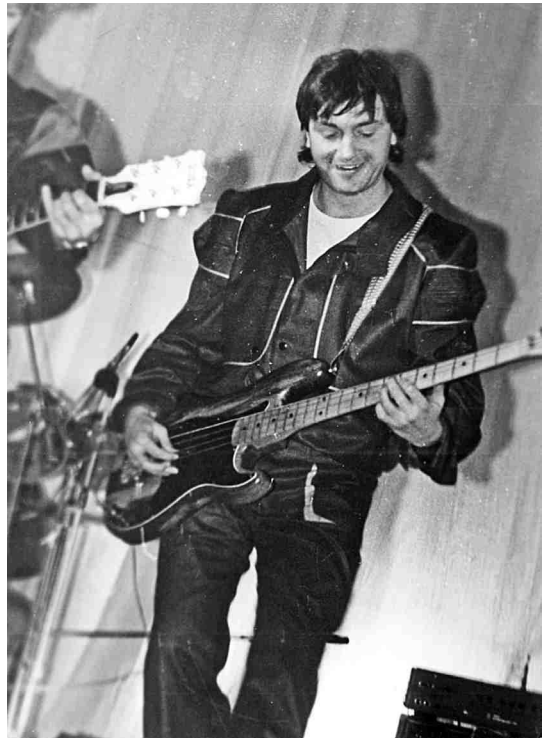
Всё готово к старту

Наконец, получаем возможность показать свои новоиспечённые шедевры зрителям. Всё, как по книжке. Такой уверенности в успехе не было никогда. Внутренний подъём зашкаливает. Становится ясным, что собрался суперсостав и что очень многим придётся потесниться. Это, что касается творчества. Кроме того, нам просто безумно интересно находиться вместе. Обычно к концу длительной поездки, при самых хороших отношениях, накапливается внутренняя усталость друг от друга. А здесь нам не хватает суток для общения. Мы всё время вместе – обсуждаем, спорим, строим планы, говорим о жизни, слушаем музыку. Снятым девушкам с нами скучно – они за общим столом вынуждены слушать все наши истории, изыскания и фантазии, при этом мы расходимся только под утро. Один раз разошлись пораньше – так среди ночи вдруг нагрянула милиция с какими-то женщинами и прошерстили все наши номера, прервав динамично развивающиеся отношения и заставив девушек уйти. Выяснилось, что один из наших техников по кличке Старина Хэнк, упоминаемый ранее, совершенно

Смешинка попала, держимся из последних сил. Только Сюткин – кремень

свихнутый на бабах, познакомился во Дворце Культуры с какой-то десятиклассницей и они весь вечер под ручку прогуливались. Слава Богу, нашему придурку хватило мозгов не тащить явно несовершеннолетнюю подругу в гостиницу из-за страха возможных правовых последствий (на нашем сленге этот страх выражался фразой «Разницу получишь!»). В гостиницу он приволок другую. При этом первая, тоже вместо дома, исчезла с кем-то из местных в неизвестном направлении. Зато в известном направлении, то есть в гостиницу, припёрлась её мамаша, которой донесли, что дочка её крутилась с артистами. Мамашу сопровождали подруги и наряд милиции. Дочку, естественно, не нашли, но весь коллектив незаслуженно лишён сладкого. Хэнка приходится уволить.

Юрий Давыдов

1985 г. В Тюмени мы уже герои

Вообще, в коллективе, где молодые, талантливые, зубастые, бьющиеся за своё место под солнцем рок-н-роллишки, подставиться можно, как не фига делать. Уровень шуток, приколов, розыгрышей резко возрос – и горе тем, кто ему не соответствует, а тем более не соответствует из-за собственного идиотизма.

Здесь Попуся никому не отдаёт пальму первенства. Однажды он в обычной манере нудит по какому-то поводу. Поскольку дело происходит в автобусе, то волей-неволей все вынуждены слушать его неоспоримое мнение по поводу неважно чего. После нескольких, с возрастающей резкостью, просьб заткнуться, Попуся неожиданно выдает перл: «Я, конечно, замолкну, можете говорить что угодно, но знайте, что у меня... пять с половиной сантиметров в диаметре и даже одно только это даёт мне ощущение превосходства перед вами». Коллектив сражён наповал. Остаток дороги проходит в удручённой тишине, где каждый пытается осмыслить своё место на фоне торжествующего рядом величия. Развязка наступает утром следующего дня. Ни свет ни заря начинается движуха: замечено, что кто-то одалживает у слесаря гостиницы штангенциркуль, кого-то видят в магазине «Товары для школьников», покупающим логарифмическую линейку. Единственный в группе математик с высшим образованием, взгрустнув поначалу, вооружается обычной линейкой, ниткой и приобретёнными в институте знаниями. Ниткой замеряется окружность, затем по линейке откладывается длина этой самой нитки, и полученная величина делится на число «пи».

Короче, правдами и неправдами, кто во что горазд, но к обеду все заданные параметры обнародованы и повеселевший коллектив сообщает Попусе, что его антропометрия где-то в конце первой десятки, а посему он вместе со своим языком может всё это засунуть в одно место – влезет! Обескураженный Попуся бубнит про какую-то девицу, которая таким образом, видимо, решила повысить его самооценку.

Я тоже не упускаю возможности подставиться. На одном из концертов, во время композиции «Зодчие,» аккурат в момент пения церковного хода, слышу сзади изумлённый голос Гордеева: «Ой, бл..дь! Ни х..я себе! Ой, сейчас получите пи..дюлей от Дяди!». Оглядываюсь и вижу, что в темноте, под хор и фонограмму колокольного звона, наши техники с зажжёнными свечами, неся в руках какие-то тряпки на палках, что-то типа хоругвий, пересекают сцену перед занавесом в самой глубине сцены. В принципе, смотрится здорово, но я от неожиданности фигаю и в антракте набрасываюсь на них: «.....!.....! Что это было?» Они мне примирительно: «Дядя, не ори, это хоругви». Я: «Хуюгви!.. А ведь... Слушайте, в самом деле офигительно! За обиду всех жду в номере вечером».

Завершаем поездку концертами в Тюмени на майские праздники и в первый раз ощущаем себя звёздами. На улицах узнают, автографы просят, у служебного входа ждут. Живи – не хочу!

Но мыслями мы уже в Москве, особенно я, – в свете продвижения в культурную программу Фестиваля. В филармонии начинают чутать неладное в плане взлёта группы и, хоть с опозданием, но делают какие-то шаги в нашу сторону. Покупают новый аппарат производства ГДР (всё лучше, чем прежний), повышают концертные ставки (немного), разрешают, наконец, ездить по стране при условии пересдачи программы.

В очень хорошем настроении собираемся у гостиницы ехать в аэропорт. Время дневное, все бодрые и свежие. Вдруг, из какой-то подъехавшей машины вываливается Лоза – в дупелину! При этом позитивно в дупелину – оживлён, весел и дружелюбен. Отряжаем техников помочь ему собраться и вскоре трогаемся. Юрка вещает, что они со

У нас в гостях

На днях гостями «Советской России» были артисты эстрады – ансамбль «Зодчие». Коллектив работает при Тюменской филармонии уже пять лет, он стал известен поклонникам эстрады буквально в последнее время. И это, наверное, не случайно. Музыканты творчески выросли, обрели свое лицо. И, надо надеяться, мы увидим их выступления на лучших эстрадных площадках и по телевидению, сможем приобрести пластинки с записями ансамбля. Коллектив редакции от души благодарит артистов.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Музыкальный дом «Зодчих»

Давыдов настраивал виолончель, а в удивленном наблюдал за его манипуляциями, которые никак не вязались с огромными акустическими колонками, стоявшими на сцене Московского автодорожного института. «И все-таки, вы – ВИА или нет?» — спросил я руководителя вокально-инструментального ансамбля «Зодчие». И тут же пожелал о сказанном, потому что рядом начал подстраивать свою гитару Юрий Савич. И чуть позже зазвучали пробные аккорды синтезатора. Сомнения вовсе рассеялись, когда усиленный микрофоном застучал бас-барабан...

Но все это не означало — начал свой рассказ Юрий Давыдов, — что нам не приходится обходиться без мощной усилительной техники. Нам не раз приходилось выступать перед нашими сверстниками, работающими на нефтяных месторождениях Тюменской области, а на буровой, например, для легкой музыки не самые подходящие условия. И тогда мы берем в руки обычные акустические гитары, виолончель, аккордеон, садимся в агоничке, приспособленном под красивый уголок, вместе с нашими слушателями и поем, и разговариваем на самые разные темы. И надо сказать, общих тем у нас очень много. Помимо юности, обеспокоенного нас, помимо того, что мы — земляки, тюменцы, есть еще одна, самая важная деталь. Все мы вызываем себя самоназванием, но имени знаменитого нефтя-

ных мастеров, которые построены в Москве знаменитый храм Василия Блаженного, а наши коллективы уже в ту пору включили в свой репертуар русские песни, народные мотивы. С этой композицией мы не раз выезжали за рубеж, и до сих пор она остается в программе коллектива как своеобразная визитная карточка.

— Но время учебы в институте рано или поздно подойдет к концу. Как часто именно по этой причине распадаются интересные коллективы?

— В общем-то и нам грозила такая же участь. Мы понимали это и пытались в неравности наших уз не давали. Но как-то очень естественно произошло так, что одному из нас предложили поехать на работу в Тюмень. А вслед за ним такое же распределение попросил еще один. Словом, на работу прибыли вместе. А вскоре «Зодчие», так стал называться коллектив, уже репертуарно в одном из домов культуры. Собирались вечерами, играли для себя. Сколько бы так продолжилось, сказать сейчас трудно. Но, на наше счастье, к нам на релетииво заглянул художественный руководитель филармонии. Нам предложили в управление культуры и предложить стать профессионалами. Мы согласились и лишь потом поняли, что от жизни в трудовой книжке «артист ансамбля» до настоящего профессионализма — не один год трудной работы.

— Можете ли вы назвать стиль, в котором играет ансамбль? Есть у вас, скажем, рок-группы, есть коллективы, работающие в иных стилях?

— Мы исполняем самые раз-

нообразные по стилю и даже жару произведения. Я уже говорил о композиции «Зодчие», которая дала название нашему коллективу, — это основанный на русском фольклоре рок. Русские народные песни, разумеется, тоже стилизованы, но уже в иной манере, хотя в одной из них и звучит самая настоящая балалайка. Есть произведения, исполняемые в биг-бите. Но есть и вальсы, и блюзы, и даже марши. А недавно мы включили в репертуар народно, в которой показываем технологию прерращения какой-то популярной мелодии в поток однотипных песен. Только что мы показали тюменским зрителям нашу новую работу — композицию «Мы верим в тебя», написанную композитором Вячеславом Гроховским и посвященную 40-летию Победы. И мы состоим с московской премьерой.

И традиционной опере...

— Я не открыю большого секрета, если скажу, что «Зодчие» хотят построить свой «дом», программу, к работе над которой мы вскоре приступим. Так и будет называться — «Дом, который построил ты». О чем эта программа? Прежде всего о том, что сегодняшний день должен стать гармоничным днем завтрашнего. О мире, без которого все теряет смысл, о тех, кто обязан отстоять этот мир, и значит, о каждом из нас. Новую программу посвящаем XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве.

Виктор
Гладков.

Это не просто заметка — это в то время самая надёжная охранная грамота.

знакомыми отмечали и обсуждали вышедший сегодня «Закон о борьбе с пьянством и алкоголизмом». После чего начинается действие в стиле О'Генри. Готовый в лохмотья Юрок читает нотацию абсолютно трезвому коллективу о том, какой вредной привычкой является пьянка и к каким губительным последствиям она может привести группу. Автобус-то городской, с широкими проходами между сидений. В момент, когда Юрка двумя руками обозначает масштаб грозящих нам невзгод, если мы не прекратим пить, автобус сворачивает на светофоре. Мало того, что Лоза сваливается в проход на полуслове, он ещё немного вперёд прокатывается. Лекцию пришлось прервать. Докладчик бережно перенесён на заднее сиденье, где благостно дремлет до аэропорта.

Через несколько дней пересдаём программу. Серега Милов (внук Мирова – того, который «Миров и Новицкий») предлагает сделать это в Губкинском институте, где он, будучи завклубом, обязуется набить актёрский зал благодарными студентами. Проводится определённая работа, и после окончания военной композиции весь зал встаёт, устраивая настоящую орацию. А про второе отделение и говорить нечего, хотя Лозу мы объявляем Савичем, «Плот» не поём вовсе, а «Бабу-Любу» поём с другим текстом, который Юрка не поленился написать специально для сдачи программы. Выступление проходит триумфально. На обсуждении нас тоже не сильно кусают (видимо, письмо Салманова дошло). По поводу военной композиции больше всех радуется тот самый ветеран: «Я же говорил, что надо цветную хронику делать. Совсем другое дело теперь!»

Короче, от нас отвяли.

В «Собеседнике», наконец, выходит статья «Дом, который построили «Зодчие», с фотографией. Она у меня есть – своего рода реликвия, где солист группы у нас – Юрий Савич. Но это всё мелочи. Главное, что она вышла, а это одновременно и индульгенция, и сильное продвижение коллектива: «Собеседник» в то время читают все. Генка Ни-Ли постарался. Я по-прежнему, без особого успеха, тыркаюсь в ЦК ВЛКСМ по поводу Фестиваля, и хотя в Штабе появляется активный союзник – новый приятель Костя Воробьёв, но самостоятельно втащить нас в Программу он ещё не может, а у старших товарищей свои приоритеты.

Племянник Горбачёва

И вот тут, где-то в начале июня, у меня дома раздаётся телефонный звонок. Предельно корректный человек, зная, что я живу на Пушкинской, уже приехал сюда и очень просит уделить ему несколько минут. Выхожу. У памятника Пушкину встречаю молодого, чистенько

одетого, вежливого парня с депутатским значком. Представляется – Андрей Разин. Спрашиваю – с чем пожаловал. Хочет предложить свои услуги в качестве режиссёра. Мы, говорю, сами себе режиссёры (простите за совпадение с названием программы). И тут он говорит, что режиссёр в данном случае – это форма, а суть-то совсем в другом. Суть-то в том, что он племянник Горбачёва, не прямой, конечно, троюродный. У них в селе Привольное Ставропольского края, означенном в его паспорте как место рождения, все родственники. Дядю Мишу он редко видит в последнее время, а с тётей Раей постоянно на связи. От счастья мне чуть не разрывает голову. Вот кто решит все наши вопросы! Выясняется, что он только сегодня прилетел, а в Москве у него никого. Звоню маме, прошу приютить. Без вопросов! Беру на завтра два билета в Тюмень, и мы летим. Директору филармонии звоню заранее, захлёбываясь от счастья, лепечу что-то о редчайшей удаче, синей птице, подарке судьбы (остальное не по телефону!!!). Приезжаем. Оставляю Андрея в приёмной, захожу к Згерскому. Леонид Мечиславович внимательно выслушивает всю эту радостную историю и просьбу оформить Разина режиссёром к нам в коллектив как единственное условие в достижении привалившего счастья. После пламенного спича нажимает по селектору оперативный отдел:

– Девочки, два билета на ближайший рейс в Москву – фамилии Давыдов и Разин.

Я в отпаде.

– Что это значит?

– Юра, я здесь директорствовать начал ещё при Сталине. Поэтому всех этих разиных-пугачёвых-суворовых-кутузовых-будённых-чапаевых-гагариных видел-перевидел. Дай ему пинка под зад и не смей меня больше!

Выхожу в приёмную, что-то бормочу про штатное расписание, что надо немного подождать, а сам думаю: снимет он сейчас трубку в приёмной, позвонит тете Рае – и капец Леониду Мечиславовичу, да и нам, наверное, за компанию. Однако он никуда не звонит, бормочет что-то типа «Был у вас шанс!», и мы летим обратно. Но у мамы он прижился и постепенно раскололся в том смысле, что он действительно родился и прописан в Привольном и на всех это действует. В отличие от Згерского, руководитель музыкальной редакции Центрального телевидения струхнул и, когда Разин раскопал где-то свой «Ласковый май», тут же дал зелёную улицу на телеэфиры. Расчёт простой. Времена ещё советские, приходит такой вот пассажир – и чего с ним делать? Проверять? Как? А вдруг правда?хлопот не оберёшься! А неправда –

посмешищем станешь. Поэтому проще дать ему, что он просит, мало по ящику бездарей крутят? Одним больше, одним меньше...

Но в нашем случае Михаил Сергеевич Горбачёв помочь не в силах! С официальной культурной программой Фестиваля пролетаем. Максимум, что удаётся, – выступить пару раз на локальных, мало значимых площадках, например, в ДК им. Ленина на Трёхгорке по отделению с танцевальным ансамблем из Лаоса. А так, посещаем мероприятия и концерты в качестве зрителей, переполненные досадой, что мы уж точно не хуже многих.

Ключ на «Взлёт»!

Я не сумасшедший и прекрасно понимаю, что в таких условиях, чудесным образом собранный состав долго не продержится и Фестиваль – последняя реальная возможность выйти на другой уровень. Невключение в культурную программу ставит жирный и, видимо, окончательный крест на перспективах группы. Никакие творческие успехи и огромная зрительская любовь в городах Тюменской области спасти ситуацию не в состоянии.

Последний день Фестиваля, выхожу из дома и просто бреду куда глаза глядят, в полном отчаянии от происходящего. Однако бывают моменты, когда ноги умнее головы. Вот ноги вдруг и стали мне говорить – зайди в ЦК ВЛКСМ. Отвечаю им – что там делать? Поезд ушёл, мы пролетели, какой смысл? А они мне всё настойчивее – иди, дурак, быстрее!

Я, ни в какую. Им это надоело, и они сами приводят меня на четвёртый этаж знакомого подъезда. Там никого, все по концертным площадкам, и вдруг голос Кости Воробьёва: «Где тебя черти носят? Я уже сам твой коллектив собираю. Короче, завтра днём в Театре эстрады запланирован последний концерт Фестиваля. Должны выступить «Земляне» и классная финская группа. Но, у финнов проблема: они должны сдать аппаратуру на вывоз в таможеню до 6 утра. При этом на нашей они играть отказываются. В общем, ни финнов, ни аппаратуры. А концерт отменить нельзя. Я вот и вспомнил про тебя, потому как никто не будет сейчас разбираться, есть вы в программе или нет – надо дырку затыкать, пожар гасить. Завозите сегодня аппарат и готовьтесь – это шанс!»

Про шанс мог бы и не говорить... Лечу пулей домой, обзваниваю ребят – к счастью, Лоза ещё не улетел, остальные тоже на месте, нет только Гордеева. Ну, да Бог с ним, найдётся. Машина завертелась, с утра все в сборе на настройке. Нет только Гордеева. Вот здесь уже хоть

1986 г. Съёмки передачи «12 этаж»

из окна бросайся от досады – через два часа начало. Наконец откуда-то появляется дома и, выслушав о себе небольшую, но ёмкую характеристику, на такси мчит-ся к нам. Народ начинает собираться, причём много журналистов, и даже телевидение, – все хотят послушать финнов. Телевидение, узнав, что вместо классных финнов будет непонятная тюменская группа, свернулось и уехало, зато приехали Генка и чуть позже «Земляне». На них было жалко смотреть: две недели по два-три выступления, к тому же бесплатно. Они сразу ставят условие –

петь первое отделение. Явное желание насолить организаторам: мол, мы своё снимем, а дальше вы уже сами колупайтесь с этими... как их?.. «Зодчими!» – а заодно пораньше освободиться. Закрываемся в комнате и коротко совещаемся. Всё равно в Москве, а тем более в Театре эстрады, концерт для нас первый и последний, поэтому – гори всё синим пламенем! – играем программу как есть. Лозу называем Лозой, «Бабу-Любу» – «Бабой-Любой» и «Плот» в родном варианте!

Зал забивается до отказа. Правда, народ уже знает, что финнов не будет, но всё-таки «Земляне» – тоже не каждый день увидишь. За кулисами появляются Борис Сергеевич Брунов* со свитой, с опаской поглядывая, как наши техники раскладывают примус, телефон, утюг, старый пиджак, фонарики и прочий реквизит. Я подхожу к самому доброжелательному на вид и прошу не делать антракта между отделениями. Да они и сами понимают, что народ после «Землян» разбежится, если их сразу чем-то не поразить. Нагло заявляю, что если выйдем внахлест, то ни один человек из зала не уйдёт. Слегка оторопев, Борис Сергеевич пожал плечами и ушёл вместе со свитой. Концерт начался.

* Борис Сергеевич Брунов – легендарный советский конферансье, в течение многих лет художественный руководитель Театра эстрады. При нём Театр эстрады был не просто концертным залом, а полноценной творческой организацией для создания эстрадных программ.

«Земляне» без единой эмоции, на нулевой энергетике отыгрывают свои сорок минут с завершающим «Космодромом» и с явным облегчением уходят. Зрители в разобранном состоянии и понимают, что их полностью надули, добром из зала точно не веет... Но зато мы с настроением – мол, на миру и смерть красна! Из ноздрей – дым, из-под копыт – искры!

Пересказывать бессмысленно. Мы обрушиваем такой поток позитива вместе с кусачей и весёлой программой, что народ со второй-третьей песни просто рухнул, выпал, ошалел от неожиданного восторга. Рёв стоял такой, что у нас самих мурашки по коже забегали. Ближе к концу замечаю в кулисах ту же компанию во главе с Бруновым, лицо которого чётко указывает, что этот концерт для нас – последний. А, всё равно, думаю, правильно, что сыграли как надо: по крайней мере, полторы тысячи человек запомнят, что был такой клёвый ансамбль – «Зодчие»!

Наслаждаемся каждой секундой на сцене. Зал хлопает неистово, несколько раз выходим на поклон, интуитивно оттягивая момент расправы. Наконец уходим в кулисы. Нам наперерез сам Брунов:

– Кто руководитель группы?

Мои преданные любимые товарищи – шмыг по углам... остаюсь один:

– Я, Борис Сергеевич...

– Пройдите со мной!

Идём в кабинет. Свита за нами. Ребята из разных щелей бросают на меня прощальные взгляды. Пронзает подлая мысль о стакане рома и последней сигарете... Входим в кабинет, рассаживаемся: Брунов за стол, я перед ним, свита по периметру. Пауза. Брунов раскуривает сигару, время остановилось, сердце моё тоже.

Наконец взгляд в упор:

– Что за группа? Кто такие?

Отвечаю, мол, группа «Зодчие» Тюменской областной филармонии, ездим по ударным стройкам, народ мобилизуем на трудовые свершения. Опять пауза, Брунов от злости не попадает сигарой в пепельницу – она ломается.

И вдруг, в сторону свиты:

– Это вы так работаете с творческой молодёжью? Это вы так отслеживаете молодые таланты? Это вы мне рассказываете, что интересных ансамблей сегодня нет? Повыгоняю всех к чёртовой матери вместе с вашим нафталином, который вы мне из концерта в концерт суете! Немедленно! Их! Как ты говоришь – «Зодчие»?! В ближайшую программу!

Здесь уже я допускаю ляп:

– Борис Сергеевич, у нас нет разрешения на выступления в Москве.

Что натворил! Брунов на том же эмоциональном всплеске поворачивается ко мне:

– Во-первых, никогда меня не перебивайте! Во-вторых, это не ваш вопрос! В-третьих, оно уже у вас есть! И вообще, вы свободны, можете идти!

Легко сказать – можете идти, а если не можете? Кое-как, в полусознании, бреду к своим, а там жизнь кипит! Куча народу, берут автографы, фотографируются, тут же журналисты с вопросами. Меня дожидается симпатичный малый, представляется – Женя Фёдоров, руководитель «Звуковой дорожки» газеты «Московский Комсомолец».

– Юра, тебе как удобнее, сразу поговорим или сначала сделаем снимок для газеты – вон там, на набережной, фотограф уже готов.

Тут же:

– Юра, я Татьяна Бодрова, Всесоюзное радио, не убегайте сразу, я хочу завтра пригласить вас на радиостанцию «Юность», в прямой эфир.

– Юра, я редактор центрального телевидения, у нас готовится новая программа «12 этаж» о проблемах молодёжи, вы с вашим репертуаром для нас просто находка, вот телефон, звоните завтра!

– Юра, я директор городского молодёжного центра, такой успех надо отметить, тем более у нас водка есть – аргумент серьёзный, уже начался сухой закон – короче, мы поехали готовиться, вот вам адрес, приезжайте, когда этот шабаш закончится.

Концерты, концерты, концерты

В конечном итоге все там оказались, и алкоголь распахнул свои объятия, навстречу которым мы бросились без оглядки, это уже был прощённый вечер – согласитесь, не каждая психика выдержит такой диапазон эмоций на единицу времени.

Следующие несколько дней проходят в счастливом осознании произошедшего и первых шагов по ступенькам лесенки, ведущей к новому вожделенному статусу популярного коллектива. Сбывается всё обещанное после концерта – прекрасная рецензия с фотографией в МК, интервью на радио. Нас приглашают участвовать в телепрограммах «Мир и Молодёжь», «12 этаж», музыкальных программах.

В основном речь идёт на перспективу, однако итальянскую пародию мы снимаем практически сразу и с нетерпением ждём дня объявленного выхода в эфир. В назначенное время сидим у телевизоров за накрытыми столами (шутка ли – теледебют!) и... ничего не происходит! В передаче нас нет. На следующий день звонит извиняющийся редактор и сообщает, что вырезали буквально за полчаса до эфира, потому что, как выяснилось, в Москву в этот день прилетел министр иностранных дел Италии и какому-то мудаку пришло в голову, что это может сильно обидеть заморского гостя. Вот и решили перестраховаться. У меня до сих пор стоит перед глазами апокалиптическая картина: министр приезжает из аэропорта в гостиницу, первым делом включает в номере телевизор и видит, как наглые, распоясавшиеся советские артисты издевательски высмеивают лучших итальянских звёзд – национальное достояние Апеннинского полуострова. Немедленно вызывается Посол, они вместе выбегают на улицу, ловят такси и мчатся в Шереметьево, чтобы успеть на ближайший самолет в Рим готовить ноту о разрыве дипломатических отношений. Всесоюзная слава переносится на неопределённый срок. Тем не менее, динамика всё равно стремительная. Брунов сдержал слово, и мы уже висим по всей Москве в афише сентябрьской программы Театра эстрады. Правда, тема программы – борьба с алкоголизмом. При чём здесь мы? Мы в этой борьбе участвуем на другой стороне баррикад. Но раз в программу вставили – значит, будем бороться. Вчерашние враги набиваются в друзья, пройдёт ещё немного времени, и все, кого я правдами и неправдами хватал за рукава в коридорах, будут наперебой приглашать в различные программы и проекты. Первая ласточка – предложение быстро организовать гастроли по Северному Кавказу: Черкесск, Грозный, Орджоникидзе**, Нальчик, Махачкала, Минводы. Соглашаемся сразу, поскольку в качестве альтернативы – очередной тур в Тюменщину. Директор нашей филармонии удивлён такому развитию событий, как и внезапному шквалу звонков, в том числе от Брунова, но ничего – привыкайте, Леонид Мечиславович!

** Ныне Владикавказ.

Месяц болтаемся по указанным городам. Орджоникидзе, после первого же концерта, объявляет дополнительные выступления, билеты на которые мгновенно раскупаются. Оттуда едем на автобусе в Махачкалу. Автобус по тем временам вполне приличный – новенький «Икарус». Правда, в салоне несколько посторонних людей, но мы не заморачиваемся: мало ли, родственники или знакомые. А зря! Водитель начинает брать на каждой автостанции попутных пассажиров, да так, что они уже едут стоя в проходе. А он всё никак не уймётся – берёт и берёт. Автобус уже переполнен, в том числе стариками, детьми и беременными женщинами. Доходит до того, что требуют уступить им места. Причём требуют уже с угрозами. Ситуация идиотская. Позвонить неоткуда, автобус не останавливается, на нас конкретно наезжают. На очередной станции мы выходим из автобуса и дальше ехать отказываемся. Водитель – дурак-дурак, а понимает, что ему без нас ехать точно нельзя. Нас берут в кольцо местные джигиты на тему, что есть шанс отсюда вообще не уехать. Собралась целая толпа – как же, зрелище. И ещё дешёвые разговоры типа:

- Все люди одинаковые!
- Жалко вам, что ли?
- У тебя самого мать-сестра есть?
- Вам одним, что ли, ехать надо?

Вот такой культур-мультиур! Как-то доезжаем, выступаем, перебираемся в Грозный. На месте узнаём, что работаем по отделению с тбилисским ансамблем «Зелёная планета», который на поверку оказывается замаскированной популярнейшей группой «Блиц» – лучшими подражателями «Битлз» на территории СССР.

Славные ребята, очень хорошо работают. Подружились с первой же минуты. Валерий Кочаров – легендарный грузинский Джон Леннон – с ходу собирает у себя в номере всех участников программы. И началось! Нам-то, в общем, есть чем ответить, тем более под водочку. Попели и попили от души! Между песнями говорим всё больше о битлах. Гитарист наш, Андрюха Артюхов, в связи с чем-то высказывает мнение, что Харрисон, конечно, величайший музыкант, но сегодня так уже не играют. Поднимается парень, тот, который на сцене был Харрисоном, и вдруг очень тихо и очень серьёзно говорит Андрюхе: «Ты мнэ Харрысона нэ трогай!» – после чего мы с Гордеевым от дискуссии по поводу Маккартни и Ринго Старра уклонились. На этом позитиве живём и работаем пять дней, после чего разъезжаемся: они – в Тбилиси, мы – дальше по маршруту, в Минводы. Очень тепло прощаемся коньячком. Едем на вокзал, нас никто из местной филармонии не провожает, просто передали билеты. Входим в вагон – все наши места

заняты. Показываем билеты – говорят, обращайтесь к проводнику, тот отправляет нас к начальнику поезда. Начальник поезда, не дослушав, уходит. Мы поднимаем шум, появляется наряд милиции:

– Ой, да вы же пьяные! Куда ж вам ехать? Пройдёмте с нами! – и забирают меня, Лозу и Макса Миссина. Мы советуем остальным не бузить, а – хоть стоя, хоть в тамбуре, хоть на крыше – лишь бы подальше от этих добрых, гостеприимных людей. Ребята уезжают, мы остаёмся в качестве задержанных. В привокзальном отделении огромный майор с ходу излагает дилемму: либо арест на трое суток за появление в нетрезвом виде, плюс статья в местной газете и письмо в филармонию, что на фоне разгорающейся борьбы с пьянством означает конец коллективу, либо большой штраф без квитанции и полное смирение, что позволит ему по-братски посадить нас, вернее, поставить в тамбур следующего поезда, а до Минвод ехать всего ничего – часов пять. Подавив чувство унижения и омерзения, принимаем второй вариант и бежим оттуда так, что пятки сверкают. Вот уж, действительно, – музыканты нужны до свадьбы!

Минводы и Кисловодск помогают забыть этот страшный сон, тем более нас ждут шесть концертов в большой сборной программе Театра эстрады, в которой нам отведено двадцать минут. Со временем это станет нашим любимым форматом – обрушить на свежего, неподготовленного зрителя блок наших самых ударных номеров. Дело в том, что

«Девочка в баре» – хит поколения

«Девочка в баре»

если петь по одной-две песни, то нас легко можно перешибить раскрученными супершлягерами. Сольные концерты, пока ещё не очень известного коллектива, в целом проходят здорово, но у зрителя есть физиологический предел восприятия новой информации. А двадцать минут – самое оно! Программа, как и всегда в Театре эстрады, разножанровая. В этот раз, вместе с нами, ещё несколько дебютантов, среди которых выделяются Ян Арлазоров*** и Лёша Птицын**** – суперпрофессионалы! Да и сам Борис Сергеевич, со своими классическими приколами, великолепен. Например, карточные фокусы.

«Общага»

Из зала вызывается доброволец-ассистент.

Фокус первый:

Брунов вытаскивает из колоды карту, протягивает ассистенту и просит её громко назвать. Тот называет, к примеру:

– Шестёрка червей!

Брунов забирает её себе, внимательно смотрит и затем показывает залу:

– Правильно!

Фокус второй:

Достаётся другая колода, из которой ассистент, опять же, берёт карту. Теперь Брунов уже сам отгадывает её:

– У вас дама треф, правильно?

– Да.

– Покажите залу! – тот показывает. Брунов:

– У меня тоже, – и открывает залу свою колоду, в которой одни дамы треф.

Незамысловато, но дико смешно, особенно в его исполнении. И уж, конечно, Борис Сергеевич – непревзойдённый мастер представлять и объявлять артиста. Эпитетов он не жалеет – от него мы с удивлением узнаем, что будущее советской эстрады в надёжных руках, что в уже, казалось бы, распаханном-перепашанном жанре талантливые люди находят новые пласты для его развития, что вы, дорогие зрители, сейчас увидите то, чего не только никогда прежде не видели, но даже представить себе не могли, итак, на сцене – потрясающий коллектив с очень достойным и интересным названием – «ЗОДЧИЕ»! После такого представления каждая нота, каждый жест, каждый взгляд кажутся гениальными. Наша задача – не испортить, и мы с этим прекрасно справляемся. Пользуясь случаем, успеваем притащить на концерты уйму нужного народа: журналистов, чиновников, режиссёров, директоров программ, телевизионщиков – постепенно, всё, о

*** Ян Арлазоров – потрясающий разговорник-пародист, к сожалению, очень рано ушедший из жизни.

**** Алексей Птицын – уникальный звукоимитатор, умевший губами воспроизвести звучание всей группы, например «Машины времени».

чем мечталось, становится очень приятной повседневной обыденной жизнью. А как гордятся наши родные и друзья, когда, продравшись сквозь толпу у театра, мы с видимым трудом уговариваем строгих охранников пропустить их в неприметную дверь служебного хода, что слева от главного. На последнем концерте узнаём, что мы уже включены в следующую программу театра – и, следовательно, это уже не на словах, а на деле оценка качества коллектива. Душа поёт! У меня дома постоянно народ – и по делу, и просто так. По мере расширения круга друзей из богемного сословия, складываются определённый образ и график жизни. Расположение моей квартиры на Пушкинской автоматически предусматривает, что все, кто не догулял, не допил, не договорил до окончания работы ресторанов, а также после удачных (неудачных) концертов, спектаклей, футбольных матчей – все ко мне, иногда с телефонным звонком, чаще без. (Признаться, я очень тоскую по тем временам, когда не считался криминалом бесцеремонный стук в дверь тех, кого ты считал близкими друзьями.) Образуется некая новая поросль, постепенно входящая в жизнь, занимающая места на иерархической лестнице властных структур, журналистики, творческих организаций. Восемьдесят пятый год как никакой другой сдвигает, казалось бы, незыблемые тектонические пласты, когда возрастной люд массово отправляется на пенсию и вся вертикаль перемещается вверх на освободившиеся места, а на их места, в свою очередь, приходят ещё более молодые, почти наши ровесники. Так, например, руководителем Московского комсомола становится Стас Смирнов из нашего родного МАДИ, Костя Воробьёв переходит в Международный отдел ЦК ВЛКСМ, Гена Ни-Ли – в «Известия», и это массовое явление. Становится намного легче дышать. Мы уже не одиноки в этом мире, где доселе правили на всех уровнях серьёзные, очень взрослые люди, которым до нас не было никакого дела. У них был свой круг. А тут, за руки ещё не хватают, но знаки внимания уже оказывают. Осталось чуть-чуть подкрутить популярность, а в этом самое большое подспорье – телевидение, на котором мы постоянно тусуемся, делаем съёмки впрок и ждём того самого эфира, после которого проснёмся знаменитыми. И чувствуем, что он уже не за горами. Пока же отправляемся в тур по центральной России – Калуга, Смоленск, Рязань. Залы без истерии, но уже полные, билетов нет, у служебного входа не сказать, что рвут на части, но девушками не обижены.

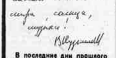
В Рязани, после последнего концерта, нас приглашают в кабинет директора, где собрались какие-то чины, которые заводят недвусмысленный разговор, что, мол, по своим каналам изучили ситуацию и хотят видеть нас у себя штатным ансамблем филармонии. Аргументы

сборе, в вот музывает на был. Как рано — все васыли в колхозах на газетках. Ниског нет в Миссане.

И яру и колхоза в одой в темердате лавте в колхозах. Вле в колхозах. Вле в колхозах. Вле в колхозах. Вле в колхозах.

Владимир Кузьмин:

«Пожалуй, сделано немало...»

В последние дни прошлого года впервые исполнили концерты вназвания на историю, в помяна под управлением Владимира Кузьмина. Поняла, вотже эти были детскими работами по имени. А все 25 летняя история болельщиков оказалась грусти, который стал совсем годам и так.

Да за прошедший год одним из главных концертов нашей жизни в Москве — в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Если говорить о том, что касается не только без сомнения, но и в целом, то в последние дни года Кузьмин и его команда представили зрителю концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Крис Кельми: «И театр, и концерты»

Наша гамма вад — это работа в театре. Я говорю журналистам — не говорю журналистам — не говорю журналистам — не говорю журналистам.

В начале года мы работали в театре. Я говорю журналистам — не говорю журналистам — не говорю журналистам.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Крис Кельми: «И театр, и концерты»

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Вечером 15 декабря в театральном центре «Искусство» состоялся концерт «Искусство» в честь 25-летия со дня рождения Владимира Кузьмина.

Наш адрес: 123486, ГСП, Москва, Д-22, улица 1905 года, 7. Телефон для справок: 259-50-36. Отдел писем 256-92-00. Редколлегия: Г. П. Гусев.

Статья в МК «Открытия года», декабрь 1985 г. прозаические, земные, а потому правдивые — у них на шее сидит блестящий в творческом отношении, но очень прожорливый Рязанский народный хор в количестве двухсот человек, времена на дворе наступают хозрасчётные, филармониям нужны деньги на его содержание. Поэтомо объективно: никаких ограничений по количеству концертов — чем больше, тем лучше, готовность понести стартовые расходы: аппарата не западная, но для залов достаточная), костюмы, афиши, повышение ставок, уваживание всех формальных вопросов по нашему переходу, беспрестанный выезд за рубеж в дальнейшем — в общем, нас всё устраивает. Не говоря уже о том, где Рязань и где Тюмень — за любой бумажкой на электричке удобнее и дешевле, чем на самолёте. Предварительно соглашаемся. По приезде в Москву нас ждёт новое знакомство: влиятельный организатор концертных программ и массовых представлений при Союзконцерте, бывший директор Валерия Леонтьева — Семён Иосифович Фрадин. Очень располагающий к себе, доброжелательный, высокий профессионал, с юмором, абсолютно порядочный человек. Нам хватает получасового разговора, в котором он предельно точно характеризует наш статус — уже почти знаменитые, но ещё абсолютно бесхозные в плане продвижения и концертной работы, всё как Бог на душу положит! Для непосвященных надо дать короткую терминологическую справку. Советское время — это время аббревиатур. В частности, на эстраде существует Москонцерт, отвеча-

ющий за концерты в Москве и московские коллективы, Росконцерт – за координацию гастролей в Российской Федерации, Союзконцерт – то же самое, но по союзным республикам всего СССР. А ещё Госконцерт, занимающийся приглашением зарубежных артистов и, наоборот, отправкой наших за границу. Но это нам пока не светит. Зато светит мгновенный результат от альянса с Семёном – гастролы в течение одного только апреля в Калининграде, Фрунзе, Таллине, Одессе. Голова кругом – не сон ли это? В течение зимы усиливаем программу несколькими ударными номерами: «Автобус № 86» – ещё одна переделка на новом, очень достойном уровне старой «телефоновской» песенки, «Пятая серия» Сюткина и две песни Гриши Гладкова, с которым нас познакомил Ни-Ли – пародия на ВИА, как музыкальное явление, точнее, на штампованное, бездарное использование модного жанра, и прикольная песенка на слова Бориса Бурды «Десять тысяч рублей». Напомню, что Гриша является автором самой нестандартной и остроумной песни к мультиту «Пластиковая Ворона», а Борис Бурда – один из столпов «Что? Где? Когда?». У наших техников прибавилось реквизита – два пионерских горна, ударные тарелки для духовых оркестров, кастрюля, ложки, детские пицалки и знаменитый сюткинский твидовый пиджак с отстёгивающимся рукавом, который якобы оторвался у Валерки после поездки на «Автобусе № 86». Это уже тянет на небольшой спектакль, но мы решаем не оперировать такими ответственными понятиями и просто приглашаем зрителей на экскурсию по некоей «Кунсткамере», где собраны все уродливые пережитки, мешающие нашему славному советскому обществу двигаться дальше в светлое будущее. Уроки Любви Михайловны Барулиной зря не прошли – ученики мы способные. Попробуй теперь предъяви нам что-нибудь по поводу «Девочки в баре» или «Десяти тысяч рублей».

Мы – молодые граждане своей страны, у которых пыл души зашкаливает, когда мы видим на столбовой дороге отдельные, мешающие нам жить недостатки, и наша просто-таки обязанность – выявить и заострить на них внимание, особенно молодёжи. Эту позицию мы озвучиваем везде, где можно, и нам верят, тем более, что подача на сцене очень весёлая, а главное – до-

«Автобус №86»

«Пятая серия»

*Пародия на
вокально-
инструмен-
тальный
ансамбль*

*«Десять тысяч
рублей»*

брая по форме. В «Московском комсомольце» мы удостоены звания «Открытие года» вместе с Вячеславом Малезицом, Владимиром Кузьминым и другими вспыхнувшими звёздами.

А вот и мы! Не ждали?

Наступает апрель восемьдесят шестого – наверное, самый яркий и значимый период утверждения группы на уже по-настоящему лидирующих позициях. Во Фрунзе, то бишь в Бишкеке, мы даём четыре концерта на центральном стадионе, где, кроме нас, оркестр «Современник» под управлением Анатолия Кролла и в качестве главной звезды – Михаил Боярский, в сопровождении ленинградского ансамбля «Диапазон». Вот где школа жизни, особенно у «Диапазона» есть чему поучиться. Матёрые эстрадные волчары серьёзнейшего профессионального уровня, умеющие, к тому же, выжимать максимум из гастролей со знаменитой и любимой всеми звездой, кем во все времена являлся Боярский. В первый же день приезда, пока мы завтракаем и играем в футбол, весь «Диапазон», или, как они себя в шутку называли, «Диапонос», россыпью рвёт в город по разным направлениям и, где-то часа через два, встречается в холле гостиницы. Мы краем уха слышим их общение на не совсем понятном сленге, каком-то «птичьим» языке. Один:

– Видел книги сантиметров семьдесят-восемьдесят.

Другой:

– В универмаге кроссовки корейские разных цветов, надо быстрее дёргать, пока Сам не нашёл, – и всё в таком духе.

После расшифровки и более близкого знакомства мы уясняем, что скрывается в скупых строчках торговой разведки. Есть хорошие книги, которые, если купить и поставить ребром одна к одной, то общая толщина их на полке составит семьдесят-восемьдесят сантиметров – это если по одному экземпляру. Касаемо кроссовок, то здесь и смех и грех. Действительно, очень красивые, южнокорейские, разных цветов. И вот, один за другим, диапазоновцы заходят со служебного входа и, представляясь ближайшими сподвижниками Боярского, набирают, как бы для него и коллектива, по десять-пятнадцать пар каждый. Пока мы расчухались и пошли туда, самые эффектные цвета – белый и синий – уже закончились. Начинаем что-то лепетать про Боярского, но вместо ожидаемого почтения, нас чуть было не вышвыривают вон, как Паниковского из кабинета в «Золотом телёнке», и лишь радостный возглас одной из девушек-товароведов спасает ситуацию: «Ой, да это же «Зодчие»! Какие они классные!» Нас от-

Настраиваемся на концерт

пустили с миром, продав пару кроссовок красного цвета в одни руки. Но самое смешное случится утром следующего дня, когда Боярский, увидев накануне всю гастрольную ораву в эффектной обуви и поинтересовавшись, что, как и откуда, сподобился-таки сходить лично в тот же магазин попросить кроссовки для себя, жены и двух детей. Восторженные продавщицы, преданно глядя на кумира, защебетали, что кроссовки практически закончились, остались только коричневого цвета и большие размеры. Но Михаил может не беспокоиться. У него очень расторопные и заботливые друзья-музыканты, просто они, видимо, не успели ему сообщить, что вчера ходили весь день и набрали кроссовок не только на всю его семью, включая дальних родственников, но и для подшефной воинской части, для педагогического коллектива школы, где учится Серёжа, для детского сада, куда ходит Лиза, для команды «Зенит», за которую Михаил болеет, и последние двадцать пар – для ремонтно-строительного управления в благодарность за хорошо сделанный ремонт в доме, где он проживает. Кое-как Мишке четыре пары белых всё-таки находят, и он весь вечер за общим столом сокрушается: мол, что за люди – взяли свыше ста пар под его имя, неужели четыре пары жалко было отдать, чтоб не ставить никого в неловкое положение. Нашу репутацию спасла та самая девушка-товаровед, то есть наши пары продали нам самим, без использования чужого бренда.

В тот день, во время концерта все видят, как обосранные музыканты «Диапазона», преданные Анафеме, сгорая от стыда, в раздевалке перед выступлением не появились, а возникли откуда-то из-под

Фрунзе (ныне Бишкек), апрель 1986 г. Ещё внизу списка. Ничего, к октябрю поднимемся. И сильно!

дальней трибуны в момент объявления выхода Боярского и, отыграв программу, не встречаясь с Мишкой глазами, сразу со сцены, в концертных костюмах, чухнули в аэропорт.

А сами концерты – это, конечно, песня! Несмотря на то, что мы выступали без Лозы (у Юрки в эти дни родился сын) и пришлось, естественно, немного подрихтовать программу, ударный блок практически не пострадал – Валерка всё сделал. Двадцать тысяч человек очень тепло, на овациях, восприняли наши полчаса – и Мишке было очень легко работать с уже раскошегаренной публикой. Нас же приглашают посетить Фрунзе вновь, и в ближайшие два года мы там побываем пять или шесть раз. Очень нас там полюбили.

После Фрунзе – Таллин. Здесь всё по-другому. Чопорные, сдержанные эстонцы смотрят наше совместное выступление с группой «Квадро» поначалу с явным недоверием и снисхождением. Здесь уже мы во втором отделении – типа, хэдлайнеры (такого слова ещё не было). Зал «Спортхалле» не битком, но и не пустой – где-то три четверти. Худо-бедно, нам удаётся расшевелить зрителей, но поросычьего визга нет – эстонцы. Приехав туда накануне первого концерта, мы идём в очень хороший пивной бар, недалеко от Ратушной площади, где эстонец-официант по имени Волли, узнав, кто мы такие, тут же заявляет, что он берёт на себя задачу развеять миф об эстонцах как о холодных, чёрствых сухарях, для чего берёт пять дней отгулов и занимается нашей эстонизацией. К компании подключается его жена – и понеслось! Где мы только не были! Куролесили по всему побережью до утра, весь день спали, потом чистили перья, работали концерт – и всё по-новой.

В прекрасном настроении прибываем в Одессу. Программа у нас уже очень мощная, но раскрутки ещё не хватает, чтобы сразу все билеты раскупались. Вся надежда – на отзывы и слухи после первого концерта, то самое сарафанное радио. Здесь местные поступили мудро. Объявив десять концертов в зале филармонии, они за два дня до этого прокрутили нас в Доме офицеров, чтоб молва по городу пошла, а два дня мы выезжаем в Ильичёвск и ещё куда-то. Вот здесь всё и случилось.

Отснятая месяца два назад «Утренняя почта» с итальянскими пародиями выходит в эфир, как раз в дни наших выездных концертов. К середине того же дня ни одного билета в кассе уже нет, а к концу гастролей просто ажиотаж. Одесса – девушка с норовом, полюбит не каждого, но уж если полюбит, то по-южному, безгранично и со страстью.

*Итальянские
пародии*

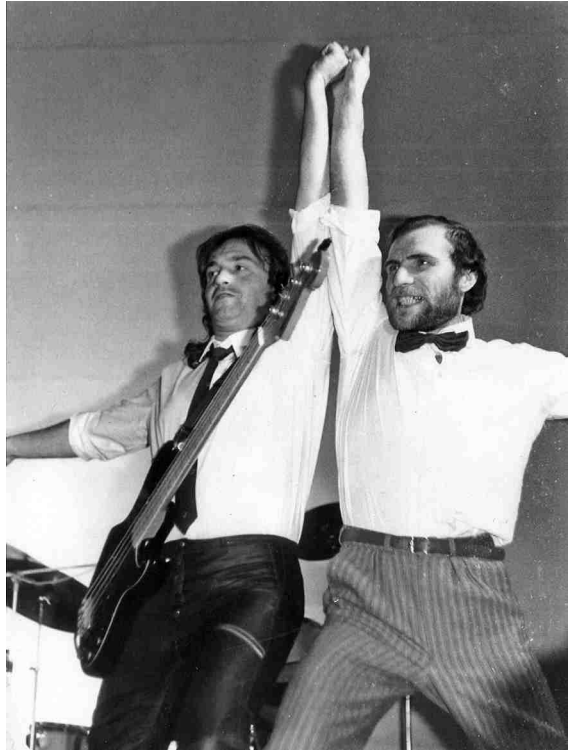
В последний день вышел конфуз. Болгарскому консулу пришлось ставить табуретку около пульта, потому что, кроме билетных зрителей, привалили родственники и знакомые работников филармонии, соседи кассиров, друзья билетёров – и всех нужно как-то распихать. Но нас это не сильно волнует, хотя и радует. Мы уже четыре дня, как проснулись знаменитыми.

Эфир «Утренней почты» сейчас, как ложка к обеду, даже нет – как кружка пива к завтраку. Аккурат с первого по девятое мая у нас объявлены концерты в Лужниках, в зале «Дружба». Я, грешным делом, сомневаюсь – не рано ли. Оно хоть и по отделению с очень сильной инструментальной группой «Мадригал», но впервые главными героями считаемся мы. Три тысячи мест на 15 концертов (в выходные и праздники по два!) – всё-таки стремновато.

Однако, если по Довлатову – жизнь опережает мечту. В Москве узнаём, что все билеты проданы, причём со свистом. Телефоны у каждого из нас, разрывают откуда-то взявшиеся одноклассники, подгруппники, соседи по дому, какие-то ещё знакомые и не очень знакомые. Но чем хороша «Дружба» – она вмещает любое количество «зайцев». Вообще, эта площадка для нас станет самой любимой, поскольку с любого места сцену видно, как в концертном зале, что очень важно для наших приколов, а обстановка стадионная, то есть можно отрываться по полной.

Моя мама нашла себе развлечение. Каждое утро она, выйдя из дома, обходит все театральные кассы в районе метро «Сокол», заводя один и тот же разговор:

- Билеты на «Зодчих» есть?
- Да нет, всё давно продано.

1985 г. «Пятая серия» снята на «Мосфильме»

– А может быть, поможете, мне очень нужно.
– С удовольствием, но правда нет, расхватали сразу.
– А может, с нагрузкой? Тоже нет?.. Ну, хоть что-нибудь, можно сделать?.. Неужели ничего?.. Хотя бы один билетик?.. Нет?.. Ну, вот и чудненько! – и гордо идёт к следующей.

В зале появляются известные люди. На одном из концертов видим футболистов «Торпедо» – Шавло, Савичева, Харина. После концерта общаемся и договариваемся о визите к ним на базу в Мячково, где даём лёгкий концерт, играем в футбол, паримся, ужинаем – всё очень душевно. Напитки, конечно, сильно отличаются от тех, что будут выпиты с теми же торпедовцами через две недели у меня дома. Но пока, у них через день финал Кубка, который они выиграют, после чего мы объявлены талисманом команды с правом прохода в служебную ложу, раздевалки и прочие святая святых.

С Генкой Ни-Ли, чуть ли не каждый день приходят ведущие журналисты, «золотые перья» «Известий», такие как Андрей Иллеш, написавший серию невысказанных по тем временам репортажей, включая собственные расследования гибели южнокорейского «Боинга» и черновильской катастрофы. Тут же Юрий Макаров, капитан знаменитой одесской команды КВН 1972 года – я с детства запомнил его гениальные фразы типа: «Сидит Марья-Искусница за прялкой и прёт», «Маша, проводи детей и дай им на дорогу. Впрочем, бить это непедагогично». Никогда не мог представить, что смогу познакомиться с этими глыбами, а впоследствии и плотно дружить. Общение с ними –

Юрий Давыдов

1986 г. Ну не шпана?

это даже не смех, это постоянная ржачка на ровном месте. В первый же вечер за столом встают Ни-Ли с Макаровым, и Генка начинает тост за знакомство:

– Вот мы с Юриком хотим сказать и выпить...

Юра прерывает:

– Он сказать, а я выпить!

И это даже шуткой не считается – так, как бы разговор. «Московский Комсомолец» переходит к освещению текущей жизни группы и теперь, так или иначе, каждую неделю рассказывает о наших гастролях, новых песнях, частной жизни, мы агитируем за перемены в стране, прогнозируем результаты чемпионата мира по футболу, обсуждаем всякие события, участвуем в устных выпусках и призываем подписываться на газету.

О нас пишут в «Собеседнике», «Смене», «Советской России» и даже в «Комсомолке», что способствует знакомству с самым известным музыкальным журналистом Юрием Филиновым (заметьте, не наоборот).

Стремительно расширяется круг музыкантов, с которыми мы пересекаемся в различных программах и тусовках, а следовательно, выпиваем и начинаем дружить. «Ария», «Круиз», «Секрет», «Альянс», «Квадро», «Браво», «Динамик», «ЭВМ», «Август», «Диалог», «Лотос», Крис Кельми, Витька Зинчук, Серёга Минаев и многие другие. Образуется новый пласт, который отвоёвывает и расширяет плацдармы на пути к вершинам успеха, невольно тесня и отжимая на обочину тех,

кто уютненько расположился на этих самых вершинах, греясь, как на солнышке, в лучах славы, при этом теряя нюх и забывая о том, что всё преходяще – надо постоянно крутить башней, подбрасывая в топку новые шлягеры, клипы, программы и прочие «дрова с углём», на которых мчится машина шоу-бизнеса. Нас, когда-то, ждёт та же участь, но пока всё очень здорово. Мы участвуем в знаковом событии – фестивале «Рок-панорама–86», первом официальном мероприятии в Москве с использованием слова «рок». Фестиваль проходит четыре дня в концертном зале Центрального Дома Туриста. На улице перед входом толпа – пройти или провести кого-то невозможно ввиду переполненности не только сидячих мест, но даже проходов, лестниц и боковых дверей. В зале избранная публика: музыканты, журналисты, критики, редакторы радио и телевидения, администраторы, творческие работники, директора концертных организаций, режиссёры программ. Обстановка, может быть, немного чопорная для рок-конcertов, но важность происходящего ощущается. Мы допускаем довольно серьёзную ошибку: вываливаем на эту богему наш коронный юморной блок – и давай их смешить. Хотя программу вполне можно разбавить парочкой серьёзных вещей, тем более они у нас есть. К счастью, в тот раз, за счёт эмоционального посыла и положения, которое группа уже заняла, проскакиваем и даже получаем приз за лучшее сценическое решение концерта. Через полтора года подобная ошибка обойдётся гораздо дороже, но об этом позже.

Полёт нормальный

Мы едем в Ужгород на фестиваль «Закарпатские узоры» уже в статусе, если не суперзвёзд, то вполне полноправных участников. Слово «фестиваль», в данном случае, имеет абсолютно иной смысл. Ежегодно в каждом регионе страны проходит культурно-массовое действо, куда десантируется толпа разножанровых коллективов и исполнителей. «Зори Кузбасса», «Тюменский меридиан», «Огни магистрали» на БАМе – звучными и красивыми названиями именуются челночные концерты, на циничном администраторском языке – «карусель». Это когда каждый коллектив, переезжая с одной площадки на другую, успевает за вечер поучаствовать в трёх-четырёх сборных программах на стадионах и в залах окрестных городов.

Такая круговерть требует особой слаженности административной группы, умноженной на расторопность и дисциплинированность коллективов. Например, мы заканчиваем одно выступление и, схватив гитары, пулей несёмся за кулисы мимо уже стоящих там джигитов

из танцевального ансамбля «Лезгинка» с барабанами и кинжалами. Не переодеваясь, запрыгиваем в отходящий автобус и видим с визгом тормозящую «Волгу», из которой проворно вылезает Розенбаум, он – сразу за джигитами. Подробно здороваться некогда, повидаемся вечером, а сейчас мчимся на следующую площадку, чтоб успеть заменить Надежду Чепрагу. И так в течение недели.

Единственный сбой происходит, когда во время одного из выступлений Розенбаума кто-то из администраторов споткнулся за кулисами и сильно распорол гвоздём руку. Приехала «Скорая», а Александр Яковлевич как раз идёт со сцены. Как он обрадовался! Отняв у опешившего фельдшера чемоданчик, посадил, не менее опешившего администратора на стул и очень быстро, не сделав ни одного лишнего движения, перетянул, смазал, замотал и соорудил абсолютно профессиональную повязку, всё время возбуждённо причитая, что медицина, в частности, скорая помощь, – это его истинное призвание, а с музыкой просто бес попутал. Колдуя над пациентом, он опаздывает на следующую площадку – возникает общий разрыв, но как-то всё утрясается: по-моему, джигиты всё это время танцевали «на бис».

В эти же дни начинается чемпионат мира по футболу в Мексике, а у нас вечерами концерты, поэтому мы отваживаемся на профессиональное хамство – ставим на авансцене в центре маленький телевизор «Шилялис», в который время от времени поглядываем.

1987 г. Кто там перед нами? Освободите сцену!

Зрители не совсем понимают, почему в начале песни «На маленьком плоту» вся группа встаёт рядом с солирующим Лозой и они вместе смотрят вниз перед собой – видимо, рассматривают плот.

Из Ужгорода переезжаем на похожий фестиваль в Ворошиловград (ныне Луганск), где впервые сталкиваемся с «Секретом». Много общаемся, выпиваем, прикалываемся, иногда даже не по своей воле. Так, на одном из стадионов мы должны выступить после «Секрета», приехав с предыдущей

1980-1988 гг. Афиши

площадки. Сцена установлена на футбольном поле лицом к центральной трибуне, заполненной до отказа. Не знаю, где были мозги у водителя автобуса, но он выезжает на беговую дорожку и, сделав круг, останавливается между сценой и трибуной прямо во время исполнения песни «Привет». Мы орём, чтобы он проехал дальше, однако мужик оказался совершенно тупорылый, и ясно, что быстрее будет выскочить из автобуса. Но такой вариант надо же как-то обыграть! Мы и обыгрываем – Сюткин хватает микрофон и начинает выдавать

Концерты, концерты...

шедевры. Сначала он благодарит шофёра за то, что тот сумел успокоить публику, показав, что «Зодчие» действительно приехали. Затем он благодарит «Секрет» за то, что они выполнили нашу просьбу: зная, что мы любим выходить из автобуса под песню «Привет», именно её и спели только что. И, наконец, главное: «Друзья! Ещё раз, не волнуйтесь – мы уже здесь! Давайте дадим молодым ленинградским музыкантам доиграть свою программу. Ещё совсем немного терпения – и мы выйдем на сцену!» Макс с Фомой**** аж крикают от злости, но ничего не поделаешь – парад приколов битья морд не предусматривает. Ответить можно только своим приколом, но здесь с нами тягаться трудно. Начал было вякать директор «Секрета», но тут же отвякнул: с ним у нас разговор короткий – это музыкантские разборки. Вечером за коньячком «секретовцы» официально поднимают лапы – эту шутку им в ближайшее время не перешибить. Вообще, с ними очень классно: они в то время отыгрывают битловскую тему – на людях появляются только в одинаковой одежде с обязательными красным галстуком и улыбкой на лицах, ходят везде вчетвером, им запрещается хмуриться, спорить между собой, иметь задумчивый вид – ливерпульцам всё это чуждо.

Возвращаемся в Москву и вводим в программу Саню Белоносова, защитившего диплом МИЭМ и наконец созревшего для работы. Конечно, по сравнению с аккуратным, скромным, но совершенно некреативным Игорем Лосевым это прорыв. К счастью, Игорёк сам понимает, что уже не тянет, поэтому прощаемся дружески.

Лично мне гораздо тяжелее далось расставание с Попусей. При всех своих тараканах, он музыкант от Бога, мы с ним в общей эстетике и взаимопонимание полное. Но он постепенно испортил отношения с большинством ребят, к тому же Валерка давно пропихивает на сцену Андрюху Артюхова по той же самой причине, по которой я не хотел расставаться с Лёшкой: они вместе играли в «Телефоне», на одном музыкальном языке изъясняются, помешаны на «Police» – и я с битловско-пинкфлойдовским мышлением для них уже не современен. К счастью, Белоносов умело демпфирует эти пока ещё незаметные противоречия, находя язык со всеми. Так или иначе, наш «золотой» сценический состав принимает окончательный вид. У группы в целом хватает мудрости недостатки превращать в преимущества, решая проблемы и разногласия не в «лобовую», где обязательно есть победивший и проигравший, а направляя их по такому обводному маршруту, чтобы на выходе получать устраивающий всех вариант. Принято несколько постулатов. Так случилось, что в коллективе собрались разноплановые музыканты, каждый из которых тащит за собой свой сегмент публики.

**** Максим Леонидов и Николай Фоменко.

1986-1988 гг. «Ждём, ждём автобуса...» («Автобус №86» в разные годы и в разных составах)

Следовательно, любую вещь надо представлять в таком виде, чтобы она хоть как-то устраивала всех нас, а стало быть, и всех зрителей. Для этого каждый имеет право вето на любое произведение. Единственное условие, что это «вето» должно быть как минимум аргументированным, а в идеале сопровождаться рекомендацией, как его улучшить. Такая схема на самом деле очень здорово фильтрует программу, к тому же щадит самолюбие всех участников группы. А в ней, на секундочку, четыре руководителя: трое бывших – Лоза в «Примусе», Сюткин – в «Телефоне», Белоносов – в «Форуме», ну и я, раб божий, – действующий.

Слава Всевышнему – дал мне в досталь мозгов понять, что не руководить надо этими талантливыми и самодостаточными музыкантами, а создать общую атмосферу, где каждый может раскрыться, максимально обогатив общее дело. До поры это удаётся. Сашка Белоносов «на свежака» вносит очень живую струю. В частности, мы с ним разрабатываем и доводим до реализации «Смычок и струны» Сергея Минаева на стихи Иннокентия Анненского, где вдвоём с Родькой, по старой памяти, воссоздаём скрипично-виолончельный дуэт. Также очень классно получаются две песни на стихи Сергея Патрушева: моя «Юла» и Сашкина «Зимняя ночь в Москве» – на мой взгляд, лучшая песня группы за все времена. По крайней мере, для меня она любимая. Как-то получилось, что мы её так и не записали. К счастью, хоть в концертном варианте она зафиксирована.

Первый раз в этом составе снимаемся в «Утренней почте» с «Автобусом №86». В то время съёмки незамысловаты. На улице Красная Пресня собираемся на обычной автобусной остановке, кто-то, севши на плечи товарища, дорисовывает в табличку маршрутов «86», и мы, по сути, воспроизводим концертное исполнение песни плюс втискиваемся в каждый проходящий автобус и вываливаемся из него, пугая пассажиров – при монтаже всё подправят как надо. На всё про всё ушло минут двадцать. В начале августа передача выходит в эфир – и «Автобус» становится песней месяца в хит-параде «Звуковой дорожки».

«Смычок
и струны»

«Юла»

«Зимняя ночь
в Москве»

Лука пришёл

В это время мы в Чернигове открываем только что построенный Летний театр. Не худший вариант для такого события – народу битком, концерты классные. К нам присоединяется последняя знаковая фигура того состава – звукорежиссёр Коля Лучин по кличке Лука, которого Семён Фрадин выдернул из коллектива Валерия Леонтьева.

Колька совершенно уникален. Родом из города Стаханов Луганской области. Будто сошедший с карикатуры на петлюровских казаков – худой, вислоусый, жилистый, с высоким пронзительным голосом. Речь полурусская-полуукраинская плюс необычайно активная манера говорить. Звукорежиссёр от Бога. Эта позиция в группе одна из важнейших. Попробуйте «поймать» звуковую картинку (при живом, естественно, исполнении) в постоянно меняющихся залах, угодить артистам, создать кайф зрителям – и всё это под градом падающих по делу и не по делу шишек. Сама жизнь делала этих людей хитрыми хамоватыми жлобами. Недаром существует популярная музыкантская шутка-загадка: кто такой – холодный, скользкий, без ушей? Ответ – звукорежиссёр.

Нам просто фантастически повезло. Талантище редкий, высочайший профессионал, к тому же дикий прикольник. Боже, что он вытворял! Ну вот, например, один из его подвигов, правда, немного забегая вперёд.

Ялта, отмена концерта на открытой летней площадке из-за проливного дождя. Классический День артиста. Коллектив отмечает его с курортным размахом. Все сокровища Крыма на столе.

Звукорежиссёр Коля Лучин (Лука).

Выпивать начали днём, к вечеру потянуло на приключения. Решили пойти купаться. От набережной в море отходят пирсы, с одного из которых мы и решили понырять. Вокруг ни души, лишь на соседнем пирсе одинокий рыбак в плащ-палатке и фуражке, явно бывший военный, уткнулся в свою блесну, нас

не видит. А Лука, кроме прочего, ещё умел проныривать под водой невероятно большие расстояния.

Он и прыгнул первым. Через какое-то время наблюдаем картину: Лука выныривает перед самым дедом, через несколько мгновений опять уходит под воду, после чего дед в буквальном смысле сматывает удочки и пулей несётся на берег.

Колька возникает из-под воды и разъясняет сюжет: «Я выныриваю, гляжу – дед передо мной и на меня тоже вылупился. Я говорю:

– Здорово, дед! Микроплёнки принёс?

– Чего?

– Чего-чего! Микроплёнки принёс, говорю?

– Нет.

– Как нет? Это Одесса?

– Нет. Ялта...

– Ой, тогда извини, – и ныряю обратно».

Нас судьба хранила. Были звукачи чуть получше, чуть похуже, но всегда отношения выстраивались правильно, причём на взаимной основе. Володя Чижов, Саня Абрамов, позже Саня Шоболов – все они в первую очередь любили группу и музыку, которую мы вместе делали. Но Лука – это отдельная книга, при нём мы, как у Христа в наушниках! И это всё на позитиве и приколе. Выступаем в Лужниках в большом сборном рок-концерте, где кроме нас ещё пять или шесть групп. А у звукачей своя жизнь, свои понты, они все у пульта, весь концерт друг другу что-то подсказывают и друг перед другом выпендриваются. Одеты обязательно с подчёркнутой принадлежностью к музыкальной тусовке и к данному концерту. Либо, зачем-то, яркая кепка в помещении, либо длинный шарф, либо солнцезащитные очки в темноте – кто во что горазд. Собираются они, как правило, днём, задолго до концерта, выверяя для своей группы каждую ручку, каждый инструмент, каждый тембр и потом зорко отслеживая, чтобы никто эту настройку не сбил. А Лука нас приучил вообще не настраиваться перед такими концертами. Мы спокойно приезжаем к началу, переодеваемся и ждём выхода. Нас объявляют. Лука в это время в районе пульта, скромно стоит в сторонке. Мы выходим на сцену. Дальше рассказывают очевидцы. Лука вежливо просит эту заносчивую братию посторониться и пропустить его к пулту, объяснив, что он звукорежиссёр «Зодчих». Ошалевшая тусовка расступается, недоверчиво глядя, что будет делать этот странноватый человек, появившийся без предварительной настройки, одновременно с группой. А у нас первая песня «Металлист Петров», начинается на одних клавишах, осталь-

ные вступают позже. Так вот, Лука встаёт за пульт и первым делом двумя локтями убирает все тщательно настроенные ручки вниз, на «ноль», оставляя только канал, на котором те самые клавишные. У всех волосы дыбом, раздаётся общий отчаянный вопль:

– Что ты делаешь?

На что Колюня невозмутимо отвечает:

– Ребят, вы сюда не смотрите! Вы туда смотрите, – показывает на сцену, – там сейчас кайф будет. А сюда не беспокойтесь, всё верну в нужном виде – лучше, чем было!

Вот такой подарок нам подвалил.

Если звёзды зажигают...

В сентябре мы опять во Фрунзе, на том же стадионе, но уже в полном составе с Лозой и пополам в программе с «Машиной времени». Конечно, безумно интересно, потому что, кроме Лозы, остальные с «машинистами» не знакомы – это досадное упущение навёрстывается довольно быстро и в течение первой же ночи после концертов переходит в очень весёлое, хмельное, настоящее рок-н-рольное общение, с песнопениями, девушками и обязательным нарядом милиции, вызванным соседями по гостинице, которые к приезду стражей порядка уже сидят с нами за столом, да и сам этот наряд, согласно восточным тра-

дициям, не смеет обидеть нас отказом от ста пятидесяти грамм каждому.

Ансамбля «Диаметр» в этот раз нет, поэтому книги, кроссовки и прочий хрусталь никто не отслеживает. Мы просто наслаждаемся временем, проводимым вместе. От битлов и футбола до армрестлинга и ночных поездок куда-то и зачем-то. «Витязи» – они везде «Витязи». Маркар, Кутя, Заяц, Макс Капитановский, директор «Машины» Валера Голда –

1986 г. Фрунзе. Концерты с «Машиной времени».

правофланговые рок-тусовки. Мы стараемся соответствовать и не отставать от старших товарищей. Судя по всему, кастинг мы проходим. По крайней мере, в Москве, время от времени, начинаем встречаться без специальных поводов.

Следующие гастроли у нас в Ленинграде – четыре концерта в зале «Октябрьский». Приглашаем с собой Гришу Гладкова – во-первых, здесь он начинал, во-вторых, очень здорово работает вставным номером, к тому же безумно прикольный. Сразу с поезда идём на радио записывать интервью – Юрка, Валерка, я и Гришка. Интервью он даёт очень своеобразно: о чём бы его ни спрашивали, говорит только то, что кажется важным ему. Например, на вопрос, что он написал в последнее время, он пространно рассуждает о давно назревшей необходимости пересмотреть систему оплаты артистов и авторских отчислений. Следующий вопрос – о ближайших творческих планах – сподобил Гришу рассказать, как у знаменитого Эдуарда Успенского, придумавшего Чебурашку и Крокодила Гену, власти пытались отнять валютную премию за победу на престижном кинофестивале, точнее, не отнять, а поменять на рубли по официальному курсу: один доллар за шестьдесят три копейки. Получив категорический отказ, вызвали его в известное мрачное здание в центре Москвы на уже более серьёзное толковище:

- Вы должны сдать валюту!
- Покажите, где это написано.
- Стране нужна валюта!
- Но мне она нужна не меньше, чем стране.
- Вы же советский человек!

– Да, я советский человек, но я жадный советский человек! – и всё в таком духе. Слава Богу, что интервью в записи, а не в прямом эфире. Гриша всю обратную дорогу аргументировал свою позицию – дескать, какое дело радиослушателям до его новых песен, а тем более, какое ему дело до того, какое дело радиослушателем до его новых песен. С Гришей сильно не поспоришь!

Глава VIII. Фантастическая ночь

Придя в гостиницу «Октябрьская», видим в фойе футболистов «Динамо» (Киев) – у них вечером матч с «Зенитом». Прямо как с картинки: Блохин, Заваров, Бессонов, Демьяненко, Беланов, Баль, Рац – короче, все звёзды.

Вспоминаю, как две недели назад, во Фрунзе, Кутиков рассказывал, что они в Одессе провели вечер с Демьяненко и Балем, оказавшимися потрясающими ребятами. Не теряя времени, подхожу к Демьяненко, отзываю в сторону, представляюсь и говорю, что, мол, так и так, имеем взаимные рекомендации от «Машины времени» и были бы рады познакомиться. Толя слегка удивлён, но как раз в этот момент меня дёргает за рукав кто-то из гостиничных и умоляет достать на сегодняшний концерт два пропуска. Вот уж вовремя тётка сработала! Толя представляет меня Андрею Балю и Володе Бессонову. Договариваемся, что вечером, после матча и концерта, встречаемся у них в номере. В назначенный час с Валеркой и Максом Миссиным (Лоза почему-то не смог!) собираемся и размышляем, что брать с собой – они всё-таки спортсмены. Решаем из вежливости взять бутылочку шампанского. Заходим к ребятам, там кроме уже знакомой троицы ещё двое «молодых» киевлян – Лёша Михайличенко и Володя Горилый.

Смущённо ставим на стол свою бутылку. В ответ слышим: мол, зря вы, у нас всё есть – открывается холодильник, полный шампанского, причём бутылки не стоят, а сложены штабелем доньшками к дверце. На столе небрежно лежит блок «Мальборо». Мы смущаемся ещё больше, ребят это очень забавляет. Откупориваем, начинаем. Никакого барьера преодолевать не приходится ввиду его отсутствия. Взаимная доброжелательность, футбольные и музыкальные байки, анекдоты, неиссякаемые запасы шампанского, дым коромыслом – обстановка волшебная. Я разговорился с Андреем Балем и просто поражён, насколько он мудрый, эрудированный и глубокий парень с колоссальной внутренней культурой. В разгар веселья распахивается дверь и влетает Саша Хапсалис – их бывший партнёр по команде, оказавшийся в этот день в Ленинграде: «Быстро собирайтесь и поехали! Подруга моей девушки сегодня вышла замуж за одного из «Лицедеев», они сейчас отмечают!»

«Лицедей»! Потрясающий коллектив клоунады и пантомимы, или официально – мим-театр. Они в тот момент на самом гребне, а их миниатюры «Асисяй», «Низзя!», «Блю канари» уже стали хрестоматийными. Год назад Костя Воробьёв сводил меня на их концерт, после которого я несколько дней находился под впечатлением: как можно вытаскивать такую уйму кайфа практически из ничего. Конечно, срываемся с места и едем, но не всем составом. Встречаясь сейчас с Олимпийским чемпионом, заслуженным мастером спорта Алексеем Михайличенко, мы всегда со смехом вспоминаем, как Демьяненко сказал ему: «Лёсик (так его звали в команде)! Нам с Бесом и Балем уже ничего не будет, а вы ещё молодые – если Васильич (главный тренер киевлян, легендарный Валерий Васильевич Лобановский) засечёт, будут неприятности. Поэтому мы вас не возьмём – идите спать».

Выходим на ночные улицы, ловим такси, едем куда-то на Васильевский остров, находим старый дом, поднимаемся на этаж и попадаем в классическую ленинградскую коммуналку о пятнадцати комнатах. Это общежитие Ленинградского мюзик-холла – известного, постоянно выезжающего за рубеж коллектива, в котором танцуют подружка Хапсалиса вместе с невестой. Торжество в самом разгаре. Как это описать? Человек двадцать «Лицедеев», причём они, как выясняется, из образа не выходят и даже не носят гражданскую одежду. Слава Полунин всклокоченный, Роберт Городецкий в цилиндре, Лёня Лейкин гоняется за всеми с воплем «Низзя!!!», Аня Орлова со своей знаменитой накладной задницей лимонного цвета каждого вновь прибывшего встречает прощальным па из «Умирающего лебедя» и садится на шпагат.

Помните фильм «Как стать звездой?», где эти самые «Лицедей» штурмуют идущий по улице трамвай и обустроиваются в нём с примусами, плитками, кастрюлями и другими бытовыми атрибутами? Примерно то же самое происходит здесь – всё ходит ходуном, они постоянно что-то разыгрывают: то взятие Бастилии, то приезд индийского султана, то запуск Гагарина в космос, то погоню по всей квартире за сбежавшим с плантации негром. Даже стола как такового нет, есть несколько точек, где можно что-то выпить и чем-то заесть. Мы, конечно, более привычны к подобным апокалипсисам, чем киевляне – они немного ошарашены и невольно жмутся к нам, тем не менее, с живым интересом наблюдая за происходящим. Оказываюсь рядом с Полуниным, выпиваем, общаемся. Слава подмигивает мне, кивая в сторону своих: «Не хочешь таким коллективчиком поруководить? – и, обращаясь к киевлянам, – или Валерию Васильевичу предложите».

Как только эти сумасшедшие малость уgomонились, на авансцену выдвигается в полном составе мюзик-холловский балет – два десятка профессиональных красавиц со своими ухажёрами и без – с не менее безумными танцевальными импровизациями. Только ноги взлетают к потолку и мелькают перед нашими носами. Справедливости ради, в тот вечер всё проходит абсолютно целомудренно – обстановка гораздо интереснее, чем стандартный адюльтер.

Где-то часа в три собираемся в гостиницу: в шесть киевлянам ехать в аэропорт. Вот незадача: забыли, что мосты разведены. К счастью, таксисты попадаются бывалые, знают про какой-то мост, который то ли не разводится, то ли сводится ненадолго посреди ночи. Правдами-неправдами, но в четыре утра в гостинице тепло прощаемся с парнями – всем уже ясно, что эта встреча не последняя.

Глава IX. Коля Васин

Следующим вечером на концерт в полном составе подваливают «секретовцы». Я прошу их отвести меня к легендарному Коле Васину – официально битломану №1 в СССР. Это, оказывается, совсем рядом с «Октябрьским». После концерта Андрюха Заблудовский вызывает меня проводить – и вот мы уже во дворе-колодце, входим в подъезд, поднимаемся на верхний этаж, звоним в дверь и оказываемся опять же в старой коммуналке, не такой, правда, большой, как накануне, но со всеми атрибутами, как-то: велосипеды и корыта на стенах, сундуки в коридорах и бельё на веревках в кухне. Преодолеваем на цыпочках эту преисподнюю и открываем ещё одну дверь – в Колину комнату. А вот и он сам – шумный, позитивный, искрящийся бородач, типаж Гришки Распутина, только весёлый. Мне требуется минут двадцать, чтобы прийти в себя: юношеская неокрепшая психика не в состоянии выдержать удар такой силы. Комната метров пятнадцать-семнадцать, не больше, с высоким потолком. Под этим потолком, где-то сверху, сварганены полаты, на которых Коля спит. Всё остальное пространство комнаты посвящено «Битлз». Я уж не говорю про диски, общие и сольные, фотографии, плакаты, фигурки, чашки, значки и майки. На огромных стеллажах стоят собственноручно сделанные альбомы с битловскими вырезками из газет всех времён и народов, все фотографии, рисунки, карикатуры и даже некоторые личные вещи. Заметьте, что на дворе восемьдесят шестой год, чуть-чуть отпустившая вожжи,

но вполне ещё себе Советская власть, и где всё это Коля берёт – одному Богу известно.

Зато всем известна и обросла легендами история главного шедевра этого дома. В 1970 (одна тысяча девятьсот семидесятом) году широко проходили всенародные торжества по случаю столетия В.И. Ленина. В том же году, девятого октября, не менее шумно и широко, правда, в очень узком составе, несколько ленинградских продвинутых битломанов во главе с хозяином дома отмечали тридцатилетие Джона Леннона. Отмечали, как водится, портвейном, песнями и просветлёнными разговорами в тему. Когда портвейн закончился и стало ясно, что надо бежать за добавкой, кто-то высказался в шутку, что забыли Джону телеграмму направить. В ином случае шутка так бы и осталась шуткой, но в этот день что-то щёлкнуло... короче, всей толпой попёрлись на телеграф и нацарапали на бланке несколько английских благостных фраз по случаю. Адрес также выглядел весьма условно, типа: «Нью-Йорк, Джону Леннону». Да разве в этом дело? Сам факт был настолько прикольным (а по тем временам очень даже смелым и дерзким), что, дозавраившись портвейном, почтенное собрание продолжило вечерять, умиляясь собственным креативом и отвагой.

Отпраздновали и вернулись в обычную жизнь, в которой Коля полурботал в какой-то школе художником-оформителем, чтобы платить за квартиру, то бишь за комнату, а в свободное время расширял коллекцию битловских артефактов. История стала забываться, как вдруг ему приходит извещение с просьбой явиться на Почтамт получить бандероль. Коля сильно забеспокоился. Почтовые отправления приходили ему довольно часто, но согласитесь, что повестки в милицию на жалобы от соседей и бандероль – это разные вещи. Тем не менее, собрался. На месте выяснилось, что за получение этой самой бандероли надо заплатить пошлину в размере пятнадцати копеек, а их у Коли отродясь не было. Клюкву и грибы он собирал сам, а водку приносили битломаны. Каким-то образом он нашибал требуемую сумму, в обмен на которую ему вручили плотный квадратный пакет с иностранными штемпелями. У Коли душа отделилась от тела. Ни жив ни мёртв, на негнущихся ногах, он добрёл до дома, ещё более негнушимися и дрожащими пальцами вскрыл упаковку (сохранена и подклеена в один из альбомов) и извлёк самый настоящий диск Джона «Plastic Ono Band» с автографами, а именно:

*«Kolya Vasin,
All the best
John & Yoko».*

Так становятся героем и андеграундовой достопримечательностью Ленинграда, а позже Санкт-Петербурга. Я слышал про него в Москве и безумно рад убедиться, что Коля Васин существует на самом деле. Он приглашает нас за стол, где чинно располагается хиппово-разношёрстная компания, берёт из моих рук принесённую бутылку водки, звучно целует её (это обряд), открывает, разливает, после чего отворяет шкаф с пластинками и надписью на створках – «СЛУШАТЬ ГРОМКО». Воцаряется божественная атмосфера музыки, добра и всеобщей любви, в которой незаметно проходит ночь.

Глава X. Супергруппа

(1986 – 87 гг.)

Очень интересно складывается ситуация с концертами в зале «Октябрьский». Четыре выступления по отделению, с одним из героев уходящей эпохи Альбертом Асадулиным, вошедшим в историю музыки через главную роль в нашумевшей зонг-опере Александра Журбина «Орфей и Эвридика». Пел он там классно, но в самой опере отсутствовали яркие мелодии, по крайней мере ни одну арию нельзя оттуда выдернуть для отдельного исполнения в концертах. Та же история с Эвридикой-Понаровской, которая, будучи у всех на слуху, как и Асадуллин, не ассоциируется ни с одной по-настоящему популярной песней. Но Понаровская хоть внешность и наряды постоянно меняла, заставляя, к тому же, всех следить за перипетиями своей личной жизни. А у Алика и этого не было. Вот и получилось, что к нашим концертам он подошёл с остаточным пафосом, умноженным на отсутствие востребованного публикой репертуара. Тем не менее, он требует для себя второе отделение, на что мы, пожав плечами, соглашаемся. Нам то реально всё равно, а на что он рассчитывает – непонятно. Это очень жестокие игры, где нет правых и виноватых, а есть только законы, которые преодолеть не дано, а нарушать крайне болезненно. Поэтому, когда народ во втором отделении начинает валить из зала толпами, мы от души сочувствуем Алику, но помочь тут нечем. На сегодня наша программа на порядок веселее и зрелищнее, а «вчера» и «завтра» на эстраде не существует. Перед вторым концертом он заходит к нам в гримёрку и смущённо бормочет, что в зале не совсем его публика, в связи с чем, не против ли мы петь после антракта. Асадуллина мы искренне уважаем, поэтому горячо и искренне врём, что публика нормальная,

просто после нас она очень устаёт и ей трудно воспринимать высокое искусство, которое Алик представляет. Тот вроде верит в наши спасительные формулировки и, ободрённый, успокаивается. Говорю же – игры жестокие. Мы ведём себя в подобные моменты крайне щепетильно, что для шоу-бизнеса редкость. Как бы там ни было, но остальные концерты выстроены правильно и проходят на «ура», причём Алик тоже получает свою долю уважения и аплодисментов.

А нас приглашают через месяц повторить «Октябрьский», только уже на десять сольных концертов без всяких вставных номеров. К этому времени мы абсолютно крепкий, обкатанный коллектив с мощной, выверенной до мелочей программой. Полгода выступлений на больших концертных площадках с ведущими артистами дали свои плоды.

Сам чёрт не брат, не боимся никого и ничего. Даже не то, что не боимся, а просто безумно кайфуем от волшебного чувства безграничной уверенности в себе и в том, что мы делаем. Что бы ни случилось, концерт пройдёт здорово. Кому-то больше понравятся Юркины песни, кому-то – Валеркины опусы в стиле new-wave, кому-то – наши с Белососовым изыски, а ещё у нас смешные и острые тексты в «Кунсткамере», прикольные сценки, мощное Генкино соло на ударных и объединяющие все вкусы итальянские пародии, «Баба-Люба», «Спи, малыш», которые срывают зрителей с мест в финале каждого концерта.

Где-то с середины года обращаем внимание, что оставшиеся по каким-либо причинам пустые кресла в зале становятся весьма редким явлением. У служебного входа народу уйма, автографы, фото на память, приглашения в гости. Кое-кого и мы, грешные, к себе приглашаем. Время и успех группы стёрли противоречия между «Пердунами» и «Витязями», поэтому первые не считают зазорным подсобить вторым. Они заходят в гостиницу первыми и отвлекают администраторов цветами, а охранников вопросами типа «Как пройти в библиотеку?» или «Как позвонить в Москву?», в то время как «Витязи» расфасовывают приглашённых девушек по лифтам и номерам. Журналисты теперь за-

Г А С Т Р О Л И

(Дополнительные концерты по просьбе зрителей).

**Лауреаты Московского
конкурса артистов эстрады
вокально-инструментальная
группа
«З О Д Ч И Е»**

22, 23 августа — в летнем театре (городской парк).

Начало в 17, 19, 21 час.

Производится предварительная продажа билетов.

Я же не вру! Осталось вспомнить, сколько было до этого, а главное – в каком городе.

ранее подходят к Максиму Миссину, чтобы договориться об интервью. Гастроли мы тоже выбираем сами, ездим только куда хотим, исходя из целесообразности, удобства и заработков. Заставить нас что-то делать невозможно, только убедить.

Всё в конце концов сходится в одной точке – молодость, талант, колоссальная работа, преодоление трудностей, помощь добрых людей, вовремя подоспевшая удача. Вот он, долгожданный успех! Мы на вершине!

Сказка становится былью! Причём не русская народная сказка, а западная – в традициях братьев Гримм, Андерсена, Перро... В чём разница? Если взять западную сказку, то путь к счастью лежит через преодоление реальных страданий и серьёзных трудностей, в крайнем случае, через тяжёлый труд. И даже это не гарантирует успеха. Яркий пример – «Стойкий оловянный солдатик». А теперь возьмём типовую русскую народную сказку, где отец и два старших брата вкалывают с утра до ночи, а Ванька-дурак лежит на печи и чешет яйца. Потом происходит нечто. Либо с роднёй поругается, либо мать взмолится – мол, не могу больше взрослого здорового бугая на себе тащить. Идёт Ванька по лесу и в первый раз в жизни кручинится-печалится: так хорошо всё было, а здесь такое. Но судьба не позволяет ему успеть ни гвоздь вбить, ни дерево посадить, ни хлеб посеять. Ни с того ни с сего, на него обрушивается Великая Шара-Халява (варианты – царевна-лягушка, царевна-лебедь, стрела, пущенная наугад и попавшая куда надо, сапоги-скороходы, ковёр-самолёт, скатерть-самобранка, по щучьему велению, на худой конец – обычная волшебная палочка). И что в итоге? Ванька в шоколаде, а отец с братьями как вкалывали за недорого, так и вкалывают. А есть ещё более чудовищные. Например, сказка «Про вершки и корешки», где хитрый и как бы смекалистый мужик дурит во все дыры медведя – своего честного и трудолюбивого партнёра-компаньона-соратника.

Дети смеялись, а мне за Мишку было всегда обидно. Эдакий подход к жизни закладывается в раннем детстве на подкорку и ничем его потом оттуда не выковырять. Вот и появляются в наше время пирамиды шаровых, якобы доходов (помните – «мы сидим, а денежка идёт»), «ты не халявщик, а партнёр») и залихватские песенки типа «Вся жизнь впереди, надейся и жди!» Я подозреваю, что Пушкин, повзрослев, переосмыслил всю эту ахиною, которую в детстве ему рассказывала няня Арина Родионовна, и написал несколько сказок по классическому образцу: о Царе Салтане, о Попе и работнике его Балде, про Золотую рыбку и ещё несколько. Но в любом случае все эти сказки обрываются на счастливом конце.

Гастральная жизнь без прикрас

А наша сказка движется дальше уже по законам реальной жизни. Начинается обычный младенческий прилив звездячего идиотизма. «Никто нас отсюда уже не сбросит!.. Мы будем здесь всегда!.. Каждая следующая песня будет лучше предыдущей!..» Всё вышеперечисленное является основной темой наших ночных посиделок.

Похмелье уже не за горами, но мы об этом не знаем. К счастью, а может быть и к чести группы, наш «звездняк» проходит, в общем-то, по касательной и наружу практически не выплескивается. Наоборот, мы по-прежнему – центр тусовок во всех программах, фестивалях, совместных концертах. Зачинщик всяких активностей Макс делает группу всегда открытой для дружеского общения, весёлых приключений, хороших компаний, доброго вина, вкусной еды и красивых девушек.

Не менее комфортно и интересно внутри коллектива. Вопреки всяческим стереотипам, пьём мы далеко не каждый вечер. Днём или перед концертами и говорить нечего – один раз попробовали, случай описан выше. Наркота, даже в курительном варианте, не говоря о большем, к нам не прилипла. В культурную степень возведён обязательный ежедневный футбол. В группе собрались заядлые игроки – Лоза, Сюткин, барабанщик наш Генка Гордеев, практически вся техническая группа. Начиналось всё в охотку, но скоро мы поняли, что, помимо хорошей спортивной формы, это ещё чудесным образом растворяет и гасит потенциальные конфликтные ситуации в коллективе (куда бы без них!) – всё остаётся на поле.

ФОТОКОНКУРС «ЗД»

ЧЕСТНО говоря, мы никак не ожидали, что первая фотография этого тура вызовет у читателей небольшие слезинки. Первый поток писем — и первые ошибки. Многие (более 30 процентов) конкурсантов указали, что на фотографии изображен ансамбль... «Автограф» Другим были абсолютно уверены, что на снимке — «Фок-Ателье». Два ответа были таковыми — на фотографии группа «Би Девы». Еще два участника с неправильными ответами предадут в будущем организовывать подобный фотоконкурс по зарубежным исполнителям. Подождите с зарубежниками, тут спохватно мы не знаем.

Вторая фотография двенадцатилетней давности оказалась более известной. Видно, читатели вспомнили обложку дебютного альбома ансамбля «Цветы» (ЗСД — 00010119). Помните? Песня «Честно говоря» С. Дьячкова, «ты и я» А. Досева, «Аполловова» О. Фельдмана. Их назвали в те годы воя Москва. Кстати, может быть, еще не все знают, что тот памятный альбом был первой записью в жанре ВИА, выпущенной на фирме «Мелодия». Было это в 1974 году. В том же году и сделана вторая фотография, на которой изображены (справа направо) Стас Намин (гитара, вокал), Сергей Дьячков (клавишные, вокал), Юрий

Фокин (ударные), Александр Лосев (бас-гитара, вокал) и Андрей Чинчиный (состав группы Стас Намин смогил, естественно, не все). Да это традиционно и неслучайно. Ведь летом 1987 года коллектив разделился на три части: группу экспериментальной джазовой музыки, рок-группу «Парк Горького» ансамбль «Цветы». Наиболее полный ответ на вопрос дал читатель Всеволод Баронкин, за второй тур он получает заслуженные 10 баллов, и в сумме у него теперь 19 баллов.

Лишь один автор, точнее, целая семья Алевых с Натановской набережной, дал абсолютно точный ответ на оба вопроса. Среди лидеров 1-го тура Алевых не было, а во втором они получают 10 баллов.

Теперь вновь вернемся к первой фотографии (она как и в 1-м туре, взята из архивов фотокорреспондента Сергея Гуревича). На ней изображен ансамбль «Круиз» и список классических составов 1982 года: Сергей Сарычев (клавирные, вокал), Александр Мокин (вокал), Владимир Ганин (гитара), Всеволод Корюков (ударные, вокал), Александр Миничин (бас-гитара). Лишь один Всеволод Баронкин абсолютно точно указал не только год снимка, но и точную дату (20 апреля) и место, где была сделана фотография (концерт-

ный зал ЦДТ). Другие участники конкурса, правильно указавшие группу и состав, ошиблись в дате снимка на один-два года. В следующем «Круизе» кроме Валерия Ганина играют Федор Васильев (бас-гитара, клавирные) и Сергей Ефимов (ударные).

Итак, по итогам 2-го тура 10 баллов получает (кроме новинки) Вячеслав Сафронов, С. Фролов, В. Борисов, В. Колпиков (в прошлый раз был случайно упомянут его фамилию в числе лидеров), Александр Павлушин (у него теперь 18 баллов), Игорь Левченко и Н. В. Зорин (у двух последних по 20 баллов). А также их оторвали пришло в третий раз приема отелей) И. Талшиев, К. Галицкий (каждый в сумме 20 баллов), Стас Титов, В. Иванов и Юрий Гарин-Борисов.

По 9 баллов у А. А. Муравлева, В. Скворцова (они указали участников ансамбля без имен и невольно ошиблись в деталях), В. Филатова, Ю. Кузнецова, А. Рединева, И. Доборняковой, А. Ситни, В. Вулченкова, Генриды, Середы (итого 18), А. Лишарен, А. Шевелева (итого 19). В этот раз получило много конкурсантов получили по 8 и 7 баллов. А вот Дмитрий Маллаеву на сей раз просто не повезло. Будучи среди лидеров 1-го тура, во втором он получил лишь 2 балла. Но

ему, как всем остальным, расстраиваться не стоит.переди еще 4 месяца упорной борьбы.

ТЕПЕРЬ о заданиях 3-го тура. На первых двух фотографиях, помещенных под цифрой «1», изображены один и тот же музыкант Спорт и Музыки занимают в его жизни одинаковое место. Кто это? Музыкант? В какой группе он играл на бас-гитаре (сейчас в качестве профессионального музыканта, кто он играет на другом инструменте) и в каком году?

На фотографиях под номером «2» помещены фотографии еще двух бас-гитаристов, играющих на необычных для рок-музыкантов инструментах. Кто эти музыканты, как называются ансамбли, где они играли как называются инструменты, что вы видите на снимках Валерия Фролова? Тот снимок узнавать не надо — обе фотографии сделаны в прошлом году.

ОТВЕТЫ, как обычно, пишите на открытках (конверты не распечатываем). В связи с недостаточностью качественной работой московской почты ответы рассматриваем отправление в течение 2-3 дня после публикации. Крайний срок отправки открыток (по почтучему определению) — одна неделя. Не забывайте сделать пометку — «3-й тур».

1.

a)

b)

2.

a)

b)

Я среди рок-музыкантов, играющих на классических инструментах

Когда работа в радость

Короче, в поездках, в ту пору продолжительных, было узаконено – ежедневно, в одиннадцать утра, все собираются в холле гостиницы в экипировке и с мячом, независимо от времени года и формата проведённой ночи. За опоздание – штраф: одна минута – три рубля, десять минут – пять рублей. Опоздальческие штрафы в эстрадных коллективах не редкость, наше ноу-хау заключалось в другом. Деньги с

1987 г. Обязательный утренний футбол

проштрафившихся шли не в «чёрную» кассу, не на нужды коллектива, а тем, кто пришёл вовремя. Например, из шестнадцати человек трое опоздали на десять минут, а один – чуть-чуть. Стало быть, двенадцать дисциплинированных заработали по полтора рубля. Специальный человек вёл учётность, и в день зарплаты оглашались итоги – порой весьма серьёзные. Но главное в другом. Такая система исключала злобу и скандалы в отношении опоздавших – наоборот, их встречали радостными воплями, опаздывайте, ребята, на здоровье. Все эти навыки

по установлению клёвой атмосферы в музыкальном коллективе (чем «Зодчие» славились) работают в течение всего периода существования группы. Когда в каких-то ситуациях другие охотно делают из Мухи Слона, мы всегда интуитивно делаем из Слона Муху.

Как-то мы с Андрюхой Родиным зарубаемся на бросание курить. Договариваемся, что если кто кого поймает, то застуканный

1987 г. Андрей Родин

должен отдать следопыту десять рублей. Ну, со мной Родьке долго возиться не пришлось. Во время первого же перерыва он находит меня на чердаке у пожарной лестницы – и игра сделана. Но тусовка, ожидавшая увлекательного и закрученного триллера, разочарована и решает вмешаться.

В концерте есть момент, во время «Бабы-Любы»: Родя в песне не участвует и за эти три минуты смачно и со вкусом выкуривает сигарету в полной безопасности. Ребята сочли это злоупотреблением служебным положением, а самого Андрюху недобросовестным игроком. Разработана целая история, в рамках которой Сюткин зубрит басовую партию в «Бабе-Любе» плюс всё, что мы с Юркой выделяем на сцене. Наступает концерт возмездия. Чувствительный Родька унюхивает, что что-то не так, по тому, как бережно все не занятые на сцене подводят его к закулисной курилке и наперебой протягивают сигаретку из разномастных пачек на выбор. Семён Фрадин не пожалел для такого случая «Мальборо».

Не ожидает Андрюха такого коварства от тех, кого ошибочно считает друзьями, как не ожидает и моего появления сзади и руки на плече: «Родя, оставь бычок, дай дёрнуть!» Видели бы вы это лицо с молниеносными изменениями выражений и бессознательной попыткой выбросить изо рта злосчастную улику. Да куда уже, докуривай! Только десять рублей не забудь на место положить.

Андрей месяц не разговаривает со всеми, кого он считает причастным к этой подлянке.

Вообще, гастрольная жизнь наших времён сильно отличается от современной. Она не лучше и не хуже – просто другая. Во-первых,

мы выезжаем в город, как правило, не менее, чем на десять концертов (напоминаю: заработок складывается из их количества, умноженного на фиксированную ставку), а это при самой потогонной системе четыре-пять дней. А бывает и двадцать, и тридцать концертов в городе. Вполне достаточно, чтобы на какое-то время влиться в него. Это несложно, с учётом того, что с нами стремятся познакомиться, провести время, в конце концов просто выпить. В стандартном варианте гастрольный день выглядит так. Где-то в десять встаём, легко завтракаем, и строго в одиннадцать – на футбол. Час играем, потом приводим себя в порядок и выходим в город. Магазины, дефицит,

1986 г. Групповуха какая-то! Ещё и с гримом перебор. Ещё подумают что-нибудь! (Отбракованный макет афиши)

1986 г. Хлопайте, друзья! Нам это приятно

продавщицы, редко – достопримечательности. Часа в два обед, после чего отдыхаем и готовимся к концерту либо в номере, разминая пальцы, либо выезжаем пораньше на площадку порепетировать новые песни и почистить старые. Техники выезжают загодя – к нашему приезду всё готово. За полчаса до начала в последний раз проверяем звук уже на полностью включённом аппарате, подстраиваем гитары и освобождаем сцену. В день у нас всегда два-три концерта, и как ни старайся, а всё равно первый концерт идёт хорошо, второй – здорово, а третий – потрясающе. При этом мы работаем одинаково, с полной выкладкой. Видимо, нервная система у нас и у зрителей устроена так, что способность воспринимать и эмоционально откликаться к вечеру возрастает. Между концертами разбредаемся кто куда, выискивая тихие уголки, даём интервью местным журналистам, фотографируемся и неглубоко общаемся с теми, кто правдами-неправдами проник за кулисы. Звуков лишних стараемся не издавать, только проверяем строй у инструментов.

После последнего в этот день концерта, со снятыми девушками и подаренными букетами, едем в гостиницу. Цветы украшают интерьер,

В гостях у поклонников

а девушки – повседневность. Если нет повода, стараемся избегать общих посиделок. Беда в том, что все анекдоты и смешные истории уже рассказаны, все дежурные шутки отшучены, ходы записаны, приёмы отработаны, сценарий годами не меняется, девушкам и гостям

по первости это интересно, но для нас невыносимо. А вот если нет посторонних, то охотно встречаемся у кого-то в номере, обсуждаем прошедшие и будущие концерты, набрасываем планы, что-то сочиняем, о чём-то спорим, просто слушаем музыку. Полуночники мы вынужденные. Сразу после концерта не уснёшь: нервная система раскочегарена до «Полный вперёд!», и требуется время, чтобы всё устаканилось (не обязательно в буквальном смысле). Поэтому обычно раньше двух-трёх часов ночи не ложимся.

У меня есть ещё одна привычка – после завершения гастролей наблюдать некоторое время из зала за демонтажом аппаратуры. Меня странным образом каждый раз завораживает превращение яркой, праздничной сцены – источника радости и веселья для огромного количества людей – в скучное полуосвещённое пространство с грудой железа и проводов, которые наша расторопная техническая группа сноровисто и чётко раскладывает по ящикам и контейнерам. Всегда становится чуточку грустно, но ненадолго.

Иногда разноколичественными группами ездим в гости к кому-то из местных. Это гораздо лучше, чем звать к себе. Из гостей в любой момент можно свалить. А вот если ты к себе позвал, а он (она, они) ещё и со своим алкоголем – жди беды. Да, ты выпьешь на шару свои двести-триста грамм, но за это будешь до утра рассказывать в сотый раз одно и то же или слушать абсолютно неинтересное. И совсем уже крайние формы, когда, подвыпив и осмелев, гость просит дать ему гитару, чтобы спеть, например, «Поворот», или (апогей!) показать собственные вирши. Ты должен имитировать заинтересованное внимание и приветливо кивать головой. В конце обязательные ободряющие слова автору: «Старик, ты большой молодец! Я начинал гораздо хуже. Продолжай, старайся, твори, ошибайся, но ни в коем случае не бросай – удача тебя заметит».

Так что, самостоятельно купленное спиртное обходится во всех смыслах дешевле, даже во время «сухого закона». Очень редко, но бывает действительно интересно общаться, попадаются по-настоящему классные ребята, с которыми завязывается и впоследствии поддерживается многолетняя дружба. То же с девушками, с которыми подчас складываются очень тёплые и светлые отношения, выходя далеко за пределы краткосрочного интима. Красивые, общительные и вроде как доступные, они часто оказываются девушками тяжёлого поведения, причём настолько тяжёлого, что несколько раз дело заканчивается свадьбами. Так случилось с Абрамовым в Чернигове, Никсоном в Тюмени, Гордеевым в Пскове, Шевченко в Сочи. Да и я пару раз был на

волоске. Посему говорить, что мы живем в самоцельном и постоянном блядстве, крайне несправедливо.

Сейчас я ушам не верю, когда музыканты рассказывают, как они в поездках вызывают проститутку. Для нас это немыслимо и унижительно. Впрочем, не только это. Наверное, стоит копнуть глубже. Наши заработки несравнимы с современными: нам не снились лимузины, роскошные апартаменты, перелёты бизнес-самолётами, VIP-залы, райдеры в гримёрку. Но мы свой отрезок прошли по классическим законам – в статусе артистов, которые выступают на сцене перед публикой, купившей билеты и заполнившей места в зрительном зале. И никак иначе! Рампа – вот та граница, которая не позволяет пьяному нуворишу выйти с рюмкой к микрофону, чтобы «помочь» допеть. А ещё их жёнам-тёщам-дочкам-любовницам не устраивать дикие телодвижения перед нашим носом. А ещё их друзьям не хлопать музыкантов по плечу в виде расположения или материть, если что не по-ихнему. А ещё их паханам не тянуть к себе за стол – и попробуй с ними не выпить. А ещё то же самое с этническим колоритом. Поэтому счастье, что «Зодчие» ни разу не сыграли в ресторане, на корпоративе, на свадьбе, дне рождения, на даче, в бане, в гостиничном номере. Я не краснее Карла Маркса и вовсе не призываю сохранять свою целомудренность, отказываясь от крупных твердовалютных гонораров, когда это стало едва ли не главной формой работы, а уважение и самоуважение заложены в стоимость. Времена на дворе другие, поэтому сегодня музыканты

1986 г. Полный состав коллектива. Слева – Кипрушин (Непрушин), справа – Сысоев (Хэнк)

снимают за деньги проституток. Интересно было бы почитать их воспоминания о гастрольных годах. Слава Богу, не доживу!

Душевное устройство отрегулировано на постоянную перемену мест и ожидание чего-то хорошего. На гастролях ждёшь не дождёшься возвращения домой, где через пару дней безудержно начинает тянуть навстречу новому и неизведанному, хотя, по правде, меняются лишь названия городов, концертных залов, а также имена друзей и подруг. Что касается так называемых бытовых неудобств, то, во-первых, не такие уж они неудобные, а во-вторых, после Тюменской области нам любая гостиница – «Хилтон», любой ресторан – «Максим» и любая погода – бархатный сезон. Школу выживания в своё время мы закончили с золотой медалью.

График жизни выстроен так, что в Москву заезжаем на два-три дня, да и то часть времени занята съёмками, записями и другими рабочими процессами. Даже репетировать стараемся на гастролях. Домашнее время очень спрессовано, поэтому для посторонних дико, а для нас абсолютом, когда за десять минут до отправления поезда в вагоне нет ни одного участника группы – народ начинает подтягиваться минут за семь-восемь. При этом, никто ни разу не опоздал. Всё очень просто – машин ни у кого нет, стало быть, не страшны пробки-парковки-поломки, а метро позволяет рассчитывать время довольно точно.

С самолётами мы действуем поаккуратнее, потому, что в случае опоздания больше головной боли. Если поезд ушёл, ты можешь при всех случаях вскочить в следующий, даже если нет билета. Кто не знает – если поезд тронулся с места, проводник не имеет права препятствовать пассажиру, вскакивающему в любой тамбур или на подножку. Он обязан впустить внутрь, а уж потом вызывать бригадира, контролёра, да хоть чёрта лысого – ты уже в вагоне, ближайшая станция часах в трёх от Москвы, а за это время тебя узнают, признают и даже частенько наливают. В аэропортах сложнее. К кассам не прорвёшься, да и билетов всё равно нет, на регистрации толпа с телеграммами, грудными детьми и прочими серьёзными причинами, к тому же стойка одна единственная.

Всякие администраторы, начальники смен, дежурные по аэровокзалу – их трудно найти, а потом всё очень субъективно. Бывало, ты им объясняешь, кто и что, концерт сегодня, например, в Омске, а эта тётя (дядя) смотрит на тебя без выражения и говорит с выражением: «Эх, если бы Магомаев летел или Миронов, а вашу группу я не знаю».

Есть одна палочка-выручалочка, с которой проколов не бывает. На Старой площади около самого метро «Площадь Ногина» (теперь «Китай-город») есть церковь, в которой сейчас храм, а в те времена – транспортно-экспедиционный отдел Москонцерта, во главе которого знаменитый Михаил Михайлович (кличка МихМих), этот может всё. Пять рублей сверху за билет на поезд или десять на самолёт – и ты спасён!

Но, во-первых, по телефону это не решается, нужно ехать из аэропорта к нему и обратно – а это не ближний свет. А если ты вылетаешь в нерабочее время, ночью или в выходные? У Сашики Абрамова знакомая кассирша «Аэрофлота» ради нас делала крайний беспредел – выписывала вручную заведомый билет-дубликат. Ты с этим билетом должен прийти на регистрацию первым, а уже когда через какое-то время появляется некто с таким же билетом – это уже его проблемы, точнее, администратора на регистрации. Но, как-то обычно всё утрясается, требования по безопасности намного ниже нынешних, поэтому доводится (мне в том числе!) лететь и в кабине пилотов, и в закутке у стюардесс, и в багажном отсеке – всё бывает! Апогей подобных ситуаций описал Вовка Пресняков – в их самолёт Ту-134 Сухуми-Москва за наличные пустили человек пятнадцать, которые весь полёт просто стояли в проходе.

А я один раз опаздываю очень жестоко. Дело происходит зимой в Тюмени. Я заканчиваю какие-то дела в филармонии, из-за чего-то ещё задерживаюсь и приезжаю в аэропорт «Рошино», когда уже убран трап. Здесь медицина бессильна, даже в Тюмени. Рейс в этот день последний, время позднее, следующий в семь утра. Бужу по телефону тех, кто в филармонии отвечает за транспорт, через десять минут забираю в кассе переделанный билет.

Злой как чёрт, понимаю, что в гостиницу ехать нет смысла – во-первых, не забронирована, а во-вторых, пока доедешь, поселишься (если удастся), уже и вставать. Не хватало только проспать и ещё раз опоздать. Завтра в Москве концерт. Решаю перекантоваться здесь до утра. Народу как селёдок в бочке. На Севере циклон, вылеты отложены, и народ дрыхнет буквально друг на друге, вповалку, прямо на полу. Прохаживаюсь между, смотрю на них с презрением и отвращением – как можно так опускаться, теряя человеческий облик!

Распираемый этими чувствами, часам к двум ночи понимаю, что очень устал. Нахожу кусок свободной стены, на которую можно облокотиться. В этом положении меня хватает ещё на час, после чего я начинаю помутнённым рассудком договариваться с самим собой, что ничего страшного не произойдёт, если я сяду где-нибудь на расстелен-

ную газетку (а у меня в сумке непрочитанный «Советский спорт», берёт для самолёта). Голова выдаёт спасительные формулировки, типа «В ногах правды нет», тем более от ног уже ничего не осталось. Сажусь на пол, но и это уже не спасает. Глаза слипаются, спина не держит. Спящие вокруг для меня уже просто товарищи по несчастью, но чуточку умнее, поскольку давным-давно спят, а не мучаются.

Е..ись-провались, в конце концов! Кладу свою сумку под голову и ныряю в глубокий сон, зафиксировав напоследок в затухающем сознании знаменитый постулат Черчилля: «Я никогда не стоял, если можно было сидеть, и никогда не сидел, если можно было лежать».

Разбудила меня уборщица, катящая перед собой поломоиную машину, я ей мешаю: «Сынок, тебе не в Москву?». Спасибо, добрая душа! Через десять минут конец регистрации, аэропорт ожил, все окружавшие меня бедолаги проснулись и свалили, я один лежу посреди зала на своём «Советском спорте». Пассажиры брезгливо обходят меня, глядя с презрением и отвращением – как можно так опускаться, теряя человеческий облик! Некоторые, кажется, узнают и в шоке отваливаются.

К тюрьме и суме, от которых не зарекайся, добавим сон в аэропорту на полу.

До свидания, Тюмень!

В течение лета и осени мы втихаря готовимся к переходу в Рязанскую филармонию. За это время они купили для нас аппаратуру, изготовили цветные афиши (в то время непросто и небыстро), заказали новые костюмы у Зайцева, где мы, уже как постоянные и престижные клиенты, попадаем в привилегированный и закрытый круг, о котором не подозревали. Егор Зайцев пробил мне, Лозе, Сюткину и Миссину возможность приобретать вещи из показанных коллекций с 90%-ой скидкой, чем мы с удовольствием пользуемся и выглядим очень даже состоятельно, не хуже торговых работников и валютных проституток. Наконец всё готово к переходу, и мне выпадает малоприятная миссия сообщить Згерскому, что мы увольняемся. Послед-

Мы с Артюховым

«ЗД» ОТВЕЧАЕТ

Куда пропали «Зодчие»

Фото Сергея ЖАБИНА и Александра АСТАФЬЕВА.

В редакцию «МК» поступило довольно большое количество писем от обеспокоенных поклонников группы «Зодчие», в которых они просят ответить на один-единственный вопрос: «Куда пропал их любимый ансамбль?».

Отвечает руководитель «Зодчих» **Юрий ДАВЫДОВ:** — Спешу успокоить всех, кто интересуется нашим творчеством, — мы нигде не пропали. Все живы-здоровы, по-прежнему дружны и продолжаем трудиться в поте лица на ниве рок-музыки.

Дело в том, что наше относительно долгое отсутствие на концертных площадках столицы было вызвано исключительно творческими планами стратегического характера. А именно: слишком много любителей рок-музыки принимали (и, увы, принимают) нас только как шуточно-пародийную группу. Между тем это лишь одна сторона нашего творчества.

Сейчас «Зодчие» подготовили цикл новых композиций совсем иного плана, премьера которого планировалась на «Рок-панораме-87» и Днях рок-музыки в Театре эстрады. По ряду технических причин эти праздники рока были перенесены на более поздние сроки...

Нашу новую программу москвичи смогут увидеть в самом начале сезона.

ние полтора года мы под разными предлогами в Тюмень ни ногой, даже в газетах появляются статьи типа: «Куда пропали «Зодчие»?».

Конечно, в филармонии следят за нашими успехами, телевизор смотрят, газеты читают, в бухгалтерию регулярно приходят всё возрастающие суммы за концерты.

Но, как часто бывает в своём отечестве, директор филармонии никак не может примерить на себя, что мы уже не послушные беззащитные мальчики, пусть даже при добром и справедливом наставнике, а серьёзный кассовый коллектив, стремительно взлетевший на высшие ступени популярности с пропорционально возросшим уровнем самооценки.

Он вызывает меня в Тюмень устроить выволочку, и здесь я, набрав в лёгкие воздуха, предельно тактично сообщаю о нашем решении, сославшись на то, что тюменские соответствующие органы отказались оформлять нас в зарубежные поездки, а они не за горами. Кстати, это была чистейшая правда: нас не выпустили по каким-то формальным поводам в Монголию по войсковым частям. Невелика была бы радость, но для первого раза мы согласны на любую возможность попасть в обойму «выездных» коллективов. Эта условная неудача и помогла на-

Дорожки
и кусты

Зрители аплодировали, смеялись, скандировали — в общем, вели себя так, как и обычно на рок-концерте. Но вот солист группы Валерий Стоцкий объявил: «...Этот эксперимент пройдет в один из вечеров 1986 года, объявленного ООН Годом мира — все люди доброй воли выйдут на улицы со свечами и предметами в руках. Их мирные сигналы зарегистрируют спутники, чтобы сторонники войны поняли, как их ничтожно мало». А потом была песня, и семь огоньков зажглись на темной сцене. И тут же десятки вспыхнули в ответ в зрительном зале.

Их называли пародийной группой, и это было неправильно. Шоу-группа — тоже нечто. И даже стандартное «рок-группа» им не подходит. Потому что, кроме рок-н-ролла, пародий и музыкальных микросектаклей, «Зодчие» могут исполнить мюнетт, бразильскую самбу, балладу или старую добрую «Не кончары мы, не плотники...». Стиль, ритм, сюжеты будут меняться в бешеном темпе, без пауз на аплодисменты и объявления следующего номера программы. А потом, когда закончится очередной концерт и зрители разойдутся по домам, руководитель группы Юрий Давыдов с самым искренним любопытством спросит:

— Ну, как?
— Здорово, — отвечу я, — но непонятно, какой музыкальный стиль вы предпочитаете?

— Я лично предпочитаю насплоядно, красиво, слышно мелодию. Непременное условие концерта — он должен быть разнообразным. Но чтобы избежать унылого музыкального разбора, нужно это разнообразие оправдывать. Это же естественно: одна тема поначалу звучит на «клетке» кассеты, другая преобладает рок-н-ролла, третья мурдаует

Хотя и репертуаре музыкального коллектива «Зодчие» нет громких шлягеров, а в составе — громких имен, творчество группы вызывает искренний интерес у поклонников самых разных музыкальных стилей.

ся в стилизации. Хотя просто зоркая нота никого не треплет, кроме хорошего исполнения. Когда наш солист Юрий Лоза исполняет балладу «На плоту», все электромузыкальные инструменты тактично отступают на второй план. Остается лишь его триповатый голос и миленький «плот» — пятно света на сцене. А вообще-то тем для разговора с залом — по-настоящему интересны — толь отбавляй. Их сама жизнь подкашивает.

— Безусловно, тема диктует стиль исполнения, так же как ситуация — стиль поведения. Но не приведет ли такой стиливый марафон к потере своего собственного стиля? Как удается «Зодчим» сохранить индивидуальность?

— А вы считаете, что творческое лицо можно сохранить, целясь за какое-то раз и навсегда выбранное музыкальное направление? Сейчас не то время, когда само слово «рок» обеспечивало безошибочный успех. Любителям эстрадной музыки требуются открытия. Или по крайней мере изобретения. Именно они могут создать творческое лицо.

Я вспомнил, как еще несколько лет назад мы коснулись группой «Интервал». Качеством их инструментов, их костюмами, их профессионализмом. Профессионализм остался. «Интервал» в глазах его бывших поклонников превратился в дорожку изрулонку. Может быть, даже излишне дорожку. А как поражал нас ансамбль «Диалог» сложнейшим арт-роком, серьезнейшим отношением к своим композициям и их литературной первооснове, устойчивостью на изменчивой волне сиюминутной моды. «Диалог» по-прежнему проповедует арт-рок, исполняя его гораздо лучше

прежнего. Но число поклонников группы резко пошло на убыль. Так размышляя, я хотел уже согласиться с Юрием: но пришлось на память и выступлении многочисленных коллективов, стремившихся во что бы то ни стало привлечь слушателей. Давыдов выслушал меня и сказал:

— Конечно, если программа сводится лишь к методу резкого музыкального «переключения», не поможет и самое виртуозное владение инструментами. Другое дело, когда разнообразие вызвано смысловой необходимостью, идеей намеря. Тогда получается самая настоящая игра. В которой участвует весь зал.

И все же грань хорошего вкуса, на которой вы балансируете, очень тонка. Что помогает вам избежать ошибок?

— Нам здорово помогает, несомненно, вкусов членов коллектива. Мы очень разные люди. Юра Лоза — полноклюный представитель подростков, которых принято называть трудными. Валера Стоцкий начинал в студенческом клубе МИФИ и страшился из каждого концерта сделать настоящий капсюстик. Я — типичный представитель ВИА семидесятых годов.

— То есть?
— В нашем классе было два ансамбля. И еще шесть — в школе. И все довольно популярны. А сколько их было в районе, в Москве, в стране? Большинство самодеятельных ВИА подражали всем новomodным течениям и все-таки играли так одинаково, так плохо и на таком плохом инструменте, что их музыка просто слышалась в однообразный звуковой фон. Исчезали они, надо сказать, так же быстро, как и появлялись. Из того времени я и вынес свое довольно спе-

цифическое отношение к популярности, к поощрительству и к новomodным течениям. Но отказаться от всего этого было не так-то просто. Мне всегда довольно сильно. Однако случайно познакомился с директором ДК электроставода имени Кубышева. В ДК случайно оказался коллектив «ВИА», который по тогдашним меркам имелась космическая оснащенность ВИА казался чем-то вроде космической аппаратуры. К нему — фантастическая слышимость! — нас и допустили. Уровень оказался: пришлось работать с полной отдачей. Потом вошли во вкус: то, что принимали раньше за черновую работу, стало действительно интересным делом. Может, потому и расстался самодеятельные ВИА, что вкуса к работе не имели! Но ведь иной раз и отсутствие признаков способностей помогает. Впрочем, признаю, у нас в ту пору было. А для самодеятельности даже широко: четыре раза за границу выезжали. Но наша музыка по-прежнему что-то чудотворно находила: «Метарок», или «Битлз», или «Пинк Флойд», или... Скорее всего, все вместе. Впрочем, подтверждать над собой онынь не собираюсь. Как жаль, мы изучали музыкальную культуру. Безразлично никто не занимался, никто не помог. Мы вынуждены были воспитывать себя сами. По-моему, если группа пользуется у молодежи популярностью (а значит, и доверием), она не просто имеет право, а обязана ставить перед аудиторией острые вопросы, которые так или иначе задеют себе каждого. Ставить немыслимо и конкретно — по законам жанра. Поэтому от отдельных номеров мы перешли к целенаправленной эстрадно-музыкальной программе.

Андрей ВАСИЛЬЕВ

звать необходимую для филармонии причину увольнения. Информация принимается с огорчением, но вроде проходит как объективная.

Договариваемся, что поскольку, по-любому всем надо приехать в Тюмень увольняться, мы попутно дадим за эти семь дней шестнадцать концертов в зале филармонии. На следующий день с утра вывешивают афиши и к вечеру все билеты проданы. Филармония в шоке, а мне хватает душевных сил обойти всех сотрудников, в том числе и недру-

гов, с коньяком, цветами и словами бесконечной признательности. Как ни крути, благодаря или вопреки, но здесь мы прошли по-настоящему полезную, подчас суровую творческую, профессиональную и человеческую школу. Шесть с половиной лет из жизни не выкинешь – Тюмень я всегда вспоминаю с теплотой. Концерты проходят на одном дыхании, всё остальное время уходит на прощание с друзьями и подругами, которых мы обрели в большом количестве.

Возвратясь в Москву, мы первым делом заезжаем на новую репетиционную базу, гораздо удобнее и вместительнее прежней. Рязанская филармония выделяет больше денег, и мы унаследовали от группы «Круиз» обустроенный подвал в клубе «Трёхгорка», с репетиционной комнатой, стационарным аппаратом, огромным складом для хранения гастрольного комплекта и помещением, где техники обустроили свою мастерскую, точнее цех. Опять же, в одной точке сошлись несколько факторов для осуществления технического прорыва в нашем световом оснащении. До этого мы возим с собой кое-какой комплект, состоящий из купленных-подаренных-украденных стареньких прожекторов, световых пушек и так называемых заливающих приборов. Работать с ними очень нездорово: они постоянно ломаются, сгоревшие лампы и запчасти достать – это целая история. К тому же, приборов не хватает, поэтому мы вынужденно используем стационарный свет в залах, где выступаем, а там свои радости. Во-первых, он везде разный, и мы не можем выстроить постоянную световую партитуру. Во-вторых, мы обречены на взаимодействие с местными осветителями, которое сводится к двум вариантам: либо они напьются и не придут, либо придут и напьются.

В каждом зале имеется типовая захламлённая комната за сценой, пропахшая застарелым папиросным и портвейновым перегаром с примесью канифоли. Гора допотопных агрегатов и инструментов, из которых работают только самодельный кипятильник на основе двух бритвенных лезвий, штопор и единственный гранёный стакан. Хозяин помещения, старший машинист сцены, не менее хрестоматийный: выглядит лет на пятьдесят (плюс-минус пятнадцать, точнее определить невозможно), лицо в бордовую крапинку, сверху – лысина с длинными сальными волосами сзади и по бокам, в линялом рабочем халате и... всегда на позитиве. Этаким дед Шукарь! Стены обклеены выцветшими афишами третьеразрядных артистов с грандиозными подписями: «Моему лучшему другу Коле от Олега Ухналева» или «Мастеру своего дела, Николаю Антоновичу, от квартета закавказских бандуристов». Всё бы ничего, но от таких пассажиров стало слишком многое зависеть. По крайней мере, на первые москов-

ские сольные концерты в Центральном Доме Туриста (ЦДТ), одном из самых престижных и современных залов, мы решаем не рисковать и берём напрокат большой световой комплект, едва ли не первый сдаваемый в аренду главным в то время в Москве по этой части Колей Зиновенко. Один из тех концертов, заснятый в жутком качестве на любительскую камеру, является единственным видеоподтверждением нашего триумфа в тот период. Так вот, имеющие вполне фирменный вид и вызывающие дикую зависть световые приборы, более сотни которых висит над нашими головами, оказались... самодельными.

Концерт в ЦДТ

Технический прорыв

Этот народ не победить! Если фирменная звуковая аппаратура хоть и чайными ложками, но как-то всё-таки закупалась, то со светом – полная труба. Никак, никогда и ниоткуда! Поэтому наши техники ахнули, когда увидели, что казавшиеся фирменными корпуса приборов сделаны из купленных за два рубля в магазине «Рыболов-спортсмен» алюминиевых туристических вёдер прямой цилиндрической формы, у каждого из которых отпилено днище и приспособачен купленный там же за полтора рубля ещё более туристический котелок. Остаётся только оснастить такой уже почти прибор оборудованием в виде крепежа, провода, патрона, держателей для цветных стёкол и, собственно, самой лампы. И вот в этой точке стоп! На лампе нить обрывается. Если всё остальное по крайней мере ясно, где искать, то происхождение конусообразных ламп, очень ярких и компактных, окружено строжайшей тайной. Эта тайна до поры сдерживает решимость наших доблестных техников сделать для группы собственный световой комплект. Ребята они рукастые, смекалистые, трудолюбивые, место для работы есть, затраты смехотворны. Один нерешённый вопрос – где взять эти чёртовы лампы? Разгадка приходит абсолютно случай-

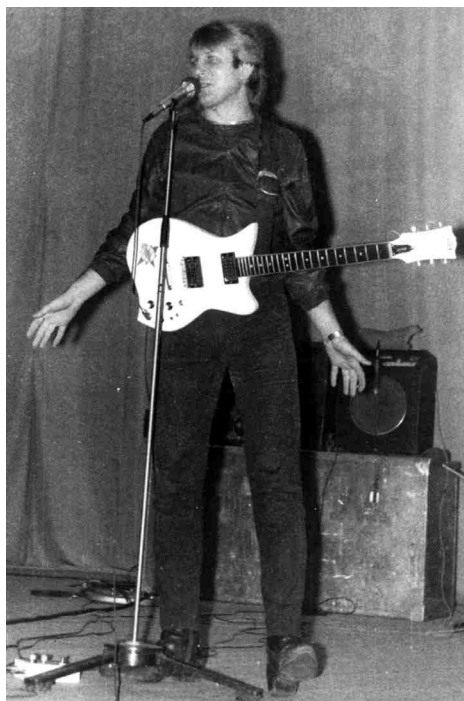
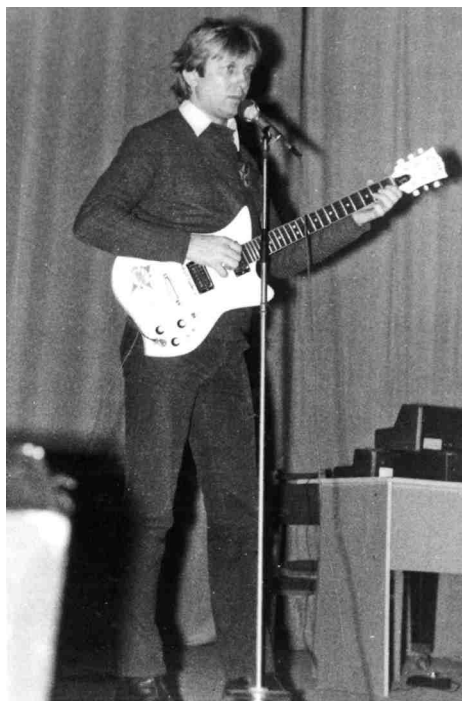
Абрамов: «Дядя, я всё нашёл – и лампы от ТУ-134, и ручки от гробов!»

но. Саня Абрамов едет в филармонию на электричке Москва-Рязань и, разговорившись с каким-то мужиком, в процессе беседы представляется. Восторженный мужик лезет за бутылкой в рюкзак, в котором что-то звякнуло и блеснуло. Абрам, как заядлый технарь, вежливо осведомляется о содержимом и ошалело сползает в проход, когда вслед за стаканом извлечена та самая лампа. Момент истины! Через 20 минут Абрам покупает у кого-то втридорога вторую бутылку – и вся цепочка размотана. Эти лампы делаются в нашей теперь родной Рязани на секретном заводе и в мирной жизни являются посадочными прожекторами для самолёта ТУ-134. Требования к ним

Валерий Сюткин

предъявляются очень высокие, лампы лёгкие, компактные и мощные. Кроме того, они идеально подходят в размер конструкции из вышеупомянутых вёдер и котелков. Естественно, эти лампы строго учитываются, и никто бы нам их не дал. Однако, при очень тщательной технической проверке, большое количество отбраковывается для авиации, но вполне подходит для освещения сцены. Короче, на волне первоначального расположения рязанских властей мы добиваемся возможности не только получать лампы в необходимом нам количестве, но и распоряжаться всем некондиционным объёмом. Авторитет наших техников взмывает не по дням, а мгновенно. В их руках – уникальный товар, самая твёрдая валюта, на которую в брянской филармонии вымениваются театральные цветные стекла, у группы «Круз» – медицинский лазер с красным лучом, в миру изначально предназначенным для удаления катаракты, и ещё много чего по мелочам. В Москве находили завод, где за те же лампы, плюс шефский концерт в клубе, мы заказываем железные фермы для подвески прожекторов, высокий подиум с прозрачным полом под ударную установку и алюминиевые ящики для упаковки и перевозки всего нашего добра, которое теперь с трудом вмещается в огромную фуру. Последняя проблема остаётся с переноской этих самых ящиков, потому что в заполненном варианте они достаточно тяжёлые – заводские ручки ломаются при первой же

Юрий Лоза

погрузке. Наши техники головы сломали в поисках выхода. Решение опять приходит со стороны, и совсем уже парадоксальное. Бессменный руководитель техгруппы, многожды упомянутый Саня Абрамов, живёт в большом доме на Речном вокзале. Как-то выходя из подъезда, он видит привычную в то время картину: если кто-то из жильцов дома умирает, то его гроб выставляют во дворе, чтобы соседи могли попрощаться. Он смотрит на это грустное зрелище, а видит другое – привинченные по бокам гроба четыре мощные чугунные ручки, которые легко выдерживают в общем-то немаленький груз. Саня проникает в толпу скорбящих, с грустным лицом хватается за одну из ручек и помогает перенести покойника в катафалк. Другого варианта провести тест-драйв он не видит. Полный восторг! Мы спасены! Задержав отъезд процессии, он дотошно вытрясает у водителя и агента все необходимые подробности. Через несколько дней, придя на базу, мы видим полторы сотни чугунных, на века сделанных шедевров кладбищенской индустрии с весьма характерным дизайном, что придаёт нашим ящикам внушительный и торжественный вид. Особенно здорово смотрятся горизонтальные саркофаги для микрофонных стоек, на которых было написано «ГРУППА «ЗОДЧИЕ», с четырьмя ручками на боках. Для того чтобы в конечном счёте вся эта световая громада залила сцену неземной красотой, нужно ещё создать лёгкий туман, в дымке

которого лучи прожекторов и лазера наиболее эффективны. Имеется в виду не стандартная дымовая машина, которая на две минуты пускает по полу густые белые клубы (такие были), а рассеянная туманная завеса. Для этого куплены две обычные электроплитки и настольные вентиляторы. В аптеках в большом количестве приобретён медицинский препарат – белый порошок под названием хлористый аммоний, перед концертом техники ставят плитки в кулисы по бокам сцены, раскаляют и десертными ложками порционно высыпают на них этот самый аммоний, дающий при нагревании сильный дым, разгоняемый до нужной туманности стоящими здесь же вентиляторами. Не знаю, от чего лечит этот хлористый аммоний, но эмпирическим путем выведено, что он минимально вреден для здоровья и имеет наименее мерзкий запах. Так мы становимся обладателями одной из самых мощных световых установок в СССР. Правда, лазер прослужил совсем недолго. Для его охлаждения требуется постоянный поток воды. С этой целью мы возим длиннющий водопроводный шланг, который соединяется с ближайшим туалетом или раковиной. Вышла незадача. Где-то туалет был не рядом со сценой, а этажом ниже, в подвале. Кто-то из местных монтировщиков, выйдя из кабинки, решил помыть руки, для чего отсоединил шланг от единственного крана над раковиной. Через минуту, влетевшие туда наши технари, пару раз дали ему по морде, но лазер уже сгорел, а ещё пятисот рублей у нас не было.

Зато теперь в нашем распоряжении репетиционная база в подвале ДК имени Павлика Морозова в районе Трёхгорки. Там большая комната, в которой специально для репетиции расставлен и отстроен отдельный комплект аппаратуры, то есть пришёл, тумблер включил – и играй на здоровье хоть днём, хоть ночью. Рядом помещение для хранения гастрольного комплекта и мастерские, где наши Кулибины придумывают всё новые и новые чудеса. Жизнь кипит, на репетиции всё время приходят авторы, редакторы, друзья с девушками, девушки без друзей – движуха! Мы теперь в основном работаем Дворцы спорта, одни или с кем-то, но уже в статусе основного гастролёра. Двенадцать дворцов в Днепропетровске, шестнадцать в Волгограде, десять в Новосибирске – как само собой разумеющееся. Горизонта не видно, погода ясная, небо безоблачное, полёт нормальный.

«Стеклянный Дом»

При этом на месте стараемся не стоять, какие-то процессы всё время происходят. Валерка с Артюховым и Гордеевым подсели на «Police»

и создают в этой стилистике несколько вещей: «Дитя урбанизма», «Человек с дивана», «Стеклянный дом», «Экология».

Вроде современно звучит, но абсолютно ни о чем – на безумные тексты Валеркиного друга Олега Драницкого. Нам с Лозой и Родькой такая новизна не совсем по вкусу, стараемся соскочить с участия, но ребята так свято верят в новый поворот творчества группы, что песни эти исполняются на концерте, хотя проходят без особого успеха. Основной аргумент в их защиту, причём отчасти верный – в программе мы сильно увлеклись шутками, приколами и пародиями, а сама музыка играет вспомогательную роль. Ещё несколько песен приносит Белоносов, плюс уже существующие «Юла», «Смычок и струны» и пр. В итоге решаем разбить программу на две части: в первой мы предлагаем новую стилистику и составляем её из новых произведений под общим названием «Стеклянный дом», а вторая остаётся выжимкой из лучших прежних вещей, вытаскивающих любой концерт на привычный успех. Со стороны всё нормально. Первое отделение выглядит очень красиво: свет, лазеры, какая-то не очень понятная, но неплохо исполняемая музыка, а уже второе всегда всё расставляет по местам. Примерно в то же время становится заметно, что Юрка начинает дистанцироваться от происходящего. Параллельно с работой в группе он записывает сольный альбом, всё чаще появляясь на радио и в каких-то концертах в одиночку. По крайней мере, в создании новых песен он не участвует, ссылаясь на стилистические расхождения, а свои не предлагает. В разговорах, время от времени, проскакивает, что рано или поздно он всё равно займётся сольной карьерой. На одном из концертов в Саранске на него вдруг находит что-то, и он прямо со сцены иронизирует по поводу первого отделения. Типа: «Вы поняли что-нибудь из того, что слышали? Я тоже нет». Есть у него такой грех – обижать без причины и смысла. Несколько лет назад он так же жестоко поступил с Заниным. Вовка в то время проходил среднюю стадию облысения, то есть, не желая мириться с неизбежным, он, как и многие в подобной ситуации, решил продлить эпоху пышной шевелюры, для чего отращивал волосы с одного края и прикрывал лоб и темя как бы чубом-чёлкой.

«Дитя
урбанизма»

«Стеклянный
дом»

«Человек
с дивана»

«Экология»

ЭСТРАДНАЯ ОРБИТА

Таланты! Где вы?

Одиннадцать концертов на Малой спортивной арене Лужников с точки зрения автора, режиссера, ведущего и зрителя

В ТРАДИЦИИ «Звуковой дорожки» всегда выходило открытие новых имен. Процесс этот довольно рискованный. Ведь общая музыкальная культура зрительского зала, воспитанного преимущественно на материях, продаваемых радио и телевидением, очень осторожно и, как правило, неохотно принимает новые имена. Положение это можно попытаться менять, но для этого необходимо идти на риск. С чем он связан? Прежде всего с тем, что концертная организация (будь то Москонцерт или Росконцерт), организуя тот или иной «президиумный концерт», думает прежде всего о получении прибыли. Со «Звучащим» все ясно — в зале аншлаг, значит, и прибыль есть. А если на сцене не «раскрученные» имена?

«Звуковая дорожка» долго пыталась найти единомышленников и уже много лет мечтала представить на большой сцене начинающих или незаслуженно забытых. И лишь только сейчас такие единомышленники в лице Москонцрта нашлись.

Мы думали не о прибыли, мы прежде всего думали о музыкантах, которым нужен зритель, чтобы говорить о себе, доказать свое право на существование. Планируя программу, мы исходили прежде всего из этого.

Помал ли нас зритель? Остался ли удовлетворен концерт? Сегодня, пожалуй, ответ даст само. Но, судя по первым откликам, — концерт «Звуковая дорожка» представляется... можно назвать удачей. Обращу наш недельный музыкальный марш лишь одно обстоятельство. По неизвестным нам причинам в концертной программе не участвовала группа «Альбино». Этот «блестящий» проект в первую очередь. Музыканты про себя пропали? Ни телеэкраны, ни телефоновые звонки с объяснением причины не дали на концерт мы до сих пор от них не получили. А жаль. Честно зрительской толпе уже надоело именно эту группу. Тем более это обидно, потому что название «АД» познакомила своих читателей с этим коллективом.

Замечу (для многих, естественно, неравнодушных) нашлась уже в дни проведения концертов — 8 и 9 мая зри-

На сцене — группа «Зорчиез».

теля впервые познакомились с группой «Металполис», а 9 мая — с группой «Шалакис».

Задача открытия, на мой взгляд, была практически выполнена. Радостно было видеть, что зритель одинаково тепло встречает не только известные хиты Алексея Романова, известные еще со времени группы «Воскресенье», но и новые композиции. А главное, что внушало оптимизм, — нет, не забыли еще молодые и уже не очень молодые люди песен Романова. Да и его нынешний состав группы «СВ» профессиональным знатоком рок-музыки говорит о многом.

ПОСЛЕДНИЙ день музыкального марафона я бы отнес к наиболее удачному. Наверное, во многом потому, что люблю традицию, музыкальность, профессионализм — то самое старое доброе ретро 70-х годов, обретенное сегодня новую форму и ищущее своего нового зрителя. Среди «ветеранов» его искать не приходится. Это больше относится к более юному поколению, принимающему, как правило, только «металл или новую волну...». Что я имею

и «новичок» «Зорчиез». Честно говоря, пригласив группу для участия в концертах, я боялся за них больше всего. В последнее время группа предпочитала оставаться в тени (особенно после, мягко говоря, «спролза» на «Рок-парнаме-87»). Да и читательская почта подтверждала, что интерес к ансамблю как-то поугас.

И вдруг такой взрыв. С первого концерта до последнего! Цветы, гром аплодисментов, крики «браво». Причем что удивительно, — как от тех, кто пришел на «металл», так и от тех, кто пришел на Романова. Группа для всех — от 5 до 50. Буквально возрастом, подобно финику, что помогло им в этом! Абсолютно новый подход к теме, репертуар, основанный на песнях Григория Гладкова, Александра Белоносова, Валерия Сюткина, Юрия Давыдова, на стихах Игоря Иртеньева, в непосредственности в контакте со зрителем. И, конечно, есть смысл поинтересоваться сейчас обратить внимание на «новичка» «Зорчиез».

Весь в программе и еще один дебют (одновременно являющийся сюрпризом). Это выступление гитариста Виктора Зиничува, известного многим по его работе в составе ансамбля «Арсенал» и «Благодар». Сейчас Виктор серьезно занялся сольной карьерой, и зритель по достоинству оценит его уникальные навыки гитариста-виртуоза.

НА ЭТОМ, казалось бы, можно поставить точку. И приступить к организации следующих концертов «Звуковой дорожки» (тем более что они уже не за горами). Но есть одно обстоятельство, затравливающее целую гамму проблем. Это зритель, точнее посещаемость концертов. В этом отношении концерты «ЗД» были в лидерах всех столичных майских концертов. Ежедневно нашими гостями становились в среднем три тысячи человек (при вместимости зала семь тысяч). Раньше это можно было бы назвать ЧП. Сегодня — вполне нормальное явление. — Что произошло? — спрашивают вы. А именно: артисты так и должно было случиться. Многие артисты из года в год показывают свои старые программы. Могут просто переромили рок-музыкой, а появились интересные личности в жанре прерископ. В мае же турне не было. Кроме того, еще раз доказывается порочность практики проведения огромных собраний концертных программ (где каждому артисту отводится по две-три песни, а иногда и по одной) где зрители собирают в основном на «объявление» (такие вот турнемены в артистических кругах называют артиста, выделенного крупным шрифтом на афише, на которого идет 60—80 процентов зрителей). Остальные артисты служат в качестве «присылок» под названием «потому что больше развлекательная программа (путеш и сборная), где могут познакомиться артисты».

Сейчас для концертных площадок столицы (в особенности) начинается совсем иной период работы. Зритель давно уже разобрался, что к чему. И лишь та концертная организация, которая посмеет, полюбиве, где есть энтузиазм, сможет выйти победителем в этом нарастающем кризисе. А зритель будет, он обязательно придет. Только смысл: только любительские фантазии и новые идеи.

Дмитрий ШАВЫРИН.
Фото Сергея ЖАВИНА.

Так же делал президент Белоруссии Лукашенко. На какое-то время это помогает, хотя бы морально. Так вот, на одном из концертов, во время Вовкиного соло на клавишах Лоза подошёл к нему, постоял, подумал, а потом взял Занинскую чупрыну и переложил её туда же, откуда она росла. Представьте: Занин машинально продолжает играть, на его лице весь ужас, шок и возмущение, его лысина предательски обнажена, а копна волос, призванная её скрывать, сиротливо свисает до плеча с другой стороны. Потом Лоза объяснил: мол, ему показалось, что будет смешно. Оно и было смешно — всем, кроме Занина! Так что подобные случаи не впервой.

Мы тоже не все Юркины шедевры, в том числе широколюбимые народом, принимали — типа «У деревни Ключевка», «Пиво свежего разлива» и другие супершлягеры, — но люди стараются, в конце концов, это творчество, где есть место экспериментам и ошибкам. Ещё никаких решений не принято, никто ничего вслух не говорит, но мы с Сюткиным и Белоносовым всю ночь в тамбуре поезда «Саранск — Москва» обсуждаем эту новую, но, в общем-то, ожидаемую ситуацию. Решаем принять вызов и записать альбом без Юрки, что в течение двух месяцев будет подготовлено и осуществлено. Студий в Москве по-прежнему нет, кроме тех, куда нам по-прежнему не пробиться, поэтому берём на несколько дней у одного из новых воротил подпольного аудиобизнеса Андрея Синяева восьмиканальный «TASCAM» и с полными штанами счастья погружаемся в работу, практически без сна и еды (время пользования магнитофоном строго ограничено). Помню, закончили

мы её на четвёртый день в восемь утра, вышли на утреннюю Красную Пресню и час курили на улице, дожидаясь открытия ближайшей пельменной. По условиям договора, мы к распространению альбома, а тем более к финансовому участию касательства не имеем никакого – нам после сведения и мастеринга вручается одна копия для радио, телевидения и другого некоммерческого использования. Шедевром тот альбом под названием «Экология» не назовёшь, но несколько вещей и сегодня слушаются вполне прилично, к тому же запись поднимает самооценку и, как ни странно, на какое-то время выравнивает отношения в группе. Концерты по-прежнему проходят «на ура», публика валом, к тому же происходят интересные вещи. Появляется круг устойчивых поклонников и поклонниц, которых мы уже знаем, и они очень гордятся возможностью общаться и принадлежать к кругу. Например, имеют место четыре-пять молоденьких совсем девчушек лет пятнадцати, которые устраивают между собой соревнование, кто больше раз побывает на наших концертах. А поскольку в Москве на все концерты они приходили вместе, набирать индивидуальные баллы они могли, только выезжая в города, где мы выступаем. Бывает, что одна из них, пронюхав маршрут, особенно если недалеко, умоляла не сообщать остальным название города, чтобы те не узнали. С собой мы их из чувств самосохранения не берём (помните «Разницу получишь?»), тем не менее, все они перевалили за сто концертов. Да и без них московская околomuзыкальная тусовка изобилует любопытными персонажами обоих полов. Например, одна девушка по имени Юля призналась мне, что поставила себе задачу переспать с бас-гитаристами двадцати самых известных московских групп. Правда, сам топ-лист и статистику исполнения планов не озвучила. У мужиков это обсуждать не принято, но, встречаясь, допустим, с Аликсом Грановским из «Мастера» или Толей Куликовым из «Квадро», я невольно вглядываюсь в их лица, ловя не менее пытливый взгляд в ответ.

Альбом
«Экология»

Первая загранка. ГДР

Тем временем Семён Фрадин пробивает нам первую зарубежную поездку на Дни советско-немецкой молодёжи в ГДР, в городе Гера. Целый поезд артистов – от Красноярского ансамбля песни и танца до симфонического оркестра под управлением кого-то. Нашлось место и нам, грешным. Представьте себе вагон, где «Машина времени»,

«Магнетик Бэнд» из Эстонии и мы. Какой, на хрен, сухой закон!!! Первую рюмку, за отъезд, вонзили ещё на перроне.

Весело минуем Белоруссию, после пограничных формальностей в Бресте пересекаем границу и ещё веселее едем по Польше до ГДР, где во Франкфурте-на-Одере пересаживаемся на автобусы – и в Геру. Красивый старинный городок. Всю делегацию селят в студенческом общежитии, и все безумно счастливы (сейчас это как представить?). Бросаем вещи и бегом искать ближайший винный. Благо рядом за углом, но уже перед дверью внушительная очередь – в ней практически весь поезд. Ждём открытия магазина. Внутри продавцы уже стоят за прилавками и с нарастающим ужасом смотрят на толпу на улице, увеличивающуюся с каждой минутой. Мы прорабатываем разные версии происходящего. Первая – советским, из-за сухого закона, не продавать, вторая – послали за полицией, чтобы выставить, как положено у нас, барьеры и оцепление. Вполне правдоподобно, потому что один из продавцов время от времени высматривает через дверь, явно кого-то ожидая. Наконец появляется некто запыхавшийся, проникает в магазин, что-то коротко обсуждает, потом открывает дверь и на плохом русском громко обращается в толпу: «Дорогие товарищи! Работники магазина спрашивают и беспокоятся, почему вы 40 минут стоите здесь и не заходите внутрь?» Секунд пять требуется, чтобы дошёл смысл сказанного, после чего толпа рухнула. Оказывается, под влиянием наших стереотипов ни у кого не могло возникнуть и мысли, что в винном магазине нет ни одного покупателя. Если никого нет, стало быть закрыт, надо немного подождать, что нашему человеку привычно и понятно.

После Москвы толпа близка к помешательству. Ассортимент огромный, причём уйма непонятных для того времени названий на

Юрий Лоза

бутылках с напитками разных цветов – яичный ликёр «Advocaat», бордовый ром «Bacardi», сине-зелёный «Curacao» (Макаревича тут же подкололи: «Водка цвета ультрамарин»). Лоза набирает в огромную сумку всех по одной бутылке, выставляет их на подоконнике в ряд и приглашает всю команду

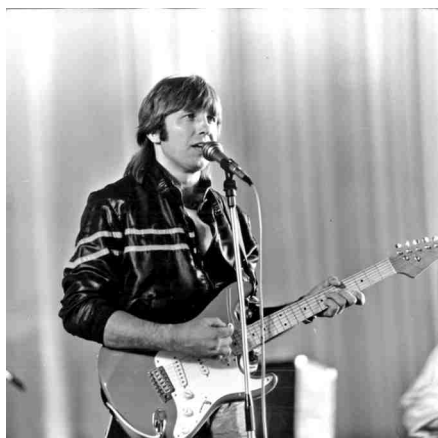
ГРУППА
«Зодчие»

ГРУППА
«Зодчие»

1986 г. Сочи. Кто-то на нас делал деньги

через полчаса на дегустацию. Когда в назначенное время мы стучимся и, не услышав ответа, входим в комнату, Юрка спит поперёк кровати со стаканом в руке и у всех бутылок пробки уже откупорены. Абрамов вспоминает сакраментальную фразу: «Сладкий воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку». Вообще, поездка классная. За всё время у нас один общий концерт всей делегации и ещё один с «Машинистами» и «Магнетиком» в советской воинской части. Видели бы вы этих солдат, перед которыми, как с неба упав, поют лучшие рок-группы. Особенно лидер «Магнетик бэнда» Гуннар Грапс

Юрий
Лоза

дал шороху. Эстонцы, как ни крути, всегда были чуть западнее наших, а уж Гуннар отвязался по полной. Вечером этого же дня сидим у Макара, а за стеной живёт Гуннар, снявший какую-то немку из приставленных к нам. Стенки совсем тонкие, слышно практически всё, и обрывки фраз заставляют нас прервать застольный разговор и, еле-еле сдерживая истерический смех, переключиться на происходящую за стеной драму, к этому моменту достигшую кульминации. Представьте разговор на русском языке немки и эстонца. Попробую воспроизвести:

Что «строят» «Зодчие»?

Ответа на вопрос читателей о том, куда пропала группа «Зодчие», «ЗД» уже писала, что «Зодчие» работают над новыми композициями. Сейчас уже готов цикл песен. Он носит пока условное название «Стекланный дом». К концу года «Зодчие» собираются на основе этого цикла сделать альбом.

— У МНОГИХ любителей рока сложилось мнение, что «Зодчие» — такая шоу-группа, исполняющая сатирические вещи, пародии, одним словом, «развлекаловку». «Стекланный дом», как нам представляется, должен стать альтернативой этому мнению.

Так отзывается о новой работе «Зодчих» Юрий Давыдов, руководитель группы.

— Значит, группа меняет свой сценический образ?

— Да, но не только образ. По сути, с альбома, который мы готовим, группа рождается заново.

Человек в городе — так сами «Зодчие» определяют тему нового цикла. Названия песен соответствующие: «Экология», «Дитя урбанизма», «Человек на диване».

«Справа-слева, слева-справа — грязь!» — отрывисто и резко звучит голос Валерия Сюткина. Песней «Экология» начинается цикл «Стекланный дом». Нет, конечно, «лицо» группы не изменилось настолько, чтобы можно было говорить о перерождении «Зодчих». И сатира по-прежнему присутствует в их новых композициях.

Но она стала глубже, масштабнее, чем, скажем, в известных мини-спектаклях «Путешествие по кустам».

Мы говорим с Валерием Сюткиным в перерыве между выступлениями в подмосковном городе Пушкино.

— Разумеется, тема экологии уже изрядно «распахана» советским роком — вспомним хотя бы «Землягу», «ДДТ». Но от этого она не становится менее злободневной. Мне кажется, что она только начинает масштабно разрабатываться. Думаю, у нас есть что сказать, и сказать по-своему.

В «Стекланном доме» все же явно проступает новый имидж «Зодчих», еще не четко оформленный, но — другой. Их музыка уплотнилась, в ней даже появились отголоски «металла». Вокал Сюткина стал агрессивнее.

«Храните тело в бетонных стенах.

Причьте головы в перекрытиях —

Кто застрахован от соседа плохого.

От серых сплетен и случайных событий».

Но вот — намерная песня «Смычок и струны». Агрессивность сменяется горечью, в аккордах подзвучивают переходов» и «гранитных пляжек» звучит скрипка, и — «сердцу скрипки было больно».

— Валерий, мрачность и резкость — это и есть ваше новое «лицо»?

— Вероятно, некоторые песни цикла кому-то и покажутся чересчур резкими, даже озлобленными. Но ведь есть же в них и выход из мрака. Как говорится, свет в конце туннели.

Выход из тьмы урбанизма, «диванной» жизни городского человека, из антиэкологической грязи цивилизации предлагается в центральной песне цикла, которая и дала ему название — «Стекланный дом».

— Сказано верно. Для многих «Зодчие» — это Юрий Лоза со своими песнями, а все остальное — «хохмы». Под хохмами подразумевают нашу «кустамеру». Такой имидж нас не устраивает, нужно идти дальше, иначе для «Зодчих» наступит времена застоя. Кстати, Юра Лоза в создании «Стекланного дома» не участвует, он все больше «уходит» в авторскую песню.

— Не малая расставаться с «кустамерой», Валерий? Ведь ты ее бессменный «директор».

— А мы с ней не расстанемся. Старые, отслужившие свой срок «экзониаты» будут уходить из репертуара, но наверняка появятся новые «уродец». «Дикоринный» явлений в нашей жизни еще недостаточно.

Автор музыки и текстов четырех песен нового цикла: «Экология», «Дитя урбанизма», «Человек на диване», «Стекланный дом» — Валерий Сюткин. Композиция «Смычок и струны» написана на стихи И. Анненского. Авторы песни «Юла» — Юрий Давыдов и Сергей Пагурцев.

«Стекланный дом» продолжает «Зодчие» до альбома. У «Зодчих» есть договоренность с фирмой «Мелодия» о том, чтобы в феврале следующего года записать диск.

«Мой дом, стекланный дом,
Открыт для всех людей».

Эти слова В. Сюткина звучат как приглашение познакомиться с новой работой «Зодчих». Если фирма «Мелодия» сдержит свое обещание, любители рока в скором времени смогут воспользоваться приглашением.

Сергей БОГАТНОВ.
Р. 5. 18 октября во время гастролей в Киеве состоится последний концерт группы вместе с Юрием Лозой. Больше Лоза в «Зодчих» выступать не будет.

- Гуннар, йа уже отшен спешу.
- Сефотнья те не нато никуда спешить!
- Но, Гуннар, йа должна ехат домой.
- Сефотнья ты толшна остафаттса сдесс!
- Но, Гуннар, йа отшен люблюбю своефо мужа.
- Сефотгньаа ты буттеш отшен любить меньяа!!!

Мы грохнули так, что через пятнадцать секунд Гуннар зашёл один, вернее со стаканом: «Туракки, вы так хохоттали, что этта тура уппешала. Ну латтно, налифайте полный».

Перед поездкой Юрка хвастается, что он немецкий учил в школе и институте, так что проблем у нас не будет. Их, собственно, и так нет, но Юрка свои знания проявил. Во время одного из приёмов он тянется за салатом и нечаянно смахивает на пол кружку с пивом. Визги, брызги, осколки. Лоза жутко смущается и виновато объясняет подоспевшему официанту: «Ихн кляйне... опрокинул».

Валерка пошёл другим путём. Пока ехали в поезде, он от нефига делать выбрал в русско-немецком разговорнике две фразы и выучил их наизусть с хорошим произношением и верной интонацией. А фразы такие: «Простите, мы не могли с вами видетсья на аукционе пушнины в Ленинграде?» и вторая — «Вы участвуете в эстафете четыре по сто?» Немцы выпадают в осадок, когда Валерка, случайно задев кого-то плечом или наступив невзначай на ногу, вываливает на их бедные головы одно из этих словосочетаний. Там же положено начало ещё одной неосвящённой традиции. Саня Абрамов, наш несравнен-

ный и незаменимый завпост, заглядевшись на витрины, втемяшивается своим красивым, большим, с горбинкой носом в фонарный столб. И пошло-поехало. Прочность его шнобеля испытали на себе мачты освещения Варшавы, Познани, Берлина, Ханоя, Хошимина, Копенгагена, снова Берлина, причём в Союзе этого не случается. Мистика! Мы сначала смеёмся, потом пугаемся, потом перестаём реагировать, потом тревожимся, если не происходит.

В день главного гала-концерта выясняется, что некому саккомпанировать Альберту Асадуллину песню в общем концерте. Просят нас. Ну надо, так надо, ситуация стандартная. Кинулся искать ребят, быстро нашлись все, кроме Лозы, а я ещё сдуру ляпнул об этом кому-то из сопровождающих. Ситуацию берут под контроль, и уже каждые пятнадцать минут ко мне подходит кто-то из наших в штатском и с нарастающей тревогой и угрозой интересуется его судьбой. Юрка появляется только поздно вечером и беззаботно говорит, что гулял по окрестным местам, любуясь ухоженными газонами и красивыми домами. Я достаточно резко ему высказываю, что надо было предупредить или прийти пораньше – мол, мы на виду. Случайно присутствовавший при этом Макар смотрит на нас понимающим взглядом, потом берёт меня под локоток, ведёт к ближайшему бару и заказывает два коньяка: «Юрка, давай выпьем за нас, руководителей. Они все считают нас жлобами и козлами и невдомёк им, братьям меньшим, какая на нас ответственность за них же и во сколько нервов нам обходятся вот такие безобидные прогулки, за которые Лозе ничего не будет только по одной простой причине, что пиздюлей получаешь ты». А с Лозой тогда мы немного повздорили, и хоть быстро замаяли, но трещинка становится всё глубже. При этом, как сейчас бы сказали, ничего личного. В какие-то моменты Юрка ведёт себя просто трогательно. Незадолго до ГДР гастролируем в Ростове, где один из техников бузит ночью в гостинице и его, сильно пьяного, забирают в милицию. А времена ещё ого-го какие! Один звонок или статья в газете – и все наши заграничные планы накрываются медным тазом. Дай Бог здоровья администратору гостиницы: она, видя такое дело, находит Макса, который у себя в номере выпивает с Лозой. Макс бросается будить меня, но Юрка его стопорит: мол, какой смысл Давыда поднимать, если мы всё равно не спим, а вмешиваться так и так надо. Короче, они выясняют, куда забрали нашего Витьку, берут у таксистов пару бутылок водки, прихватывают гитару и едут в милицию, где дают небольшой концерт с розливом, вызволяют нашего гуляку, под утро возвращаются и ложатся спать. Я об этом узнаю только после концертов на следующий день, беру у таксистов

пару бутылок водки, зову Макса с Юркой – ну и... далее везде! Внутри группы Юрка общается намного лучше, чем с внешним миром, это факт.

Несколько лет назад мне звонит какой-то журналистишка, из молодых, и напористой скороговоркой говорит: мол, расскажите про ваш конфликт с Лозой, я заинтересовался и хочу написать историю вашей группы.

На что я отвечаю, что историю группы тебя писать никто не просил, надо будет – без тебя как-нибудь обойдёмся. Что касается конфликта, то ты уверен, что сможешь в нём разобраться? Следует мгновенный утвердительный ответ. Ну что ж – пиши, диктую:

«Мы с Юркой работали, дружили и чудили вместе около пяти лет. Он жил у меня дома, был свидетелем на свадьбе, я находился рядом, когда он узнал о том, что его дочь не выжила при родах, и я же рванул к нему на радостях, когда родился мой сын, при этом выпитая вместе цистерна, оттраханный женский батальон, выживание в Тюменской области, ночные творческие бдения, месячные репетиции в период очередной антироковой кампании, долгожданный триумф – и это всё на фоне того самого конфликта, в котором ты уверен, что разберёшься. Точно разберёшься, мудила?» Чувак отвалил.

Лето работаем без продыху: Одесса, Сочи, Фрунзе, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Харьков. Прилично зарабатываем, вполне довольны жизнью. В Сочи по два выступления в «Фестивальном» десять дней подряд, один из концертов снимает местное телевидение, и Макс Миссин делает невозможное: каким-то образом выкупает огромную профессиональную катушку с записью – предмет строжайшего в то время учёта. Эта катушка в большой синей коробке долго стояла у меня дома, потом на базе, и уже в конце девяностых я решил переписать её на более современный носитель. Открыв коробку, я увидел, что она пустая. Кто, когда, а главное – зачем спёр эту уже никому не нужную, давно не используемую на телевидении плёнку, так и осталось загадкой. Жалко до безумия. Это был единственный, профессионально снятый, концерт в «золотом» составе.

В Москве, примерно в это время, в кафе «Метелица» проходит собрание подпольных рок-групп, на которое приглашают руководителей профессиональных коллективов. Там какая-то истерия, галдёж, базар, суть которого в том, что ансамбли, объединённые во вновь созданную московскую рок-лабораторию, подвергаются не то чтобы гонению, но им не покупают аппаратуру, не дают записываться, сниматься на телевидении, давать кассовые концерты. Вид у них обиженный и капризный, требования конкретны. Дали слово и

мне, пытаюсь объяснить, что мы тоже до сих пор не имеем ни одной пластинки, что мы готовы брать с собой на гастроли любую из групп, чтобы сократить ей путь к массовому слушателю. С той стороны больше всех выступают Александр Липницкий из «Звуков Му» и Александр Ф. Скляр («Ва-банкъ»), затянув одну и ту же песню – мол, профессионалы продажные и конформистские, а мы истинные. Точку в этом споре поставил Градский, призвав провести общий фестиваль «Рок-панорама-87», где каждый покажет на сцене всё, на что способен.

Восемьдесят седьмой год положил начало развитию кооперативного движения в СССР, в том числе в концертной сфере. Стали поступать предложения о концертах, где каждый из нас получал бы не по двадцать руб., а по сто-сто пятьдесят. Мы поначалу очень осторожно к этому относимся – на памяти масса исторических примеров, когда государство делает вид, будто что-то даёт, а потом забирает то, что дало, и конфискует всё остальное. К тому же, у нас и так всё в порядке. А вот начинающие артисты и группы, особенно те, кого раньше на порог не пустили бы даже не из-за стилистических несоответствий (с этим как раз стало намного легче – огромное количество вокально-инструментальных ансамблей быстро скинули костюмы с бабочками, отрастили волосы, бороды и усы, натянули чёрную кожу, нацепили вериги и стали исполнять невысокого качества, но все же рок), а элементарно ввиду полнейшей профнепригодности и профанации всего что только можно, прорвали плотину и хлынули полноводной рекой. Появились и закрепились на отечественной сцене ужасающие в творческом и эстетическом отношении чудеса типа Олега Газманова, Бориса Моисеева, «Ласкового мая», всяких Владов Сташевских, Лен Зосимовых и иже с ними. Им, к тому же, терять-то нечего. Уволить их нельзя, потому что они и так не работают. Закрывать выезды – так об их поездках и речи нет. Радио, телевидение, пластинки заменяются распространением магнитоальбомной продукции в колоссальных объёмах, где при отсутствии контроля качества и репертуара они тоже преуспевают.

Одновременно начинают проникать ростки ещё одного невиданного жанра, до поры ввозимого из-за рубежа, в виде Вилли Токарева, Любы Успенской и других, моментально подхваченного доморощенными хриплыми голосами с убедительной интонацией людей, обладающих большим жизненным опытом. Странно, почему французы до сих пор не спросили, с какой стати этот псевдоблатный стиль с виршами о зонах, вагонах, малинах, паханах, вохре, тюремных понятиях, правильных ворах назвали изящнейшим словом «шансон»...

Появляются и новые, по-настоящему талантливые ребята. Серёжа Минаев, Володя Маркин, Дима Маликов, группы «Лотос», «Чёрный кофе», Серёжа Крылов, Ольга Кормухина, Андрей Мисин. Особняком стоит Володя Пресняков.

Ни до ни после наша эстрада не видела такого искреннего, позитивного, светящегося изнутри героя. Настоящие фирменные продюсеры, имиджмейкеры, стилисты быстренько выколотили бы из него белого Майкла Джексона и помогли реализовать до конца собственный Вовкин потенциал, создав ещё одну мировую звезду. А так он, моментально и без особого труда завоевав СССР, попал в руки ограниченных и жуликоватых прокатчиков, которые в течение нескольких лет безжалостно растранижили его ресурс на бесконечных гастролях, лишив дальнейшего развития. Когда он спохватился, было поздно. Его лучезарный образ жёстко связан с возрастом, и очень высокий, пронзительный голос органичен для белокурого голубоглазого мальчика (этакого «маленького принца»), для взрослого мужика уже надо придумывать что-то другое, а момент для плавного перехода упущен. А ещё мне обидно, что самой известной и раскрученной его песней окажется явно придуманная левым мизинцем «Стюардесса по имени Жанна». Слов нет, она клёвая и прикольная. Но есть истинные шедевры – «Зурбаган», «Замок из дождя», «Ты скажи», после которых «Стюардесса» сильно опрощает Вовкину историю. Так часто бывает, иногда специально, иногда случайно. Такая же беда случилась у «Пресняров» с «Вологдой», которую они слепили для разового исполнения на юбилейном концерте поэта М. Матусовского. А Сергей Беликов со своей «Снится мне деревня!» И это после тухмановской «Сентиментальной прогулки»? Как говорится – жестокие законы шоу-бизнеса.

Иногда это делается собственными руками. Талантливый мелодист, но в остальном не всегда правильный, Саруханов написал блестящую песню «Скрип колеса» – глубокую, пронзительную, с на редкость гармоничными текстом и мелодией. Но есть один нюанс: «Скрип колеса» на слух можно воспринять как «Скрипка Лиса», что и произошло со многими слушателями. А раз так, то Игорёк рад стараться – принял и сам стал нести полный бред про какую-то образность, про символы и прочую ахиною.

И вот уже вся Москва заклеена афишами сольного концерта с названием «Скрипка Лиса». Разве можно так не уважать себя и собственное творчество?

Возвращаясь к Преснякову. В то время он очень хорош. На фантастическом концерте летом восемьдесят седьмого года в Измайлово с участием Карлоса Сантаны, Джеймса Тэйлора и других великих

мировых звёзд он представляет Союз вполне достойно. Именно в этот период происходит незаметное сначала размежевание по жанрам даже не у музыкантов (оно всегда было), а у музыкальных СМИ, каждое из которых выбирает себе нишу и начинает бить только по этим целям, воюя и стараясь перехватить на свою сторону как можно больше слушателей. Времена массовых кумиров, которым поклонялись все, уходят. В принципе, музыкальное разнообразие существовало всегда – и это нормально. Каждый имеет своё представление о прекрасном, люди формируются в рамках социальных, национальных, идеологических, религиозных сфер. Поклонники «Лед Зеппелин» и «Смоцетов» вряд ли могут даже с водкой сесть около одного магнитофона. Но, повторяюсь, разные вкусы формировались спонтанно, и теперь музыкальная индустрия нашей страны осознанно забирает этот процесс под себя. Все предпосылки для этого возникли. И главная из них, как ни крути, финансовая.

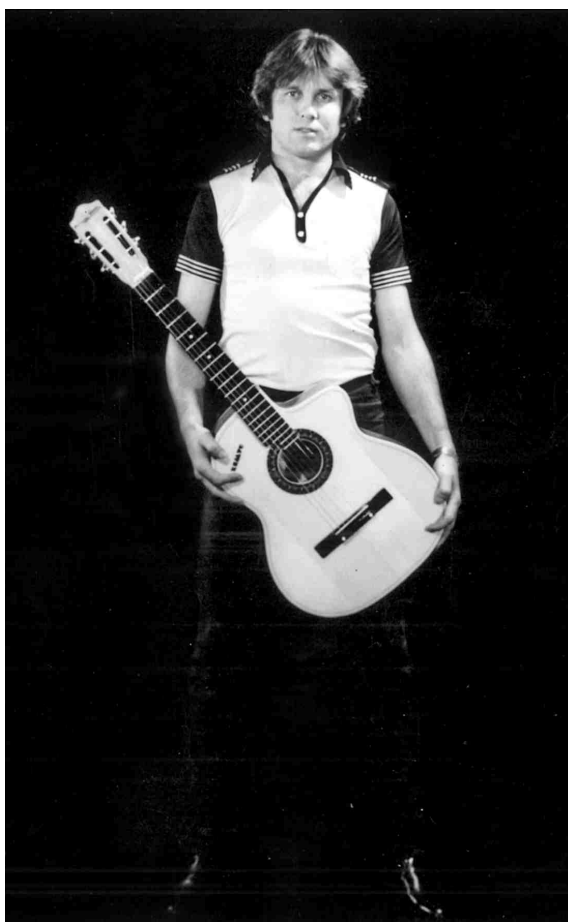
Лоза решает уйти

Юрка всё чаще просит перенести или отменить гастроли группы, ссылаясь на сильную занятость. Мы всегда идём навстречу, даже отважились поехать в Одессу без него, где более-менее удачно отработали второе отделение в сборных концертах в летнем Горсаду на Дерибасовской и на стадионе ЧМП.

Скоро выясняется, что Юркина занятость очень проста – он ездит за другие деньги в другие места. Серьёзный разговор неминуем, и он происходит. Высоким договаривающимся сторонам удаётся сохранить максимальное взаимопонимание и доброжелательность. Юрка твёрдо решает уйти, чтобы не осложнять себе и нам жизнь. Мотивы – возможность больше зарабатывать и полностью сосредоточиться на сольной карьере (в новых условиях это гораздо легче, чем раньше) плюс понимание того, что последний год он ничего толком не вносит, а группа всё равно остаётся на плаву – стало быть, он со спокойным сердцем и с самым дружеским отношением может её покинуть.

Со своей стороны мы тоже чувствуем в последнее время, что прежнего Лозы уже нет, и исподволь готовимся к его уходу. Становится заметно, что музыкальная эклектичность группы, или, как Юрка метко назвал, «лоскутное одеяло, которое греет», себя изжила. Некоторые номера, в частности итальянские пародии, своё отслужили, новый альбом был запущен, и мы ожидали массового благоговения от заявленной сызнава музыкальной стилистики (что оправ-

далось, мягко говоря, не полностью). В Москве нас очень многие подзуживают на эту тему. Тот же Кутиков Сашка, тот же Шавырин Дима из «МК» и другие близкие люди постоянно твердят одно и то же: «Вы же чисто столичная группа с личностной и музыкальной эстетикой молодых интеллигентных москвичей. Зачем вам этот провинциал, да – талантливый, да – харизматичный, да – лидер на сцене, но это же не ваш лидер. Ваш лидер – Валерка, он всё сделает». Лоза, очень добрый, по-своему ранимый парень, предпочитает играть роль, особенно для внешнего мира, этакого всезнайки – некор-

Юрий Лоза

ректного, недоброжелательного, бравирующего своим нигилизмом по отношению к коллегам и вообще авторитетам. Поэтому московская тусовка его по большому счёту не приняла. Да и внутри группы нарастает если не напряжение, то некоторый дискомфорт. Вроде всё как раньше: концерты, футбол, – но тусовки-посиделки Юрка посещает через раз, в оценках всё чаще ссылается на свою жену Светлану, а если она едет с ним на гастроли – мы его вообще не видим кроме как на площадке. Валерка настоятельно предлагает взять в коллектив Сергея Мирова – московского тусовочного шалопаю если не из «золотой», то из «серебряной» молодёжи, внука знаменитого дедушки из юмористического дуэта шестидесятых «Миров и Новицкий». Идея состоит в том, чтобы поменять новую форму ведения программы и объединить её сквозной стилистической нитью вместо совсем уже устаревшего конференсье с фельетонами и бородатыми шутками. И хоть Кипрушин не самый плохой из них,

1987 г. Одесса создана для нас

речь идёт о жанре. Всё-таки он инородное тело, вставной номер – в костюме и бабочке, чопорный и корректный в рамках амплуа (в жизни сильно другой), а Мирон на сцене – наглющий, толстый, самовлюблённый хам (как и в жизни!), чистый Жорж Бенгальский из «Мастера и Маргариты». Мы надеемся найти этому гротесковому применению в мирных, простите за тавтологию, целях и берём с собой на гастроли – пусть осваивается. В конце лета Юрка официально объявляет, что через два месяца он уйдёт, и мы не возражаем. До сих пор считаю это самой большой своей ошибкой. Я же по образованию инженер-системотехник, я всё это проходил в институте по «Теории управления», да и житейского опыта должно было хватить для осознания простой вещи: если какая-либо система, в данном случае группа музыкантов, четыре года проработала в одном составе, не дав серьёзных сбоев, стало быть, она сама себя отрегулировала, отстроила, и всё, что есть внутри, даже отрицательное, является всего лишь и опять же частью этой самой системы. Ни в коем случае нельзя её трогать. Любое, пусть даже, на первый взгляд, явное улучшение, изменит устоявшееся равновесие, и обратно оно никогда не вернётся. Вряд ли я могу удержать Юрку в прежнем статусе, но можно наверняка поискать компромиссы в виде параллельного членства в группе и раскрутки сольной карьеры – по крайней мере на какое-то время. Но в тот момент я принимаю и разделяю эйфо-

рию остальных, что «Эпоха Лозизма» завершена и нечего оглядываться, надо идти дальше. Тем более впереди «Рок-панорама-87» – она всё и покажет. Показала! Причём очень отчётливо, но всему своё время.

Киев

Пока что мы впервые едем в Киев, где нас ждут – не дождутся ребята из «Динамо», с которыми иногда коротко пересекаемся в Москве, но прошлогодние ленинградские похождения развития не получают ввиду плотного графика. Поэтому мы, планируя Киев, в первую очередь смотрим на футбольный календарь, чтобы накануне первого концерта попасть на матч «Динамо» (Киев) – «Торпедо», проводить торпедовцев на вокзал, ну а потом... Началось! В тот же вечер они заезжают за нами в гостиницу и приказывают собрать весь коллектив для заказанной в честь нас вечеринки.

Киевская депутация расширена за счёт ставшего за этот год одним из лидеров команды Лёши Михайличенко плюс абсолютно не пьющего, но абсолютно тусовочного Вани Яремчука, ну а троицу Баль–Бессонов–Демьяненко никто не отменял. Разбиваемся на четвёрки – один киевлянин плюс три наших – и на такси отбываем в неведомое нам пока место. Все уехали, остались Баль, я, Сюткин и Гордеев. Времена-то ещё советские и такси, прежде чем на нём уехать, ещё поймать надо. А они все заняты, проезжают мимо. Вдруг одно из занятых с визгом тормозит около нас, из него вылазят четыре мужика и обращаются к Балю: «Андрей! Не должны Вы вот так стоять на улице. Садитесь с друзьями и езжайте, мы себе другое поймаем».

Мы всю дорогу ошарашенно молчим. Наверное, современные звёзды зарабатывают в сотни раз больше, но такая любовь народная – ещё раз (!): не популярность, не уважение даже, а именно любовь – им (да и нам тоже!) не снилась. Такси нас привозит на Подол к речному вокзалу, у причала которого сверкает огнями речной суперлайнер тех лет «Академик Глушков», предназначенный исключительно для иностранцев, желающих пройти по Днепру. Охрана в форме и штатском, зона нахождения выгорожена. Киевляне шутят: «Это мы выставили, чтобы Лобановский не прошёл незаметно». Время около полуночи, все рестораны в городе закрыты, а здесь: гуляй – не хочу! Никто не видит, время неограниченно, теплоход пустой, старые туристы сегодня выехали, а новые будут только завтра. Мы, стало быть, никому не мешаем, да и нам тоже раздолье. В баре теплохода ассортимент гораздо шире, чем в любом ресторане. Как ребята разбираются с барменом, нам знать

не дано. Толя Демьяненко сразу объявляет, что сегодня его очередь и чтобы никто никаких финансовых порывов не совершал. А народу собралось человек тридцать-сорок. Весь бомонд Киева: известные спортсмены, среди них чемпион мира по боксу в тяжёлом весе Саша Ягубкин, модные портные, каталы, валютные проститутки, какие-то неведомые воротилы теневого бизнеса. На все вопросы, причём и со стороны местных, Толик, в то время ещё неженатый, отвечает сразу и конкретно: «Ребята! Я одинокий ЗМС, у меня в жизни много проблем и хлопот, а радость одна – встретить и принять друзей. Не лишайте меня этой радости!» Не поспоришь!

Хорошенько выпили – понеслись байки и рассказы. Динамовцы, куражась, рассказывают, как они гудели в разных столицах мира: «А вот в Париже!.. А ещё в Мадриде!.. А помните, в Риме?.. Но круче всего в Нью-Йорке!.. Да- да! В Нью-Йорке...» И вдруг, до этого молчавшая жена Баля Света, говорит: «А хотите, я расскажу, как они гудели в Нью-Йорке? Это недавно было, я ещё помню!» Воцарилась тишина, динамовцы смотрят на неё с опаской...

– Так вот, – продолжает Света, – Андрей, как и любой муж, всё время заваливал меня шмотками из-за границы. Причём я никогда ничего не просила, как-то оно получалось само собой, а тут они

От нашего струнного дуэта народ обалдевал

собрались в Америку, и я в первый раз в жизни написала ему короткий список. А были они там целый месяц. Возвращался он всегда навьюченный, как мул, иногда в несколько приёмов приходилось поднимать чемоданы и тюки из такси в квартиру. А здесь приезжает, как и уезжал, с одной спортивной сумкой на плече. Я ему:

– Андрей! А список?

– Что? Ах да, список, – и так смущённо, – ты знаешь, там ничего нет.

Инициативу перехватывает Ягубкин и рассказывает три боксёрские истории – две короткие, одну чуть длиннее, – но не могу их не воспроизвести.

Первая. Боксёр рассказывает о прошедшем бое: «Первый раунд равный, второй чуть-чуть проигрываю. Выхожу на третий – сейчас или никогда! Иду в атаку – и вдруг в зале свет погас. А когда включили, я уже в раздевалке».

Вторая. Очень горячий и азартный боксёр-осетин во время боя полез очертя голову на соперника, пропустил сильнейший нокаутирующий удар, после которого его минут 10 откачивали, давали нашатырь, прикладывали лёд, сделали какой-то укол. Наконец открыл глаза, сфокусировал их и вдруг рывком приподнялся: «Кто выиграл?»

И, наконец, третья. Дело было в начале семидесятых. На пляж в Дарнице приехал живой тогда в Киеве чемпион Европы в наилегчайшем весе до 48 кг (на боксёрском сленге – мухач), фамилию сейчас не вспомню. Приехал и приехал – купается, загорает, лёжа на песочке, никого не трогает. А в то время только-только начал входить в моду бодибилдинг, хотя даже слова ещё такого не было, они называли себя культуристами. Вот такой пассажир и появился на пляже – под два метра, мышцами играет, стоя девушек за ним, то в позу встанет, то руки поднимет, то пресс напряжёт напоказ – красавец, что говорить! И так получилось, что он встал около мухача, загородив ему солнце. Тот снизу, не поднимаясь, вежливо, дескать, места навалом, что же ты прямо надо мной, будь другом, отойди. А у того – мышцы и девушки, поэтому отвечает крайне невежливо: лежи, мол, сикильдявка, и помалкивай, пока я тебя случайно не раздавил. Тут уже мухач встал и говорит, по-прежнему вежливо:

– Вот, смотри, я маленький, но у меня очень сильный удар. Поставь ладонь на уровне плеча!

Тот снисходительно сгибает руку в локте:

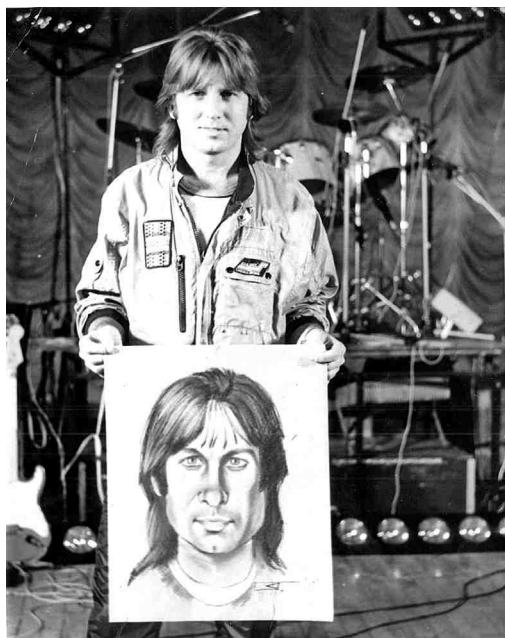
– Ну?!

И тут мухач со всей дури бьёт ему снизу в челюсть. Тот, бедный, так с согнутой у плеча рукой и рухнул навзничь.

Естественно, нам есть чем ответить, хохот не замолкает, дым ко-
ромыслом, вино рекой, до звёзд – рукой!

Около четырёх утра расходимся, а в час дня Баль приезжает в го-
стиницу нас будить. Как выяснилось, после уже состоявшейся первой в
этот день тренировки! У Лобановского! В сумке у него что-то позвяки-
вает, но нам нужно готовиться к концерту, поэтому мы кротко просим
перенести опохмел на после концерта. Андрюха пошутил напоследок –
мол, «Машина времени» покрепче будет.

Вечером начинаются концерты. Наши «грязные» технологии сра-
батывают по полной. Для огромного Киева мы выбрали в качестве

1987 г. Киев. Художник нарисовал шаржи на всех и попросил сфотографироваться

концертной площадки Дом Офицеров с залом на 700 мест. Из-за этого чуть не сорвался первый концерт. Бокового входа там нет, а у главного такая толпа, что мы, выйдя и встретив динамовцев, не могли зайти обратно. Тут уже никакая популярность не спасает – просто глухая толпа. Кое-как протискиваемся, начинаем с опозданием, но приём обвальным, переполненный зал трещит по швам: в то время рок-группы в Киев пускают крайне неохотно. Уже в наши дни на хвастливые заявы одного из новомодных кумиров – типа, они полные залы собирают, я ответил: «Собираете? Как интересно! А на нас зрители сами приходили».

Глава XI. Минус Лоза

Стараемся не думать о том, что по заранее оговорённому графику киевские гастроли – последние с участием Лозы. Все держатся подчёркнуто дружелюбно, после последнего концерта мы благодарим со сцены друг друга за счастливо проведённые годы и уносим Юрку за кулисы на руках. Вечером на импровизированной вечеринке очень тепло общаемся, желаем друг другу успехов и побед. В разгар веселья Лоза отводит меня в сторону: «Юрбан! Я ухожу, но мне небезразлично, что будет с группой. Поэтому оставляю политическое завещание: гони на х..й Мирова! Я за ним пять дней наблюдаю – хлебнёшь от него, попомни мои слова!»

Я внимательно его слушаю, но не вижу каких-то веских оснований для такой суровой оценки. Да, хам! Да, жлоб! Но мы же вроде так и задумали, к тому же ему не откажешь в эрудиции, в застолье он незаменим, какие-то идеи вроде подбрасывает. Короче, списываю эти высказывания на Юркину нелюбовь к московской «золотой» молодёжи.

Утром они со Светой улетают, а нас ждёт один из самых запомнившихся дней в жизни, особенно меня.

Ребята из «Динамо» уговорили Лобановского разрешить мне потре-

Говорил мне Лоза: «Гони Мирова!»

Слева направо: Демьяненко, Рак, Беланов, Макс, я

нироваться с командой на их базе в Конча-Заспе, не в основной группе, конечно, но полноценно с запасными и дублёрами. Я отработываю всю тренировку, вызвав удивление нехарактерным для рок-музыканта уровнем вратарской подготовки, и мы договариваемся после второй в этот день тренировки, уже в городе, на стадионе «Динамо», провести импровизированный матч «Динамо» (Киев) – группа «Зодчие». Прямо

Памятный матч с «Динамо» (Киев). Слева направо стоят: Алексей Михайличенко, Макс Миссин, неопознанный, Юрий Давыдов, Андрей Баль, Толя Рудаков, Валерий Сюткин, Анатолий Демьяненко, Игорь Беланов, Иван Яремчук. Сидят: Саша Абрамов, художник-шаржист, Сергей Рак (лучший закройщик Киева), Анатолий Чубаров (администратор «Динамо»), Владимир Бессонов, двое неопознанных

из Конча-Заспы мчусь на Подол, где мы среди стареньких, под снос домов снимаем чудесный клип на песню «Юла», очень ностальгический и трогательный, который не сохранится, потому что режиссёра Вадима Бойко, через некоторое время, убьют неизвестные в его собственной квартире.

В назначенное время приходим на стадион, переодеваемся и имеем честь сыграть шесть на шесть с командой соперника – Баль, Бессонов, Беланов, Яремчук, Демьяненко, Михайличенко – вся сборная СССР.

Безумно весело и позитивно! В то время артистических команд у нас нет, и происходящее действие вызывает неподдельный интерес у всех присутствующих – даже Валерий Васильевич, уходя по беговой дорожке, замедляет шаг.

Замыкая круг

В Москве время спрессовано донельзя. Не за горами «Рок-панорама-87», где мы намерены показать новое лицо группы. Каждый день какие-то концерты, интервью, съёмки. Появляется новая молодёжная телепрограмма «Взгляд», для которой мы с нашим юмором и подколами просто созданы. И в первом же выпуске показывается пародия на советские вокально-инструментальные ансамбли. Там есть нюанс. Фонограмму мы записали ещё с Юрой, а к моменту съёмок его уже не было. Поэтому куплет в середине, там где «Тёмные тучи... нас не разлучат», поёт Сюткин голосом Лозы. Этот ролик сохранился.

В те же дни звонит Крис Кельми и приглашает меня и Сюткина принять участие в новогоднем проекте – знаменитой впоследствии песне «Замыкая круг» с участием всех реальных рок-звёзд того времени. Всё происходит в два этапа. Сначала нас собирают в Останкине в первом тон-ателье, несколько раз проигрывают инструментальную фонограмму песни и каждому дают свой кусочек для исполнения. При этом специально вызывают по одному-два, чтобы эти один-два не слышали исполнения предыдущих и пели так, как сами считают нужным, без оглядки на остальных. Такой приём очень здорово срабатывает на песню в целом. А уж последний куплет и припев с повторами вся тусовка с колоссальным подъёмом поёт хором. Очень хорошо помню свои ощущения от причастности к чему-то грандиозному и досаду, что общей картины этого грандиоз-

«Лето и зима»

«Замыкая круг»

1988 г. Привыкаем играть без Лозы

ного нам в тот вечер послушать так и не дают. Зато через пару недель опять всех собирают уже для съёмок. И здесь, услышав окончательно смонтированную и сведённую фонограмму, народ ахнул – до какой степени всё клёво. Снимаем всё быстро, на одном дыхании – сначала тени, потом крупные планы и в конце общефинальную часть. Технология такая же – каждый видит только себя. Но уже понятно, что

1987 г. Дома у Минаева. Пьянка после съёмок «Замыкая круг». Я, Макаревич, Женя Фёдоров (руководитель «Звуковой дорожки» МК), Костя Никольский

создаётся гвоздь «Новогоднего огонька». Закончив съёмку, стоим всей оравой у Останкино и никому не хочется расставаться. Минаев, живущий ближе всех, приглашает поехать к нему, толпа радостно соглашается. Восемьдесят седьмой год, машины ещё далеко не у всех, но кое-как по шесть-семь человек набиваемся в «Жигули» того же Минаева, Макаревича, Криса, Ситковецкого и доезжаем.

Народ собрался опытный, тёртый, поэтому спиртное, не сговариваясь, каждый прихватил с собой. Смущает отсутствие закуси, но не сильно. Тем более что мудрый Макар подводит теоретическую базу под нежелание ехать в час ночи на какой-нибудь вокзал за не очень свежей колбасой (круглосуточных магазинов ещё нет), а именно: в разгар дискуссии он просит у почтенного собрания слова и жёстко формулирует бесспорный постулат: «Ребята, давайте разберёмся! Мы пьём для того, чтобы быть пья-

Те же плюс Сашка Иванов и съёмочная группа

ными, а закуска есть фактор, препятствующий этому, так ведь? К тому же Минай говорит, что он привёз два ведра яблок с дачи. Чем не под водочку?»

Спорить невозможно и неохота, поэтому через полчаса назюзюкавшаяся и счастливая толпа раз сто подряд горланит припев «Замыкая круг, ты назад посмотришь вдруг...», причём одни участники добавляются в хор, а другие выходят в кухню, чтобы добавить, на песне это не сказывается. Одна из самых счастливых ночей в жизни.

Крис, дай ему Бог здоровья, сделал невозможное по тем временам: собрать всю разномастную амбициозную и очень востребованную рок-когортку – это его индульгенция на многие годы вперёд за великие и малые грехи (первых больше).

И ещё. Сейчас мы умиляемся своей наивности на тот момент – святой вере, что поём гимн, а на самом деле получился реквием нашему московскому рок-братству.

Буквально через несколько месяцев из всех щелей повылезают ласковые май, миражи, ромы жуковы, комбинации с одной стороны, а с другой – всякие чернокнижники – унылый ленинградско-свердловский эрзац-рок с мессианскими наклонностями и претензией на истиннообладание.

Но всё это потом, а пока наслаждаемся волшебным состоянием, когда любишь всех, всё и весь остальной мир. Выйдя на улицу в четыре утра, мы ещё полчаса продолжаем наш славный хор, и жители окрест крепко запоминают песню задолго до официальной премьеры. Первые восторги и респекты нам передают через милицейские патрули, которые один за другим с разных сторон вызваны неблагодарными слушателями. Однако менты попадают продвинутые и не решаются вязать главных рок-героев страны.

К тому же мы для каждого экипажа устраиваем индивидуальное прослушивание, начиная песню с самого начала. От предложенной водки из горла они всё-таки дружно отказываются, но их отъезд означает, что последняя публика покинула зал. Петь больше не для кого, мы радостно и шумно прощаемся. Самые стойкие ещё едут ко мне, на Пушкину, но я там уже присутствую только как физическое тело и про этот этап ничего поведать не могу.

Клуб группы «Зодчие»

На следующий день выхожу за сигаретами и наблюдаю у памятника Пушкину какого-то малого, который усиленно зазывает проходящий по улице молодняк в Дом Культуры «Созидатель» Первого

домостроительного комбината на дискотеку под названием... «Зодчие».

Неврубон Утрович Похмельюгин (это название состояния) не сразу позволяет выстроить причинно-следственные связи: строительная организация → «Созидатель» → «Зодчие», поэтому я с недобрыми намерениями начинаю задавать вопросы типа «...а почему, собственно?» К чести парня, он не лезет в бутылку, а, напротив, сочувственно посмотрев на меня, достаёт из сумки целых две – с холодным пивом. Откупорив и протянув мне одну, автоматически переводит разговор в восторженно-конструктивный. Суть в том, что дискотека в Москве уже как грязи, а ему хочется объединить ребят каким-то более интересным досугом. А здесь такая удача – главный «Зодчий», после пива тихий и покладистый, неужели ничего не предложит для одноимённой молодёжной группировки?

**КЛУБ
ГРУППЫ**

22 ноября, в воскресенье.
В Доме культуры «Созидатель» (недалеко от м. «Беговая»).
Впервые в Москве!
Открывается клуб любителей ансамбля «Зодчие». На открытии — новая программа коллектива. Ответы на вопросы. На следующих встречах — многочисленные сюрпризы.
Начало в 18.00.

1988 г. Привыкаем играть без Лозы

Задумываюсь о том, что перед «Рок-панорамой» неплохо обкатать программу на московской молодёжи, и мы договариваемся о шефском концерте в «Созидателе» с последующим обсуждением в виде диспута, что нам тоже не помешает.

Сказано – сделано. Получилось настолько клёво, что нам самим очень любопытно, когда ребята 18-20 лет начинают спорить между собой о нашей программе и о рок-музыке вообще. Их осталось около сотни, и они не хотят расходиться. Самое интересное, что мы тоже. Им, естественно, безумно интересно нас слушать, а нам не менее интересно рассказывать и даже спорить. В процессе общения рождается потрясающая идея – создать «Клуб группы «Зодчие»», причём не фан-объединение и не клуб поклонников, а именно клуб группы, в рамках которого мы можем собрать сотню-другую молодых, любознательных и в то же время почти сформировавшихся, чтобы отчасти обращать их в свою веру и на них же эту самую веру проверять, а при необходимости корректировать. Самые смелые из них в первый же день заявляют нам по поводу услышанного, что программа, несмотря на классное музыкальное содержание, имеет очевидные изъяны на уровне общего посыла. От неё веет некоторой назидательной напыщенностью и псевдофилософским пафосом. Их формулировки более оттекаемы, но суть именно в том, что сверстников группы поздно учить и открывать им глаза на окружающий мир, а для молодёжи предложенный язык является устаревшим и неубедительным – это уже другое поколение.

Слушаем юных нахалов-нигилистов с интересом, но попыток что-либо изменить не предпринимаем. Нашу задачу – выйти на «Рок-панораму» без Лозы и показать совершенно новый и неожиданный музыкальный уровень переформатированной группы – никто не отменял. К тому же в нас ещё сидит «Рок-панорама-86» и слегка уязвлённое самолюбие, когда на общем фоне мы выглядели здорово, но немного легкомысленно. Пытаемся объяснить это ребятишкам, они остаются при своём, но собираются всей толпой, в любом случае, прийти нас поддержать. Это очень трогательно, они тут же, в процессе общения и обмена телефонами, выдвигают чудесного человека, юную скромную Юленьку Синяковскую, на роль их лидера, что гарантирует интеллигентность и целомудренность всему происходящему.

Забегая вперёд, скажу, что нам удаётся организовать ежемесячные клубные вечера с участием групп «СВ», «Алиби», «Шанхай», «Воскресение» и других. О, благословенные времена, когда никому в голову не может прийти, откликаясь на дружескую просьбу выступить, заикнуться о каких-либо деньгах. Клуб благополучно просуществует пару лет, совместно отгуляет несколько внутренних свадеб, подарит нам

песню, ставшую одним из хитов группы, – «Жевательная резинка», написанную членами клуба Олегом Богуславским и Андреем Борониным, а главное, как нам хочется верить, – задаст на всю жизнь этим ребятам один из самых правильных и позитивных векторов личностного развития.

Рок-панорама 87

Как видите, всеми способами стараюсь оттянуть рассказ о «Рок-панораме-87» – первом крупном обломе группы. Мы на самом деле не чувствуем опасности, нас не смущает даже то, что «Секрет» и «Машина времени» осознанно пропускают это празднество. Причём по абсолютно понятной и логичной причине – дескать, это спланированная атака всего нового и талантливого на уже устаревающее, а своего нового и классного у них сейчас нет. Ну это у НИХ нет, у нас-то есть. Как рубанём «Человек с дивана» или «Стекланный Дом» вместе с «Дитя Урбанизма», так весь зал и зарыдает от умиления – как же так, мы-то, дураки, думаем, что «Зодчие» только прикалываться и смешить умеют, а здесь гляньте-ка, на какую музыкальную и поэтическую глубину они нырнули, какие пласты общечеловеческой культуры вытащили на обозрение.

Слава Богу, зал достаточный для триумфа – Дворец спорта в Лужниках, тысяч на десять, не чета прошлогоднему Дому Туриста. Пусть все увидят! Названия участников, кроме старой гвардии типа «Арии», «Круиза», «Автографа», «Рок-ателье», ничего не говорят – какие-то «Наутилус Помпилиус», «Бригада С», «Альянс», «АВИА», «Алиби» – кто эти люди?

Между тем час расплаты всё ближе. По своему обыкновению, мы, разбалованные нашим великим звукорежиссёром Лукой, даже в день выступления не удосуживаемся приехать на настройку пораньше, чтобы поводить жалом или покрутить башней, кому как по душе. Как на грех, мы выступаем в первый день, чтобы, по задумке организаторов, задать тон всему фестивалю. Выступай мы позже, глядишь, можно было бы что-то скорректировать в программе, выкинуть-добавить-подправить, на худой конец – под благовидным предлогом соскочить (ангина солиста, вывих руки в гололёд у клавишника, безвременная смерть любимого кота барабанщика, да мало ли чего). Но нет, кичась своей ортодоксальностью, мы не сочли нужным хотя бы глянуть на тех, кто непосредственно перед нами. Типа, по Станиславскому: взял паузу – держи! Выходим, только когда ведущие представляют коллектив, перечисляя все заслуги и достоинства. По тому, как публи-

ка встречает наше появление, мы чувствуем: нас ждали. И не просто ждали, а реально с нетерпением – что же такое «Зодчие» без Лозы и с анонсированными переменами. Тем более, мы выходим в гораздо более строгом образе, клетчатými штанами Сюткина не пахнет, я выхожу и ставлю рядом виолончель... Что-то будет! Ну, с Богом!

Читали сказку про вершки и корешки? Аккурат про нас. В прошлом году в ЦДТ в небольшом зале собрался весь музыкальный бомонд, а мы их давай смешить. Зато здесь, в огромном зале, где десять тысяч пришли оторваться по полной, далеко не все из них знали про наши перемены, и ещё меньшему количеству эти перемены были интересны, мы им как стали играть камерную, полуэстетскую и, что греха таить, не самую яркую для первого восприятия музыку... Не мне судить, хорошие или плохие песни «Юла», «Смычок и струны», «Экология», «Памятник», – кому интересно, может послушать, но именно их мы предложили многотысячной стадионной аудитории.

...Нас не освистали, не обругали, не закидали помидорами. Гораздо хуже – нас не заметили. Я бы даже сказал, сочувственно не заметили. Отыграв программу, мы под полувежливые полуаплодисменты уходим со сцены и... ощущаем вакуум. Мы перестаём быть интересны кому-либо здесь. Это настолько непривычно, что даже не верится. Знакомые, здороваясь и отводя глаза, тут же стараются отвалить. Журналисты, которые ещё два часа назад доставали тебя расспросами, дружно и мгновенно повернулись задницами, не видя в упор. Это как раз объяснимо: щепетильность – не их профессиональное качество. Но становится сильно не по себе. Таких падений ещё не было. Прозрение наступает сразу и, к счастью, не озлобляет, а, наоборот, заставляет пойти на трибуну и все дни внимательнейшим образом слушать и смотреть новые и старые команды, понимая, что прежний запас прочности исчерпан и надо предъявлять иные аргументы, если хочешь остаться в обойме, и предъявлять уже завтра. Впрочем, эти мысли касаются только нас самих – фестиваль идёт своим чередом.

Как и ожидалось, происходит несколько потрясающих открытий: во всей красе впервые перед широкой публикой предстают «Наутилус Помпилиус», «АВИА», «Бригада С», «Алиби» и другие.

«Нау» выглядит суперкомандой за счёт глубокого поэтического и музыкального материала, к тому же поражает сценической картинкой. Вместо разномастных, кто во что горазд, стремящихся любыми, стандартными и экстравагантными движениями завести публику, рокеров эти выходят в разных по фасону, но единых по стилю френчах, с разукрашенными в демоническом стиле лицами и... за-

стывают как вкопанные. Ни тебе притоптываний в такт, ни тебе раскачиваний гитарами, ни тебе манипуляций со стойками – вообще ничего. Просто стоят, словно статуи, и поют. Чем не шоу?

Совсем другое дело «АВИА». Музыканты где-то за плинтусом, всю погоду делают два шоумена: Марат Телиргазов, поющий, читающий,двигающийся, и вплотную за ним Антон Адосинский – лысый, как коленка, мим, синхронно и зловеще повторяющий все движения Марата, плюс шестеро девчушек-очаровашек крепкого сложения, сиястые и жопастые, этакие «девушки с вёслами», только без вёсел, зато в белых блузках и чёрных юбках. Впечатляет! Их программа начинается с обращения Марата к зрителям через мегафон-матюгальник, причём он находится в центре зала среди публики.

Тупорылые оперотрядовцы при первых словах подлетают к нему и пытаются вязать, потом понимают ошибку и, обосранные, сваливают. Лучшее начало программы для такого мероприятия придумать трудно. Народ с первого момента восхищён и с этим чувством уже не расстаётся.

«Бригада С» уже тогда строится на отрицательном обаянии «гадёньюша» Гарика Сукачёва, но всё-таки это ещё не Гарик и аккомпанирующий состав, а именно команда. И Сергей Галанин (впоследствии «Серьга») с бас-гитарой вполне даже на своём месте – очень клёвая модная группа.

«Алиби» из Дубны – самая антисоветская группа, не пытающаяся это скрывать. Три чувака, среди которых Сергей Попов, один из первых рок-н-ролльщиков СССР, лидер легендарной «Жар-Птицы», одеты в невесть откуда добытую северо-корейскую униформу (там в ней ходят все – от лесорубов до лидера страны), с запредельными по тем временам текстами, заставляют зал слушать, стоя:

Когда я про себя читаю враки,
Из тех, что всесоюзным тиражом,
Я думаю: вот и дошло до драки,
И запасаясь песней, как ножом.
Я пою, но не для них,
Я пою сейчас для вас,
Может быть, в последний раз,
Может быть, в последний раз.

В общем, интересно и полезно. Больше таких фестивалей не будет. Причины я уже назвал. Восемьдесят седьмой год – последний, когда рок-музыка является и культурным кодом, и знаменем в руках, и главным эстетическим началом советской молодёжи.

Пока гордые, грудью пробившие себе и другим дорогу рокеры ставят на уши «Лужники», где-то в подвальчиках на детских самоиграйках и кассетных магнитофонах оборотистые ребятки и девчатки пекут, варганят и тачают новые суперизделия шоу-индустрии: «Белые розы», «Я люблю вас, девочки», «Милый мой бухгалтер», «Американ бой» – далее везде.

Жизнь продолжается. Польша

Но мы ещё об этом не знаем. Несмотря на нашу неудачу, от души радуемся за рок-прорыв в целом, знакомимся с новыми героями. «Пушка» моя трещит по швам от ежедневных возлиятельных посиделок-ночёвок с неловкими утренними уточнениями имён и названий коллективов.

Постепенно приходим в себя. Наш самообсёр остался в «Лужниках», причём, как выясняется, мы не так плохо выглядели, просто от нас ждали другого. И никуда мы особо не рухнули, просто пришлось малость потесниться, а заодно, уже по-настоящему, задуматься о будущей программе.

А так ничего особо не изменилось: на гастроли ездим, не вынимая, по телевизору показывают, по радио крутят, по итогам «Рок-программы» песню «Юла» включают в итоговый сборник. Стало быть, пластинка не за горами, по крайней мере, на «Мелодии» попросили показать демозаписи.

Вода камень точит и в плане зарубежных выездов. Нам предлагают поехать на Новый год по советским воинским гарнизонам в Польшу и сразу в феврале – в Афганистан с намёком, что уж потом пойдут настоящие загранички.

Соглашаемся, оформляемся. Аппаратуру надо брать с собой, поэтому едет весь состав – с техниками, администраторами и сопровождающими военными.

Белоносов, правда, изнылся, что год тысячелетия христианства на Руси он должен встретить в шляхтской Польше, но едет. Польша выглядит неважно. Социализм уже закончился, а капитализм не начался. Какая-то вся опущенная. Но мы непосредственно её не касаемся. Наши концерты проходят для наших солдат в местах дислокации так называемой Северной группы войск. Живём в небольшом городке Легница, откуда почти ежедневно выезжаем на концерты в части. Гостиница представляет собой огромный особняк в готическом стиле – нам потом объясняют, что во время войны здесь находилось гестапо. Условия спартанские. Мы с Сюткиным и навязанные нам в программу

1987 г. Поездка по войскам в Польше

жонглёры Веня и Володя живём в двухместных номерах, остальные – в одной большой комнате. Мы с Валеркой назвали её «Палата №6». Входя туда, мы наблюдаем одну и ту же картину: Белоносов осваивает в наушниках новый клавишный инструмент, нам слышен только стук пальцев по клавишам – очень напоминает, как мыши по полу бегают. Техники, как водится, выпивают и громко играют навывлет в настольный хоккей. Артюхов с Гордеевым слушают «Police». Родька с Кипрушиным купили стаканы, на которых одетые в купальники красотки эти купальники теряют, если стаканы намочить. Вот они и передают эти стаканы друг другу, периодически слюнявя красоток, сравнивая и делясь впечатлениями о каждой. Для полноты картины не хватает, чтобы кто-то жёг документы, а ещё кто-нибудь стрелялся время от времени. И тогда, точь-в-точь – бункер Гитлера в последние дни войны, каким его показывают в советских фильмах.

И всё-таки, Польша иногда удивляет. После концерта во Вроцлаве едем обратно в Легницу. При выезде из города нас неожиданно останавливает местный гаишник. Мы на «ПАЗике», походный комплект аппаратуры едет сзади в небольшом грузовике.

Подходит, отдаёт честь. Говорит по-польски, но смысл мы улавливаем: «Извините, что остановил, но я вижу, вы не местные, а сейчас ночь и очень плохая погода (и впрямь паршивая – дождь со снегом). Так вот, через семь километров будет затяжной спуск и резкий поворот направо – пожалуйста, не прозевайте. То же самое на двадцать втором

километре – только там подъём и сразу перекрёсток. Фуры летают как сумасшедшие. Будьте внимательны! Счастливого пути!»

Голова долго привыкает к тому, для чего на самом деле изначально существует автоинспекция.

В дороге от нечего делать ведём какой-то дурацкий разговор о рейтингах, чартах, хит-парадах и вообще – о популярности. Жонглёры вынужденно слушают наш диспут, пока Веня (он постарше и помахровее, ярковыраженный еврей с характерным акцентом) возмущённо не обрывает Сюткина: «Приду’тки! Популя’гность-шматуля’гность! Бабки надо делать! Зав’га идите со мной, я вам всё покажу-’гасскажу». Показал-рассказал! Бабки мы не сделали, но варёнки, очень модные в то время, купили задёшево.

Премьеру песни «Замыкая круг» в Новогоднем огоньке смотрели на чёрно-белом «Шилялисе», захваченном кем-то из Москвы. Экран малюсенький, но стаканы и бутылки, стоящие на столе рядом с телевизором, обычные, нормальные.

На кругу своя...

В Москве сразу встречаюсь с Ловчевым. У него тоже круг замкнулся. Всё время сталкиваясь с несправедливостью в тех местах, где он пытается работать тренером, Женька конфликтует, ищет правду (в своём понимании), наживает врагов и, наконец, оказывается в Москве, отлучённый от футбола, с партийным выговором, а это на год «волчий билет».

Решаем, что мы на этот год зачисляем его в штат группы в качестве артиста вспомогательного состава, а реально в его функции будет входить поддержка спортивной формы коллектива.

Через год выговор снимут, что и требуется доказать. Он сможет вернуться к работе по футбольной специальности. К чести Жени, он ведёт себя в коллективе изумительно, не гнушается в случае необходимости помочь техгруппе, несколько концертов, подменяя заболевшего, сидит на световой пушке.

1988 г. Сюткин и Родин в песне «Металлист Петров»

Пока идёт оформление в Афган, у нас поездка в Ворошиловград (ныне Луганск). Программа потихоньку выстраивается. Гришка Гладков приносит «Песню на бис», которая изумительно встаёт после пародии на ВИА «Лето и зима». Текст «Песни на бис» привожу полностью:

Вечер, вечер, вечер, вечер,
 Вечер, вечер, вечер, вечер.
 Встречи, встречи, встречи, наши встречи.
 Свечи, свечи, свечи, гаснут свечи.
 Поздно, поздно, поздно, слишком поздно!
 Поезд, поезд, поезд, скорый поезд...
 Слюни, слюни, слюни... Песня! Песня! Песня!

Перед поездкой в «Звуковой дорожке» меня знакомят с молодым тогда поэтом Игорем Иртеньевым. Я сразу влюбляюсь в его стихи, вместе с Валеркой отбираем несколько для переложения на музыку и включения в программу. Так возникают «Землекоп», «Девушка в белом», «Сосулька», «Кошелёк», позже «Посвящение лётчику Русту» и «Часовой».

Благодаря этому поездка в унылый Ворошиловград становится яркой и плодотворной. Мало того, что мы с Ловчевым в составе всех чешем в футбол, у нас и песни новые вырисовываются, а следовательно, ситуация потихоньку выравнивается.

В один из дней у нас выездной концерт на родине Луки – в городе Стаханов. Собирается ползала Колькиных друзей и знакомых, среди которых он привлекает и подводит к нам странного, прикольного, по виду сильно пьющего мужичка по кличке Шарик. Ну и правда – Шарик. Лысый, круглый, без внешности, неопределённого возраста, может сорок, а может – шестьдесят. Оказывается, Шарик является городской достопримечательностью, все давно забыли его настоящее имя, а для алкашей-друганов и так сойдёт. В летопись города он вписал свою невырываемую страницу. Лука во время учёбы в музучилище по классу трубы, одновременно подхалтуривал на похоронах в составе духового оркестра. (Себя они величали группа «Земляне».) Туда же, чтоб не помер с голоду, взяли и Шарика долбить колотушкой по огромному барабану, который тот таскал на себе всю процессию (на сленге играть на похоронах называлось «бодать жмура»).

«Сосулька»

«Кошелёк»

Так вот, однажды Шарик опоздал в назначенное время в дом культуры, где хранились инструменты и откуда выезжали на очередные похороны. В отчаянии он стал дёргать все двери и в конце решил посмотреть, не ждут ли его коллеги в зрительном зале, выскочив, запыхавшись, через кулисы на сцену. А была суббота, и в это время на этой сцене шёл спектакль народного театра «Молодая гвардия». Шарик выскочил в тот момент, когда мать Олега Кошевого на крыльце своего дома развешивала бельё.

Несколько секунд понадобилось Шарику, чтоб на глазах ошарашенной публики принять единственно верное решение, а именно: Шарик подбоченился и громко, с выражением: «Здорово, Николаевна!» Та, в шоке, машинально ответила: «Д-добрый день». Шарик ещё громче: «Олег дома?» – «Н-нет». – «Ну, придёт, скажи, Шарик заходил», – и ушёл.

Скоро поездка в Афганистан, и мы атакуем Луку расспросами, поскольку он пару лет назад был там ещё с Леонтьевым. Успокаивает нас, охотно рассказывает о том, что ждёт.

Доходит до вопросов про спиртное. Ну, с этим проблем вообще нет. Водки там, конечно, не найти, но военные наблатыкались перегонять и очищать технический спирт, который выдаётся для протирки, промывки и прочих необходимых целей.

Особенно лётчики мастаки по этой части. Они ещё и секрет знают, как правильно разбавлять, с чем пить и чем закусывать. Нас это не убеждает, спрашиваем, мол, утром-то как. Сага об этом от лица самого Кольки:

«Как у других, не знаю, но со мной было так. Присели с лётчиками надолго, уж больно душевные они ребята – выпили много, не скрою. Очнулся я в своей кровати утром, солнце ярко светило. Я вскочил на ноги было, потом прислушался к организму и медленно-медленно пошёл, как был – в майке и трусах. Вышел из гостиницы-общежития, пересёк плац, на КПП на меня испуганно посмотрели, но почему-то не остановили, и я пошёл дальше. Долго шёл, сначала по дороге, потом она закончилась, дальше была зелёнка (заросли и кустарники). Потом, когда и она закончилась, я оказался у реки, а за ней были горы. Я сел на берегу и часа два сидел неподвижно».

«Зачем, Коля?» – «Знаете, ребята, ждал – может, какой-нибудь снайпер снимет».

В таком настроении мы вылетаем в Ташкент, чтобы через пару дней отправиться навстречу приключениям, которые ждут нас в Афганистане.

Чуть ли не в день отлёта звонит Костя Воробьёв и сообщает, что в марте, через неделю после Афгана, нам в составе делегации ЦК ВЛКСМ предстоит поездка во Вьетнам, где на теплоходе «Корчагинец» мы пройдем вдоль всего побережья Южно-Китайского моря. Сбывается мечта идиотов! Мы за границей больше времени, чем дома. Но загранка загранке рознь. Радужные дали впереди, а пока мы прилетаем в Ташкент, даём обязательный шефский концерт в Доме офицеров и готовимся к Афгану.

Нас предупреждают, что таможня здесь упрощённая, военная, церемониться никто особо не будет, поэтому «даже не думайте...». Заодно рассказывают, что финансовые возможности в Афганистане расширены за счёт того, что там ходят дензнаки всех времён и народов, включая афгани, рубли, доллары, драхмы, тугрики, песо, рупии и даже «керенки» с «катями», лишь бы была износостойкая бумага с водяными знаками. В первые дни вхождения советских войск какой-то ухват, оборотистый прапорщик, завёз и под видом рублей впарил афганцам мешок просроченных лотерейных билетов ДОСААФ, на каждом из которых было написано – «один рубль». И ничего, никто не умер. С внешним миром афганцы не контактировали, а внутри просто присвоили этим билетам какую-то стоимость по только им известному курсу – и вперёд!

В последний вечер вызваниваем и встречаемся с Лёньюкой Липницким, который несколько лет живёт в Ташкенте после неудавшегося суперпроекта, в который его, дурака, затащили когда-то Косарев с Вокалём.

Не планируя изначально никаких целей и задач, в процессе застолья узнаём, что, по сути, он здесь болтается без дела, играет в каком-то ресторанчике, перебиваясь скромными заработками, тёплым климатом и вкусной по-восточному едой.

Саня Белоносов, вдруг, отводит меня в сторону и говорит, что Лёнья ему очень понравился как человек и музыкант, а стало быть, вполне может работать вторым клавишником, тем более, что в перспективе он тоже может уйти в самостоятельное плавание. Возвращаемся к столу и сразу озвучиваем Лёне эту идею, причём активнее и доброжелательнее всех настроен Белонос.

Лёнья ошарашен, обещает подумать, хотя видно, что он польщён и в принципе уже согласен.

Афган

На следующий день поднимают затемно и везут на другой аэродром – «Ташкент–восточный». Это уже сильно отличается от привычных нам, залитых огнями аэровокзалов с буфетами, ресторанами и залами ожидания. Попадаем в ангар с тусклым освещением внутри, где в темноте, да не в обиде, располагается огромное количество фронтового и околофронтового народа. Кто-то спит, кто-то пьёт водку, кто-то что-то кому-то доказывает, кто-то пишет письма, кто-то их читает – в общем, сразу возникают ассоциации с подобными сценами из классических советских фильмов: «Баллада о солдате», «Двадцать дней без войны» и других. Наше появление, безусловно, вызывает интерес. Кто-то узнал, кто-то спросил, кто-то протянул стакан водки. Мы, слегка офигевшие от новой для нас реальности, ведём себя довольно дружелюбно и охотно общаемся с этими явно выдавшими виды людьми. Интересуются – куда летим? Отвечаем – мол, в Афганистан. Дружный смех: с этого аэродрома в другие места не летают, куда именно? А нам вроде ни к чему было – так, вскользь упомянули в ЦДСА название – пытаемся вспомнить:

– Камбар... Крандаг... Кардаган...

– Может, Кандагар?

– Да-да, конечно, Кандагар, – обрадовались мы. Но что это? Смех затих. Мужики, пряча глаза, закуривают, образуется какой-то злоедающий вакуум. Только что тесный круг отделён невидимым, но непреодолимым барьером. Так консилиум врачей сообщает больному, что он безнадежен. Становится малость не по себе, после того как нам объясняют, что Кандагар – один из самых сложных районов: город так и не удалось подчинить действующей власти, поэтому в районе аэропорта стоят несколько наших частей, являющихся базой, исходной и конечной точкой всех операций в тех местах. Объявляют посадку, причём своеобразно – в помещение вошёл какой-то майор и гаркнул: «Артисты, на выход!» Перед взлётом всех просят позаботиться о себе в плане того, что в самолёте из удобств – только ведро в хвосте, причём у всех на виду. Подкатываем к самолёту – огромный ИЛ-76, грузим аппаратуру, располагаемся сами. Уже совсем рассвело, солнце проглядывает – становится чуть веселее. Салон, естественно, грузовой, то есть сидения по бокам, как в метро, в середине почти пусто, лишь новое шасси для ИЛ-76. Пытаемся пошутить с экипажем по поводу заправки, а они безо всякого юмора отвечают, что накануне, при посадке такого же са-

1988 г. Афган

молета, повредилось шасси, вчера кое-как отбились, но сегодня, если не улетит, ночью его уничтожат.

– Мы там не ночуем, – пояснили летчики, – днём ещё хоть как-то что-то, а ночью они творят, что хотят. Поэтому у нас время до вечера – разгрузиться, заменить шасси и бежать так, чтобы пятки сверкали.

– Да, – говорим, – романтики маловато.

– Что, романтики хотите? Это мы вам мигом. Рассказываем. Посадка в Кандагаре осуществляется следующим образом. У духов, то бишь душманов, есть так называемые стингеры – ракеты, которые наводятся на тепло. Потолок у них четыре километра. Поэтому мы снижаемся до четырёх тысяч и подлетаем к так называемой охраняемой зоне – в данном случае это прямоугольник четыре на одиннадцать километров. Начинаем отстреливать каждые 5 секунд тепловые ракеты, которые горячее, чем двигатели, и в случае чего стингер уведут на себя. После этого мы в указанном охраняемом прямоугольнике обязаны за два круга нырнуть с четырёх километров до посадочной полосы. Так что, кто за романтикой – милости просим в штурманскую кабину, она имеет нижний обзор.

Перед снижением с Сюткиным и Артюховым проходим, крепко за что-то держимся – и... ни до ни после!!! Когда показывают в кино воздушные бои, где земля то слева, то справа, то наискосок, то вдруг вертикально перед носом – это, оказывается, всё правда! Последний аккорд – когда пилот, подобно лихачу, с ходу въезжающему в узкий переулочек, с какого-то немислимого виража заруливает на полосу... такого одновременно страха, драйва и восторга я не ис-

пытывал никогда. Причём, на лицах у экипажа никакого героизма – обычный полёт, обычная посадка. Слава Богу, всё в штатном режиме. Выходим. Летнее яркое утро. Со всех сторон горная красотища, самолёт встречает толпа народу, среди них много афганцев – ну прямо с картинки: в чалмах, бородатые, все улыбаются. Я начинаю налаживать мирный процесс – крепить дружбу с местным населением: угощаю их сигаретами, пытаюсь объяснить, что мы музыканты, приехали с концертами, пацифист хренов! Кто-то из военных делает мне замечание – в том смысле, что зря я это рассказываю, начнут вечером клуб обстреливать, потом махнул рукой, мол, они и так уже всё просекли. «Надо понимать, что эти бородатые джентльмены днём как бы за нас, а вечером они же в бандах. Зимой холодно в горах, они спускаются и воюют на нашей стороне, летом уходят в горы – и снова моджахеды. Понятий у них ни о чём нет, воюют там, где больше платят в данную минуту». А у меня уже перед глазами страшные картины взлетающего на воздух армейского клуба, и от них никак не отделаться. Робко интересуюсь – что-то теперь будет? Офицер гасит каблуком окурок, сплёвывает и рассудительно толкует, что, во-первых, в клуб ещё попасть надо, а во-вторых, мы все их точки знаем, будем во время концерта шарашить по этим точкам так, чтобы они подойти к ним не смогли. «Не бойтесь, эта практика у нас давно отработана, не вы первые». Прямо у аэродрома стоят несколько наших частей, добротнo оборудованные – даже забываешь, что ты в Афгане: всё чин-чином, в каждой плац, ленинская комната, спортгородок, только форма у военных другая. Селимся

1988 г. Афган

1988 г. Афган

в офицерское общежитие, не пять звёзд, но всё необходимое есть. Питаемся в офицерской столовой – опять же, не «Славянский базар», но всё по делу, «яму набить» можно. Вечером два концерта, выступать очень приятно, ребята в зале не такие, как в обычных воинских частях, настоящие фронтовики, уверенные в себе, раскованные, принимают так, что стены трясутся. В паузе выходим покурить на крыльцо, а там и впрямь стены клуба трясутся от канонады. Стоящие рядом солдаты перехватывают наши испуганные взгляды: «Не, мужики, это не по нам, это мы их утюжим для профилактики, на сон грядущий». Тем не менее, после одной из песен к микрофону выскакивает офицер: «Ребята, у кого первая и четвёртая группа крови, срочно на выход!» Несколько человек из зала рванули к дверям. Нам же он пояснил, что только что вернулись несколько взводов с боевых, есть раненые. Испытываем некий дискомфорт, на что он повторяет: война есть война, здесь все всё понимают – продолжайте концерт, не лишайте ребят удовольствия.

Но мы и вправду старались изо всех сил. После каждого концерта ребята окружают нас, мы долго общаемся, фотографируемся, некоторые передают письма. Потом, как правило, командиры забирают нас к себе, где уже накрыт стол, за которым собирается вся войсковая аристократия: старшие офицеры, начальник кухни, заведующий клубом, ответственный по бане – и такой весёлой компанией мы чудесным образом коротаем ночи.

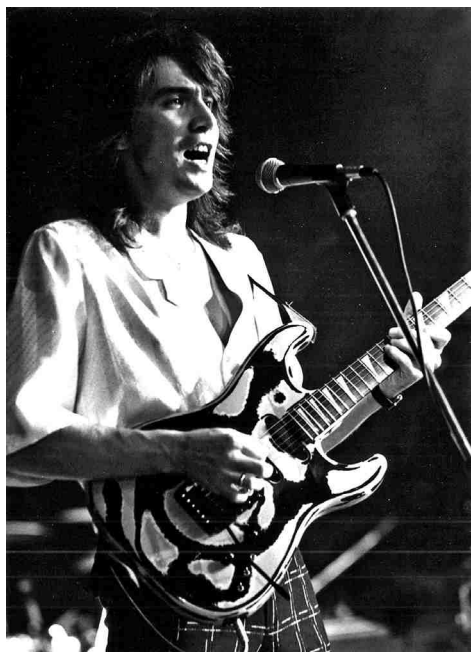
Ближе к обеду один из вчерашних собутыльников, тот, который главный по бане, будит нас и запускает в святая святых – офицерскую баню. Ребята! Какие, на хрен, «Сандуны» с «Краснопресненскими»!

Обустройство бань в Афганистане – это единственно-абсолютно-неформальное, что могут себе позволить военные. В обустройстве и интерьерах – предмет гордости, выпендрёж друг перед другом, немислимые творческие усилия, направленные на радость самим себе – истинные шедевры! Качество самих парилок не обсуждается: они как раз одинаково клёвые везде. А вот предбанники, комнаты отдыха, бассейны – это уже кто во что горазд. Какие безумной красоты интерьеры из пулемётных лент, гирлянд из гильз, осколков, частей стрелкового оружия, выложенные мозаики из всего, что могло быть под рукой или ногой. Мы не сразу, но понимаем, чего от нас ждут при показе очередного такого Лувра. Нужно, покрутив изумлённо головой, через паузу, взволнованно сказать: «Да, ребята! Много мы бань видели, но ваша (допустим, у лётчиков) – это нечто и уж, конечно, на голову выше, рядом не стояла с той, где мы были вчера (например, у артиллеристов). Да оно и понятно – где пушкири и где авиация?» Не беда, что накануне

и на следующий день мы диаметрально «меняем показания» – в конце концов, они на самом деле все были классные, но зато сколько радости приносили в каждом случае наши восторги. На наших лицах ни капли сомнения (и совести!) – и уже командир части самодовольно подмигивает начпроду, тот – заведующему баней, со дна бассейна достаётся авоська с охлаждёнными напитками – всё по новой!

Перелёт Кандагар-Кабул

В таком режиме проходят три-четыре дня, о дальнейших планах никто ничего не говорит, только знаем, что завтра, 23 февраля, будет несколько концертов, по окончании мы разделимся на мелкие группы, чтобы никого не обделить общением. После ужина курим у общежития. Солнце уже зашло, но ещё не стемнело, непривычно тихо. Нам поясняют, что накануне и во время всех наших праздников духи активизируются, чтобы насолить именно в эти дни, поэтому запрещается выход за территорию гарнизонов, прекращаются все полёты и т.д. Вдруг видим, как отстреливая яркие «теплушки», на фоне тёмно-синего неба садится одинокий небольшой самолёт. Народ недоумевает по этому поводу, самая весёлая версия – везут пиво и коньяк командирам. Пока судили-рядили-шутили, совсем стемнело, началась уже привычная ночная канонада, располагаемся ко сну. Неожиданно к общежитию подъезжают грузовик и автобус «Пазик», из него выскакивает возбуждённый капитан: «Кто здесь артисты? Быстро собрались и срочно летим в Кабул – завтра праздник, а выступить перед командованием армии некому. За вами самолёт прислали». Радости на лицах ребят не наблюдаю, но собираем пожитки – куда деваться. Грузим аппаратуру, садимся сами в «Пазик» и выдвигаемся на аэродром. А там – дискотека восьмидесятых: со всех сторон пальба, вспышки, грохот, трассирующие пули высоко над головами... И главное – ни одного огня: духи не должны понимать, что будет вылетать самолёт. Машина с потушенными фарами и аппаратурой, кузовом вперёд вплотную подъезжает к грузовому АН-26, у которого сзади фюзеляжа открыты створки и в салоне еле светят синие маскировочные лампы. Даже огни взлётно-посадочной полосы включают только на полминуты, чтобы вырливший самолёт мог взлететь. Аппаратура и наши личные вещи сложены посередине салона, как и в прошлый раз, садимся вдоль бортов и пристёгиваемся. А вот и новшество – каждому надевают парашют, цепляют вытяжной ремешок за специальный трос под потолком вдоль всего самолёта. Заводятся движки, по-прежнему ни одного огня снаружи. Из пилотной кабины появляется хмурый бортмеханик и крайне

Андрей Артюхов

но, им самим лететь не сильно хотелось. Сидим, хлопаем глазами друг на друга. И здесь Андрюха Артюхов, наш самый тщательный и педантичный, невольно разрядил ситуацию, при этом говоря и действуя абсолютно серьёзно:

неприязненным тоном объявляет примерно следующее:

– Значит, так! Сейчас взлетаем, по идее, всё должно быть нормально, но бережёного Бог бережёт, ясно? Поэтому если вдруг в нас что-то попадёт, я открою задние створки фюзеляжа – и чтобы через 30 секунд здесь никого не было, ясно? Теперь, значит, кто сумеет приземлиться (!!!), никуда не дергаться, а то напоретесь или на банду, или на мину, ясно? Сидеть спокойно, а утром вас найдут, ясно?

Ясно-то оно ясно, куда ж яснее... Впервые видим лётчиков такими злыми и нервными. Видно,

1988 г. Афган. Весельчакам невесело. Ночной перелёт Кандагар – Кабул

1988 г. Афган

– Простите, сколько вы сказали, тридцать секунд?

– Да, тридцать секунд – и чтобы всех сдуло, я пойду последним, ясно?

– Одну минутку! – Андрюха отстёгивается, зарывается в кучу с барахлом, разыскивает свою сумку, достаёт оттуда зубную щётку, бритву (!), полбатона сырокопчёной колбасы, рассовывает всё это по карманам и за пазуху, снова пристёгивается:

– Готов!

Выруливаем на полосу, включаются боковые огни – и быстро-быстро взлетаем. Внизу остаётся ночной бой, через три-четыре минуты малость приходим в себя, чувствуя относительную безопасность, и только здесь начинаем веселиться по поводу Артюхова, причём лётчики тоже очухиваются и присоединяются к общему хохоту.

Магнитофоны

Дальше всё как по маслу. Прилетаем в Кабул, на следующий день выступаем перед командованием, причём неожиданно пересекаемся с «Синей птицей», которая сразу после концерта – домой, даже выпить не успеваем. Зато успеваем узнать от них очень важные секре-

ты. В то время для расчётов в гарнизонных магазинах изготовлены и введены в оборот специальные полуденежные знаки – чеки с красной полосой. Беда в том, что эти чеки действуют только в Афгане и везти их обратно смысла никакого. Но и в магазинах ничего нет, кроме апельсинового напитка «Si-Si» и всякой всячины типа расчёсок, иголок, блокнотов, ручек и т.п. А нам заплатили довольно много: исходя из двадцати чеков-рублей в день на двадцать один день – итого, по четыреста двадцать чеков на рыло. В Москву бы с ними, в «Берёзку»*, но они – ещё раз – с красной полосой. Надо потратить здесь, только на что? Вот от «Синей Птицы» мы и узнаём про невидимую часть айсберга, где для военных, и то не для всех, существует система покупок по-настоящему дефицитных и клёвых вещей. Для музыкантов, в частности, пределом мечтаний является двухкассетный японский магнитофон. Но их надо выдуривать у командиров, причём довольно настойчиво: здесь они тоже нарасхват. На следующий день иду в штаб Армии, расположенный в знаменитом Дворце Амина, и от радушного, весёлого, с заразительным смехом подполковника, отвечающего за снабжение магазинов, получаю полный, безапелляционный, по всей роже отлуп. Типа, приезжали недавно Лещенко с Кобзоном, вот они всё и забрали, а у меня для офицеров не хватает. Ладно, думаю, дай время. Дал – и оно пришло. Через пару дней нам приказано выступать в Доме советской науки и культуры для всей кабульской дипломатической, внешнеторговой и культурной тусовки. Так-так-так – уже теплее!

– А вы с нами это согласовали? Мы здесь по линии армии и выступать будем исключительно в воинских частях для ребят, выполняющих интернациональный долг.

Пытаются надавить, но получают в ответ лишь усмешку: мы цену себе уже знаем, к тому же формально правы. Давящие в шок: концерт объявлен, приглашения разосланы – нахрап мгновенно сменяется заискиванием:

– Что-то можно сделать?

– Да, можно. Этот вопрос может решить один человек, – называю фамилию весёлого подполковника. Не проходит и десяти минут – он уже тут как тут, со всегдашней улыбкой и с четырьмя коробками под мышкой.

– Вот! Из личного НЗ.

– Но ведь нас четырнадцать...

– Больше нет, ей-Богу!

* Специальные магазины для тех, кто работал за границей. Чтобы не давать на руки валюту, давали так называемые чеки «Внешторга», на которые в указанных магазинах можно было купить то, что не продавалось в обычных: бытовую технику, джинсы, дефицитные продукты.

1988 г. Афган

– Хорошо, мы поедem, во сколько концерт?

– Через два часа.

– Ай-ай-ай, а наши техники чинят голосовой усилитель, мы же не знали про концерт, сейчас подгоню их, будем очень-очень стараться успеть. Ну, в крайнем случае, подождут зрители тридцать-сорок минут, время военное, условия полевые, поймут.

Улыбка сходит, что-то бормочет сквозь зубы и уходит, чтобы через 10 минут вернуться ещё с двумя магнитофонами. Забираю их у него с гротескной благодарностью.

– Ну вот, огромное Вам спасибо, а ребята как раз всё закончили, выезжаем.

Алгоритм вышибания дефицита стал понятен. Справедливости ради, он больше не пригодился: в оставшихся местах нас понимают сразу, и по два-три-четыре магнитофона мы из каждого гарнизона вытаскиваем, обеспечив всех. Сейчас даже не знаю, как обрисовать молодым величие нашей победы.

Следующей точкой был город Кундуз – один из самых тихих и безопасных к тому времени. Тоже гарнизон совмещён с аэродромом, по обе стороны от взлётной полосы расположены полк лётчиков и артиллерийская часть. Когда полётов нет, можно через открытую калитку просто пересечь эти сто метров и оказаться

1988 г. Афган. Чем не Третьков-парк?

в другой части. На третий день калитка закрыта, а мне позарез нужно то ли от лётчиков к артиллеристам, то ли наоборот. И пошёл я по жаре пешком пару километров вдоль аэродромного забора в то место, где взлётная полоса кончается, дорога разворачивается и столько же по ней обратно. Меня догоняет «газик», в нём три афганских военных – в форме тех, кто за

нас. Спрашивают, куда мне, я показываю жестами, что на ту сторону. Улыбаются, приветливо зовут в машину, даже дверцу открывают. Я сажусь, мы весело, хлопая друг друга по плечам и пожимая руки, доезжаем до ворот части. Часовой, видя такое, теряет дар речи, а когда опять обретает, кроет меня в пять этажей, не считаясь ни с возрастом, ни со статусом.

– Вас разве не предупредили, б...дь!!!? Ни в какие машины на х...й!!! Не садиться, ё... твою мать!!! Слава Богу, что это на самом деле наши оказались, а здесь в такой же форме разъезжают специальные охотники, раз в неделю кто-то исчезает, причём бесследно, б...дь!!! Сидеть тебе сейчас в яме, ё... твою мать!!!

Северный Кундуз

Ещё через пару дней едем в Северный Кундуз – отдельно стоящий гарнизон, километров в шестидесяти. Сзади и спереди БТРы, с нами в автобусе – четверо автоматчиков. Дорога лежит через сам город Кундуз, где мы в первый и последний раз в Афганистане выходим из автобуса за пределами войсковых частей. Центральная площадь города круглой формы, по периметру дуканы (то бишь магазины), а посередине, я сначала думал – неработающий фонтан, круглое углублённое пространство со столбом посередине. Только присмотревшись и переспросив у сопровождающих автоматчиков, понимаю, что это место казни, где забрасывают камнями преступников, в частности неверных жён.

В Северном Кундузе нам особенно рады – воинская часть на отшибе и приезжают редко. После первого концерта – традиционные посидел-

ки, очень тёплые во всех смыслах. Утром нас, не остывших до конца, в смысле ещё тёпленьких, будят и сообщают, что в благодарность за хорошее выступление решено устроить показательные стрельбы на гарнизонном полигоне. Вывозят в чисто поле, где уже стоит техника, развёрнутая в сторону находящихся вдалеке гор. Мы встаём полукругом сзади самоходного орудия «Акация», не отнесясь серьёзно к предупреждению, что выстрел будет громким. Ну, громким так громким – нашли чем удивить рок-музыкантов. Стоим, улыбаемся. Вдруг!!! Как!!! Она!!! Пиз...нёт!!! (другого слова подобрать не могу) – мы все падаем на землю, несколько минут приходя в чувство. А нас уже ведут к установке «Град» – ну, это не опасно, типа «Катюши». Подходит среднего роста, плотный, очень располагающий к себе человек, спрашивает у стоящих офицеров – как зарядили «Град»? Получив ответ, что, как и положено при учебных стрельбах – наполовину, выговаривает командиру установки:

– Что же мы, жлобы что ли? Люди никогда такого не видели, ты уже не жмись, заряди полностью, тем более, что кишлак большой.

Увидев наше изумление, представляется:

– Командир гарнизона полковник Кибиц (фамилию помню до сих пор). Это не учебные стрельбы, сейчас разнесём один из ближайших

1988 г. Афган

кишлаков в щепки, – и подмигивает нам, мол, потом расскажу. Нам, правда, тоже удаётся его удивить. После стрельб мы вместе садимся в автобус – ехать обратно. А там Саня Белоносов, полностью уйдя в себя и глядя в одну точку, шевелит волосами, точнее всей причёской – взад-вперёд, взад-вперёд (у него это каким-то образом получалось).

И вот тут наш боевой, прошедший всё и вся, презирающий смерть, полковник трухнул:

– Что это с ним? Я его боюсь!

Успокаиваем – мол, ничего особенного, главное сейчас его не трогать. Он скоро вернётся.

После вечернего концерта, уже за столом, наш новый знакомый начинает рассказывать такое, что челюсти отваливаются.

– Видели, в зале пять афганцев сидели в первом ряду?

Видели: эти пять хоттабычей в чалмах, бородах и с горящими глазами весь концерт поражали наше воображение, тем более было ясно, что ни черта они не понимают.

– Это главари окрестных вооружённых бандформирований, мои кунаки. Для них был важен сам факт приглашения – как знак уважения. С ними после концерта и договорились, что завтра, то есть уже сегодня, я утюжу их кишлак, из которого они вывели всех жителей до единого, а через три дня, как раз вы уедете, они уничтожат в очередной раз полигон, на котором мы сейчас с вами стоим. Людей я, конечно, увезу, оставлю пару полусписанных БТРов – и всем хорошо!.. Я пишу в отчётах, что ликвидирован кишлак – гнездо моджахедов, а они, соответственно, про полигон, на котором уничтожено несколько единиц советской боевой техники. Мы восстанавливаем полигон, благодаря чему мне есть занятие на месяц личному составу. Они отстраивают кишлак и получают деньги за подбитую технику. Поймите, здесь не Москва и не Кабул, мы как-то вместе сели и пришли к взаимопониманию, что ни им, ни нам эта дурацкая война не нужна, и с тех пор живем душа в душу. Они, несмотря на свирепый вид, на самом деле не хотят ни воевать, ни убивать, ни тем более умирать. Поэтому мы помогаем им продуктами, горючим, ходим в гости друг к другу. И я, как командир, поставил перед собой боевую сверхзадачу – чтобы до конца войны ни один мой парень не погиб. Пока это вполне удаётся. Если вдруг с их стороны что-то происходит – какие-то залётные духи стрельбу начинают или мины ставят, – мы за ними даже не гоняемся, просто общаем кунакам, а они с ними сами разбираются так, что не приведи Господь присниться ночью. Мы здесь, в конце концов, не Родину защищаем.

Мы, не сговариваясь, стоя выпиваем за этого потрясшего нас славного человека, дай Бог ему здоровья!

Вьетнам

После Афгана дней десять в Москве – и опять далеко и надолго, но на сей раз с комфортом из Шереметьево-2. Бар второго этажа, в зоне после паспортного контроля, с коньяком в свободной продаже за рубли (заметьте, в разгар сухого закона) – самое престижное место страны в то время. Вылетаем во Вьетнам совершать пропагандистский тур на агиттеплоходе ЦК ВЛКСМ «Корчагинец». То есть летим в Ханой на ИЛ-86, а там Южно-Китайским морем вдоль побережья, заходя с концернами во все крупные города. Так далеко ещё не летали: с тремя посадками – Ташкент, Карачи и Калькутта. С нами в группе – Киевский цирк на сцене: планируется, что мы с ними работаем по отделению. Цирк так цирк, тем более что цирковые законы нас удивляют. Техгруппу нам взять не дали, поэтому мы едем всемером вместе с аппаратом, правда, сокращённым до минимума. Так вот, цирковые (именно так артистов цирка принято называть, за слово «циркач» можно и в торец получить, так же как клоунов положено называть ковёрными, танцоров – балетными и т.д.) сразу же, не разделяя наше-ваше, подключаются к переноске колонок и усилителей.

Накануне вылета нас вызывают в ЦК ВЛКСМ, и кто-то из самых ответственных долго наставляет по поводу тщательного соблюдения сухого закона и всего остального – обычное «на вас весь мир смотрит!» Сидевший с ним в президиуме руководитель делегации, секретарь ЦК комсомола Украины Владимир Барабаш, сурово сдвинув брови, согласно кивает головой, строго глядя на всех (на нас – особенно!). Потом самый ответственный сваливает вместе со свитой, остается только делегация – человек сорок. Барабаш начинает свою речь: «Товарищи, предупреждаю, я очень строгий, требую абсолютного подчинения, особенно, что касается сухого закона. Вам уже сказали, что весь мир на нас смотрит. Так вот, мы едем в страну со сложными климатическими и санитарными условиями, поэтому если я узнаю, что кто-то, в рамках сухого закона не выпьет вечером минимум 150 грамм водки, то ближайшим самолётом будет отправлен в Москву. Кто не согласен, может сразу остаться здесь. Просто если этого не делать, то через неделю всему миру смотреть будет не на кого. Где покупать хорошую дешёвую рисовую водку, я покажу».

Неожиданно забузил Белоносов, сказав, что Польши и Афганистана с него достаточно и он больше не может, да и не хочет ездить в такие далёкие и длительные поездки. Сашка – человек, полностью подчиняющийся своим внутренним установкам в любой момент вре-

1988 г. Вьетнам. Нам рады! Мы тоже!

мени, поэтому мы даже не стали его уговаривать. Просто стало окончательно ясно, что нужно готовиться к его уходу. Вместо него, в последнюю минуту, успеваем оформить Абрамова, что на повседневном житейском уровне добавляет пользы и веселья, но концерты приходится играть без клавиш.

Пару дней в Ханое с протокольными приёмами и экскурсиями. Производит впечатление мавзолей Хошимина, в том смысле, что он расположен на холме, поднявшись на который, уже внутри мавзолея, нужно тоже идти по ступенькам вверх. Эмоционально это, конечно, правильнее, чем у нас – к Божеству, уж если кто-то им объявлен, нужно не в подземелье нырять, а подниматься ввысь. Может быть, бывший семинарист товарищ Сталин мрачно пошутил, объявив Ленина Богом, но обставив обряд его почитания дьявольскими правилами. Вниз, в подземелье – это же как бы в Преисподнюю.

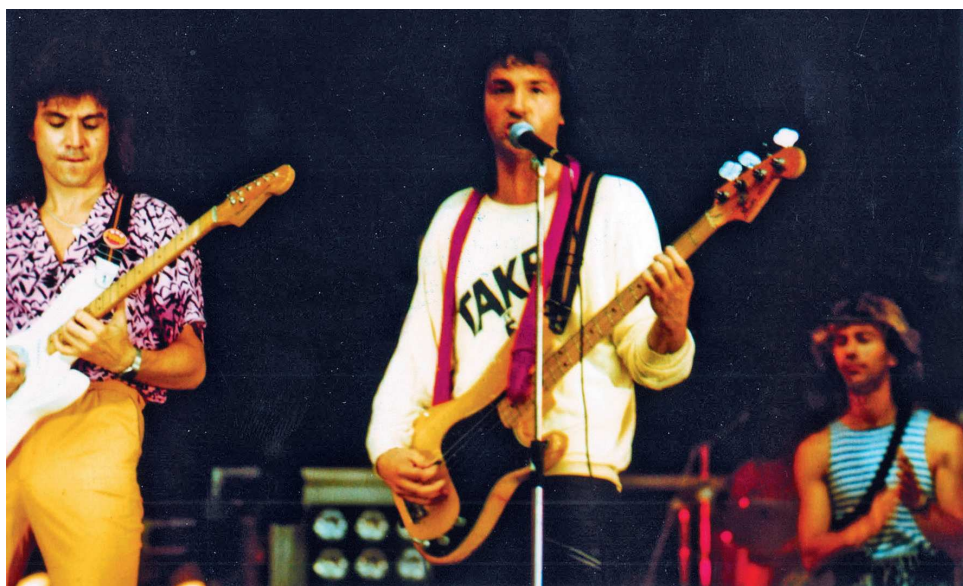
Через два дня нас отвозят в портовый Хайфон и грузят на корабль...

Мдаа! Списанный рыболовецкий траулер, предназначенный для плавания в северных широтах, а здесь +45 в тени. До сих пор вспоминаем с Сюткиным, как, занеся вещи в нашу каюту и за три минуты одурев от духоты, вылетаем пробкой на палубу подышать, а там ещё в два раза жарче – свариваемся окончательно. Наконец отчаливаем. Мы все залезаем на самую высокую палубу и с интересом наблюдаем за

этим процессом. А команда теплохода, либо не заметила, где мы встали, либо решила дать нам первый морской урок. Короче, корабль даёт прощальный гудок, а труба с этим ё...аным гудком находится в метре позади нас. В какой-то момент гудок всем нам кажется прощальным, по крайней мере, недавний залп «Акации» в Афгане по сравнению с ним – детский пук. Ведь его основная задача – предупреждать в океане встречные суда во время тумана на предмет возможных столкновений. Через час слух постепенно возвращается, и мы потихоньку обживаем пространство. Роль кондиционеров, вентиляторов и других охлаждающих устройств играет единственный душ с морской водой, расположенный где-то в самом низу трюма, поэтому мы из него практически не вылезаем, тем более, что перед сном ненадолго включают специальный краник с пресной. Зато никаких проблем с едой: три дородные повара каждый день делают вкуснейшие борщи, котлеты, гуляши и прочую нормальную, привычную нам пищу, оставляя вьетнамский ассортимент только как экзотику выездных мероприятий. На одном из них происходит комичный эпизод, вошедший в «Золотую книгу» «Зодчих», то есть в эту. Еще в Ханое, от имени вьетнамского комсомола, даётся официальный обед с национальной кухней в честь нашей делегации. Нас рассаживают на циновки по периметру большого квадратного стола с малюсенькими, чуть выше пола, ножками, который заставлен отчасти знакомыми и (гораздо больше) незнакомыми яствами. Мы к тому времени познакомились и быстро сдружились с

1988 г. Вьетнам. Агиттеплоход «Корчагинец» с «Цирком на сцене» и экипажем

Когда работа в радость

ребятами из цирка. Среди них два клоуна, то бишь ковёрных, – Саша и Коля, полные дуралеи, отвязные, плохо воспитанные, но очень весёлые и шумные. А обед протокольный – с вьетнамскими комсомольскими чинами и нашими посольскими работниками, с традиционными для таких мероприятий речами и тостами. Обслуживают стол несколько официантов с нетипичной, скажем так, для вьетнамцев, внешностью – высокие, осанистые, вышколенные, с матовой кожей и непроницаемым выражением на лицах. Клоун Саша, сидящий рядом с нами, интересуется одним блюдом – мелко нарезанными кусочками мяса неизвестного происхождения в ещё менее известном соусе. Вопросает к нам:

– Это что за ху...ня? Курица не курица, кролик не кролик, лягушка небось?

Не получив от нас должной экспертной оценки, подзывает официанта:

– Мистер, ком хиа, плиз!

Тот подходит. Санёк пытается сформулировать вопрос по-английски, но словарный запас на исходе. Официант невозмутимо слушает. Саня опять к нам:

– Б...дь, как у этого муд...ка косоглазого спросить, ни х...я же не понимает, долб...ёб туземский!

Наконец с помощью кистей рук подкрепляет рождённую в муках фразу:

– Ит из КВА-КВА???

Официант, не поведя бровью, спокойно отвечает по-русски:

– Нет, Саша, это говядина, – и отходит.

Героем следующего эпизода становлюсь я сам. В городе Дананг прямо из порта идёт прямая, как стрела, длинная улица. Поскольку транспорта почти нет, она используется как сплошной огромный двор, где женщины что-то обсуждают, мужчины что-то делают, дети во что-то играют. Вся улица забита. Я не спеша иду из города в порт, впитываю колорит. По обыкновению, детишки всё время что-то просят, а у меня в кармане лишь одна пачка жвачки. Вдруг подскакивает очень прикольный озорной мальчуган лет семи и начинает дразниться – мы в детстве по дурости дразнили азиатов, растягивая пальцами глаза в разные стороны, а он делает то же самое, только расширяя их вверх-вниз. Я хохочу так, что не выдерживаю и делаю-таки страшную ошибку, о которой нас предупреждали – отдаю ту самую пачку. Мультим «Каникулы Бонифация» смотрели? Через полминуты меня окружает толпа детишек разного пола и возраста и, радостно смеясь, начинает расширять пальцами глаза. Я делаю попытку свалить, но вся эта орава устремляется за мной, при этом встречаемые по пути дети также присоединяются к нам, старшие ведут и несут младших. Сначала было смешно, но, когда я подхожу к порту, а идти прилично, за мной почти полторы сотни детей, причем младшие уже устали и многие начали плакать. Спасают вьетнамские портовые служащие. Оценив обстановку, они откуда-то подкатывают автобус, запихивают

Пара-цвай: Артюхов-Гордеев

детей в него и медленно едут в обратную сторону, высаживая детишек по мере прибытия к месту их постоянной дислокации. Мне, лишь ещё раз советуют, ни в коем случае никому ничего не давать.

В музыкальном плане похвастаться особо нечем. Рок-н-роллы вьетнамцы не любят, текстов наших, естественно, не понимают. Поэтому срочно приходится, глотая позор, добавить в программу несколько советских классических мелодичных шлягеров, после чего в плане приёма всё встаёт на свои места.

На одном из концертов в программу включают группу вьетнамских жонглёров. Нам от этого ни горячо ни холодно – ждём в гримёрке своего выхода. Вдруг вбегают с выпученными глазами один из цирковых и вопит: мол, все бегите за кулисы – там такое происходит! Мы тоже бежим из любопытства, а там жонглёры жонглируют. Спрашиваем, в чём фишка, а цирковые уже хором: «Вы что, не видите? Чувак бросает восемь булав». Вид у нашей цирковой группы, как у народа в картине «Явление Христа народу». Яркий пример собственных узкопрофессиональных радостей. Кому-то придёт в голову считать эти чёртовы булавы? А оказывается, в цирковой иерархии пять булав – обязан, шесть – хорошо, семь – редкий талант, а восемь – единицы в мире.

Жалко, зрители не в курсе. Мы живём в век режиссуры, поэтому, если это сверхъявление как-то не обыграть, зрителям хоть десять булав швыряй – им до ноги.

Единственное место, где мы отвели душу, – это в городке советских строителей, возводящих в братской стране какую-то электростанцию. Приезжаем загодя. Очень уютный коттеджный посёлок, в котором проживают две тысячи советских специалистов. В центре летний зал с амфитеатром, тоже очень милый. Расставляемся, настраиваемся. Подходят строители, радостные – здесь знают и любят «Зодчих», с нетерпением ждут концерта. И нам в радость: вьетнамская публика порядком осточертела, здесь хоть сможем оторваться. Те же строители, глянув на наши шорты и шлёпанцы, промежду прочим предупреждают, что в городке постоянно циркулируют по территории четыре вьетнамца-змеелова, но всё-таки, когда зайдёте в гримёрку, не поленитесь сначала окинуть её пол взглядом. И вообще, почаще смотрите под ноги – бережёного Бог бережёт. Стало как-то не очень: вроде мозгами ситуацию понимаешь, а в душе всё равно холодок. Отхожу в сторону покурить, поглядывая в траву перед собой – и вдруг!!!! В ногу в районе ахиллесова сухожилия с двух сторон сзади впииваются острые зубы. С диким воплем исполняю пляску смерти, пока не врубаюсь, что наши подонки-техники, объединившись с клоунами, сделали из нержавеющей стали упругое самосжимающее-

ся полукольцо с острыми краями и, подкравшись сзади, таким образом имитировали укусы королевской кобры. Я было разеваю пасть, но они меня быстро ставят перед дилеммой: либо поднять шум и закончить аттракцион, либо закрыть рот и вместе сосредоточиться на поиске новых жертв. Естественно, я выбираю второе. Тем более, что «ужаленные» до меня цирковые, мстительно ухмыляясь, примкнули к злодеям. И вскоре прощальный танец по очереди исполняют Сюткин, Артюхов, Гордеев и даже, прости Господи, знаменитый музыкальный обозреватель «Комсомольской Правды» Юрий Филинов. Родьку пожалели – старик мог не выдержать. И хоть бы один негодяй сказал: «Ребята, что ж вы делаете?» Даже Филинов злился только на то, что он оказался последним и неотмщённым – в зал начали входить зрители.

Однажды, уже в Сайгоне (в смысле, Хошимине), Родьке стало плохо от жары – такси рядом нет. Я, недолго думая, хватаю рикшу и через 10 минут мы на корабле. Кто-то на берегу, из особо бдительных, это узрел, и на следующее утро припёрся работник из консульства и стал вонять, что, нанимая рикшу, мы унижаем человеческое достоинство этого самого рикши и, чтобы впредь такого больше не было. Сдержался я тогда, не послав его подальше, о чём до сих пор жалею.

Окончание поездки омрачает то, что Луку уже в Ленинграде отслеживают какие-то ублюдки и на подходе к дому избивают, отняв чемодан со всем привезённым. Ну, хоть живой и, в целом, здоровый.

Опять на коне

Короче, группа полностью приходит в себя после «Рок-панорамы». У нас несколько новых классных вещей и на подходе всё новые.

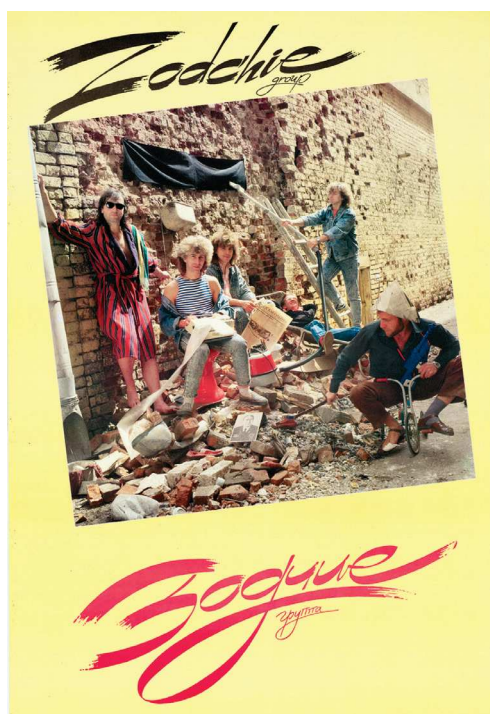
Наши администраторы без дела не сидят – у нас выстроен очень плотный концертный график (на нашем сленге – не вынимая!), в том числе участие в десяти концертах «Звуковой дорожки» в Лужниках на майские праздники.

До этого во Фрунзе во время ночных бдений выскакивает новая фишка. Мы вслух не говорим, но в душе сидит, что с Юркиным уходом у нас сильно просел визуальный ряд – в общем-то, самая сильная сторона группы. К тому же, Валерку кто-то должен уравнивать, иначе мы катимся к стандартному варианту рок-группы с освобождённым лидирующим солистом, пусть даже таким, как Сюткин. И здесь, как восемь лет назад, на новом и неожиданном уровне себя показывает Родька. Когда мы набросали «Землекопа», он скромно попросил дать эту песню попробовать петь ему. Ещё ничего не предвещало беды, он запрягал медленно. Сначала он просто её спел. Ну, спел и спел, хорошо, не Бе-

лоносу же и тем более не мне её петь. А здесь хорошая красочка, чувак с низким голосом в неплохой блюзовой манере. Дальше – больше! На одном из концертов он вдруг напялил на голову сделанную из газеты шапку (строители такие носили), причём не вдоль головы, а поперёк – типа наполеоновка.

В Афгане он вдруг на проигрыше схватил стойку и начал вытворять гротескные копательные движения, крикая и причмокивая. Потом возникает его знаменитое «Блюз-з-з-з-С!» перед песней.

Совість гонит фантазию подкрепить чем-нибудь новый сценический вектор, кипит наш разум возмущённый, но мы долго ничего не можем придумать. И вот, во Фрунзе, мы спустились после концерта в ресторан, познакомились с какими-то девчонками, начали танцевать и дурачиться. В какой-то момент Миров и недавно взя-

1988 г. Какой-то очередной «Музыкальный Олимп». На лицах – пресыщение успехом. Ничего, это пройдёт! Причём скоро

тый в группу техник (с правом таскания аппаратуры) Женька Яковлев, оба высокие и толстые, причём толстые по-разному: Мирон рыхлый, а Жека – крепыш. Случайно оказавшись рядом, они стали выплясывать какие-то прикольные движения, причём несколько па делают синхронно...

Ресторан скоро закрыли, но мысль засела. Поднимаемся в номер и, забыв про скучающих девиц, начинаем фантазировать и фонтанировать. За одну ночь всё придумано. Наутро покупается красный кумач, на котором на одной стороне пишется белой краской «Даёшь траншею!», на другой – «Долой траншею!». Этот транспарант приколачивается к двум палкам, и два толстых дурня в начале и в конце песни маршируют по сцене, держа его в руках: сначала первой стороной к залу, потом – второй. Народ тащится сильно. Итак, фишка есть!

На следующий день по этому же принципу украшиваем «Девушку в белом», где есть припев:

Видишь, в поле трактор что-то пашет,
Видишь, из завода пар идёт –
С каждым днём страна живёт всё краше,
Неуклонно двигаясь вперёд!

Толстые выходят его петь, то с повязками дружинников, то в строительных касках, то в противогазах и сварочных масках.

Их же мы ставим, в качестве духовой секции, в старую пародию на вокально-инструментальный ансамбль и в новую «Песню на бис» – получается очень смешно. Валерка заставляет их заучить несколько танцевальных картин для видеоряда в своих сольных вещах «Металлист Петров» и «Дороговизна». Но апофеоз – это «Жевательная резинка», которую поёт вошедший во вкус Родька и, где они вместе с толстыми создают хореографический шедевр. К счастью, сохранилась съёмка концерта в Рязани, где это зафиксировано для потомков.

Короче, к «Звуковой дорожке» мы подходим подготовленными. Десять концертов во Дворце Спорта в

«Землекоп»

«Девушка
в белом»

«Металлист
Петров»

«Дороговизна»

«Жевательная
резинка»

Лужниках в начале мая. Нас уже (или пока?) не расценивают как хэд-лайнеров – ну ладно, посмотрим. В программе – «Ария», ещё кто-то из «тяжёлых» и Женька Маргулис с «Шанхаем». Кстати, Женька и пригласил на предпоследний концерт Макара, севшего с женой в первом ряду, поэтому можно наблюдать за его реакцией. Он в каких-то местах просто падает со стула от смеха и на следующий день приходит ещё раз в компании с... Градским. Тот поначалу скептичен, как всегда, но Сашка устроен таким образом, что, если ему нравится, он не сдерживает себя. Под сводами раздаётся его хохот, и в какой-то паузе вопль: «Ребята, вы ох...ели! Так нельзя!» – и опять хохот. Этими концертами значительно отыгрываем назад ситуацию с нашим пошатнувшимся реноме. Опять вокруг нас толпа народу и куча предложений. Родька подходит ко мне после концерта и жалуется на ухо, что Градский его подколол. В смысле? В том смысле, что сказал, как ох...енно он поёт «Землекопа». Хлопаю его по плечу и успокаиваю, что на тему вокала Градский не шутит никогда. Если сказал «ох...енно», значит, он действительно ох...ел.

Но вечер не кончается. Макар зовёт всю толпу в гости на площадь Гагарина. Я не еду, поскольку сегодня, девятого мая, Генке Ни-Ли акурат исполняется сорок лет – и мне никак не пропустить. На том и прощаемся. Я еду к Генке на Ленинский проспект, рядом с Академией наук. Там компания, родственники-одноклассники-друзья, человек сорок, все пьяные, весёлые, но в целом они уже взрослые и в двенадцать-час ночи расходятся. Остаёмся в совсем узком кругу. По Генке

1988 г. Два танцующих толстяка: Миров и Яковлев (Батон) – это прикольно. Уже после появятся Сергей Крылов, «Дюна» и другие

1988 г. Вариант обложки первого миньона

1988 г. Очень люблю это фото у меня во дворе. Удачная обложка первого миньона.

(Во времена виниловых дисков, это была маленькая пластинка с четырьмя песнями, по две на каждой стороне. Обычно выпускалась, как анонс большого альбома)

Где это мы, интересно?

1988 г. «Землекоп» со спецэфффектом

УВИДЕТЬ ДРУГ ДРУГА

Еще осенью прошлого года мало кто знал группу «Зодиак». После выступления в Театре эстрады и публикации в «Московском комсомольце», рассказавшей об этом коллективе, интерес к творчеству группы значительно возрос. В редакции стали раздаваться телефонные звонки от читателей, из молодежной программы Центрального телевидения, из концертных залов столицы...

Уже в новогоднем выпуске «Звуковой дорожки» эта группа была признана одним из самых удачных открытий минувшего года. Действительно, прогресс налицо: за это время «Зодиак» с большим успехом дебютировали в двух телевизионных программах, участвовали в концертах в Универсальном спортивном зале «Дружба», много гастро-

лировали по стране, а недавно вновь вышли на самую ответственную концертную площадку города — на сцену столичного Театра эстрады.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что «Зодиак» — один из самых популярных молодых коллективов. При чем у слушателей самого раз-

ного возраста. В этом немалая заслуга музыкально одаренных и обаятельных солистов группы — Юрия Лозы и Валерия Сюткина.

Говорит руководитель ансамбля «Зодиак» **Юрий ДАВЫДОВ:**

— Мы впервые участвуем в таком большом концерте. Значение такого рода мероприятий трудно переоценить. Прежде всего это очень важно, когда музыканты самых разных направлений объединены одной идеей — идеей борьбы за мир. Особенно радует двух новых сатирических работ — «Автобус-86» и «Поздорово, когда у зрителей есть возможность увидеть новые работы сразу нескольких ансамблей и сравнить их уровень».

Такая молодежная аудитория — прекрасный барометр популярности ансамбля.

И для нас, музыкантов, это отличная возможность посмотреть друг на друга, да и себя показать. Такой случай, к сожалению, представляется нечасто.

Сейчас мы работаем над новой программой. Если все сложится хорошо, то она будет готова к осени этого года. Конечно, не хотелось бы открывать карты заранее. Единственное, что могу сказать, — в эту программу войдут хорошо знакомые и новые композиции музыкантов ансамбля Юрия Лозы, Валерия Сюткина и других.

Мы постоянно работаем над новыми песнями. Так, в этих концертах состоялась дебютная программа «Поздорово, когда у зрителей есть возможность увидеть новые работы сразу нескольких ансамблей и сравнить их уровень». Такая молодежная аудитория — прекрасный барометр популярности ансамбля. Группе будет приятно продолжать работать в том же направлении — эксцентрико-театральной предст-авлении каждой песни. И, судя по реакции зрителей, можно сказать, что путь выбран правильный...

видно, что он недогулял–недовеселился. Тут я говорю, дескать, здесь недопитый-недоеденный стол и дефицит веселья, а рядом, в каких-то восьмистах метрах, веселья навалом при отсутствии жратвы и нехватки выпивки. Короче, отдайся судьбе, Генка, ты в надёжных руках. Я всё устрою: мало не покажется ни тебе, ни твоим соседям. Кстати, соседи зря ушли, их целесообразно сразу позвать обратно. «Добро» получено – и через двадцать минут вваливается толпа голодных и недопивших рок-героев эпохи. За меня впоследствии многожды будут тостовать, как за познакомившего и подружившего всех между собой. Описывать ту ночь бессмысленно. Скажу только, что понятие «абсолютное счастье» у меня ассоциируется с тёплым майским рассветом на пустынном Ленинском проспекте напротив знаменитых ворот Академии наук, где мы в обнимку ловим непроезжающие такси. Жизнь прекрасна и бесконечна!

В июле мы приглашены почётными гостями в Витебск на открытие первого Фестиваля польской песни (зеркалка Фестивалю советской песни в Зелёной Гуре), в специально построенном для этого летнем театре. Там же «Песняры», Долина, куча поляков, ещё кто-то. Через не-

сколько лет он перерастёт в знаменитый «Славянский базар».

Первый концерт для строителей – он же прогон перед завтрашним открытием, которое будет в прямом эфире идти на всю страну. Нас принимают восторженно, особенно поляки, приехавшие для участия. Вот они уж точно не ожидали, что в СССР возможна такая злуще-прикольная музыкальная сатира на самих себя. Мы спели, помнится, «Землекопа» и «Девушку в белом». После концерта попадаем на банкет, где знакомимся с «Песнярами», и я моментально схожусь с их легендарным барабанщиком Александром Демешко.

Были и такие ошибки, даже в ленинградских афишах. К счастью, на двенадцать анислагов это не повлияло

Валерий Сюткин

узнаём, что министр культуры Белоруссии запретил нам петь вчерашние песни и максимум, что можно, – это «Металлист Петров» и «Жевательная резинка». Это, конечно, не так эффектно, поэтому мы просим передать министру, что времена слепого подчинения прошли, на дворе перестройка, мы будем петь то, что хотим, или не будем петь вообще и покинем фестиваль. Ответа не последовало, и мы, гордые, просидели весь концерт за кулисами, хотя из зала время от времени кричали – «Зодчие»! Потом понимаем, что можно же было выйти на сцену и нагло спеть в прямой эфир то, что хотим, но тогда, даже мы, на такие демарши ещё не решаемся и на следующий день уезжаем.

Зато в Москве отрываемся по полной: у нас в зале «Россия» проходят четыре концерта – по отделению мы с «Наутилусом». Мы, правда, в первом, но с «Наутилусом» в тот год тягаться никто не может. С ними сложились отличные отношения, поскольку я, годом ранее, впервые услышав эту команду, сам подошёл к Бутусову и предложил любую помощь для скорейшего внедрения в московскую тусовку. Поэтому, мы общаемся не как конкуренты, а как друзья, не забыв в процессе концерта сказать друг о друге добрые слова. По итогам в «Комсомолке» выходит статья «Дуэт лидеров», которая официально закрепляет наше возвращение в элиту.

Дания

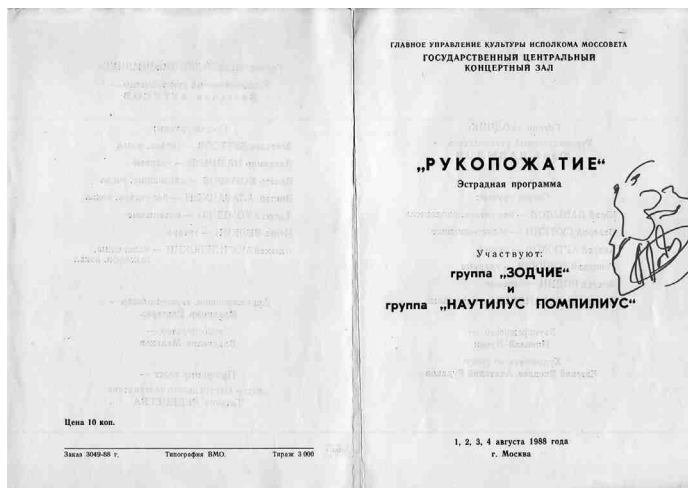
И вот, наконец, первый выезд в настоящую западную капстрану, да ещё в какую – Данию! – на фестиваль местной коммунистической газеты. В поездку нас включают, благодаря непонятной разнарядке

(побольше бы таких!), спущенной на рязанский комсомол, вместе с танцевальным ансамблем рязанского же пединститута. Чудесным образом удастся протащить практически весь коллектив вместе с техниками. Меняют, правда, всего по пятьдесят долларов, но ничего – икру, водку и командирские часы ещё никто не отменял.

Первое, что мы делаем по прилёту, ожидая багаж, это выпиваем, невзирая на заоблачную стоимость – почти два доллара (!) – по кружке «Карлсберга». Валерка отмечает «золотым» афоризмом после первого же глотка: «Ребята, то, что мы всю жизнь называли пивом, на самом деле пивом не является!» Голова кругом от всего, что видим – продукты, одежда, техника, особенно поражают бары, кафешки, рестораны на набережных. Стоять! Пятьдесят долларов, зажатые в кулаке, плюс семьдесят-восемьдесят удастся выручить от индивидуальной внешне-экономической деятельности. В итоге, всё равно кот наплакал, а вещи все клёвые, а икру и водку ещё надо продать (это не Польша), а каждый следующий магазин лучше предыдущего. Озабоченные и униженные, гуляем по городу. Голова, как арифмометр, раскалена от ежеминутно меняющихся вариантов соединить желаемое с возможным. Главное в такой ситуации – не терять самообладания и не спешить покупать. Ощущаешь себя просто говном, но ничего, в Москве оторвёмся. Один красно-белый зонтик с надписью «Danmark» – подарок хозяев – чего стоил. Как пройду по Пушкинской, так народ шеи посворачивает – главное, чтобы дождик пошёл.

Возникают, конечно, анекдотичные моменты. Например, во время экскурсии мы всей делегацией, порядка сорока человек, не разобравшись в вывеске на датском языке, ввалились в магазин геодезического оборудования.

Сам концерт на фестивале прошёл здорово. Хороший аппарат, народ активно реагирует на наши постановочные приколы. Даже без понимания текстов всем ясно, что здесь заложен классный смысловой юмор.

*Программка концертов с Нау в «России» с автографом
Андрея Родина*

1988 г. Съёмка «Восточного базара». Телевизионщики припёрли верблюда

Сюткин выглядит фирменно, двое толстых танцуют – это выглядит неожиданно, а главное смешно.

Многое из увиденного в голове просто не укладывается. Например, во время экскурсии гид показывает нам городские парки с большими прудами, в которых проводят какие-то строительные работы.

Мол, это жители Копенгагена настояли, чтоб пруды в парках оборудовали системой подогрева, потому что зимой уточки улетают, а жители Копенгагена не хотят, чтоб они улетали.

Гордеев не выдерживает:

– Суки!

– Кто?

– Все они: и город, и его жители, да и уточки тоже!

Чуть позже проезжаем мимо какого-то дома, где во время войны действовал штаб антифашистского сопротивления. Спрашиваем, как происходило сопротивление. Гид с гордостью объясняет, что раз в месяц здесь встречались восемь самых храбрых и мужественных сынов Дании, чтобы подумать и обсудить, как, когда и в какой форме можно начать смертельные для гитлеровцев акции – например, расклеить листовки или перечеркнуть, где-нибудь, свастику. Такая вот «Молодая гвардия!»

Из позитивных потрясений – парк развлечений «Тиволи». Только войдя в него и разинув рты от обстановки, после нашего ЦПКиО им. Горького с колесом обозрения, цепными каруселями и комнатами смеха, мы попадаем на другую планету. Безумно уютный, красивый, ухоженный, с кучей современных аттракционов, аниматорами, оркестрами, старинными детскими каретами, нарядной и позитивной публикой. Валерка выдаёт второй великий афоризм в Дании: «Фильм бы снять про это и у нас показать. Название – «Украденное детство!»

Но это – ложка мёда в бочке дёгтя. Мы можем только созерцать происходящее: в наши бюджеты расходы на развлечения не заложены. Спасибо хозяевам – врубившись, они по собственной инициативе покупают и предельно деликатно вручают нам по два билета, дающих возможность воспользоваться аттракционами на выбор. Хоть как-то! Довольные, идём к выходу и вдруг натываемся на «дуромер» (приспособление, по которому, если ударить огромным молотком, оно покажет, с какой силой), в качестве приза за самый сильный удар дающий ещё 15 жетонов на аттракционы. Мы спасены! Жека берёт эту кувалду – и как ...банёт! Короче, агрегат выходит из строя, шум, претензии, наши хозяева благо разумно сваливают, а у нас «А ну-ка, отними!».

Во время отлёта, в аэропорту около выхода на посадку, стоит огромный ящик с бесплатными презервативами – разворачивается мировая кампания по борьбе со СПИДом. Надо ли говорить, что к моменту посадки ящик был пуст, причём ни один из трёхсот пассажиров ИЛ-86 не берёт их открыто. Всё, как бы невзначай. Кто-то – глядя в противоположную сторону на рекламный щит, кто-то – увлечённо читая газету, свободной рукой набивая себе карман заветными пакети-

ками. И это не всё. Только все рассаживаются-пристёгиваются, как какой-то дятел, из едва не опоздавших на посадку, громко говорит, что, оказывается, «Кока-кола» проводит акцию – и всем пассажирам перед вылетом бесплатно выдают по бутылке. Весь самолёт с рёвом бросается назад – за законно принадлежащим и чуть было не упущенным.

Глава XII. Олимпиада в Сеуле

Весной комсомольцы попросили пару раз выступить на наших олимпийских базах – в Новогорске и «Озере Круглом», где лучшие спортсмены страны безвылазно сидели на сборах, готовясь к Олимпиаде в Сеуле. Мы со спортом дружим, поэтому без проблем соглашаемся, тем более в Новогорске нас ждёт сборная СССР по футболу – со многими ребятами мы хорошо знакомы. В «Озере Круглом» готовятся пловцы и гимнасты, вот им уже кисло по-настоящему – месяцами живут на казарменном положении. Играем от души – дикий восторг и обожание. После концерта весело и очень душевно пообщались с ребятами, после чего ведущие пловцы, звёзды сборной, обещают нам, что обязательно обратятся в Спорткомитет с просьбой о включении «Зодчих» в артистическую группу поддержки, которая будет сформирована и делегирована в Сеул на весь период Олимпиады. Слышать это приятно, но всерьёз не относимся. Вдруг, в июне звонок из филармонии – пришёл соответствующий запрос, оформляйтесь. Вот это уже дело. Сорок дней на теплоходе «Михаил Шолохов», который из Владивостока придёт в Южную Корею и будет базовой точкой, штабом советской делегации. Плюс бесплатные билеты на соревнования, плюс экскурсионная программа, плюс на полном теплоходном обеспечении, включая, конечно, тщательно соблюдаемый сухой закон (Ну, не смешите!). А главное – возможность по официальному курсу поменять триста рублей, а это, на секунду, – пятьсот сорок долларов. Дело пахнет видеоманитофонами! (Молодёжь, пролистывайте эти страницы, всё равно ни хрена не поймёте, о чём я.) Есть, правда, элемент страшноватой экзотики: с Южной Кореей и так всегда была напряжёнка, а после злополучного «Боинга» в 1983 году, даже дипломатические отношения разорвали*. Мы получаем визы в каком-то другом посольстве. Подготовка к поездке вспыхивает время от времени совсем уж не из нашей

* Тёмная история, когда «Боинг-747» с пассажирами то ли по ошибке, то ли специально залетел на нашу территорию в районе Охотского моря, на сигналы не отвечал, командам не подчинялся и был сбит советским самолётом.

Финальный свисток арбитра услышали в реве трибун немногие. Только знакомый всем брелышником жест судьи, означавший «мямя на центр», красноречиво дал понять зрителям, заполнившим чашу Олимпийского стадиона в Сеуле, что матч СССР — Бразилия завершен. Советские футболисты — олимпийские чемпионы! Позже руководитель группы «Зодчие» Юрий Давыдов признался, что в эту секунду необъяснимая сила сорвала его с места. Прорвавшись сквозь густую толпу болельщиков, стоя приветствовавших победителей, он оказался на беговой дорожке и, оставив позади кордоны полицейских, смешался с ликующими игроками нашей команды.

вались кинопросмотры, дискотеки, интересные встречи и, конечно же, концерты и вечера юмора. Честно говоря, поначалу «Зодчие» чувствовали себя не в своей тарелке. Помните, известный эпизод из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, когда Остап Бендер очутился на киностудии. Пока он вел себя как обычно, никто не хотел разговаривать с великим комбинатором. Но стоило Бендеру прибавить прыти в бесконечных коридорах студии, как он сразу стал своим человеком и получил искомую информа-

зационности к тому или другому атлету и на любимые люди сплота. К примеру, «Зодчие» не могли пропустить футбольный турнир. Эта игра нам близка не понаслышке. В составе группы два заядлых футболиста — Геннадий Горлов и ваш покорный слуга. В свое время мы довольно серьезно занимались футболом в торпедовской спортшколе. Геня выступал на первенстве Москвы, мне удалось пробиться в дубль именитого клуба. Судьба развела с футболом, приблизил к музыкальному берегу, но страсть сохранилась. Да и связи с фут-

так и рассчитывали, что заплыл Игоря Поланского будет «золотым». Поэтому и отправились в бассейн в тот день, когда соревновались мастера плавания на спине. Но заранее вслух предложение никто делать не осмеливался. Музыканты, так же как спортсмены, люди на редкость суверенные.

— Юрий, одно дело наблюдать за спортсменами со стороны, другое — общаться с ними в дружеском кругу. Вам предоставлялась возможность максимально сблизиться с двумя мастерами? Или это было невозможно?

— Далеко не всегда. Чем ближе узнаешь спортсмена, тем острее чувствуешь несправедливость стереотипов и сплетен. Кто сомневается, боксеры — волевые ребята. Но это на ринге. Так, как переживал неудачу Шанавазов, всю обратную дорогу находившийся в состоянии «грозга», способен не каждый человек, как принято говорить, с тонкой душевной организацией. А Лена Мирошина, в 14 лет попавшая в шестерку сильнейших прыгуний в воду планеты? Она лила такие горькие слезы, будто это Олимпиада последняя в ее жизни, глядя на эти «маленькие трагедии», язык не поворачивается назвать ребят толстокожими или меркантильными, как это почему-то модно в последнее время.

А вот Володю Сальникова я именно таким и представляю: мужественный и жизнерадостный одновременно. Вообще, мнение нашей группы на его счет таково, что фамилия Сальникова попадет в историю мирового спорта на те страны, где уже увековечены имена братьев Знаменских, Яшина, Третьяка, Феноменальный спортсмен.

Ответ на последний вопрос, руководитель группы «Зодчие» отстегнул от пацкана куртки значок с изображением тиграка Ходори и протянул нам.

— Один на двоих? — улыбуемся. — Последний, — с сожалением развел руками Юрий. Все что осталось — свитер олимпийского чемпиона. И множество воспоминаний, которых хватит не то что на интервью, на целую книгу.

Интервью дали М. БЫКОВ, В. МАТВЕЕВ.

— Первый, кого поздравил, был Дима Харин, — рассказывает Юрий. — Недолго думая, он стянул через голову вратарский свитер и протянул мне со словами: «Держи! На память!». Разумеется, из такого сувенира я запомню поездку на Олимпиаду на всю жизнь. Может так случиться, что второй раз попасть на всемирный форум спорта шанса не представится.

— Юрий, а как появился сексуальный вариант? Не секрет, что наши кор-группы до последнего времени нечасто выезжали на гастроли в страны Запада.

— Начнем с того, что Сеул находится на Востоке, Шучу, конечно. Я прекрасно понимаю ваш вопрос. Да, мы редкие гости в капиталистических странах. Однако положение стало выправляться. Тем более, что интерес к советской культуре, рок-музыке в частности, всюду огромен. Сеул не исключение. Но это не главное. Наши гастроли носили необычный характер. Задолго до Олимпиады мы охотно откликнулись на предложение выступить перед советскими спортсменами, входящими в олимпийские сборные. Концертировали на базах «Озеро Круглое», «Новогорск» и других. Встречали нас тепло, но предположить, что впоследствии нас пригласят в состав «Артистической сборной», сформированной из «звезд» эстрады для поддержки атлетов на Играх, не могли.

— Вы, дебютанты подобных туров, оказались в компании таких мастеров, как Геннадий Хазанов, Владимир Винокур, Зиновий Высоковский, Элина Быстрицкая. Не возникло желания спрятаться в тень маститых?

— Ритм Олимпиады такой возможности бы не дал. Ра-

Стадион муз

НЕОБЫЧНЫЕ ГАСТРОЛИ

боты хватало всем. Мы прибыли в Сеул за несколько дней до стартов и сразу окочинились в круговерть предолимпийских будней. Вся артистическая команда поселилась на теплоходе «Михаил Шолохов», который бросил якорь в портовой гораде в сорочку километра от столицы Игр. Не знаю, задумано ли так было заранее или это произошло само собой, но наше судно сразу превратилось в своеобразный центр отдыха и развлечения, постпредство советской культуры на южнокорейской земле.

С утра до вечера прибывали на борт спортсмены, тренеры, другие члены нашей делегации, насчитывавшей более тысячи человек. Для них устраи-

цию. Так и мы не сразу попали в такт. Помогли же нам авторитетные коллеги. Разъяснили, что требуется в последствии выросшим в большого мастера. Это — не единственная наша обязанность — создавать микроклимат на борту теплохода. Не менее важно — поддерживать наших ребят во время соревнований, учитывая, что по уже сложившейся традиции, спущенной сверху, советских болельщиков на Играх было, мягко говоря, немного.

— Вы физически не могли побывать на всех соревнованиях программы. Как ты делил сферы влияния на трибунах?

— Очень просто. Ориентировались на личные прива-

болитами «Торпедо» моего поколения тоже. Шутка ли, ведь в дубле мы начинали вместе с Сергеем Пригодой.

— Довелось побывать на легкоатлетических соревнованиях. Но день мы выбрали не самый удачный для нашей команды. Да и места тоже. Видели только, как в самом дальнем конце стадиона составляли три богатыря Сергей Литвинов, Юрий Сердых и Юрий Тамм. Побывать на Олимпиаде — уже везение, а застать миг, когда весь пьедестал — советский, уникальнейший случай. Почастливилось нам в олимпийском бассейне. Правда, все члены группы

жизни взятыми искрами. Так, например, нам неожиданно дают талоны на право отовариться в закрытой секции ЦУМа на самом верхнем этаже. Ничего особенного там нет, кроме настоящего французского парфюма по госцене. Между прочим, тоже на дороге не валяется.

До последнего не верится, что мы поедем. Все эти группы поддержки, или как их там ещё называют, из года в год занимают немеркнущие и незаменимые Кобзон, Лещенко, Хазанов, Винокур и ещё кто-то из той же обоймы. Хотя и наша выглядит вполне достойно и разнопланово. Великая Элина Быстрицкая, «пан Зюзя» Зиновий Высоковский, бард Валерий Пак (кореец, к нему ещё вернёмся особо), Боря Грачевский из «Ералаша», лучший звукоимитатор всех времён и народов Юрий Григорьев и ещё несколько менее известных, но неплохих артистов.

Прилетаем во Владивосток, грузимся на корабль. Проводы выливаются в массовый митинг на морвокзале, несколько десятков спортсменов с габаритным снаряжением (например, парусники) плывут с нами или, всё-таки честнее, мы с ними. Речи, оркестр, цветы, «Прощание Славянки» – и мы отваливаем (в морском смысле). Пока выходим из бухты Золотой Рог, все стоящие суда салютуют гудками и направленными вверх из брандспойтов водными струями. Красиво и сердечно!

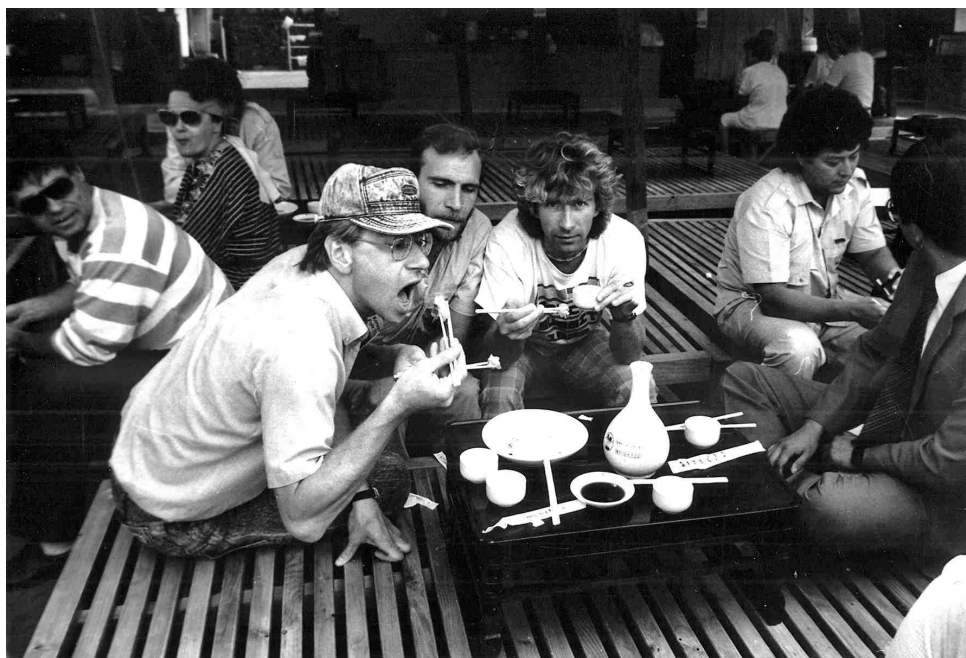
На корабле довольно много народа – человек двести: официальные лица, спортсмены, артисты, ещё кто-то, все в одинаковых делегатских костюмах. После ужина в концертном холле типа вечера знакомств. Капитан представляет команду теплохода, остальные тоже в разной форме презентуются. Становится понятным, что у теплохода, который, кстати, в отличном состоянии, вылизан и подготовлен, будет в Корею несколько задач.

Перед соревнованиями спортсмены будут приезжать к нам чуть-чуть расслабиться, похлебать русского борща, посмотреть и послушать любимых артистов, пообщаться со своими, чтобы завтра с утроенными силами выйти на старт. И, наоборот, по окончании выступлений, чтобы они пьяными по Олимпийской деревне не шатались, их опять же на корабль – в объятия сухого закона (а мы на что?). Плюс приём всевозможных официальных делегаций и прочие представительские мероприятия. Спустя много лет узнаем, что всё это было в большей степени для отвода глаз. Главная задача этого теплохода состояла в

1988 г. Олимпиада в Сеуле. Сейчас этим не удивишь, а тогда – экзотика

работе на месте довольно большой группы специалистов, связанных, скажем так, со спортивной медициной. Но это было за кадром, пусть за кадром и останется. В тот же вечер на сцену вышли несколько человек, и один из них обратился к присутствующим: «Друзья, все сейчас попали в большой незнакомый коллектив. Нам предстоит больше месяца совместно работать во имя победы советского спорта. Вполне естественно, что в каждом новом для вас человеке вы будете видеть потенциального сотрудника КГБ или просто стукача. Не надо этого делать. Все сотрудники КГБ, командированные в составе делегации, стоят сейчас перед вами. Я за старшего. За стукачей, конечно, не ручаемся, но в задачи именно наших сотрудников не входит следить, кто какие джинсы купил или водку пронёс на корабль. Во-первых, времена меняются, а во-вторых, мы едем к корейцам, от которых непонятно чего ждать – и, стало быть, неизвестно, в какие ситуации вы можете попасть. Поэтому, искренне просим, не считать нас врагами, а, нао-

1988 г. Готовим олимпийцев к стартам. Их задача – стать Чемпионами, наша – пронести спиртное на теплоход. Деньги уже переданы

борот, при возникновении, не дай Бог, чего-либо нештатного, обращайтесь к нам в любое время дня и ночи. Мы здесь в помощь Вам, пожалуйста, поверьте!» Впечатлило! В тот же вечер после концерта мы вместе засядем в чьей-то каюте, и практически все захваченные из дома спиртные запасы будут уничтожены.

Зато на корабле работают безалкогольные бары, торгующие по сложной системе внутрикорабельных чеков, продававшихся за рубли. Это очень пригодится впоследствии. А пока, выходим в открытое море и утром попадаем в Цусимскую бухту, где происходит очень трогательная церемония. Всех присутствующих на корабле собирают на палубе, двигатели стопорятся, и под траурную музыку на воду опускается венок памяти моряков русской эскадры, погибших здесь в русско-японской войне.

Наконец, приходим в порт Инчхон, где нам больше месяца внести посильный вклад в общую победу. Очень быстро выстраивается график. Утром приезжают спортсмены – те, у кого соревнования завтра или послезавтра, для них всё: кухня, концерты, общение, – и они, и мы полны надежд. Вечером их увозят и привозят вчерашних-позавчерашних – тех, для кого Олимпиада уже закончилась. Здесь всё сложнее: у кого-то триумф, у кого-то трагедия, крушение надежд и всего, что связано с неудачным выступлением в главном старте жизни. Нам доводится составлять компанию и тем и другим. К тому же, мы наладили бесперебойное снабжение самих себя и, в случае необходимости, спортсменов спиртным и фирменными сигаретами. Недалеко от порта хозяйка какой-то небольшой лавки, уж не знаю почему, но охотно меняет виски «Johny Walker» и «Мальборо» на наши сигареты «Космос», «Ява», «Столичные» и другие, продающиеся в тех самых безалкогольных барах на пароходе. Соотношение – блок на блок или блок на бутылку. Представляете, кто понимает, о чем речь? Клондайк!

Иногда нас вывозят смотреть соревнования или в Олимпийскую деревню давать концерты на месте. Из Москвы прибывает усиление – Хазанов, Винокур и ещё какой-то академический хор, имени кого-то, для участия в официальной культурной программе Олимпиады.

Здесь на авансцену выходит Валерий Пак. К нему, как к этническому корейцу, внимание принимающей стороны всё время повышенное и выражается в том, что ни с одного выступления или мероприятия он не возвращается без серьёзного подарка – магнитофона, телевизора, бритвы, плеера и т.д. Постоянно подтрунивает над нашим славянским или другим, но некорейским происхождением. И вот, в один прекрасный вечер, видим пьяного Валеру сидящим на палубе в обнимку

с очередным термосом и чуть ли не в слезах. Долго отмахивается от сочувственных вопросов, так ничего и не говорит. Узнаём у команды теплохода, что днём привезли и загрузили на борт два новеньких автомобиля «Хюндай» для двух женщин-кореенок из того самого хора имени кого-то. Видимо, там принимающая контора была побогаче.

Сейчас трудно объяснить, что значило в ту пору поехать на Олимпиаду. Ты в числе очень-очень немногих счастливчиков, никаких соотечественников нет и в помине, на трибунах все болеют против нас, при этом, унижительная необходимость экономить на всём, чтобы привезти домой лишнюю шмотку или, чёрт побери, видеомагнитофон!

Самый «сладкий» концерт

Корейцы просекают это очень быстро, но, как восточные люди, виду не подадут – всё на полутонах, всё с улыбкой, не придерёшься. Но, даже делая щедрые подарки, одновременно не подкалывают даже, а подъёбывают. Мы приглашены в центральный и самый большой магазин торговой фирмы «Lotte» с эскалаторами, водопадами, тропическими садами внутри на несколько этажей. Там у нас концерт для посетителей, потом приём у владельца компании. Это ответный визит – вчера они были на «Шолохове».

После концерта поднимаемся куда-то под облака, на самую верхо-туру, где нас встречает руководство и вручает каждому по огромному красивому пакету, в котором сверху в шикарной упаковке аудиоплееры, а внизу какая-то увесистая коробка.

С этого момента начинается корейское иезуитство. Тусовка аж потеет от любопытства, особенно ветераны внешней торговли и артистической халявы Зиновий Высоковский и аккордеонист Ковтун. А посмотреть никак, речи длинные, да с переводом, а сидим так, что всех видно и даже руку не запустишь, хотя бы на ощупь понять – ЧТО ТАМ?

После речей всем предлагают оставить пакеты на месте – их не украдут – и проследовать в соседний зал на торжественный обед в нашу честь. Толпа близка к обмороку, но делать нечего – на ватных ногах проходим в шикарный зал в стиле «Людовик». У нас таких нет, да и вообще, чудеса какие-то. Сев за стол, достаю сигарету – тут же из-за спины рука официанта щёлкает зажигалкой. На столе бутылок нет, как и принято на высшем уровне. Но мы-то не отсюда, поэтому начинаем волноваться на тему, что они знают про сухой закон в СССР и решили проявить к нам уважение, соблюдая его. Когда туман рассеялся и нам задают вопрос, что будем пить, возникает новая проблема. Сами посудите, мы

1988 г. Сеул. За этот концерт в торговом центре «Лотте» нам неожиданно подарили аудиоплееры. Жизнь удалась!

вскормлены портвейном, поставлены на ноги водкой, изредка балуем себя армянским коньячком и на Новый год шампанским. А здесь нас ставят перед сатанинской дилеммой: ямайский ром или «Наполеон»? А через пять минут: шотландский виски или мексиканскую текилу? А может быть, японскую сакэ? С последними двумя совсем неловко – приходится переспрашивать. Но именно это незнание оправдывает нас в их глазах, когда мы начинаем пить всё по очереди – типа дегустируем. Ну хоть так! По крайней мере, отвлекли от тайны содержимого пакетов.

В разгар застолья входит джентльмен, которого, разом вскочившие корейцы, представляют как президента и владельца компании «Lotte», имеющего третье по величине состояние в Корее. Он приветливо и с любопытством посматривает на нас, после чего говорит тост о том, что сегодня, может быть, заложен первый камень в здание будущей дружбы наших стран. Это очень важно для крупного корейского бизнеса, который он здесь представляет. Ну, мы, в общем-то, не против, поэтому выпиваем за сказанное. Неожиданно с ответным тостом рвётся Высоковский (пан Зюзя из телекабачка «13 стульев»). Дают слово. Он встаёт, просит долить ему в бокал коньяка на три четверти и начинает нести околесицу. «Вот здесь вы насчёт дружбы, это правильно, это я согласен. Но передайте мистеру Чангу (владельцу), что я тоже богатый человек. У меня есть кооперативная квартира на Герцена, машина и дача. Но не это главное. Я владею миллионами зрителей и поклонников моего таланта». С первой фразой корейские переводчики

1988 г. Сеул. Стиль «Людовик» для нас ещё непривычен. Нет, чтоб по-настоящему, как люди, на газетке...

справляются. На второй спотыкаются и тихонько спрашивают у наших: что такое «кооперативная квартира» и «нагерцена»? Те от стыда машут рукой – мол, переводите как знаете.

Не знаю, как они перевели и что сказали, но мистер Чанг посмотрел на Зиновия Моисеевича с уважением. Мы с Валеркой пытаемся провести экспресс-анализ происходящего. Останавливаемся на версии, что если перевести фразу «...владею миллионами зрителей...» дословно, то её можно понять – мол, типа, зрители и поклонники доверили пану Зюзе свои миллионы.

Но это не всё. Наши руководители достают пачку чёрно-белых фотографий со вчерашнего приёма на корабле. Отдельно представляется фотограф Володя с благодарностью за то, что он не спал всю ночь, чтобы успеть всё проявить и напечатать. Корейцы изумлены, передают фотографии по рукам, восхищённо цокают языками, потом поднимают за Володю отдельный тост. Наши руководители лопаются от гордости.

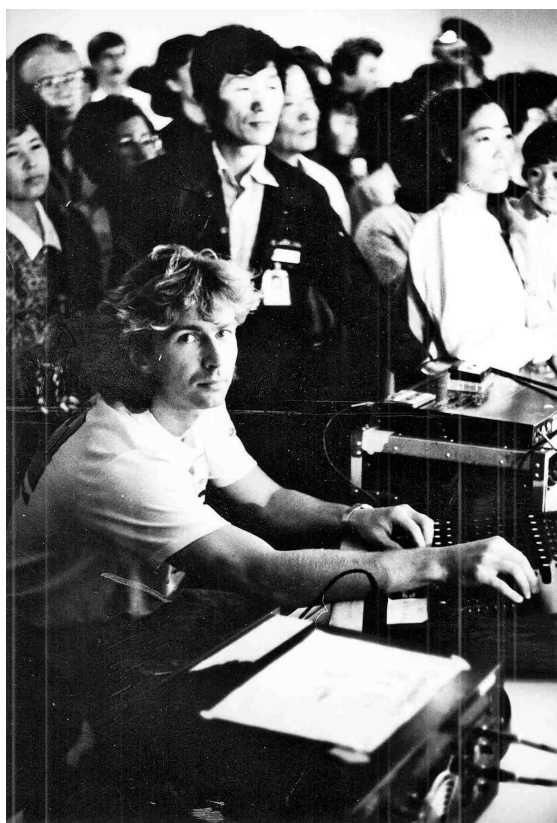
Развязка наступает через сорок минут, когда открывается дверь и на тележке вкатываются тридцать штук (на всю советскую делегацию) цветных фотоальбомов, в которых запечатлена целиком сегодняшняя эпопея, включая тост за Володю.

1988 г. Сеул. Кто-то из двух в галстуках – богатейший человек в Южной Корее. Кто – мы так и не поняли

1988 г. Сеул. «Давид! А когда тебя в последний раз называли сэром?»

Валерка – суперпрофи: ему и ручки покрутить не запахло, если надо

ским артистам образцы высших сортов рафинада, надеюсь, что... Дальше не читаем, а дарим все свои коробки пану Зюзе.

Круче только небо

Но всё остальное: бытовые условия, питание, экскурсии – на высшем уровне. Наши просторные каюты превращаются в импровизированные рюмочные для тех, кого мы считаем нужным пригласить. А таких много. Сколько радости и слёз проходит через нас за эти дни!

Володя Сальников, в которого никто не верил, спустя восемь лет после триумфа в Москве, опять с огромным отрывом приходит первым на дистанции 1500 м. Вечером на корабле – остеклевший, уставившийся в одну точку. Ну, мы знаем, как вывести из этого состояния, даром что он непьющий. Подсаживаюсь к нему со стаканом известного лекарства. В несколько приёмов механически выпивает и потихоньку оттаивает: «Юра, ты представляешь, эти сволочи выгоняли меня из бассейна, ставили палки и препоны. А

я плыву последние пятьдесят метров, все думают, откуда силы, а меня вдруг обуял панический ужас, что сейчас утону. И только этот ужас заставил добраться – все думают, до финиша, а я-то просто пытался доплыть до берега».

Или картинки, как по пароходу прогуливались в обнимку Арвидас Сабонис и какой-то боксёр в лёгком весе. Это видеть надо!

Но апофеозом стало решение тренеров сборной по футболу привезти команду за два дня до финала на корабль и вернуться после матча туда же. Олимпиада уже приближается к финишу, олимпийская деревня больше гульбанит, чем готовится, обстановка нерабочая – вот и спрятали команду от шума да бузы. Два дня прекрасно общаемся, у ребят великолепный настрой. Они по-хорошему раскованны: «серебро» в кармане, чего мало кто ожидал, а «золото» будем стараться, с учётом того, что для бразильцев это вопрос жизни и смерти.

В основном проводим время вместе. Лёсик Михайличенко, Юра Савичев, Лёша Прудников, Серёга Горлукович, Женя Яровенко, Игорь Добровольский – потрясающие ребята.

В день матча, в обед, нам передаётся крупная сумма денег, и мы идём по известному маршруту с известными целями за известным продуктом. Покупаем, проносим, прячем, после чего едем на стадион. Что там происходило, все видели. Я вхожу в историю как единственный за всю Олимпиаду зритель, кто сумел выскочить на поле после окончания матча. Димка Харин дарит мне свой свитер, который я до сих пор, со следами сеульской травы, храню у себя.

Отмечать начинаем у меня в каюте, куда набилось человек двадцать пять, и потом все страждущие заходят добавить.

Корабль ходит ходуном, но сухой закон никто не отменял, поэтому часа в три ночи спиртное всё-таки заканчивается. И вот здесь пробил час Зиновия Высоковского (пана Зюзи). С заговорщицким видом он оттаскивает меня в сторону и просит передать ребятам, что у него припасены, ещё из Москвы, десять бутылок водки, которые он готов уступить в честь победы по... тридцать долларов за штуку. Сразу вспоминаю эпиграмму Гафта, посвящённую этому персонажу:

«Когда таким, как ты, пути открыты,
Растёт в стране число антисемитов.»

Пряча глаза от отвращения, предлагаю ему справиться самостоятельно с этой почётной миссией.

На волне эйфории, автор «золотого» гола Юра Савичев без лишнего слова отстёгивает триста долларов, превращая этот эпизод в шутку, даже наливает удачливому торговцу, но я после этого с «паном Зюзей» стараюсь не общаться.

1988 г. Сеул, Олимпийская деревня. Марат Грамов вручает «золото» Владимиру Сальникову и Дмитрию Харину

Нас мало, но...

1988 г. Сеул. С нашими деньгами в музыкальном магазине – только расстраиваться

Следующий день – последний перед закрытием. Решено вывезти всю артистическую бригаду в Олимпийскую деревню и на месте дать большой прощальный концерт для всей нашей делегации. В качестве сцены естественным образом подходит площадка перед главным подъездом, на которую снизу ведёт широкая лестница.

Расставляем аппарат, по очереди выступаем. Перед лестницей проходит асфальтовая дорога, за ней газон, на котором расположились наши и не только наши спортсмены. Игры завершаются, результаты победные, настроение классное, все на подъёме.

Во время выступления Хазанова, в самый смешной момент, по асфальтовой дороге, неожиданно подъезжают несколько машин, останавливаются аккуратно между импровизированной сценой и зрителями, из них выходят наши спортивные руководители во главе с Председателем Госкомспорта Маратом Грамовым.

Машины уезжают, а эта гоп-компания, не обращая ни на кого внимания, поднимается по лестнице прямо посередине.

Хазанов, естественно, делает паузы, выжидая, когда эти «святые отцы» у...бут.

Марат Грамов, проходя мимо Хазанова, покровительственно похлопал его по плечу. Гена, выдержав паузу, поднимает это самое плечо и начинает быстро-быстро его целовать.

Жаль, видеокамеры ещё не стали общедоступными, приходится описывать словами.

После Хазанова, по программе, сорок минут должны играть мы. В это время спускается кто-то из чиновничьих шестёрок и говорит,

1988 г. Сеул. Если бы такая орава была на «Титанике», то утонул бы айсберг.
Борис Грачевский, Валерий Пак и мы с Валеркой

что румынские конники протестуют: у них завтра старт и руководство концерт запрещает.

Наши снаряжают делегацию убедить насрать на конников из Румынии и продолжить концерт. Вы бы видели состав этой делегации – десять олимпийских чемпионов: Сергей Бубка, Наталья Лисовская, боксёр Вячеслав Яновский, Арвидас Сабонис и другие. Руководство машет рукой – делайте что хотите!

Все чемпионы и призёры в момент становятся состоятельными людьми. За первое место, к примеру, выплачивают по три тысячи долларов, за второе – по две, за третье – по одной. И это не считая премий и ценных подарков на родине. Скажем, торпедовцу Алексею Прудникову, с которым мы очень сдружились, по приезду в Москву завод ЗИЛ вручает печь СВЧ собственного производства – тяжеленную, огромную, но вроде работающую.

Футболисты, кстати, находятся в привилегированном положении: им доплачивают за победу в каждом матче турнира. Итого набегает около пяти тысяч. Молва доносит, что перед построением на парад закрытия, узнавшие о финансовом неравенстве баскетболисты, также ставшие чемпионами, с гневом окружили своего легендарного тренера Александра Гомельского: «Александр Яковлевич, почему эти огрызки – показывают на стоящих неподалёку футболистов – получили по пять тысяч, а мы только по три?»

Тепло прощаемся, получаем на память футболки, плавательные шапочки, боксёрские перчатки, бутсы, шиповки, мячи с автографами, ребята едут в аэропорт, а мы – на ставший родным «Михаил Шолохов».

Отходим из Сеула обратно во Владивосток. Теплоход переполнен. На него загрузили всех, кого не отправили самолётом, в том числе многих спортсменов, например, олимпийскую чемпионку по толканию ядра Наталью Лисовскую. Весёлая, прикольная, при знакомстве заявляет каждому: «Я женщина! У меня справка есть!» Чем ближе к Родине, тем холоднее. На палубу уже не выходим, спиртное закончилось, сидим по каютам, в которых нас уплотнили по четыре человека. Собираемся у Родьки и смотрим его корейский телевизор с видиком. Ко мне несколько раз подваливают члены экипажа с предложениями обменять футболку Михайличенко сначала на одну бутылку водки, потом на две, в апогее доходит до пяти, но я и за сто не отдам: «Не такой уж горький я пропойца!..»

В порт входим в жутко-унылый осенний дождь с промозглым ветром. Ощущения праздника никакого. Все уже устали и от путешествия, и друг от друга, и вообще – пора домой!

Очередной прикол отчебучивает Саня Белоносов. В момент появления в каюте строгого таможенника он лежит, задумавшись о чём-то, скрестив руки за головой, и по обыкновению морщит лоб и шевелит волосами. Посмотрев на таможенника одним глазом (это буквально), Сашка, опережая возможные вопросы, безучастно произносит: «Старичок, у нас всё в порядке». Того со словами: «Ага, понял», – моментально сдувает. Немудрено – афганцы не выдерживали.

Выгрузка с парохода выглядит трагикомично. Мы ведь не можем без того, чтобы в такую ужасную погоду не нагнать несчастных жителей города, включая детей и стариков, на торжественную церемонию встречи советских олимпийцев, триумфально выступивших и завоевавших первое место в общекомандном зачёте. Но, как обычно, кто-то что-то до конца не продумал и встреча выглядит так: толпа продрогшего народа с бумажными цветами, трезвый, а потому играющий не совсем впопад морской духовой оркестр и ведущий с торжественными интонациями: «Дорогие товарищи, внимание! На родную землю ступает олимпийская чемпионка Наталья Лисовская!» Аплодисменты, крики «Ура!» – и на трап выходит Наташка, согнувшись от всех чемоданов, коробок, мешков, упаковок. Ни рукой помахать, ни даже улыбнуться – тяжело тащить всё это на себе! До сих пор непонятно: если эта церемония необходима, почему не вывести героев налегке, а потом спокойно вернуться за вещами?

Аплодисменты и крики смолкают. Так повторяется несколько раз, но когда ещё одни чемпионы, на сей раз спринтеры в эстафете на сто метров, прут с теплохода что-то огромное вчетвером, толпа потихоньку начинает расходиться, ну а мы, ещё далеко от дома, но уже на родной земле, отмечаем большой толпой это событие и готовимся к завтрашнему девятичасовому перелёту в Москву.

Плюс ГДР

Первое, что мы узнаём дома – это то, что через пять дней недельный выезд в Берлин, на несколько сборных концертов в Доме советской культуры на Унтер-ден-Линден. В первый раз не испытываем никаких эмоций. Хотя уже там, на месте, потихоньку раскошегариваемся. Мы едем всем составом, вместе с техниками и администраторами, чуть-чуть подсластив им пилюлю от вынужденного полуторамесячного простоя. Кроме того, мы впервые можем себе позволить жить на широкую советскую ногу, позволяя то, что раньше и представить было нельзя. За этот год все всё уже купили, а денег поменяли как обычно – по пятьсот тридцать рублей, поэтому мы ездим на такси, обедаем в ресторанах, выпиваем в дорогих барах. И вот здесь происходит один из самых курьёзнейших курьёзов, курьёзнее не бывает. На той самой Унтер-ден-Линден, рядом с Бранденбургскими воротами, дорогуший пивной бар, скорее даже пивной ресторан – у нас таких ещё нет. На столах белые скатерти, пиво не в кружках, а в красивых бокалах, официанты в бабочках и трезвые, в отличие от нас, за пару часов выпивших этого волшебного напитка немерено.

Физиология берёт своё, и Миров, огромный, пьяный и толстый, направляется по назначению в заветную дверь. А как на грех, за ближайшим от этой двери столиком сидят две почтенные седые фрау с максимально возможной для ГДР аристократической внешностью, держа холёными пальцами длинные ароматные сигареты. Проходит три минуты, и этот мудака, выйдя обратно в зал, с просветлевшим лицом и блуждающей улыбкой вдруг подходит к столику с этими фрау, спьяну приняв их за кассирш и кладёт им в пепельницу приготовленные загодя двадцать пфеннигов (обычная цена в городе за непривычный для нас платный туалет, например на вокзале, но здесь-то ресторан – платить не надо), громко выговаривает: «Битте! Туалеттен!» – после чего сразу не уходит, внимательно смотрит на одну фрау, потом на другую и царственным жестом достаёт из кармана ещё двадцать пфеннигов – типа на чай. Завершив это священнодействие, с солидным видом идёт к нам, вернее, к тому, что от нас осталось. Мы катаем-

Концерты, концерты, концерты

ся по полу, хрюкаем, визжим, из глаз слёзы, в ногах судороги. Смех – штука заразная, поэтому через несколько минут, не понимая причин, но просто глядя на нас, хохочет весь ресторан. Кроме, естественно, Мирова, с трудом пытающегося врубиться в происходящее, и тех самых фрау. С ними сложнее. Ни до ни после не встречал одновременно такой синхронно-противоречивой реакции на человеческих лицах. Вскочить-сидеть?.. Смеяться-плакать?.. Возмутиться-простить?.. Разозлиться-плюнуть?.. И всё это в течение секунд. Концовку не знаем – быстро расплатились и смылись.

В предпоследний день знакомимся с кумирами детства и юности – ансамблем «Ариэль». Моментальный контакт, через пятнадцать минут уже в номере у Ярушина и Каплуна. Мне за честь проставиться, они охотно принимают душевный порыв. «Ариэль» – уникамы для СССР – семнадцать лет играют в одном составе. Но, как потом выяснится, эта поездка у них последняя перед распадом. Ничто, всё-таки, не вечно под луной, даже «Ариэль». А мне бы, дураку, в то время почаще самому оглядываться, активнее башней вертеть – глядишь, и не прозевал бы то, что уже полным ходом зрело за спиной. Но я пока не в курсе, не будем спешить.

На оставшиеся деньги накупаем немецкого спиртного и привозим в Москву по несколько ящиков «Шнапса», «Корна» и ещё каких-то всяких-разных бутылок с иностранными этикетками. А у нас-то, по-прежнему, сухой закон. Никогда мы не были такими желанными гостями,

никогда подарки не принимались с такой искренней благодарностью. Для программы «Взгляд» мы приволокли диковинку – огромную 5-литровую бутылку чего-то крепкого. Отвозим её с Сюткиным в «Останкино» на 12-й этаж, где вместе с Сашкой Любимовым, Владиком Листьевым и ещё молодым, только начавшим работать на телевидении Ваней Демидовым запираемся в кабинете... надолго, очень надолго – пять литров всё-таки.

Сюрприз от Сюткина

Наша заграничная эпопея закончилась – надо возвращаться к мирной жизни. Мы моментально получаем кучу приглашений и в московские программы, и на выездные гастроли, много снимаемся – в «Что? Где? Когда?», в родном уже «Взгляде», ещё где-то. Интересным получается клип «Дитя урбанизма» для программы «Музыкальный лифт», который мы начинаем снимать в подземном переходе из старого в новый корпус «Останкино», потом переезжаем глубокой ночью на метро «Колхозная» (ныне «Сухаревская») и там снимаем несколько эффектных планов – например, мы с Родиным играем виолончельно-скрипичный дуэт прямо на ступеньках движущегося эскалатора.

Концерты принимаются по-прежнему очень хорошо, правда, нет такого ажиотажа, как раньше. Всё-таки уход Юрки и «Рок-панорама»

Слева направо: Липницкий, Сюткин, Яковлев, Лучин, Миров, Родин

сказываются. Нельзя говорить, что мы отброшены назад – просто вперёд выскочили другие. Пока держимся, но уже не лидируем. Вот такая суровая правда! И, как в анекдоте, это была белая полоса. Поскольку концертами начинают заниматься все кому не лень, а правовая и финансовая система в новых условиях ещё не выработана – время от времени артисты сталкиваются с неприятностями. Вылетаем в Ташкент на

«Дитя урбанизма»

двадцать концертов, организуемых каким-то малым по имени Артур, который в Москве назначил встречу в ресторане ВТО, пришёл туда в спортивном костюме «Adidas» (предтеча малиновых пиджаков), сразу отдал деньги за десять концертов – и у нас нет оснований ему не доверять. В Ташкенте же выясняется, что концертами заниматься ни он, ни его ребята не умеют, поэтому конь не валялся: ни рекламы, ни плана выступлений – вообще ничего. У него совершенно другой бизнес, видимо, очень доходный, потому что он абсолютно не огорчается убыткам, скорее, ему неудобно перед нами. Когда мы услышали за завтраком, что он с кем-то обсуждает, где сегодня вечером сделать концерт, то не выдерживаем и предлагаем ему не мучать ни себя, ни нас, а просто отправить в Москву. К его чести, он расплачивается полностью, накрывает на прощанье шикарный стол в каком-то подпольном ресторанчике. В то время в Ташкенте это сплошь и рядом. Ты едешь в районе частного сектора, где через каждые двести метров на короточ-

Непостижимо! Как могла получиться такая пророческая фотография за год до этого?

ках сидят молодые ребята, за десять рублей сующие руку в протекающий тут же арык – и охлаждённая бутылка водки у тебя в сумке. Там же автобус тормозит у ворот одного из дворов, калитка открывается и ты попадаешь в настоящую восточную сказку, где всего много, безумно вкусно, и через полчаса можешь есть только глазами – животы у всех полны, причём с горкой. Это всё очень классно, однако несостоявшиеся концерты, в любом случае, настроения не добавляют, нам бы передохнуть малость, но мы со своими заграничными поездками пропустили очень много времени в плане заработков – и надо навёрстывать. Поэтому заряжаем концерты по полной, где можно и, как выясняется, где нельзя. Я по-прежнему ничего не замечаю, и для меня сокрушительным ударом становится момент, когда Валерка с Мирковым заходят ко мне накануне отлёта в Москву и – Валерка смущённо, а Мирков с гадливой радостью – сообщают мне, что они дорабатывают до конца года, после чего сваливают, прихватив с собой Жеку Яковлева. Причина – то, что последняя программа держится на них, а они и без нас, втроём прекрасно смогут работать на гораздо более выгодных финансовых условиях.

Я, в свои тридцать с небольшим, удар держать научился, но здесь чувствую, что сломался. Если с Юркиным уходом всё было заранее понятно и честно, то здесь выстрел в затылок без предупреждения и видимых причин. Причём катастрофа на всех фронтах. В творческом: мы остаёмся без солиста и двух толстых смешных придурков – между прочим, общее изобретение. И мы к такому повороту совершенно не готовы, в отличие, опять же, от прошлого года, где было время выстроить «безлозовую» программу. В человеческом плане, это тоже ни в какие ворота не лезет – те решения принимались вместе, стало быть, ответственность за всё плохое и хорошее тоже совместная. Тем более обидно, что мы общими усилиями только-только выбрались, или почти выбрались, из жуткой задницы, в которой оказались после «Рок-панорамы», вернули народ в залы, в финансовом плане тоже всё ровно. Любые проблемы всегда можно решить, но там и задачи такой не стояло, как выясняется спустя много лет. Оказывается, зачинщиком и идеологом раскола был Мирков. Старый мудрый Лоза его сразу раскусил (помните «... гони Миркова...!»), в отличие от меня. Причём, в основе были не творческие, не финансовые и не человеческие причины, а – внимание! – Мирков отомстил мне за то, что его не взяли в Данию. Именно он, долго и целенаправленно, долбил Валерку по слабым точкам и, видимо, сумел убедить. Что ж, человек, никогда в жизни ничего не создавший, стопроцентный трутень, легко рушит и уничтожает сделанное другими. Ладно, Бог ему судья, парень он не

без способностей, к тому же король застоля. Жизнь всё расставит на места, он так толком ничего и не добьётся, реализовав свой потенциал процентов на двадцать. В отличие от Жени Яковлева – вот уж кто делает головокружительную карьеру, не карьеру даже – жизнь! Придя к нам на должность «техника с правом таскания», как мы деликатно называем грузчиков, ему удаётся закрепиться, забавляя нас природной, идущей от сердца, искренней глупостью и готовностью в любой момент сбежать в магазин за холодным лимонадом или ещё чем-нибудь. Такой, типа, Жека – дурак дураком, но в коллективе нужен подобный персонаж.

К тому же он здоровый, как мерин, техническая группа им довольна, а время от времени он сам придумывает, как сейчас говорят, флэш-мобы. Например, в Сочи на пирсе он показывает свой «Музыкальный лифт» – то есть по очереди поднимает каждого из нас на руки и с высокого пирса прыгает в воду. Потом, из-за комплекции, он попадает к нам на сцену, затем, каким-то образом конференсье в «Браво», а после Валеркиного ухода оттуда становится его многолетним директором. Дело нехитрое, это тебе не советское время со ставками, костюмами, аппаратурой, билетами, афишами, записями, штатным коллективом – куда ни кинь, одни проблемы. А здесь только трубку снимай да деньги получай вовремя с заказчиков, тем более Валерка востребованный, коммуникабельный, позитивный, в криминальные и другие сомнительно-денежные круги не лезет – и так всё нормально. Так Жека жил – не тужил долгие годы и всё равно, в конце концов, был пойман на воровстве, после чего с позором и безапелляционно изгнан.

С учётом прожитого и нажитого, в сочувствии он особо не нуждается – протянет как-нибудь.

Самое сложное для меня тогда – это общение с Валеркой. Недоумение и обида зашкаливают – я перестаю с ним разговаривать, и последние полтора месяца мы, в случае необходимости, общаемся только через посредников. Много позже я понимаю и отдаю ему должное как суперпрофессионалу, в том смысле, что по большому счёту он в такой обстановке мог бы до конца и не доработать: от существующих на тот момент обязательств группы можно легко дистанцироваться, плюнуть и свалить.

Он дорабатывает до самого конца, все концерты, заделанные до его заявления об уходе. Причём дорабатывает, как всегда, по полной и на совесть, ведёт себя предельно корректно и мудро.

В архиве заснято одно из последних выступлений в Рязани – никому в голову не может прийти, что

*Концерт
в Рязани*

мы уже месяц здороваемся кивками. Артюхов и Гордеев солидарны со мной – группа на краю пропасти, что делать – непонятно. Спустя какое-то время о желании работать самостоятельно объявляет техническая группа, ну здесь всё логично: у них в руках отлаженный световой комплект – тема очень востребованная, а нам, судя по всему, свой свет понадобится нескоро.

Переживём и это

Невесёлый период – берём паузу, отказываемся от всех предложений, ищем солиста, кого-то просматриваем, но всё не то. С репертуаром тоже засада: старые песни, конечно, можно петь, но без Валерки и толстых на этом долго не протянешь, да и не смотрится всё это. Из сомнамбулического состояния выводит Юра Филинов, включивший нас в какую-то сборную программу в «Лужниках», причём без нашего ведома. Просто пришёл на мой день рождения и сказал, что через месяц мы работаем – хватит ныть и скорбеть, жизнь продолжается, афиши уже висят. Не готовы, так готовьтесь – время есть! И смех, и грех! Деваться некуда, надо отстоять двадцать минут в сборной программе. В это же время мы набираем техников, двое когда-то уже работали у нас, Родькины друзья – Саня Бригадов и Андрюша Якубов. Причём последнего я упоминаю ещё со школьных времён. Бригадова, помимо обязанностей завпоста, с учётом его яркой внешности со здоровым шнобелем (носом!) мы определяем в балетную группу. Он не такой толстый, конечно, как Миров с Жекой, но ничего, с пивом пойдёт. Туда же, после колебаний, отправляем тощего Якуба, а после ещё более долгих колебаний предлагаем ему попробовать спеть сюткинские партии. Всё это ужасно, но, как временный вариант, принимается. Последний гвоздь в гроб прежнего состава вколачивает Лёпа – не хочет он ездить, а подыскивает ресторанчик в Москве, где с салатиком на клавишах, в тепле и уюте, тихо-мирно будет себе шкрябать. Но этот хоть по срокам не напрягает, готов работать, пока не найдём замену, и вообще, всех нас любит, готов помогать в дальнейшем, чем сможет.

Хоть на этом спасибо! Но уж коль начали репетировать, кое-как склеиваем отделение на сорок минут и выставляем его на продажу – объявляем всем, кто занимается концертами, что кризис преодолён и мы готовы.

В Лужниках всё очень любопытно. Буквально за пару месяцев произошли грандиозные перемены в организации концертов, в табели о рангах, да и в самой эстетике предлагаемого публике музыкального товара. Нас, конечно, слушают, смеются, хлопают, но мы уже чужие на этом празднике жизни – в зале в основном молодняк,

1988 г. Последние дни с Белоносовым и Сюткиным. Улыбаться уже никому не охота

их не тошнит от «Землекопа» или «Жевательной резинки», но они ждут «Мираж» и Рому Жукова, которые, абсолютно не стесняясь и не скрываясь, включают кассетную запись своего альбома в сопровождении смазливых мальчиков с игрушечными инструментами, имитируя выступление музыкального коллектива. Нам понятно одно, широкожанровые сборные концерты уходят, публика начинает чётко делиться: вот мы хотим попсу, а мы рок, а вот этим дайте дискотеку. На будущее надо аккуратнее, но главное сейчас – что мы вернулись и начинаем работать. Всё лучше, чем дома сидеть. К тому же мы не прекращаем поиски усиления состава.

В Киеве выступаем по отделению с группой «Окно», если кто помнит. Ну уж с этими мы легко справляемся даже в нынешнем состоянии. После одного из концертов к нам подходит местный симпатичный общительный парень еврейской наружности (оказавшийся на самом деле греком) и предлагает свои услуги в качестве клавишника. Проверяем на месте – вроде ничего, дёргаем в Москву, он приезжает, проводим пару репетиций и бьём по рукам. Так к нам попал хороший музыкант и человек Егор Иродов. В тот же период звонит Саня Мартынов (Кочум), рассказывает, что он вышел из тюрьмы после второй ходки и интересуется какой-нибудь работой ближе к шоу-бизнесу. Я притаскиваю его на базу, голос у него хуже не стал, в отличие от внеш-

1989 г. Сани Мартынову, вместо Сюткина и после тюрьмы, трудно

ности, главное – Кочум сбрил бороду, на что Родька резонно говорит – одной бороды на группу хватит, не фигу делать второй «ZZ-Тор», а Сашку, с которым они мгновенно сошлись, берёт под своё крыло.

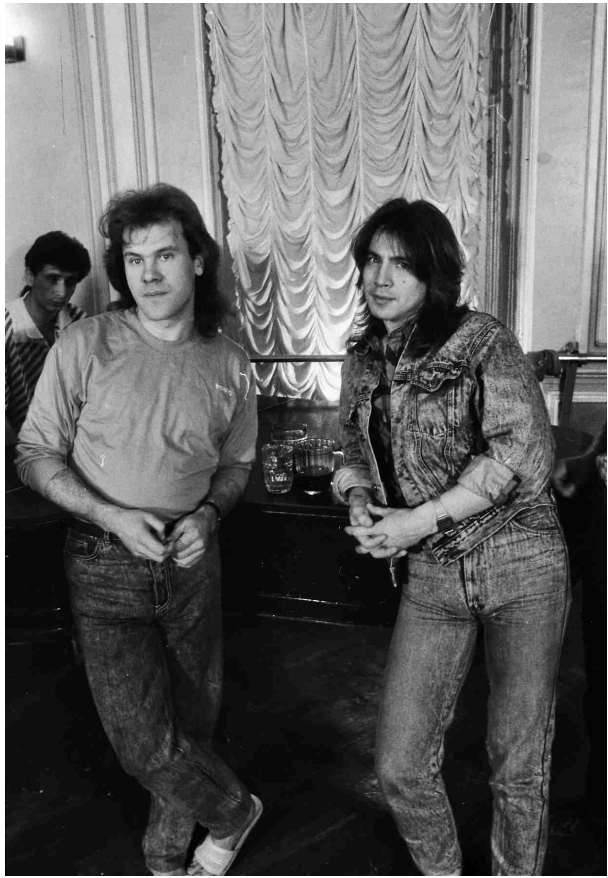
С той поры они ежедневно приезжают за час до репетиции, и Андруха усердно старается научить Кочума каким-то движениям и приёмам. Это даёт свои плоды. Когда-то я спросил у молодого, стройного и очень сценичного Саруханова, где он так научился двигаться, и он поведал мне целую новеллу. Придя в группу Стаса Намина, он был абсолютно деревянный, просто циркуль. В первом же гастрольном туре Стас вызвал его с гитарой в свой номер, включил запись вчерашнего концерта, поставил перед зеркалом: «Играй!» – «В каком смысле?» – «В смысле играй свои гитарные партии, будто на сцене, и смотри на себя в зеркало». У Стаса сильно не поспоришь, Игорёк начал играть и смотреть на себя в зеркало. Стас в то время читал книгу. Игорь смотрел-смотрел, потом начал от не фигу делать подбирать какие-то позы, взгляды, мимику, жесты и через месяца два стал едва ли не главным шоуменом в коллективе.

Через какое-то время и Сашка становится на что-то похож, при этом поёт здорово. Может быть, без особой изюминки, как Лоза или Сюткин, но громко и чисто, с большим диапазоном, в роковой манере.

Что ж, надо не впихивать его в Валеркины рамки, а создавать под него свой репертуар, к чему мы с Липницким и приступаем.

Лёпа всегда понимает меня с полуслова, точнее, с полуноты, тут же подхватывает и предлагает любимым идеям свои варианты развития. Так рождаются песни «Демонстрация», «Дайте народу пиво», «Часовой». Они потрясающе доброжелательно общаются с Егоркой Иродовым, что бывает не всегда между уходящими и приходящими вместо них музыкантами, уж поверьте.

Лёпа оставляет после себя ещё один истинный шедевр. Обладая колоссальной музыкальной эрудицией, он берёт у меня стихотворение Игоря Иртеньева «Посвящение лётчику Русту» про казус восемьдесят седьмого года, когда на Красной площади приземлился небольшой западногерманский самолёт, пилотируемый молодым безбашенным немцем. Через три часа он выдаёт потрясающую компиляцию арий из русской оперной классики, на которую, собственно, и положено стихотворение.

Андрюха Артюхов, Саня Мартынов и Егорка Иродов (справа налево)

*Аудио
«Демонстрация»*

*Клип
«Демонстрация»*

*«Дайте
народу пиво»*

«Часовой»

Ероплан летит германский
Сто пудов сплошной брони.
От напасти бусурманской
Матерь Божья, сохрани!

Кружит, кружит нечестивый
Над Престольной в небеси,
Отродясь такого дива
Не видали на Руси.

Не боится сила злая
Никого и ничего,
Где ж ты, Троица Святая?
Где родное ПВО?

Кружит адово страшило,
Ищет, где б ловчее сесть...
Клим Ефремыч Ворошилов,
Заступись за нашу честь!

А и ты, Семен Будённый,
Поперёк твою и вдоль!
Иль не бит был Первой конной
Федеральный канцлер Коль?

Острой шашкою своею
Порази врага Руси,
Чтоб не смог у Мавзолея
Супостат раскрыть шасси.

Но безмолвствуют герои,
Не разжать им мёртвых уст,
И кружится над Москвою,
Словно чёрный ворон, Руст.

*«Посвящение
лётчику Русту»*

Исполняется под рояль. Родька придумал чёрный бархатный плащ-накидку и оперный голос в образе демона, а в конце, он этот самый плащ распахивает и остаётся в белом балетном трико, под которое подложены гротескные гениталии, вырезанные из губки. Родька любовно называет это «ПРОТЕЗОМ». На съёмке концерта в Рязани этот номер, к счастью, сохранился. Кто увидит – не пожалееет.

Глава XIII. «Мусор из избы»

А жизнь и вправду двигается. Наконец удаётся проделать щель в плотно запертые двери фирмы «Мелодия», и нам предлагают на худсовете показать материал для первого диска-гиганта. Не самое простое дело. Надо сделать демонстрационную запись с репетиции, чтобы было понятно, о чём идёт речь. Это хорошо для песен, которые исполняются в концертах, то есть на ходу, и их надо просто записать. А если вещь играется один раз и навсегда в студии и рассчитана на всякие технические примочки, возможные только при стационарной записи? Например, «Ниже ватерлинии»?

Обсуждение на худсовете проходит удивительно гладко. Объясняется присутствием Градского. Саня сразу своим мощным голосом взял ситуацию в руки, заявив с ходу: «А что тут, собственно, долго обсуждать? Я коллектив знаю хорошо, имя у него есть. Что бы они ни сделали, пластинка будет покупаться. А к тому же я уверен, что сделают они хорошо. По сравнению с тем фуфлом, которое вы здесь каждый день утверждаете, про «Зодчих» и говорить нечего». Вот так! И это до прослушивания материала, который мог вызвать много идеологических вопросов даже на фоне ослабления гаек, вызванного перестройкой. В русле заданного фона пропустили всё – и голос Брежнева в «Демонстрации», и «Дайте народу пиво», и «...Спи спокойно, советский народ» в «Часовом» – вообще всё!

Нас ставят на график, и мы на полтора месяца, день через день, приходим в знаменитый, ныне действующий костёл на улице Станкевича (ныне Вознесенский переулок), где в расположенных там в то время студиях осуществляем задуманное, точнее полузадуманное, потому что очень много находок и примочек появляется по ходу записей.

Нам назначают главного звукорежиссёра – Андрея Ветра, и двух техников – солидных пузатых мужиков, Толю и Рашида. В первый же день, как положено, договариваемся о деньгах сверху – и мы у Христа за пазухой. Все микрофоны, приспособления, эффекты, библиотеки шумов в нашем распоряжении. Андрей максимально открыт и доброжелателен – зная,

Альбом
«Мусор из избы»

«Ниже
ватерлинии»

что мы в такой студии впервые, он подсказывает, регулирует, наставляет, а пару раз даже отменяет запись, видя, что она сегодня явно не идёт – такое бывает.

Да он и сам, иногда, не выдерживает потогонной системы, в которой вынужден находиться. Например, у нас вечерняя четырёхчасовая смена, мы – отдохнувшие, готовые к бою, с аккумулированной энергией, а он, бедолага, всё утро писал самодеятельный фольклорный ансамбль эстонского рыбосовхоза для какой-то очередной идиотской юбилейной пластинки про Дружбу советских народов. Мы и то не сразу освоились, а они впервые в студии, впервые в Москве и впервые поют не на сцене. Припёрлись в концертных костюмах и стали воспроизводить точь-в-точь как у себя в Доме культуры. А именно – хором петь весёлую эстонскую песню примерно с таким текстом: «Опси-топши, кулли-мулли, райма-вайма! Оп! Оп! Оп!».

При «Оп! Оп! Оп!» все пятнадцать человек громко притоптывали сапогами. И на этом месте вся очень чувствительная аппаратура зашкаливала, грозя выйти из строя. Андрей убил все четыре часа на то, чтобы они не топали в этот момент. Но они – тупые, почти не понимающие по-русски, от волнения и старания никак не могли справиться с этой ситуацией, кто-то обязательно топал. Андрей отпускает их с Богом, а потом аккуратно вырезает ножницами этот кусочек и вставляет другой, где это «Оп! Оп! Оп!» поёт сам вместе со своими техниками. И вот после этого ада, с часовым перерывом на обед появляемся мы, свежие и азартные, а что можно от него требовать?

Разве что старания. Но, как говорится, чем богаты. В целом запись идёт хорошо, и от песни к песне появляется понимание, что диск удаётся. В аппаратную постоянно заходят друзья и коллеги, каждый норовит по-хорошему помочь. Так, например, Градский спел верхнюю партию в одной из подпевок в «Не суй свой нос». Ядвига Поплавская, приколотившись от «Посвящения лётчику Русту», предложила вставить виолончель и в течение десяти минут написала нотную партию. Мы довольно долго с ней возимся, но, так и не получив желаемого звучания, отказываемся от затеи.

«Не суй свой нос»

В один из дней к нам заходит легендарный Владимир Рыжиков – редактор, кровью и нервами пробивший брешь для первых вокально-инструментальных ансамблей на «Мелодии». Это сейчас как само собой, а где-нибудь в шестьдесят восьмом запись «Весёлых ребят», «Поющих гитар», не говоря уже о «Нороке» – поди прошиби! При этом абсолютно беспяфосный, очень доброжелательный человек, до-

1989 г. Фото для песни «Дайте народу пиво!». Предполагалось, что будет подложен другой фон, но мы это фото забраковали.

вольно пожилой. На фоне остальных редакторов с явно завышенной самооценкой, считающих себя Богом поцелованными, Рыжиков курил «Приму» без фильтра, пил только красное креплёное вино и других подношений не принимал.

Так вот, зайдя и послушав то, что мы делаем, он усмехается и жестом зовёт меня в коридор. Убедившись, что мы одни, спрашивает, сколько песен на диске. Я отвечаю, что одиннадцать. И здесь он меня ошеломляет: «Я не слышал все и вряд ли услышу. Но это и не обязательно. Короче, слушай совет – одну песню убери». – «Как убери? Ка-

...и это тоже

кую? Они же все клёвые». – «Откуда я знаю какую? Я не говорю, что они плохие. Я говорю – одну убери, любую, какую сочтёшь наименее клёвой. И альбом, поверь мне, усилится не на десять процентов. Объяснить почему, не могу, лишь утверждаю на опыте – данность и бесспорность». Иду к Ветру: мол, так и так. Он говорит: «Всё правильно. Это очень странный, но очень верный закон. Более того, я специально не говорил об этом перед записью, потому что отбраковывать нужно уже из готового материала. Очень жестокий момент, мне самому всегда безумно жалко, но иначе нельзя. Выбирай!» Пришлось подчиниться – на этапе выстраивания порядка песен на диске. В виниловом варианте это целая наука. Сейчас ведь как – заглавная песня идёт первой, за ней ещё одна из тех, что получше, а дальше уже в любом порядке. А с винилом – фигушки! Там не прощёлкаешь пультом первую, третью, седьмую и десятую. Нужно расставить так, чтобы первая задала общее настроение, вторая его поддержала и развила, третья чуть-чуть сдобрила лирикой, четвёртая опять завела, пятая чтобы усилила желание перевернуть диск на другую сторону. На этой другой стороне опять же – первая, чаще всего заглавная вещь всего альбома, вторая даёт отдышаться после заглавной, третья – самая неформатная, четвёртая – бесспорный шлягер, и последняя должна заставить пожалеть, что альбом заканчивается. И вот здесь совет Рыжикова очень пригодился: выкинутая песня никуда не вставлялась, торчала, как шпала, а без неё тут же всё встало на места.

Долго бьёмся над названием альбома и обложкой. Соблазнительно назвать его по самой ударной песне – «Дайте народу пиво», и опытные люди советуют сделать именно так, чтобы увеличить покупаемость. Но

...и эти. Короче так ничего и не вышло.

мы, как любые творческие люди, в момент созидания охвачены эйфорией, что вот оно, рождается нечто, что перевернёт мир. Поэтому, на наш взгляд, такое название сужает тематику альбома и упрощает его глубочайшую суть. К тому же от количества проданных экземпляров нам ни горячо, ни холодно. Потиражные отчисления в советское время не предусмотрены. Конечно, это ошибка, но вполне объяснимая и оправданная, учитывая наше настроение и потребность общества в расшатывании незыблемых идеологических устоев, что, кстати, тоже ошибка, сегодня вполне понятная. А тогда мы увлечены взятием очередного рудута у загибающейся цензуры.

После безоговорочного приёма окончательного варианта смонтированного альбома, мы предлагаем название «Мусор из избы» и уже прикидываем на обложке якобы бурлаков с картины Репина, которые с трудом уволакивают из нашей жизни символический халявно-дармоедный обоз под привычными лозунгами и красными флагами.

Сначала хотели вырезать тех самых бурлаков – с картины. Потом решаем, что лучше будет их изобразить самим. Достаём толстый ка-

**МУСОР
ИЗ ИЗБЫ**
Группа «Зодчие»

**WASH THE DIRTY
LINEN IN PUBLIC**
„Zodchiye,„ group

Страница 1
ДЕМОНСТРАЦИЯ (1 мая 1982 года)
(Ю. Давыдов — Ю. Давыдов, Л. Липницкий) — 3:05
МЕТАЛИСТ ПЕТРОВ
(В. Сюткин — О. Дранитский, В. Сюткин) — 3:22
ЗЕМЛЕКОП
(Ю. Давыдов — И. Иртеньев) — 2:50
ДЕВУШКА В БЕЛОМ
(Ю. Давыдов, В. Сюткин — И. Иртеньев) — 2:49
НЕ СУЯ СВОЙ НОС
(Ю. Давыдов — А. Якубов) — 4:37

Страница 2
ДАЙТЕ НАРОДУ ПИВО!
(Ю. Давыдов, В. Сюткин, Л. Липницкий) — 4:23
ЧАСОВОЙ
(Ю. Давыдов, В. Сюткин — И. Иртеньев) — 5:18
ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕТЛИКУ РУСТУ
(Л. Липницкий — И. Иртеньев) — 3:21
ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА
(О. Богуславский — А. Боронин) — 2:40
НИЖЕ ВАТЕРЛИНИИ...
(Ю. Давыдов — В. Шарков) — 3:55

Александр Мартынов, вокал
Андрей Рудин, вокал, скрипка
Андрей Артыухов, гитара, вокал
Юрий Давыдов, бас-гитара, вокал
Егор Иродов, клавишные
Геннадий Гордейев, ударные
Реквизитор Юрий Давыдов
Записан в студии А. Вейт, Редактор О. Глушкова
Художник Н. Чигреев. Фото Г. Прохорова

Честно говоря, мне было приятно получить предложение представить эту работу.
Мому есть несколько объяснений, и главное из них то, что опытный глаз видит причину секса «Мусора» из избы с тем, что подчас очень удивило самого покорного слугу. А именно: использование шуток как средства уточнения музыкального образа, нарочито фривольное цитирование пропагандистского «нарратива», который в повседневной жизни так приелся, что не вы гляди телевизор. Мы не обращаем на него внимание, считая что не предметом обихода, но словесно-музыкально обязательным и присутствием.
Ценность антивоенной «артистичности» «Зодчих» прежде всего в том, что «спиритизм» превращается реально «посидеть» в «бревнишках» пресках у «кулоновского» телевизора и посмотреть передачу про себя.

Уверен, что кому-то это задание придется не по душе, и ребят «замнут» в «комаринител», самое смешное про это: то, что им одного «поступка» но придумано просто подано так, чтобы вызвать вымысел, затем стыд и смех, правда все это для тех, кто способен на умелые жесты провала души.

Нарочитая «вокализация» напоминает добрую манеру певцов «великих строк», в своеобразная элитарная музыкального «материала» напоминает на полную катушку театральность наших культуртрегеров.

Естественно, что сей строительный материал группа использует не для создания собственного дома, а для наблюдения и изучения: всем знакомым конструктивным, проектным и производственным материалам, и как в любом коллеме, здесь уместны и ритмы и блонды, интуитивная «латиня» и вполне салонный романс с использованием образности русской классики.

Слова, думаю, это «чужие», несмотря на полноту в составе, столь привычные для нашей современной музыки. Предвзвучивая радостные лица и хорошее настроение после «монотонного» (неверно) прослушивания диска, предвзвучивая нестройно подпевающих «фанатов» на концертах «Зодчих», предвзвучивая письма ветеранов и все остальные атрибуты сегодняшнего неспокойного успеха.

А. ГРАДСКИЙ
Группа «Зодчие» благодарит Александра Белонцова и Леонида Липницкого за помощь в записи, а также шлет свой братский привет всем, купившим этот альбом.

Страница 1
ДЕМОНСТРАЦИЯ (the 1st of May 1982)
(Yu. Davydov — Yu. Davydov, L. Lipnitskiy) — 3:05
METALIST PETROV
(V. Syutkin — O. Dranitskiy, V. Syutkin) — 3:22
NAVVY
(Yu. Davydov — I. Irteniev) — 2:50
A GIRL IN WHITE
(Yu. Davydov, V. Syutkin — I. Irteniev) — 2:49
DON'T POKE YOUR NOSE
(Yu. Davydov — A. Yakubov) — 4:37

Страница 2
GIVE BEER TO PEOPLE!
(Yu. Davydov — Yu. Davydov, L. Lipnitskiy) — 4:23
A SENTRY
(Yu. Davydov, V. Syutkin — I. Irteniev) — 5:18
DEDICATION TO PILOT RUST
(L. Lipnitskiy — I. Irteniev) — 3:21
CHEWING GUM
(O. Boguslavsky — A. Boronin) — 2:40
BELOW THE WATER-LINE...
(Yu. Davydov — V. Sharikov) — 3:55

Alexander Martynov, vocal
Andrei Rudin, vocal, violin
Andrei Artyukhov, guitar, vocal
Yuri Davydov, bass guitar, vocal
Egor Irodov, keyboards
Genadi Gordeyev, drums
Leader Yuri Davydov
Recording engineer A. Veyt, Editor O. Glushkova
Cover design by N. Chigreev. Photo by O. Prokhorov

С ВТПО «ФИРМА МЕЛОДИЯ», 1989
Всесоюзная студия грамзаписи
Запись, 1989 г.
Апрельский орден Ленина
завода грамзаписи
1990 Зак. 540, Тираж 50000
Арт. 11-1. Цена 2 руб. 50 коп.

нат и в погожий день, в одном из дворов на Сретенке, выстраиваем композицию. Народ, в то время зрелищами не избалованный, забывает весь двор, с трудом понимая происходящее. Мы цепляем канаты за дерево, что позволяет нам упереться в землю и сильно накрентиться вперёд. Основная версия зевак – мы таким образом пытаемся выкорчевать это самое дерево. Самые сердобольные даже предлагают помочь. Мы делаем тридцать-сорок снимков, из них выбираем один, и за дело берётся художник. Он реально, из картона и цветной бумаги вырезает всю будущую композицию, которая умещается на столе, причём мы также вырезаны с фотографии и приклеены к основанию. Потом, тщательно выставив свет, делает завершающий снимок, который и становится лицевой стороной конверта. Период от окончания записи до появления пластинок в магазинах очень громоздкий и занимает более полугода. Мы ускоряем производство и продвижение альбома, в обход очереди, бесплатным концертом в Апрельке на заводе по производству грампластинок, одновременно сторговав

Концерты, концерты, концерты.

выпуск пятидесяти тысяч из трёхсот заявленных в ламинированном варианте, что ещё редкость.

Градский ставит последнюю точку в этой истории, написав тёплую аннотацию на обратную сторону – и дело готово. Остаётся только ждать выхода. Надо сказать, что запись спасла и сильно продвинула группу, по сути, сколотив её новый состав. Робко войдя в студию, выходили мы из неё уже понюхавшей порошу и сплочённой командой.

В процессе записи возникают какие-то поездки, в основном по отделению с кем-нибудь, чаще всего с Глызиным, который, уйдя из «Весёлых ребят», начал сольную карьеру, либо в сборных концертах.

Берём перерывы в студии и более-менее держимся на плаву, по сути, выйдя из пост-сюткинского кризиса хотя бы на уровень возможности работать и зарабатывать. Появляется новый гвоздь концертной программы – та самая «Дайте народу пиво», в которой мы, в конце песни, заставляем зал многократно и с энтузиазмом проорать с нами эти заветные три слова, и когда безудержное веселье достигает апогея, из-за кулис двое техников выносят два подноса, уставленных откупоренными бутылками ледяного напитка.

Атака вблизи сидящих или стоящих мужиков на эти подносы довершает безобразие. Приём концертов возвращается на привычный

уровень, хотя, конечно, видно, что Мартынов – это не Валерка, особенно в вещах, доставшихся ему по наследству. Выход один – делать новые! Иртеньев притаскивает очередной шедевр на табуированную доселе тему гражданской войны:

Блестят штыки, снаряды рвутся,
Аэропланов слышен гуд,
Куда-то белые несутся,
За ними красные бегут.

Повсюду реки крови льются.
Свистят снаряды там и тут.
Куда-то красные несутся,
За ними белые бегут...

«Революция»

И дальше в таком роде. Соединяем его, без авторского согласия, со школьным стихотворением Сергея Михалкова, где «Бежит матрос, бежит солдат, стреляют на ходу», и получается очень стильная прикольная композиция «Революция».

Глава XIV. Вена и «Битлз»

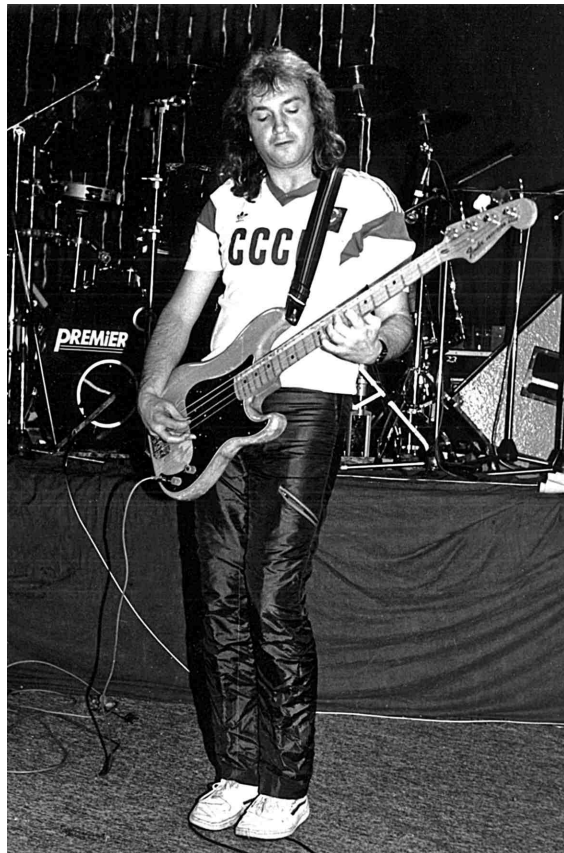
Генке Ни-Ли неожиданно поручают провести Дни Москвы в Вене, и он включает нас в состав огромной, человек в триста, делегации. На волне колоссального интереса к СССР на фоне реформ и поднятия «железного занавеса» (Го'гбатшов!.. Пе'гест'гойка!.. Ха'гашо!..), такие тусовки выглядят очень уместными и правильными. Испытываем некоторые проблемы с составом для поездки. Мартын едва вышел из тюрьмы, Егор только-только оформился в филармонию, его не выпустят. Альянс с Сюткиным, пусть и временный, даже не рассматривается. Узнаём, что у нас два выступления по две-три песни в сборных концертах. Уже полегче. Уговариваем Белоносова и едем впятером – Сашка, Артюхов, Родя, Генка и я. Антураж для «Демонстрации», «Землекопа» и «Жевательной резинки» надеемся рекрутировать из «Лицедеев», которые тоже в составе делегации. Вот кто дал шороха в Вене! У них за три года ничего не изменилось – они так и живут постоянно каждый в своём образе, не переодеваясь и не разгримировываясь. По крайней мере, гуляя по центру города, мы то тут, то там встречаем

этих чокнутых обаяшек в цилиндрах, в больших ботинках, галдящих на своём птичьем наречии. Кроме них, нас и группы «Санкт-Петербург», все остальные представляют проверенные и надёжные симфонические, балетные, народные и цирковые жанры плюс члены официальной делегации, в которую вкраплены Ефим Шифрин и Андрияха Васильев – в то время перспективный репортёр и классный парень, впоследствии гендиректор Первого канала и главный редактор «Коммерсанта». Первое выступление у нас в центре города, на Ратушной площади, с «Санкт-Петербургом» и какими-то австрийскими группами. «Санкт-Петербург» работает в начале концерта, и мы выходим в народ осмотреться.

Пацаны очень стараются, принимают позы, воздевают руки, делают очень серьёзно-возбуждённое выражение на лицах. Знающий английский Белонос уловил, как какой-то парень, глядя на сцену, с усмешкой сказал приятелю: «Скорпионс» для нищих!» Хотя неожиданное явление советского рока, как сам факт его существования, вызывает доброжелательную реакцию и приветственные аплодисменты. Интересно, как нас примут? Вся надежда, что мы покажем то, чего они

раньше не видели. И здесь Родька предстаёт во всей красе. С первой ноты народ оживляется и реагирует очень активно. Жалко, что текст им непонятен, но три песни проходят на «ура». Четвёртая, кстати, была бы лишней. Но главный концерт был в легендарном зале Венской оперы. Там были по чуть-чуть представлены все жанры и все коллективы. В зале весь цвет Вены – мужчины во фраках, дамы в декольте и бриллиантах.

Мы скромно поём «Землекопа» и уходим под одобрительные хлопки. Зато после нас выскакивают «Лицедеи» с их знаменитым «Танцем с метла-

Юрий Давыдов.

ми». Когда в разгаре веселья они начинают прыгать со сцены в зал и бегать по спинкам кресел, время от времени падая на руки мужчинам и на колени к женщинам, не вся расфуфыренная чопорная публика может это выдержать. Часть, правда, очень небольшая, тут же сваливает, зато оставшиеся, с первого взгляда, влюбляются в этих сумасшедших и категорически не желают их отпускать. Ещё половина участников ждёт выхода за кулисами, кстати, очень тесными, а они исполняют на «бис» «Асисяй», «Низзя» и, в конце концов, «Блю канари», которую зал смотрит стоя.

Но это всё видимая часть айсберга. Истинное действие скрыто от посторонних глаз. За месяц до поездки, в Москве, опять же, на гребне перестройки, на фирме «Мелодия» выходит альбом Пола Маккартни «Снова в СССР», права на который он подарил СССР без передачи лицензий в другие страны. Альбом появляется в продаже одновременно со слухами, что за границей битломаны и коллекционеры выкладывают за него по 20-30 долларов не глядя, чуть ли не у вокзала поезда встречают. Конечно, никто как бы не верит, в разговорах все активно это опровергают, но, приехав в Шереметьево к отлёту, я замечаю практически у каждого толстенные, аккуратно упакованные квадратные пакеты подозрительного размера. В багаж их никто не сдаёт, в самолёт своё богатство несут в руках. Вопросов никто друг другу не задаёт, но всех успокаивает, что несколько сотен дисков на огромный город – это ничто!

Естественно, все пять дней пребывания в Вене сначала скрытно, потом не таясь, тусовка носится по городу в поисках тех самых страждущих фанатов, с каждым часом всё более отчаиваясь. На каждом шагу можно увидеть очередного бизнесмена-контрабандиста из нашей делегации, предлагающего диски всем встречным-поперечным и удивляющегося, почему народ шарахается от прущего прямо в рожу счастья. Если ещё учесть, что пачка из десяти-пятнадцати дисков довольно увесистая, то таскать её радости мало. И вообще, Австрия – это не Польша, где у любого полицейского можно обменять доллары на злотые или предложить часы. Попытки продать наши реликвии в музыкальных магазинах встречают весьма холодную реакцию и прямое требование смыться как можно быстрее. Про другие магазины и говорить нечего. Есть у меня, правда, надежда найти магазин «second hand» для дисков, типа букинистического, да где ж его взять? Языковым резервом для такой утончённой беседы никто не обладает. Мы посещаем знаменитую Мексико-плац, где в эмигрантских магазинах можно продать водку, икру, те же часы, а купить или выменять дешёвые двухкассетники «International» без

опознавательных знаков и тому подобную фигню. Австрийцы сюда не ходят, а мы прошли километра четыре от самого центра. Потратить два доллара на автобус туда-обратно – так этих долларов всего пятьдесят. Ну ещё столько же от внешнепредпринимательской деятельности. Правдами-неправдами, но утром последнего дня все деньги истрачены, вещи упакованы, номера сданы, вылет поздно вечером. Наконец мы имеем возможность просто погулять по городу и полюбоваться всем, что в нём есть. А в нём есть! Если бы ещё не эти чёртовы пластинки! Мы с Родькой откалываемся от остальных и спокойно идём без направления. Утром наелись в гостинице до отвала, с горкой, халявным завтраком, следующая трапеза – в самолёте. Ноги приводят нас на хоженую-перехоженую за пять дней торговую улицу Мариахилферштрассе, но без денег здесь делать нечего, поэтому я решительно сворачиваю наугад в боковой переулочек, и мы погружаемся в ту самую, удивительную, уютную Вену, какой хочется её запомнить. Проходим мы метров сто пятьдесят и видим небольшой магазинчик с провокационно нависшим витринным диском над входом. Ещё ни во что не веря, заходим внутрь и созерцаем вокруг нас стеллажи, от пола до потолка заполненные пластинками всех времён и многих народов, в том числе и советскими, в основном с классической музыкой. За прилавком хозяин вопросительно смотрит на нас, точнее на пачки. А уже прежний запал прошёл, мы, опасаясь снова быть обосранными, робко показываем уголок одного диска. Он широким жестом спрашивает – сколько штук? Ну, у меня пятнадцать и у Родьки десять. Он шевелит губами, задумывается и достаёт из кассы сто двадцать пять долларов, то есть по пять за штуку (в Москве мы их покупали по два рубля пятьдесят копеек). Мы на деревянных ногах выходим и возвращаемся на ту самую, оживлённую. Состояние двойственное: с одной стороны, небывалая удача, это ж целое богатство, с другой – вылет через пять часов, магазины работают ещё два, то есть надо опять включать в мозгу калькулятор, в ногах мотор, в глазах и вообще в сознании – полную концентрацию, чтобы несправедливо добытое потратить с умом. Некурящий Родька уносится первым, а я останавливаюсь на углу, чтобы сигаретой собрать себя для нового броска. И в этот самый момент, по всей ширине тротуара, стройной шеренгой идёт «Санкт-Петербург» в полном составе с уже хорошо знакомыми пачками в руках. Останавливаются, курим. Они расстроены, с горечью делятся, что присмотрели себе кто рубашку, кто солнечные очки, а деньги кончились – и, опять же, эти дурацкие диски. Приближается апофеоз идиотизма, непроданные пластинки выкинуть рука не поднимается, подарить кому-нибудь

жаба душит, остаётся одно – везти их обратно. Хоть бы по доллару кто взял, хоть даже по полдоллара – на очки хватит. Я вкрадчиво так, негромко спрашиваю: «По полдоллара точно отдадите?» Ответ одновременный и решительный: «А х..или ли ещё с ними делать? Хоть от позора спасёмся». Я прошу посчитать общее количество, ровно семьдесят. Я отсчитываю им тридцать пять долларов, и они с радостными воплями уносятся к рубашкам и очкам. У меня теперь задача – как это всё доставить до конечного потребителя. Одним махом такое количество в руки не возьмёшь, остаётся одно – короткими перебежками по две-три пачки передвигаться в сторону магазина, благо не очень далеко, а улица тихая. Минут через десять, вспотевший, но довольный, втаскиваю это изобилие в знакомую дверь. И вот здесь у хозяина сползает улыбка, он отрицательно мотает головой и руками делает резкие недовольные жесты. Душа моя обрушивается не скажу куда, до мозга головы доходит, что я натворил. А хозяин не унимается, громко и возбуждённо пытается мне что-то объяснить, потом хватая за руку и тащит к прилавку. Не переставая тарыхтеть, он хватая лист бумаги, крупно выводит на нём пять долларов, потом крест-накрест зачёркивает и рядом жирно пишет большую четвёрку, подчёркивает её и с размаху ставит точку.

Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу! Душа моя воспаряет на место, он отсчитывает мне двести восемьдесят долларов (это я для удобства, естественно, все цифры до, сейчас и после – в австрийских шиллингах по курсу). Итого, с оставшимися от первого транша, триста двадцать.

Это уже не шутки. Погружаюсь в очень серьёзное раздумье. Ширпотребом этот бюджет не освоить, что-то из ряда вон дорогое, например, хорошие часы или телевизор, мне нафиг не нужно. Да и на таможне в Шереметьево не объяснишь, на какие шиши такая роскошь.

Вспоминаю, что в первый день, пока мы ещё питали иллюзии и строили замки по поводу музыкальных магазинов, в самом фешенебельном из них, недалеко от ратуши, на витрине видел коллекцию «Битлз», причём не в обычной синей картонной коробке с отваливающейся крышкой, а фирменное коллекционное издание «Apple» в добротном чёрном деревянном ящичке, пластинки английские, всё как положено – с зелёным яблоком посередине каждой. Остолбенева и потеряв дар речи, я простоял тогда возле витрины около часа и всё думал о том, что у меня есть хорошая квартира, рано или поздно будет машина, дача, мебель, модная одежда, даже – бл...дь! – дорогие часы. Но вот этой коллекции у меня не будет никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах.

Х...й вам всем!!! Бегу в центр, нахожу магазин, с хозяйским видом врываюсь, осматриваю уже другими глазами эту коллекцию и озвучиваю продавцу вопрос, который в прошлый раз не задал ввиду полной ненужности: а собственно, сколько? В смысле, вифель?

По презрительно поджатым губам видно, что продавец не совсем понимает, на хрена этому потному лохматому русскому знать стоимость коллекционного издания, которое далеко не все австрийцы в состоянии купить. Сначала он было взял ручку и красивый фирменный листок, потом, решив, что это слишком жирно, ткнул мне в нос калькулятор, в котором набрано...триста двадцать долларов.

Киваю, выхожу покурить, и остатки разума, будто языками пламени с разных сторон, обжигают меня правильными посылками: «Ты что, дурак?.. Триста баксов?.. На пластинки?.. Да за эти деньги!.. Да если бы!.. Нет тебе прощенья!..»

Ощущаю себя идущим на костёр Джордано Бруно, когда, вернувшись в магазин, разжимаю кулак, в котором рулончиком свёрнуты купюры. Чувак с отвисшей челюстью машинально пересчитывает деньги, потом долго и пристально смотрит мне в глаза – кажется, хочет вызвать «скорую». Постепенно понимает, что это всё на самом деле, выходит из-за прилавка, наливает мне чашечку эспresso, пальцами показывает цифру два – мол, можешь ещё выбрать в виде бонуса любые две пластинки, запаковывает покупку и провожает до дверей, не забыв распахнуть их передо мной. Честно скажу, потрясение сильное. И как назло все разбежались, поделиться не с кем.

Выкуриваю ещё одну сигарету у той же, ставшей родной витрины, и вся цепочка разматывается в обратном направлении. У меня может никогда не быть машины, дачи, мебели, модной одежды, тем более – бл...дь! – дорогих часов, но коллекция «Битлз», в таком исполнении, единственная на всю страну, у меня есть! Есть!! Есть!!!

Теперь в городе уже точно делать нечего, поэтому подсаживаюсь в автобус к симфоническому оркестру и еду в аэропорт с несвойственным для меня запасом времени. Там сразу встречаю уже упомянутого Андрюху Васильева, которому вкратце рассказываю свои похождения. Задохнувшись от хохота на второй продаже Пола Маккартни, он сквозь всхлипы спрашивает: «Триста долларов куда девал?» – Я ему: «Битлов купил». – «Не пизди!» – «Правда». – «Покажи». – «Смотри». Андрюха становится серьёзным, берёт свою сумку: «Пошли! Только стакан в баре захвати». Ну, это не фокус. Незаметно сую стакан в карман, мы выходим в лесок напротив, Андрюха в шоке, в честь моего подвига достаёт из сумки предназначенную для кого-то бутылку виски, и мы как люди, на газетке (журналист как-никак), из одного

стакана, без закуси её опорожняем. Там везде чисто, поэтому пустую бутылку забираем, а стакан, по славной русской традиции, вешаем на веточку очень даже красивого клёна, под которым нам было так хорошо. Я люблю весь мир! Мы возвращаемся в аэровокзал, к тому времени все подтянулись, я со своими Битлами уже главный герой местного эпоса – так рождаются легенды.

Посреди зала взад-вперёд прогуливается, на виду у всех, демонстративно пересчитывая сотенную пачку долларов, Владимир Киселёв (тот самый!). Заметив суету вокруг меня, тоже подходит, смотрит, после чего засовывает свои доллары за пазуху и сваливает. Через пять минут я случайно замечаю его в каком-то закутке, где жена протягивает ему бутерброд с захваченной из дома полукопчёной колбасой.

Глава XV. Держаться!!!

(1989 – 90 гг.)

В Москве ажиотаж вокруг коллекции, все уважающие себя и меня битломаны достаивают личным визитом. Даже в газете заметка. Тем временем мы заканчиваем альбом и, в связи с ускоренным стремлением советского шоу-бизнеса соответствовать западным канонам, снимаем клип на самую хитовую песню. Ею, бесспорно, является «Дайте народу пиво!». Решено использовать интерьеры настоящей больницы и пригласить на главную роль легендарного Евгения Моргунова. Снимает Иван Демидов – ещё вчера администратор на телевидении, выносящий пропуска, а сегодня очень талантливый и профессиональный режиссёр-клипмейкер. Получается очень здорово, и «Пиво» остаётся, пожалуй, самой популярной зодчиевской песней.

Потихоньку набираем репертуар и плотно гастролируем. Чаще по отделению с кем-то, но и сольники тоже есть.

Публика собирается, правда, без бывшего ажиотажа. Как говорится: «Если народ не пошёл в кассу, его уже ничем не остановишь». К тому же, зритель, с трудом протиснувшись сквозь толпу клянчащих лишний билет, априори чувствует себя победителем и готов к употреблению. А если тот же зритель спокойно прошёл в зал, зная, что билеты свободно есть в кассе, то он встревожен и недоверчив. Весь концерт прихо-

«Дайте народу пиво»

дится убеждать его в правильности выбора. Но работы валом, оплата уже в основном договорная, поэтому живём достаточно комфортно. Не скромничая, мы очень даже профессиональные профессионалы – играем хорошо, звучим прилично, шоу прикольное, энергетика присутствует. Проблемы если и возникают, то весьма неожиданные. Летом выезжаем за приличные деньги в далёкие края – Благовещенск, Комсомольск, Улан-Удэ. Приехав, узнаём, что работаем по отделению с коллективом Натальи Гулькиной из «Миража» – классическими фонограммщиками без стыда и упрёка. То есть сцена пустая, на ней лишь стойка с двумя резиновыми блинами, типа барабаны. Выходит группа лиц и фигур, этакие пляшущие человечки с нетяжёлыми и негабаритными бутафорскими гитарами или без них. Сорок минут эта орава бесполох мальчиков и девочек имитирует радость в неработающие микрофоны, тряся химией на голове и задницами в лосинах, после чего идёт отдыхать (!). Мы растеряны. Фонограммы наши не танцевальные, да и не овладеть нам этим искромётным искусством. Но организаторы слышать ничего не желают. Мы позоримся два или три концерта, после чего ставим условие – живой аппарат или «Зодчие» не работают. Нас активно поддерживает один из местных, ведущий концертов по имени Саша. По отношению к коллегам он неправ, поскольку сражается на чужой стороне баррикад, входя в резкий конфликт

Концерты, концерты, концерты.

с директором программы. Но мы и без него упираемся рогом не на шутку. В этот день запланированы концерты на стадионе городка со странным названием Анахой.

Деваться этим придуркам некуда. У Гулькиной компакт-кассета с песнями ровно на сорок минут. Не ставить же её по второму разу.

И вот со всех близлежащих клубов, домов культуры, ресторанов, с миру по нитке свозится всё, что может звучать, плюс барабаны, клавиши и работающие (!) микрофоны.

Весь гулькинский зоопарк и административная группа сидят в первом ряду и возмущённо смотрят на нас, как на идиотов. Мол, деньги платят, потеть не надо, отдежурили свои полчаса – и с концом вас! А этим аппаратуру подавай! Играть они, видите ли, хотят живым звуком!

Эх, ребятки, не видели вы Солнце! От злости выдаём такую энергетiku с весельем, что стадион в шоке – такого не ждали. Что-то поём «на бис», а народ всё не успокаивается. Саша-ведущий, искренне счастливый от восстановленной справедливости, регулирует наши поклоны и взрывы оваций. Делает он это так. Рукой на нас и громко: ЗОДЧИЕ! (поклон) – рукой к трибуне и не менее громко: АНАХОЙ! (овация). Так несколько раз, только в запаре он ставит в названии города ударение на втором слоге вместо третьего. Произнесите вслух – и вы услышите, как это звучит. В какой-то момент, на четвёртый или пятый ЗОДЧИЕ! – АНАХОЙ!, Саня втыкается в происходящее, на секунду замирает от ужаса и машинально говорит: «А действительно, зачем?» – после чего, очнувшись, громко и неуклюже исправляется: «А вот ради этих аплодисментов, ради удовольствия, которое вы получили, они и приехали в ваш прекрасный город!»

Приход Шевченко - мы спасены!

Рыдая от смеха, уползаем со сцены, знакомимся ближе и собираемся вечером в номере гостиницы. Выясняется, что Саша Шевченко (его фамилия) вовсе даже не местный, а истинный, ортодоксальный ленинградец-питерец, сбежавший сюда по каким-то внутренним установкам и отнюдь не навсегда. В разгар веселья он берёт гитару, исполняет несколько своих виршей, от которых сильно веет гребенщиковойщиной, но после этого начинаются чудеса. Нанизав на какой-то блюзовый риф свободную мелодию, он на эту самую мелодию начинает складно, в виде песни описывать всё, что с нами произошло сегодня и происходит сейчас. То есть рок-н-рольный вариант азиатского акына – «что вижу, то пою», – причём здорово. Я до сих пор не понимаю,

как он это делает, а тогда мы просто выпадаем в осадок. Пройдясь в конце произведения по нашим «товарищам» по сцене, он вдруг останавливается и громко декламирует:

Народ! Возрадуйся, ликуй!
От счастья ты всего на волос.
Ты раньше видел гулькин х..й,
Теперь ты слышишь Гулькин голос.

Я ещё не понял до конца, как он поёт, что ещё умеет делать и вообще – кто таков? Но я чухаю нутром, что вот такая струя новой позитивной энергетики нам абсолютно необходима. Как в знаменитом фильме – «...сгодится нам этот фраерок». Тут же, за столом, предлагаю ему присоединиться к группе (что несвойственно) и, к моему удивлению, вижу скрытые одобрительные кивки и большие пальцы остальных (что ещё более несвойственно).

Немного смущает заметное влияние Бориса Гребенщикова в манере петь и в стилистике его собственных песен, насквозь пропитанных ленинградской богемностью, да и по форме шатающихся. Борька Носачёв уже в Москве впрямую спросит: «На фига тебе этот «аквариум»? Со временем Саня преодолеет вышеназванное и станет одним из самых ярких авторов, написав целый букет шедевров для абсолютно беспомощной певицы по имени Алсу, которую до и после Сашки звать «Никак».

Тем не менее, несколько его песен мы сразу включаем в концерт, а главное, со временем Сашка действительно вернёт группе драйв, силь-

1989 г. Улан-Удэ. Знакомство с Саней Шевченко. «Надо его брать!»

«Точно надо брать!»

1989 г. Саня Шевченко: ещё не очень умело, но с энергетикой и от души.

но утраченный после ухода Сюткина, и в итоге заменит поющего, но несколько аморфного Мартына.

Но это всё впереди. А пока я под впечатлением звоню Генке Ни-Ли в Москву, рассказываю про Шевченко, а заодно про памятник Ленину на центральной площади Улан-Удэ, особенность которого в том, что огромная голова вождя стоит на бороде и больше ничего нет. Рассказываю об этом, не стесняясь в выражениях. Генка меня одёргивает – мол, поосторожнее по телефону. Я, распаяясь, говорю, что тёмная ночь и «они» все спят. Вдруг что-то щёлкнуло и не очень приятный мужской голос: «Да не спим мы! Прав твой друг, за языком следи! В данном случае вы проскакиваете, потому что мы сами этот шедевр ненавидим, но... вы меня поняли!» Ещё щелчок – и мы с Генкой, ошарашенные, прощаемся.

Через неделю Шевченко уже в Москве, и мы успеваем быстро оформить его для поездки в ГДР. Дом Советской культуры в Берлине проводит рок-фестивальчик, где «Зодчие», «Шанхай» Маргулиса и какая-то женская группа демонстрируют расцвет перестройки. Как я надеялся, Шевченко сразу включается по полной программе, в прямом и переносном смысле, более того, выйдя впервые на сцену, он эту самую программу вынужден спасать. Эта поездка выносит приговор для Мартынова, так как он в первый же день выходит пройтись – и чуваку

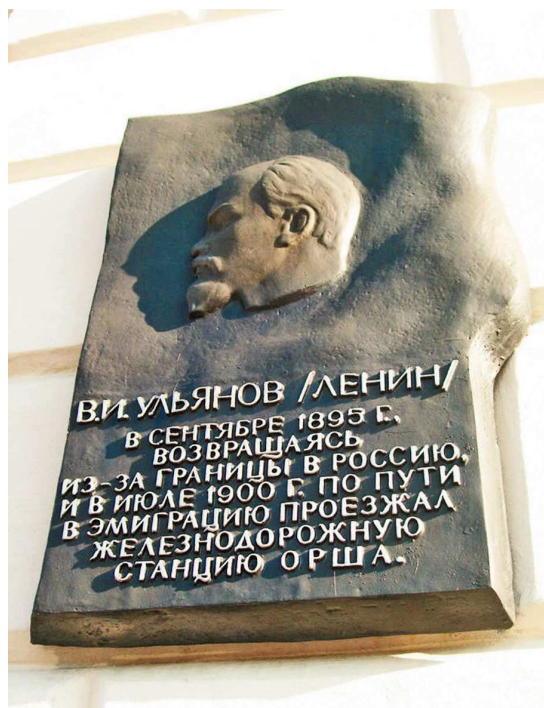
натурально сносит чердак от магазинов, товаров, баров и вообще... (А если бы попал в капстрану?) Короче, он пропускает всё, что происходит, включая первый концерт. Сашке, как когда-то Лозе в Уренгое, приходится бросаться на амбразуру, и общими усилиями мы как-то выходим из положения, но для Мартына это конец.

Мы разваливаем социализм

На следующий день гуляем по городу и ничего не понимаем. На улицах уйма народу, какие-то люди что-то вещают с трибун и балконов – для дисциплинированной и законопослушной ГДР это странно. Вся толпа движется к Бранденбургским воротам, к которым обычно ближе, чем на сто метров, не подойдёшь. К вечеру узнаём, что открылись пункты пропуска – и народ хлынул в Западный Берлин.

На этом фоне наш фестиваль не становится событием задуманного масштаба, но зал полный и принимают хорошо. Мы ещё не успеваем уехать, как в результате волнений в ГДР меняется руководство, и всё привычное и многолетнее летит куда-то в тартарары, немцы в разговорах кивают на Союз – мол, вы первые начали, а мы чем хуже?

Через несколько дней после возвращения отправляемся по войскам в Чехословакию. Двадцать дней колесим по всей стране – и тоже всё беспокойно. А в последний день, заехав в Прагу, невольно становимся свидетелями знаменитой бархатной революции. Удивляет неожиданная доброжелательность чехов на повседневном уровне. Никто уже не вспоминает шестьдесят восьмой год, Горбачёв в этом смысле ситуацию исправил. В Москве нас все подкалывают – мол, куда вы ни приезжаете, везде страны рушатся. Мы вместе смеёмся, не представляя тогда, что, в самом деле, это билет в один конец, что он уже куплен, что через пару лет и нашей страны не станет. А через двадцать лет знакомый чех произнесёт

шутливый (как бы!) тост за Россию, которая в двадцатом веке дважды освободила Европу – сначала от фашизма, а потом от себя.

Мы в этот костёр дровишек тоже подбрасываем. Я со спортивным азартом включаюсь в какую-то идиотскую игру – до какой черты можно дойти, не нарываясь на репрессии. Вдвоём с Сашкой Шевченко запускаем конвейер по созданию актуально-злободневных песен. Я предлагаю тему или ключевые слова, Сашка импровизирует вокруг и выдаёт целый пласт рифм, сюжетных развитий, словесного наполнения, из которых мы уже вместе надёргиваем всё необходимое. Так на свет появляются «Дети перестройки», «Маршал Язов, Доктор Чазов» и – венец антисоветского песенного мироздания – «Дедушка Ленин».

С ним особый случай. Очень долго не могло прийти в голову, что и до Ленина доберёмся. Мысль не возникала, рука не поднималась. Нам же с детства внушали – самый человечный человек... да если бы он не заболел и не умер так рано... после него всё исказили... и к детям на ёлку он ходил... и ходоков чаем поил... и полено одним ударом топора раскалывал... короче, последний наисвятейший.

Где-то через месяц возвращаемся, то ли из Гомеля, то ли из Могилёва. Прямого поезда в удобное время нет, и мы доезжаем на чём-то железнодорожном до узловой станции Орша, откуда через час уже до Москвы. Тёплая ночь, разбредаемся кто куда. Я гуляю по перрону и утыкаюсь взглядом в огромную мемориальную доску с барельефом Ленина на здании вокзала. Читаю: «В сентябре 1895 года... и в июле 1900 года... Владимир Ильич Ленин проезжал через станцию Орша». Долго стою, всё думаю: «А вот, интересно, спускался «самый человечный» на перрон за кипяточком? И почему тогда из мрамора не выложены следы? Как же никто этого «случайно» не вспомнил через много лет: ни буфетчицы, ни носильщики, ни проводники с попутчиками? По аналогии с субботником в Кремле, где человек двести утверждали, что вместе с Ильичом бревно таскали туда-сюда?

Стало быть, всё-таки не выходил. А если в купе сидел и статью писал, то в окошко хоть глянул? А вагон стоял так, что было видно здание вокзала, где «Орша» написано? Или для него это просто была некая Станция? А не приведи Господь, если банально спал оба раза? Эх, спросить бы!

*«Любовь
смертельная
игра»*

*«Маршал Язов,
доктор Чазов»
(из концерта
в Тюмени 1990)*

Короче, зацепила меня эта история сильно. Зову Сашку, показываю доску, делюсь соображениями, рисую картину. Он подхватывает, добавляет от себя – мы уже спать не ложимся, всю дорогу фантазируем, или, по-нашему, бредим. На следующий день песня готова:

Дедушка Ленин, мы твои внучата!
 Дедушка Ленин, имя твоё свято!
 На площадях, в клубах и на вокзалах
 Гордо стоишь ты на пьедесталах

В холод, и в зной, и в любую погоду,
 Словно живой, тянешь руки к народу!
 Бронзовый лоб, гранитное тело –
 Стой и смотри, что ты наделал!

Дедушка Ленин, ты был несгибаем,
 Кашу сварил, её мы хлебаем.
 Трудно найти для тебя адвоката –
 Слишком жестоко отомстил ты за брата.

С этого момента, плотно поработав с Сашей Шевченко, я перестал бояться писать тексты, хотя до этого не считал себя вправе это делать, по крайней мере, для широкой аудитории. Будучи всегда сверхкритичным, в том числе и по отношению к себе, я все наши творения называю текстами и мелодиями. А то объявляют на всю страну: музыка – Виктор Дробыш, стихи – Игорь Нехаенко. Очнитесь, парни! Музыку писал Моцарт, а стихи – Пушкин. Имейте хоть каплю совести! Мелодия и текст, а ещё лучше – звуковой ряд и набор слов!

Так вот, пытаюсь писать эти самые тексты самостоятельно, я то и дело спотыкаюсь о коварство русского языка. Причём, прикольное коварство.

Начинаешь внимательно, дословно раскладывать привычные фразы-обороты – и становится смешно. Ну, например: дежурный комплимент женщине – «Как Вы СЕГОДНЯ хорошо выглядите!». Или ещё круче: «Как Вы хорошо получились на ФОТОГРАФИИ». Когда ищут контакт с кем-то из начальства, привычно говорить: «Мне нужен выход на такого-то», – хотя на самом деле нужен вход: выход и так покажут.

Когда мои приятели с Кавказа жалуются на некоторую неприязнь со стороны москвичей, я всегда отвечаю: «Полноте, друзья! Рус-

ский язык не обманешь. Наоборот, вас любят и уважают, иначе не говорили бы «рязанская рож», «жидовская морда», но... «лицо кавказской национальности».

А с фамилиями вообще умора. Как получилось, что игроки самой великой тройки в хоккейном «Спартаке» носили армейские фамилии Старшинов и братья Майоровы?

В девяностые годы всем недовольным новой властью я говорил: «Чудес не бывает. Следите за фонетикой – никогда в Правительстве России не было столько людей с уродливыми неблагозвучными фамилиями. Сопоставьте с Политбюро ЦК КПСС. Там – АНДРОПОВ, БРЕЖНЕВ, ГРОМЫКО, КУЛАКОВ, ПОДГОРНЫЙ, ЩЕРБИЦКИЙ. Здесь – шумейко, сосковец, бурбулис, ельцин, чубайс, починок, шахрай, гайдар, собчак, черномырдин, рыбкин. Чего вы от них ждёте?»

Теперь замахнусь на самое святое. Столетиями, повсеместно, повседневно, поголовно принято, в определённых ситуациях, посылать на три известные буквы. Само это трёхбуквенное слово бесспорно, а вот насчёт «посылать» – давайте обсудим. Природа этого выражения в желании унижить, уничтожить оппонента. Самый жёсткий и недвусмысленный способ – это овладеть им, оппонентом. Если не физически, то декларативно. Отсюда и возникает – «Иди на ...!» Но в этом случае выходит так, что не посылают, а, наоборот, подзывают. Суть от этого, конечно, не меняется, но всё-таки...

Спустя почти двадцать лет я подхожу к подъезду дома, где живёт приятель. На лавочке сидят два мужичка, уже почти, но ещё не до конца спившихся, обомжевавшихся. Прикладываются по очереди к двухлитровой пластиковой «Балтике» и оживлённо, почти агрессивно спорят о чём-то. Пока идёт вызов через домофон, изумлённо слышу фрагмент их дискуссии: «Что бы вы ни говорили, Виктор, но русский литературный язык находится в состоянии стагнации. И никакие силлогизмы его не спасут».

Этот народ не победить!

Первые концерты «Дедушку Ленина» мы горланим хором. Народ в шоке, некоторые в восторге, некоторые втягивают головы и боятся аплодировать, озираясь по сторонам. Есть даже те, кто демонстративно выходит из зала. Пару раз кричали: «Это провокация!»

В телепередаче «Пресс-клуб» песня становится главной темой дискуссии – доходит чуть ли не до драки.

Побеждают сторонники-наследники, для которых идеи Ленина и поныне живут-процветают. Досматриваю передачу, опаздывая куда-то, бегом спускаюсь на «Пушкинскую». И вот прямо на эскалаторе

в башку приходят две строчки, которые добавляют в песню точное и классное завершение:

Дедушка умер, а дело живёт,
Лучше бы было наоборот.

Эти строчки потом много раз произносятся, тиражируются, переиздаются. И сегодня на некоторых страницах интернета указывается, что эти строчки народные.

«Дедушка Ленин»

Значит, я – народ! Жизнь удалась!

Родька, в один прекрасный день, просит дать ему спеть «Дедушку» сольно. Ну, давай пробовать. Он выходит из репетиционной, попросив минуту подождать, возвращается – и мы в ауте! Полностью вождь: коричневый пиджак, тёмные брюки, тупоносые ботинки, жилетка, галстук в горошек, жесты, мимика, а главное – две кепки, одна на голове, а другую сжимает в руке, указывающей направление к великому будущему.

В Новороссийске знакомимся с Виталиком Янюшкиным, когда-то руководителем группы «Визит», где Олег Газманов работал звукооператором (там ему, кстати, и место). Но прославился Виталик не этим. Цыган по национальности, он герой огромного числа ситуаций, требующих юмора и находчивости. Классика жанра.

Однажды вместе с главным техником, ещё во времена «Визита», приходится остаться в Ташкенте после гастролей по делам, и их номер обворовывают. Остаётся несколько рублей и, слава Богу, документы. И ещё небольшая коробка-ЗИП (запасные детали для аппаратуры). Янюшкин не теряет присутствия духа, берёт техника с его ЗИПом, и они идут на рынок. Начинается спектакль.

Техник подходит к внешне наиболее глупому торговцу, объясняет, мол, деньги нужны, ты всё равно здесь стоишь со своими дынями, пусть у тебя полежат на виду две катушки индуктивности – вдруг кто купит. Мне по три рубля их отдать, остальное твоё, а я к вечеру зайду. Тот соглашается.

Через полчаса по тому же ряду лениво прохаживается Янюшкин, безучастно поглядывая на дары узбекской земли. Вдруг его взгляд падает на эти электроёмкости. Он их берёт в руки, словно не веря, долго разглядывает, потом спрашивает у растерянного торгаша: «Откуда они у тебя? Продаёшь? Почём?»

Торгаши судорожно называет сумму восемь рублей за штуку. Янюшкин, не торгуясь, отсчитывает шестнадцать рублей и спрашивает, есть ли ещё. Мол, нужно двадцать штук. Утром зайду, если найдёшь – я всё сразу заберу.

Охреневший от счастья торговец с нетерпением дожидается звюкача, отдаёт ему шесть рублей и говорит, что ему нужно ещё двадцать таких же деталей. Тот достаёт из сумки ещё двадцать, получает шестьдесят рублей и идёт к уже поджидающему в ресторане Янюшкину, по дороге выкупив заказанные авиабилеты домой.

Теперь Янюшкин в Новороссийске главный организатор концертов. У него шикарный офис и склад с современной аппаратурой. На вопрос, откуда такое богатство, Виталик раскрыл тайну. Однажды, обивая пороги горисполкома, он случайно в коридоре подслушал негромкий разговор двух чиновников: мол, первый секретарь горкома КПСС хочет втихаря покрестить внука, но не знает, как подступиться к этой проблеме – не в церковь же идти.

Янюшкину хватило суток, чтобы раздобыть рясу, крест, клобук на голову, кадило, приклеить бороду, зачесать волосы назад и придать своей блудливой физиономии смиренно-торжественное выражение, с которым новоявленный святой отец на следующий день степенно прохаживался взад-вперёд по тому же коридору. Наживка сработала, через некоторое время к нему подвалил один из вчерашних и, отведя в сторонку, смущённо изложил суть проблемы, особо заострив внимание на абсолютной конфиденциальности. Отец проявил такт и понимание, заявив, что может сделать это с выездом на дом – без малейшей огласки.

Растроганный чиновник спросил, как благодарить за это, причём излишне стесняться не надо. Батюшка отвечал, что сам он благодарность не примет, но его двоюродный брат, живущий, к сожалению, мирской, слишком даже мирской жизнью, занимается концертной деятельностью, стараясь жизнь города сделать ещё радостнее.

Так вот, нельзя ли выделить средства для приобретения необходимой аппаратуры и помещения для её хранения? А уж батюшка отслужит-отмолит за всё сполна. Кстати, если кто ещё захочет покреститься или, там, обвенчаться, а не приведи Господь, и отпеть кого, то он всегда к услугам. А двоюродного брата Виталием зовут, запишите, Янюшкин фамилия, он к вам завтра зайдёт.

Поскольку рыночной конъюнктуры в этой области ещё не существовало, то потомственным партийным грешникам сама воз-

можность стать хоть на шаг ближе к смягчению своей участи перед неизбежным являлась бесценной. К тому же, за связь со Всевышним требовали не прямую взятку, а всего лишь помочь с реализацией здравой и, в общем-то, полезной идеи.

Таким образом, Виталик по ночам отправлял религиозные культы, для чего пришлось выучить несколько текстов из священного писания, а днём оформлял необходимые документы.

Сразу после получения аппаратуры и склада батюшку, со слов брата Виталия, перевели на Дальний Восток настоятелем возрождённого храма и никто его больше не видел.

Вот такая Гвардия воевала на тех фронтах!

Восемьдесят девятый заканчивается в зале «Россия», куда Градский приглашает нас в грандиозный концерт, посвящённый его сорокалетию. Мне очень стыдно и противно это вспоминать. Саня настоятельно просит, почти требует спеть «Землекопа», но я, как полный идиот, рассуждаю, что такой элитной публике нужно показать наши последние достижения. Поём «Революцию» и «Дети перестройки». Первая ещё туда-сюда, а вторая, жутко злободневная и смешная в тот момент, сейчас выглядит просто нелепо. А «Землекоп» мог быть увековечен в фильме, который будут смотреть и через десятилетия. Я тот концерт, по указанной причине никогда не пересматриваю. Дурацкая ошибка, которую не исправить. Да если бы единственная! Об этом позже. Но были и неопытки.

На разогреве у «Любэ»

В том же году, откуда ни возьмись появляется и со страшной силой взлетает «Любэ», мгновенно став номером один. Выясняется, что часть музыкантов группы долго работала в Сибири вместе с Шевченко. Как-то Сашка их собирает дома и зовёт меня. Знакомимся, общаемся, добавляем... Наутро «не разлей вода!», точнее – «не разлей пиво!». Ребята инициируют перед своим менеджментом включить нас в свои концерты, поскольку программы на два часа у них нет и для первого отделения всё равно кого-то приглашают. Нас это вполне устраивает, поскольку принимают нас по-прежнему хорошо, но столько зрителей нам уже не собрать, да к тому же лучше комфортно ездить по самым большим и престижным залам (по себе помним!), чем в каждом городе в одиночку сражаться за публику.

Поэтому девяностый год безбедный и бесконечный. Таллин, Вильнюс, Воронеж, Сочи, Ялта, Челябинск, Омск, Гродно, Одесса – чем не жизнь! Отрываемся от «Любэ» только в случаях, когда у самих что-то

интересное, типа устных выпусков программы «Взгляд», которые мы сами организуем по стране, пригласив в первое отделение Саню Любимова и Влада Листьева для общения и вопросов-ответов со зрителями.

Возникают и казусы. В Донецк мы едем с разных сторон, и «Любэ» в первый день по какой-то причине не успевают, причём до последнего момента они вроде как летят в самолёте – и зрителей решено начать запускать во Дворец Спорта. Аншлаг, ни одного свободного места, и тут позеленевшие от ужаса организаторы вбегают к нам и сообщают, что среди пассажиров приземлившегося рейса ребят нет, где они – неизвестно, а народ-то уже в зале, а билеты-то уже оторваны, а концерт-то уже полчаса как должен начаться. Что делать?

Откуда мы знаем, что им делать. Организаторы мнутя, что-то мямлят, наконец возникает робко-отчаянное предложение-просьба – мол, не справитесь вы, часом, сами, без «Любэ»? Мы в свою очередь интересуемся, найдутся ли в городе цинковые гробы в достаточном количестве. Потом уже без организаторов советуемся, что из положения всё равно как-то надо выходить, к тому же – отменят концерты, не получим денег. Возникает азартное озорство – а вот что будет, если мы выйдем и просто отыграем всю программу? Ну не убьют же, в самом деле! А не забыли ли вы, господа «Зодчие», что ещё три года назад вы числились в первой пятёрке советских групп? А не хотите ли вы доказать это в экстремальной ситуации?

1989 г. С приходом Шевченко (второй слева) стало полегче.

Хотим, хотим! Решаем, что ничего не будем говорить в начале выступления – типа, первое отделение идёт своим чередом и идёт. Задача – заставить их полюбить нас к середине концерта, чтобы сдемфировать запоздалую догадку, что «Любэ» не будет, а там... будь что будет! Дальше, чем на х...й, не пошлют! Трясущиеся организаторы с восхищением и надеждой смотрят нам вслед.

Выходим: народ напряжённый. Включаем эмоциональный форсаж и... нет, не отыгрываем, а отъебошиваем первые сорок минут. Пот градом, всё на пределе – и публику это прошибает! Потихоньку, по нарастающей – улыбки, смех, хохот, аплодисменты.

Наступает кульминация. Шевченко, как молодому, поручается сказать заготовленный спич. Кто-кто, а питерцы нести пургу умеют. Дескать, только что стало известно: «Любэ» не прилетели. Для нас это такая же неожиданность, как и для вас. Кто хочет, может уйти, но для тех, кто останется, уж мы постараемся. Кстати, кто действительно хочет уйти, хотя бы на одну песню тормозните, не пожалеете. К тому же мы споём её вместе. А ну-ка, учите слова – дайте народу пиво!

Раскачиваем народ, к тому же мы требовали с организаторов тройную норму откупоренного пива для выноса в зал в конце песни. Срабатывает. Зрители уже нас любят, и концовка концерта проходит вполне достойно. Через час второй концерт, который, как лакмусовая бумажка, показывает, что зрители первого при выходе не сказали зрителям второго ничего такого, чтобы те разбежались. Более того, второй концерт идёт намного лучше, потому что народ уже всё знает и «Любэ» не ждёт. Слушают нас, ну а мы стараемся.

Прилетевший на следующий день директор «Любэ» Олег Головкич чуть не съехал головой, когда узнал, что концерты состоялись. Кроме всего прочего, мы избавили его от претензий в плане неустойки, потому что концерты худо-бедно прошли, и финансовых убытков никто не понёс. Так что не мешало бы и проставиться. Никто не против: вечером в ресторане выкатывается шикарная поляна, Колька Расторгуев поднимает тост за старую гвардию, которая не сдаётся и... не умирает. Заканчивается всё отъёмом инструментов у ресторанных музыкантов – и мы, перемешавшись и перетусовавшись, совместно поём битлов. Кстати, в тот самый вечер у Кольки возникает искрящийся роман с нашей костюмершей Наташкой, которая через какое-то время станет его женой и матерью ребёнка. Дай им Бог!

Фестиваль в Зелёной Гуре

В мае Министерство культуры принимает решение коренным образом изменить характер пресловутого Фестиваля Советской песни в польской Зелёной Гуре. Кондовый, пафосный, бестолковый, он всегда вызывал иронию и неприятие поляков, а на волне распада социалистической системы и вовсе стал карикатурным до такой степени, что... повысилась его посещаемость. Народ съезжался со всей Польши, чтобы постебаться над идеологическими потугами давно отслуживших штампов в исполнении небрезгливых наших как бы звёзд и таких же польских конкурсантов-самовыдвиженцев, не имеющих шансов в более серьёзных мероприятиях. И вот вместо условных Лещенко, Кобзонов, Ротару и «Самоцветов», под пока ещё насмешливые взгляды и возгласы польской публики, в основном молодёжной, на сцене объявляют участников Фестиваля с советской стороны, типа почётные гости: Жанна Агузарова, Андрей Мисин, «Мистер Твистер» и ваши покорные... сильно непокорные!

Глядим в зал: смейтесь-смейтесь, ребята, недолго вам осталось! Первым из наших выходит Андрюха Мисин, записавший потрясающий альбом истинно русского симфорока с несколькими шедеврами – «Чужой», «Ангел сна», «На сельском кладбище». Это, конечно, не танцевальные шлягеры, но с ног сшибает даже тех, кто не силён в музыке. Вторыми, на контрасте, «Твистеры», безбашенные весёлые обалдуи, играющие в стиле рокабилли – не очень виртуозно, но с дикой энергетикой и позитивной экспрессией.

Зрители, придя в себя от шока, неистово приветствуют эту очаровательную шпану. Так после них ещё выходит Жанка в одном из своих невероятно абсурдных нарядов и голосит несколько песен, поставив в конец знаменитую «Sunny». К нашему выходу народ готов, разогреть его не надо. Неплохо знающие русский язык поляки не могут поверить, что совки могут со сцены нести такую крамолу. «Демонстрация», «Землекоп» и «Девушка в белом» выворачивают им мозги наизнанку, а оставленный на закуску «Дедушка Ленин» при появлении на сцене Родьки в описанном ранее виде... не знаю, как это описать. Роль Польши как центра антисоветской оппозиции в тот вечер сильно ослабева-ет, «Дедушка Ленин» около года входит в польский хит-парад.

Но это всё на сцене. А снаружи жизнь не менее насыщенная. В Польшу нас послать-то послали, но ввиду финансовых проблем суточные дали настолько мизерные, что, считай, не дали вовсе. Пришлось загодя подумать о себе. Польша аккуратно проходит рубикон: социализм

рухнул, а капитализм только начинают строить. У нас такое наступит года через два-три. Полная неразбериха, каждый за себя. Мы это знаем, поэтому загодя меркуем, что взять с собой для быстрой и прибыльной продажи. С традиционными товарами: утюгами, телевизорами, часами, фотоаппаратами – связываться неохота. Гастролируя в Омске, случайно натыкаемся в магазине «Спорттовары» на футбольные мячи «Танго», только появившиеся в мире и невесть как оказавшиеся в не самом футбольном городе (а может, именно поэтому). Цена не просто смешная, а просто хохочущая. Берём с Шевченко сорок штук и уже в Польше, в день концерта лауреатов, выходим с утра на местную толкучку, где всё: от «Запорожца» до пользованных зубных щёток. Наши мячи, или, по-польски, ПИЛКИ, производят фурор, даже образуется небольшая очередь. Через час мы свободны и с денежкой. А вот теперь обратная сторона популярности. Мы сдуру шапок не надели, волосы не закололи, глаза за тёмными очками не спрятали. Вот и доигрались. Пара покупателей по-доброму нас подкалывает: «Цо, панове, дедушка умер, а дело живёт?» А вечером на концерте сквозь аплодисменты явственно пробился чей-то крик: «Пилки ещ ест?»

Наутро покупаем местную газету с описанием вчерашних концертов. Статья превосходная, берём побольше экземпляров, чтобы взять в Москву, и вдруг на первой странице видим ещё одну маленькую заметку, озаглавленную: «Советские артисты и здесь всех победили». Здесь же на фото мы с Сашкой на пике нашего торгового успеха. Если бы не мячи, бойко всучиваемые страждущим, происходящее можно было бы принять за автограф-сессию.

Встаёт задача – срочно изъять у нашей делегации купленный тираж, иначе в Москве головы не сносить. Народ в целом понимает, что у нас будут неприятности, не прочь пойти навстречу, но взгляд у всех вопросительно-выжидающий. Мы с Сашкой киваем – да-да, конечно, после чего ведём толпу в ближайший кабак, где всё нажитое непосильным трудом и оставляем вместе с проклятыми газетами.

Из Вены на «Жигулях» - с любовью!

Через месяц ещё одна поездка, теперь по комсомольской линии – в Венгрию и Австрию (ха-ха!). Ностальгия по прошлогоднему бизнесу в Австрии неумолимо гонит меня в магазин «Мелодия», где покупается беспроектный набор пластинок из серии «Классика и современность», которые стояли в австрийской витрине. У нас они почему-то уценённые и продаются по 30 коп за штуку. Набираю разных сто штук и терпеливо, через поезда и автобусы, прущу с собой. Прихожу в Вене в

тот же самый магазин с тем же самым хозяином и сразу вижу, что к потолку по всему периметру, приколочены... мои прошлогодние диски Маккартни. К счастью, чувак меня не узнаёт, а классику охотно берёт по три пятьдесят. Вполне прилично. Плюс какие-то суточные, плюс первый в жизни валютный гонорар за выступление (полная неожиданность, оттого вдвойне радостная) в размере 200 (двухсот!!!) долларов на всех, плюс традиционные водка и икра, улетевшие со свистом в русских магазинчиках на Мексико-плац. Кругом-бегом около пяти-сот долларов. Звоню Сергею Шавло, играющему в то время за венский «Рapid». Встречаемся, садимся в кафе, советуюсь с ним, как распорядиться таким капиталом. Он рекомендует не морочить голову и купить машину. Машину?! Вот уж точно не думал. Он между тем берёт в ближайшем баре какую-то газету и просматривает объявления. Ну вот, например, «Жигули», вторая модель, в экспортном исполнении с движком от шестёрки, со щёткой и обогревателем заднего стекла. Шесть лет, пятьдесят тысяч пробег, чем не машина? А стоит, между прочим, двести пятьдесят долларов. Я ошалело спрашиваю, почему так дёшево. Серёга ничего не отвечает, просто подходит к телефону, набирает указанный номер и после недолгого разговора сообщает мне, что продавец недавно купил новую машину, а с этой возиться не хочет. Но, чтобы вывезти старую даже на свалку, надо заплатить те же 250 долларов, поэтому он просто избавляется от неё. Я в шоке, и Серёга берёт инициативу в свои руки, а именно – мы едем её смотреть. Ну, на свалку ей точно рановато, ещё как поедит. Ко мне возвращается разум, я прикидываю, что Бригадов и Шоболов – водители опытные, уточняю затраты на оформление и бензин до Москвы – укладываюсь! Тут же сторговываю машину до ста семидесяти долларов (две тысячи шиллингов), причём аргумент для него дикий и безумный: я, мол, лидер популярной советской группы, а машины нет, так что не жлобись. Мужик смотрит на меня насмешливо, потом машет рукой – забирай. Как же ему объяснить, что это – СССР, и если ты не летаешь в космос, не варишь чугуны и не сеешь хлеб, машина тебе не положена ни за какие деньги.

А здесь такой поворот! Оформляем документы, причём Шавло тратит два кровных выходных на помощь в этом благородном деле (век не забуду!).

Самое страшное – это путь в неизведанное, а именно пересечение австрийско-венгерской границы. Здесь уже нет ни Шавло, которого в Вене знают и любят, ни улыбчивого продавца, никого. Мы втроём весь последний день штудлируем разговорники и словари, чтобы хоть что-

то смочь объяснить суровым австрийским таможенникам и пограничникам.

Затаив дыхание от страха, с полными штанами ужаса, подъезжаем к пропускному пункту на границе, притормаживаем, я через окно протягиваю папку с документами, тыча пальцем в самые важные места и пытаюсь что-то лопотать.

У Шоболова с Бригадовым выражения лиц восторженно-подобострастные – такими рисуют румынских крестьян на лубочных картинках, они кивают и кланяются.

Зря стараемся. Не оценит всего этого австрийский пограничник-таможенник-санитар в одном лице. А не оценит, потому что не увидит. А не увидит, потому что не посмотрит на нас. А не посмотрит на нас, потому что, мельком глянув на подъезжающую машину, он лишь два раза присвистнет «Фьить-фьить!» и рукой сделает ускоряющий жест – мол, уё...вайте быстрее!

Мы так и поступаем. В Москву я въезжаю на своей машине, по тем временам вполне приличной, но на крутизну не претендующей. Быстро меняющиеся параметры респектабельности проходят начальную стадию. Шестисотых «мерседесов», ролексов, мобильных телефонов и малиновых пиджаков ещё нет, а есть девятки цвета «мокрый асфальт» да спортивные костюмы «Адидас». Мне в этот элитный ряд всё равно не встать, так что пока учусь водить. Ночами выезжаю на полупустые улицы и пристреливаюсь к поворотам, перекрёсткам, светофорам и оптимальным маршрутам. Узнав об этом, приятель-таксист возмутился: «Ты что, дурак, просто так ездить? Бери пассажиров и вози! Тут тебе и география, и парковки, и повороты-развороты, и во дворы с арками – полный набор навыков. И, кстати, на первый кузовной ремонт заработаешь. Спортивную шапочку поглубже, волосы под неё, стараться не разговаривать – и вполне сойдёшь за многодетного отца, которому в трудные времена не хватает инженерной зарплаты».

Очень актуально, особенно, что касается первого ремонта. На автосервис не пробиться, поэтому в каждом уважающем себя гаражном кооперативе обязательно есть какой-нибудь свой Васильич или Гаврилыч, сухонький старичок-умелец в очках, с папироской и набором всяких чудных молоточков, деревянных колодочек, распорочек и других примочек, которые в любую погоду и скорейшим образом позволят твоему покалеченному коню встать в первоначальном виде на все четыре колеса.

Если идти от старта этой эпопеи (закупка пластинок с классикой), то первая рихтовка кузова обойдётся мне вдвое дороже, чем, собственно, покупка самой машины (шестьдесят рублей против тридцати).

В Вене происходит трагикомический эпизод с Родиным. Андрюха всегда был очень скрупулёзен в денежных расчётах – говоря проще, скуповат. При этом не жадный – это разные вещи. Одолжить тысячу рублей – без вопросов, тарелку супа налить (не последнюю если) – тем более. Но если он заплатил за тебя в метро пять копеек, то через какое-то время мог и напомнить.

После инфаркта, время от времени, у него прихватывает сердечко, и, в общем-то, мы всегда наготове. Но это дома, а когда это случилось в Австрии, мы немного струхнули. Вызвали скорую – она появилась через мгновения. Родька бледный, испарина на лбу, глаза испуганные, а главное, ничего не может объяснить без переводчика. Его берут в оборот, втыкают какие-то шланги, трубочки, датчики, и мы вместе едем в клинику. Там количество приборов и приспособлений удваивается, и через полчаса Андрюха, порозовевший и бодренький, в сопровождении врачей выходит к нам. Мы благодарим врачей и, не зная местных правил, тепло прощаемся. Но они провожают нас не к выходу, а к кассе, где выписан чек на двадцать долларов (!) за вызов скорой и оказанные услуги, после чего Родька снова падает на руки своих спасителей. Процедура повторяется, ещё через полчаса он снова в порядке. Врачи объясняют ему через нас, что ввиду сложившейся ситуации он освобождён от оплаты услуг, они желают ему крепкого здоровья и готовы помочь вызвать такси до гостиницы. Родька спрашивает, сколько это такси стоит. Получив ответ – двадцать долларов (заколдованная цифра), валится в третий раз. Опять всё по новой – и уже молча, только улыбаясь, его бережно ведут к той же «скорой», которая и возвращает нас на место.

Вернувшись домой, участвуем в очень шумном, пафосном и по-своему культовом событии. Театр Моссовета ставит «Иисуса Христа». Вся Москва на ушах, потому что глазам верить нельзя. «Иисус Христос Суперстар» в московском театре. Так и до Солженицына доберёмся! Но тем не менее...

Ярослав Кеслер (тот самый) пробил эту идею и активнейшим образом участвует в процессе. Собственно, он-то нас и приглашает, видимо, держа в памяти наши музыкально-возлиятельные посиделки без дня и ночи. Вот и пригодилось! Мы призваны записать все хорошие и ансамблевые куски оперы для фонограммы, под которую потом будут петь вживую исполнители основных ролей в спектакле.

Именно в спектакле! Задумка интересна тем, что ставится по театральным законам, где актёры, пусть и умеют немного петь, но в первую очередь играют, как актёры. И как играют! И какие актёры! Павел Адоскин, Борис Иванов, Сергей Проханов, Валерий Яременко... Но

как ни играй, а два героя – Иисус и Магдалина – петь обязаны. Если Ира Климова ещё как-то справляется, хотя кое-где зачем-то орёт как резаная, то Алексей Казанчеев, кроме абсолютно христовой внешности, других аргументов не имеет. Поэтому спустя какое-то время после премьеры его меняют на молодого, но безумно клёвого Валерку Анохина. Здесь уже и внешность, и голос. Правда, он чистый певец, а не актёр, но играть там и без него есть кому. Знакомимся: классный парень, выпускник Гнесинки. Тяготеет к хард-роковой классике и очень здорово её поёт. Собственно, поэтому и зван на эту роль.

Записываем свои хоры, присутствуем на премьере, гордимся своей причастностью. Но в самой группе в это время наметился творческий кризис. Именно творческий, потому что, слава Богу, отношения между всеми абсолютно нормальные. Просто в своём политико-сатирическом баловстве достигли предела: дальше «Дедушки Ленина» идти уже некуда, да и наигрались уже в героев-обличителей. С опозданием понимаем, что «утром в газете – вечером в куплете» завело нас в тупик. Я даже впервые за полтора года встречаюсь и восстанавливаю отношения с Валеркой Сюткиным. Он тоже наелся досыта своим «Фен-о-Меном» и весь в размышлениях с компасом в руках. Касаемся возможности воссоединения, но просто механическое возвращение к старому никому не интересно, а новой глобальной идеи нет. Однако Валерка – жутко фартовый человек. Именно в этот момент из «Браво» уходит Ирина Епифанова, и Валерка на её место встаёт, как патрон в обойму. К тому же он и песню подгадал под это дело – на мой взгляд, лучшую из им написанных. Я имею в виду «То, что надо». Тот самый случай, когда Хавтан и Сюткин просто обязаны были встретиться и

1991 г. Борька Носачёв в «Зодчих». Лучшее поздно, чем никогда.

выдать в короткие сроки целую гору классных, стильных и позитивных шлягеров.

Если раньше в Агузарову надо было вслушиваться, всматриваться, в любом случае – привыкать, а уж потом восторгаться, то с Валеркиным приходом на зрителя сразу обрушивается поток суперхитов на фоне безоговорочной положительной энергии без всяких «но» и «если».

Жанка и Сюткин – оба великие, поэтому как ни пыжились те же Епифанова, Осин и Ленц, который после Валерки, в «Браво» ничего больше толком и не создано. И это не вина Хавтана, а его беда – такая же, как у меня и у любого руководителя, не являющегося главным солистом. Взять Гребенщикова, Шевчука, Кинчева, Цоя, Бутусова, Барыкина. При всём уважении к музыкантам «Аквариума», «ДДТ», «Алисы», «Кино», «Наутилуса», «Карнавала» – замени хоть весь состав, и никто, кроме фанатов, этого не заметит. А нам, с уходом, солистов, каждый раз приходится перестраивать всю стилистику и репертуар в своих группах. Сколько сменилось лиц и голосов в тех же «Весёлых ребятах» и «Самоцветах», причём клёвых, подчас великих (Бергер, Лерман, Градский, Дьяконов, Сапунов, Глызин, те же Кузьмин с Барыкиным)!

И опять всё заново!

Мы в то лето плотно общаемся с Борькой Носачёвым. Его «Мистерия Буфф» благополучно почил, поэтому он решает потихоньку завязывать с музыкой и заняться чем-то созвучным эпохе, то есть зарабатывать деньги. Однако на вопрос под водочку, как же он закончит, так и не поиграв со мной вместе, теряется и ответа не находит. Гипотетически прикидываем, как и что могло бы получиться, если бы... да кабы... Бесследно посиделки не проходят. В голове начинает возникать новая эстетика группы – безусловно-позитивная, чисто московская, чуть ностальгическая, чуть ироническая, чуть мальчишеско-дворовая. Примерно так же и тогда же, только в другую стилистику, дрейфуют Шевченко с Артюховым и Гордеевым. Саня набрался пороку, понюхал опыта, освоился и вполне готов к самостоятельному плаванию. Генке с Андрюхой тоже захотелось перемен, потому что мы, много лет, взаимоуважительно общались как музыканты, не имея при этом общих любимых корней. Игра в группе – это ж сродни сексу: бывает откуда-то с небес, а бывает, типа, супружеский долг.

У нас с ними все годы было второе. Вроде и делаешь всё как надо, стараешься быть внимательным к партнёру, следишь, чтобы получалось вовремя и вместе, а искры нема! Всё равно в душе ждёшь того, с небес.

Поэтому в какой-то момент, все готовы к назревшему решению Сашки, Генки и Андрея, вместе с болтающимся без дела Белоносом и бывшим «телефоновским» басистом Юрой Карякиным делать свою группу «Де жа вю». Мы остаёмся с Егором Иродовым, Андреем Родиным и решившимся на последний виток Борькой Носачёвым.

Не прошло и пятнадцати лет!

Глава XVI. Последний парад (1990 – 91 гг.)

Я приглашаю на разговор Анохина, он сильно не занят, в театре работает как приглашённый на одну роль, в других группах не поёт, вполне можно попробовать. Борька, со своей стороны, подтягивает Толю Бельчикова, чудесного, улыбчивого барабанщика из «Кукурузы», и Пашу Щербакова, небесспорного, но смешного персонажа, в качестве вокалиста. Итак, последний состав «Зодчих» (1990-91): Анохин и Щербаков (вокалисты), Родин – скрипка, Носачёв (гитара), Иродов (клавишные), Давыдов (бас), Бельчиков (ударные).

1991 г. Родька и Боря Носачёв.

Такие резкие перемены, особенно если они продуманы, всегда дают новый импульс – музыканты кайфуют друг от друга, наслаждаясь новыми манерами игры, звучаниями, энергиями, да и просто общением.

Стартуем очень интенсивно. Сбросив, словно отслужившую кожу, все перегибы предыдущего периода, набрасываемся на написание новых песен, одновременно нацеливаясь на скорейшее выстраивание концертной программы и запись альбома. Фирма «Мелодия», по итогам продаж «Мусора из избы» (шестьсот тысяч экземпляров), такую возможность предоставляет. Первой записанной песней к нему становится «Наливай!», созданная вместе с Сашкой Шевченко накануне его ухода. Первый студийный блин – потрясающий! Не мудрствуя лукаво, на записи горланим её даже не хором, а я это называю «вместе!». Ничего невымучивая, непричёсывая, как бы за столом. Для пущего эффекта мы зовём всех случайно оказавшихся на «Мелодии» наших техников, друзей и знакомых, встаём в обнимку вокруг единственного микрофона – и получается очень клёвая, распи...даяская манера с весёлым, тёплым посылом, чего мне и хотелось.

Аудио
«Наливай»

Дело довершают духовики из «Бригады С». Услышав песню, они говорят, что аранжировку сделают сами. Я только прошу, чтобы проигрыш в середине был импровизацией, а не по нотам. Соглашаются, играют, слушаем, просим сыграть ещё раз, играют, слушаем, спорим, пытаюсь выбрать лучший вариант, но, так и не выбрав, расстаёмся. При окончательном сведении тоже долго спорим со звукорежиссёром, а потом находим прекрасное решение: оставить и совместить оба варианта. Я до сих пор этот кусок слушаю с восхищением. А тогда из меня попёрло. Нервное возбуждение после удачной записи такое, что ни о каком сне и речи быть не может. Брожу ночью в окрестностях дома на Страстном бульваре, и в голове заваривается новая каша, почему-то на пацифистскую тематику. Присев на лавочку, ничего не записывая, фиксирую для памяти приходящие строчки и фрагменты мелодии.

Самые первые и главные:

Товарищ майор, я не верю,
Что завтра начнётся война.

Песня, считай, наполовину уже написана. Остаётся только, как говорил Лоза, «придумать историю» и зарифмовать её. Почему-то сразу всё придуманное звучит в мозгу голосом Анохина. Ощущение време-

ни теряется – и как-то очень быстро получается готовая песня. Поразительно то, что никаких правок в текст и мелодию не потребуется, только аранжировка.

Выдохнув, встаю и иду в сторону дома. Грудь распирает от радости, а воображение в сотый раз прокручивает только что придуманную песню. От этого отделаться невозможно, если каким-то образом не переключить полушария на другую тему. Делаю усилия и буквально ногами вбиваю туда новую картинку-образ: Безбожный переулок. Я об этом думал давно – написать что-нибудь про свою школу №1140, которая мне так много дала. Точнее, даже не про школу, а про нас самих, передав эстетику и этику нормальных московских ребят того времени. Особенно это желание усилилось после полугодовых совместных поездок с «Любэ», которые похожее направление поставили во главу угла. Только у них в основе – психология парней с рабочих окраин, выросших в послевоенные годы, и вся образность оттуда, включая вокальную манеру Коли Расторгуева. А мы уже в семидесятых и в центре Москвы. Разница в том, что те ребята, собираясь компанией на улице, знали, что они сегодня с кем-нибудь обязательно подерутся. Знали, ждали и отчасти даже искали повод зацепиться с такими же ребятами на соседней улице или с залётными чужаками. У нас же драка не была доминантой при составлении планов на вечер. Мы тоже были готовы за себя постоять, но сами её не искали. Нам иногда нравилось выглядеть шпаной, хотя на самом деле мы ею не являлись.

Поэтому я сразу понимаю, что Валерка споёт её по-другому – и она действительно звучит очень по-московски: так не пели ни в Питере, ни в Свердловске, ни в Люберцах. Я, наверное, слишком широко разворачиваю эту тему, но тогда это мне действительно кажется очень важным.

Весь этот интеллектуализованный коктейль бродит во мне по дороге домой, и внезапно я чувствую, что надо не спать ложиться, а ехать на школьный двор. Я в таких случаях уже стараюсь с собой не спорить и покорно сажусь в машину. Приехав, хожу по двору, сижу на ступеньках, нарезаю круги вокруг школы. Вот здесь была курилка, а вот тут мы играли в футбол, из окон актового зала в сторону Безбожного переулочка мир впервые узнал о готовящемся музыкальном перевороте и что ему, миру, на сей раз не устоять. А на этом крылечке я, выйдя зимой в пиджачке попрощаться с девочкой, в которую был влюблён, так и простоял с ней на морозе, прогуляв три урока... Днём всё не так, а ночью – будоражит, накрывает, берedit.

«Безбожный
переулок»

Короче, за пару часов выскочила ещё одна песня. Ни до, ни после такого не было. Я считаю «Безбожный переулочек» самой шлягерной песней в истории группы, не ставшей суперхитом только из-за отсутствия раскрутки.

Можем по приколу пробежаться по тексту, возможно, мои комментарии к нему будут любопытны, особенно с учётом абсолютной откровенности:

Итак:

В Безбожном переулке не построено церковью,
Не верят здесь ни в дьявола, ни в Бога, ни в чертей!
Без драки и похмелья не обходится ни дня!
Безбожный переулочек, узнаёшь ли ты меня?

Бл...дь!!! Чудовищный и позорнейший ляп! Каких, на хрен, «чертей», если в той же строчке «дьявола»? Ну почему не «царей»? Это же настолько на поверхности, начиная с «Интернационала», где «...ни Бог, ни царь и ни герой». Как получилось, что ни при написании, ни на репетициях, ни в студии никто не обратил внимания и не подсказал? Теперь мучайся всю оставшуюся! Видите, до сих пор вскрикиваю!

Идём дальше:

В Безбожном переулке мне известен каждый дом.
И три вокзала рядом, и «Берёзка» за углом,
Трамвай на остановочке, пивной ларёк открыт,
И школа на пригорочке стоит себе, стоит.

Не супер-пупер, но настроение создаёт, картинку рисует – на четвёрочку. С пивом пойдёт! Только из всего перечисленного ныне в наличии только три вокзала, школа на пригорочке и трамвай. Дома наполовину поносили, остановочку переместили, ларёк сломали, да и сам переулочек уже давно переименован в Протопоповский. Про «Берёзку» за углом отдельное пояснение. На слух, особенно для тех, кто не в теме, я типа берёзки вспоминаю, Штирлиц хренов или Шукшин в «Калине красной». Так вот, «Берёзка» – это валютный магазин в Астраханском переулке, гнездище и торжище, одно из самых значных мест той Москвы, производственный цех карманников, кидал, валютчиков, ломщиков и прочего криминального бомонда.

Доходим до припева:

Хэй-эй-эй! Каланчёвская шпана!
Хэй-эй-эй! Пьём сегодня до утра!
Хэй-эй-эй! Жизнь прекрасна и длинна!
Давай до дна!

Ни о чём, но это и есть припев. Он фигачит за счёт агрессивной мелодии и энергичного вокала.

И вот теперь третий куплет:

Ты хоть умри, но отвечай ударом на удар,
Не трусь, не ври, а также не ломай чужих гитар!
Два пальца по локоть, если не умеешь пить,
Своих девчат не трогать и лежачего не бить!

Честно? Горжусь!!! В четыре строчки наглядно и образно удалось впихнуть весь кодекс мальчишеской чести и этических норм, которые если и не всегда соблюдались, то, по крайней мере, декларировались:

В Безбожном переулке мы резвились, как могли.
Здесь в первый раз отведали вкус водки и любви.
Увидев нас, прохожие освобождали путь.
В Безбожном переулке соберёмся как-нибудь!

Так себе, менее-более, но песня уже спета в третьем куплете. Задача четвёртого – не испортить, и это удаётся.

Во время записи самая неожиданная и клёвая феня была найдена в самом конце, когда мы на заключительный вокализ ещё раз пропели припев. За счёт изменённой гармонии получилось тёплое и трогательное ностальжи.

На одном дыхании записываем «Товарища майора». Придумываем в середине песни очень красивый отыгрыш, где всем есть где разгуляться – и Валерке, и мне, и Борьке.

Под Пашку создаётся «Жизнь холостая» – песня-натюрморт с одного моего родственника, поразившего меня в детстве своим пофигизмом к быту, в исполнении убеждённого холостяка. Кофе из банки... ванна с тазами... на кухне заначка... – это всё детская память хранит и через много лет воспроизводит в песне. Позже я спою ее сам.

«Товарищ майор»

«Жизнь холостая»

Из этой же серии натюрмортов «Общага» – впечатление от нашумевшего фильма «Криминальный талант» режиссёра Сергея Ашкенази, где удачно показана девушка из общежития со всеми своими целями, резонами и привычками. Вскоре Юрий Макаров знакомит меня с Ашкенази, я показываю ему песню, её обсуждение затягивается, и к утру мы имеем приглашение сняться всей группой в его новом фильме «Любовь – смертельная игра», а я ещё персонально – в эпизодической роли того же фильма. Съёмки в течение недели на теплоходе «Лев Толстой», который совершит популярный и престижный в то время круиз по Чёрному морю – Одесса, Ялта, Сочи, Сухуми, Батуми... Чем не жизнь?

По сюжету фильма мы поём «Наливай!» на сцене музыкального салона, а я ещё снимаюсь в нескольких эпизодах и живу в каюте с Лембитом Ульфсаком – потрясающим эстонским актёром. Классный мужик, причём по-эстонски классный: лаконичный, неторопливый, рассудительный, пьющий. Плюс акцент, из-за которого я не сразу понимаю часто произносимую им восклицалку – «Оппанный ротт!»

При монтаже сюжетную линию, где я играю его друга, вырезают. Остаются песня в фильме и незабываемые впечатления о яркой, но недолгой карьере киноактёра.

Интересна история другой песни – «Праздник позади». Ещё летом мы работаем с «Любэ» на стадионе в Херсоне. После триумфальных концертов все улетают в Москву, а мне в Одессу позарез надо. Поскольку эта надобность возникает в последнюю минуту, я заранее не беспокоюсь, никого не дёргаю, а просто с гитарой и сумкой приезжаю поздно вечером на вокзал к отходящему поезду. Недооценил я ситуацию, крепко недооценил. Фильмы про войну смотрели? Жара, ночь, народ с тюками-узлами-корзинами, шум-гам-крики. Мои обращения и просьбы ни на кого впечатления не производят: поезд битком и на перроне ещё столько же. За несуразно большие деньги один из проводников пускает меня на третью, багажную, полку общего вагона, где мне предстоит провести длинную бессонную ночь, всеми органами чувств ощущая внизу уставших, злых, плохо пахнущих, храпящих людей.

Вот так!.. Два часа назад овации, десять тысяч зрителей, шампанское в гримёрке, цветы, автографы... а теперь здесь. Через такие эпи-

«Общага»

«Праздник
позади»

«Дитя
урбанизма»

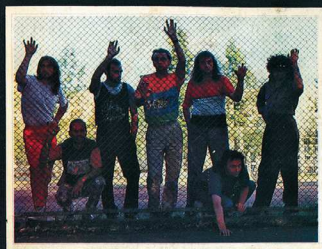
зоды очень здорово доходит иллюзорность и быстротечность любого успеха. Об этом я и думаю, лёжа в духоте под потолком. Песню я напишу позже, но строчки «Праздник позади» и «Пора вылезать из седла» возникают там и тогда.

К концу весны альбом записан и отдан в производство. Как и все музыканты мира в подобные периоды, с воодушевлением ждём его выпуска, снисходительно посматривая на поющих в телевизоре коллег. Мол, посмотрим, что вы запоёте через пару месяцев, когда наша гениальная бомба упадёт на ваши бездарные головы. Для пущей убедительности снимаем клип на песню «Наливай!». Я и сейчас смотрю его с удовольствием. На Пушкинской площади мы устроили дикую бузу вокруг фонтана с участием случайных мамаш с детьми, гуляющих пенсионеров, толпы после сеанса в кинотеатре «Россия». Самое сложное – включить сам фонтан точь-в-точь в нужный момент с учётом того, что вентиль находится в подвале моего дома, причём вход со двора. Мобильников и раций ещё нет. Приходится выстраивать цепочку

Клип «Наливай»

BOTTOMS UP!

ZODCHIYE

- A
1. НАЛИВАЙ! — 3.56
 2. ДЕДУШКА ЛЕНИН — 2.24
 3. САМЫЙ КРАСИВЫЙ ПАРЕНЬ — 3.21
 4. ОБЩАГА — 3.16
 5. ПАПА — 2.57
- B
6. ЖИЗНЬ ХОЛОСТАЯ — 4.30
 7. ТОВАРИЩ МАИОР — 3.59
 8. БЕЗБОЖНЫЙ ПЕРЕУЛОК — 3.08
 9. ПРАЗДНИК ПОЗАДИ — 2.59
 10. ДИСЦИПЛИНА — 3.02

Юрий Давыдов — бас-гитара, вокал
Егор Иродов — клавишные
Андрей Родин — скрипка, вокал
Валерий Анохин — солист группы
Павел Щербатов — солист группы
Борис Исачев — гитара, вокал
Анатолий Бельчиков — ударные
Руководитель группы Юрий Давыдов

Группа «Зодчие» благодарит
директора МП «Спартак»
Евгения Ловчева, а также спонсоров
группы — Московский банк «Янцганка»
и СП «Дельфин» (г. Одесса)
за помощь в организации записи
этого альбома.

Закуроржиссеры: А. Ветр, В. Савин
Художник: А. Кордовский

© SINTEZ RECORDS
Всесоюзная студия грамзаписи. Год выпуска 1991

Zodchie

добровольцев в зоне видимости друг друга, а по этой цепочке передавать визуальный знак.

После сквера на Пушкинской переезжаем в бассейн «Динамо» (ныне снесён), где доснимаем подводную часть. Я об этом так подробно, потому что в то время никому не приходит в голову заикнуться о деньгах за использование пространства. Наоборот: всех прикалывает затея и каждый старается помочь. Так, например, участковый на Пушкинской вызвал патрульный наряд, но не нас вязать, а чтобы в случае чего оградить от случайностей.

Наконец альбом выходит. Естественно, ничего глобального не происходит. Естественно, некоторые песни становятся узнаваемы. Естественно, по старой памяти нас изредка крутят в телевизоре. Естественно, наши приколы и тексты по-прежнему веселят народ.

Более того, мы становимся непревзойдёнными мастерами первого отделения, можно сказать, коро-

«Пана»

1991 г. Если не ошибаюсь, последнее фото «Зодчих» как действующей группы. Родя, Паша Щербаков, Егор Иродов, Боря Носачёв, я.

Я не знаю (вернее, знаю), за какую часть тела надо повесить авторов телеконкурса «Голос. Дети». Неужели непонятно, что у совсем маленьких ещё людей в этот момент навсегда ломается психика? Причём независимо от успеха-неуспеха. Порождаются либо комплексы, с которыми им уже не справиться ни сейчас, ни в дальнейшем, либо, того хуже, ощущение покорённой вершины, которая не даст потом спокойно жить. Всем известна судьба Серёжи Парамонова – советского соловья, солиста хора, исполнившего половину детских хитов эпохи «Пусть бегут неуклюже», так и не справившегося с переходом во взрослую жизнь. Только трое из «Республики ШКИД» преодолели пятидесятилетний рубеж, и то ненадолго. А Влад Галкин? А «Неуловимые»? Приятно в ночное небо смотреть, где каждый день загораются новые звёзды вместо упавших. Так в небе падающие звёзды хоть напоследок вспыхивают, в жизни же они угасают медленно и незаметно.

Весной девяносто первого года Костя Воробьёв знакомит меня с Михаилом Муромовым, вернувшимся из Италии и узнавшим о существовании футбольной команды звёзд, в которой играют прославленные Джанни Моранди, Пупо, Риккардо Фольи и молодёжь типа Эроса Рамаццотти.

Возникает идея собрать у нас такую же команду и организовать матч с итальянцами. Поскольку я в футболе и в музыке человек не посторонний, мне и предложено этим заняться.

Сначала это существует как прикол: мы действительно собираем музыкантов и начинаем проводить футбольные матчи. Один из них, в день путча, 19 августа, станет точкой отсчёта, официальной датой рождения команды «Старко», которая просуществует долгие годы. В сентябре того года Костя включит меня в состав делегации в Италию, где я сумею выйти на итальянскую команду и договориться о предстоящих матчах. Реализация такого, по тем временам фантастического проекта, требует огромных усилий и времени. Меня эта работа захватывает настолько, что группа уходит на второй план. Ситуация безвыходная в том смысле, что поддерживать хотя бы тлеющий огонь вполне не получается, а отдавать все силы – нет возможности, потому что уж больно интересной и перспективной оказывается затея с командой. Да и эмоционально я скорее уже там, чем здесь. Поэтому где-то к лету девяносто второго года, без ссор, скандалов, шума и «прощального тура» группа потихоньку умирает. Никто из ребят не остался без куска хлеба, все с руками-ногами – как-то устроились. Больше и дольше всех сокрушался Родька: он, пожалуй, единственный, кто искренне мечтал о воссоединении. Несколько раз мы выступали на разных мероприятиях и, в общем-то, не исключали того, что ещё поиграем, тем более прошло достаточно времени, чтобы из статуса «сбитых лётчиков» перейти в гораздо более уважаемый и почтенный ранг ретро-героев. Но неожиданная смерть Андрея поставила точку в этой истории. Мы, правда, и после этого несколько раз потрянули стариной, но это всё для души.

Итак, что в сухом остатке?

Двадцать лет, в течение которых группа являлась для меня самым важным, да пожалуй, и единственным смыслом жизни. Причём независимо от статуса и уровня – от девятого класса до момента завершения. Хотя, повторюсь, момента как такового и не было.

Сейчас трудно односложно сказать, правильным было решение о роспуске или можно было ещё посражаться? Это, кстати, одна из тем, которая периодически всплывает на наших первофевральских встречах. Всё произошло, как произошло. Последующая жизнь вроде как успешная, удалось поднять и долгие годы держать артистический футбольный клуб «Старко» (об этом, кстати, уже написана книга «Звездобратия»). Но все годы мысль о реальном воссоединении из головы не выходила, к тому же все были на расстоянии телефонного звонка. Поэтому я и заплакал навзрыд, когда позвонила сестра Андрея Родина и сообщила страшную новость. Меня в тот момент пронзила простая,

но неумолимая мысль – мы уже не соберёмся никогда. Скорее всего, что и так бы не собрались, но мысль о том, что это можно теоретически сделать в любую секунду, если не грела, то, по крайней мере, давала спокойствие.

Не менее страшная и в то же время естественная истина, что Родька открыл эту дверцу и стал первым в шеренге, где он теперь далеко не одинок. Лёша Киселёв, Андрей Егоров (Буба), Евгений Вокаль, Александр Суздаев, Александр Мартынов (Кочум), Владимир Занин, Андрей Якубов. Надеюсь, им там не скучно. По крайней мере, состав набирается. Если кого не хватает, мы рано или поздно дополним.

Прошли, вернее, промчались годы, вместившие в себя несколько эпох. Лихие 90-е, шальные нулевые, вдруг, ставшие серьёзными десятилетия. Мы, такие юные, классные, умные, современные, честолюбивые, перспективные, как-то незаметно перешли в разряд вчерашних брюзжащих, консервативных, по сути уходящих. Всё правильно – мы когда-то тоже выпихивали из жизни впереди идущих.

Сменились критерии, приоритеты, система координат. Я сейчас не о музыке.

Наш учитель математики, каждый раз, браня нерадивого ученика, орал на него долго и не выбирая выражений. Когда же поток ругательств иссякал, он безнадежно махал рукой и с горечью говорил: «Тебя с такими знаниями даже в Плехановский не возьмут». А сегодня это величается Академией и пол-элиты оттуда. Эпоха глобального обмана, где верховодят в разных профессиях люди, безо всяких оснований провозгласившие себя лучшими.

Здесь странное существо по имени Сергей Зверев, здесь же модельер Валя Юдашкин, профнепригодная Анастасия Волочкова и многие-многие-многие, как говорится – от бессилия своего бесстрашия. Это не хорошо и не плохо, это – данность.

Если же о музыке наших дней, то она перешла из категории знамени эпохи и символа поколения в разряд культурно-бытовой атрибутики, сферы обслуживания, которую можно слушать или не слушать и которая, по сути, мало кого интересует.

Явления исчезли – остались только формы, поэтому весь спектр жанров, от хэви-метала до попсы, не несёт никакой нагрузки, кроме развлекательной, и не ставит иных целей, кроме как зарабатывать. Такое время. Нам повезло – мы жили в другое.

Допускаю, что мы становимся придиричмы и ворчливы. Ведь искусство существует изначально для того, чтобы нравиться. Потому что, именно общество содержит армию актёров, музыкантов, художников, поэтов и пр. Мы ведь не сеем хлеб, не качаем нефть, даже не во-

дим поезда. Можно рассуждать сколь угодно о культуре, о духовности, о гениальности или бездарности, но, ещё раз: все мы – нахлебники, нас содержат за выполнение заказов общества. В советские времена считалось важным продвижение идеологии через литературу и кино. Вот и существовали тысячи писателей и миллионы книг, которых никто не читал (за редким исключением), причём весьма безбедно, как и киношники. Да, некоторые фильмы не пускали на экран, клали на полку, иногда даже уничтожали, но перед этим давали средства на съёмку, организовывали творческо-производственный процесс, и каждый свои деньги в любом случае получал. На западе по-другому, в современной России по-третьему, но суть не меняется: платят за то, что нужно, и тем, кому нужно.

Можно упростить. Перенесёмся на несколько тысячелетий назад, нафантазируем ситуацию, в которой вернувшиеся с тяжёлой и долгой охоты на мамонта с добычей, еле живые от усталости, сели наконец с жёнами и детьми вокруг костра, наелись до отвала мяса, запили каким-нибудь, только им известным дурманящим напитком – и что?

Вечер и ночь впереди, а ничего не происходит. Скучно. Вдруг кто-то из охотников, не самый мощный и отважный, встаёт и начинает сначала издавать горлом какие-то неестественные звуки разной высоты и длительности, потом делает несколько движений телом и в конце очень похоже, а может, даже смешно изображает зверей, птиц и самих охотников. Тусовка зачарованно смотрит на происходящее, назавтра просит повторить. Все в экстазе. Вожди, самые сильные и здоровые особи, отходят в сторонку и держат совет. Мол, на охоте толку от этого придурка всё равно ноль, так может приберечь его, а то, не ровен час, медведь задерёт или мамонт затопчет, а никто больше петь, плясать и кривляться не умеет. Так что давайте уравнием его с шаманом. Тот духов гоняет и погоду кличет, а этот пускай развлекает нормальных людей. Так, или примерно так, зародился шоу-бизнес.

Каждый, себя уважающий музыкант, считает себя в той или иной степени недооценённым, недопризнанным, недослушанным, недолюбленным, недовозвышенным. Это нормально. Всех вдохновляет пример Антонио Вивальди, музыка которого была случайно обнаружена и покорила весь мир лишь через сто лет после его смерти. Стало быть, каждый может бодрить себя надеждой, что рано или поздно соберутся потомки наутро после вечеринки и, собирая бутылки, наткнутся на пыльную коробку с плёнками и допотопный магнитофон с зелёным глазком-индикатором. Самый сообразительный сумеет по приколу всё это подключить, и оттуда раздастся такое, что со-

бравшиеся поставят налитые было стаканы на место и долго-долго не смогут произнести ни слова. Главное, чтобы на чём-нибудь было написано, чья музыка. И пойдут эти ребята на радио или куда ещё, и понесут найденное, и прервутся разом все совещания и кастинги, и пустят, немедля, эту запись в прямом эфире без купюр, и замрёт сначала страна, а потом все остальные, а чуть позже вскроются архивы и принтеры, захлёбываясь-перегреваясь, будут выплёвывать диссертации и монограммы для подготовки Всемирной научно-музыкальной конференции: «А что мы знаем про музыку XX века, кроме «Битлз» и Кобзона?...» Уф-ф!!!

Слава Богу, что я, как человек объективный и адекватный, об этом не думаю...

По крайней мере, вслух!

Давно позади осталась пора,
Когда мы себя жгли дотла.
Друзья и враги кричат мне «Пора!
Пора вылезать из седла!»
Как много стихов растворилось в крови,
Как много испито вина,
Как часто, забывшись в минуты любви,
Я путал подруг имена.

И в жизни букварь устал я листать.
Он мною зачитан до дыр.
Я просто живу, пытаюсь понять,
Зачем я пришёл в этот мир.
Не заперты двери в мой скромный дворец,
Распахнуто настежь окно.
Осколки собрав, из разбитых сердец
Пытаюсь я склеить одно. Но...
Праздник позади!

Песня «Праздник позади» из альбома «Наливай!», 1991 г.

После драки...

Эх, жизнь-комета! Всё промчалось гораздо быстрее, чем думалось в юности. Мелькают юбилейные даты, поражают изменения внешности у друзей, девушки постепенно уступают место внукам.

Хочется успеть рассказать им как можно больше, многое из этого в жизни пригодится, независимо от выбранной специальности и намеченного пути. А если вдруг не успею? А как же бесценный опыт, уйма интереснейших событий, выходы из сложных ситуаций, триумфы и поражения?

Вот и возникло желание всё это зафиксировать. Может кому и согдится. Тем более, вся мемуарная продукция коллег сводится в основном к двум пунктам: какими они были гениальными и как советская власть их душила.

И никто не описал простые и понятные вещи: как начиналось, развивалось и, к сожалению, заканчивалось.

Со всеми (несколько возможно) деталями и подробностями так называемой внутренней кухни: бытовой повседневностью, личными взаимоотношениями, творческими процессами.

И, конечно, со стопроцентной привязкой к эпохе, продуктами которой мы являемся, каждый в отдельности и все вместе.

Я понятия не имею, как пишутся книги и этой свободой распорядился по своему, а именно: постарался максимально погрузиться и по-новой прожить часть собственной жизни, где-то смеясь, где-то грустя, где-то чертыхаясь. Поэтому я старался избегать слова «Помню...» и глаголов в прошедшем времени.

Ещё и ещё раз хочу подчеркнуть:

Допускаю, что кто-то из участников и описантов в чём-то не согласится и даже на что-то обидится. Но, во-первых, как я говорил вначале – это моя книга, я так вижу, мне так запомнилось. Во-вторых: то, как было на самом деле, знают только члены группы и то по-разному. Более того, пройдёт не так много времени и спорить будет некому и не с кем, а редким читателям будет по-барabanу, так ли именно было сказано и то ли именно было сделано. Не Битлз, в конце концов.

Лично у меня после группы всё сложилось. Проект «Футбольный клуб звёзд эстрады России «Старко» существует, и успешно, почти тридцать лет. Связанная с ним благотворительная акция «Под флагом Добра!» спасла здоровье тысячам детей в нашей стране. Мне даже удалось обогатить человечество доселе невиданной международной затеей – придумать и регулярно проводить Чемпионаты мира по футболу

среди артистов, где музыканты и актёры разных стран играют в футбол, дают концерты и опять же помогают собирать деньги на благие дела.

И вот на этом фоне хочу признаться: все годы после распада группы внутри себя я успешно доживаю. Главное, что у меня в жизни было — это «Зодчие». Скорее всего, потому что удалось осуществить, как у Лозы в «Плоту» «...сны и грёзы, и детскую мечту».

Пройти путь от нуля к вершине и обратно. При полном отсутствии дорожных карт, расчётов и понимания сложности этого пути.

Хотя наличие отсутствия и сейчас присутствует.

«Сонет №5»
Шекспира

Послесловие?.. Я тоже так думал

По всем правилам написания книг, особенно событийных, положено писать предисловие и послесловие.

Я так и планировал. Но... каждый раз на наших ежегодных встречах мы, подвыпив, так или иначе касались темы поиграть вместе. Не покидало на подкорке ощущение, что всё-таки что-то не дописали, что-то не доиграли, и вообще рано или может неоправданно распались. Потом расходились, ложились спать и с утра каждый продолжал свою сложившуюся отлаженную жизнь. А вот три года назад вдруг утром не отпустило. Я позвонил Сашке Белоносову, Борису Носачёву и Андрею Артюхову — не поиграть ли нам и вправду?

К тому времени непонятно из-за чего у меня стали опять вырисовываться какие-то задумки новых песен. Получив от ребят неожиданное энергичное согласие, я навалился и закончил два опуса. Собрались на репетицию, получилось очень весело и мы буквально через пару дней сыграли на закрытии фестиваля «Арт-футбол». Приняли хорошо, стали кричать: «Ещё!!!». Пришлось объяснить, что мы исполнили весь репертуар на сегодня.

Но дело пошло. Через год мы выпустили альбом «Злобные старикашки» — 12 новых песен, очень весёлых и позитивных со смешными темами, в лучших традициях старых «Зодчих». И даже после этого не успокоились. Продолжаем писать новые хиты, поймав и уже осознанно исходя из постулата, что не надо никого учить жить, не надо приглашать постигать богатый духовный мир автора, не надо брюзжать и противопоставлять прошлую жизнь нынешней — она всё равно одна. А вот заставить людей улыбнуться, наполнить их оптимизмом, создать новые песни в старой, привычной для них, музыкальной эстетике —

это к нам! Состав сегодняшних «Зодчих» — Юрий Давыдов (бас-гитара, вокал), Александр Белоносов (клавиши, вокал), Андрей Артюхов (гитара, вокал), Юрий Павлюков (ударные).

...Чувствую, не за горами второй том истории группы, а может и нашей жизни. И не будет никаких причин его сжигать.

А пока новые песни.

*Юбилейный концерт
(2007 г.)*

*Альбом
«Злые старикашки»*

«Глядь!!!»

*В 10-м «Б»
не слушали «Любэ»*

*«Зимняя ночь
в Москве»*

«Руки в боки»

Без комментариев...

А теперь комментарии всех, кому не лень
(то есть буквально тех, кто не поленился и разродился)

Некоторые участники событий разродились комментариями и дополнениями, за что я им безумно благодарен. Оставляю их без купюр:

Юрий Лоза

Я познал пока «цыганил»
Быт эстрадных коллективов,
Где на каждого с мозгами
Трое-пятеро кретинов,

Где одни и те же спины
В бесконечных переездах,
Где не пьют до половины,
Где «весёлые» болезни
Шприц прокипятив в стакане
Лечат в номерах гостиниц
С бравой сотней тараканов
И углами в паутине.

Бабы, музыка и шмотки –
Обсуждаемые темы.
Жизнь, разбавленная водкой.
Жизнь, закованная в стены...

Быстро времечко бежало, –
Бестолково, нерадиво.
И мне нравился, пожалуй,
Быт эстрадных коллективов.

Алексей Зимин

Всё никак не успокоюсь!

Что получается?

Мы юность свою положили на алтарь виа-музыки.

Ходили на репетиции, как на работу, преодолевали массу трудностей тогдашнего времени, дефицит всего, отсутствие денег, аппаратуры, в т.ч. домашней! Причем, о коммерции даже не помышляли!

И ради чего? Хотелось своей музыки и достижений в ней!

И мы их добились! Победа во Всероссийском конкурсе Худ Сам, с вручением медалей Лауреатов! Выступление в КЗ «Россия» с новой песней самой Пахмутовой! Трансляция по Маяку. Съёмка для документального фильма о Пахмутовой! А в консультантах группы солист из самих «Песняров»!

О чем ещё можно было мечтать ВИА-группе художественной самодельности в нашем положении на тот момент?!

И после всего, ты не хочешь даже упомянуть ЭТО в книжке?

Мы что, зря горбатились, таская по конкурсам гробы со светом и звуком?

Может, тебе и не нравится почему-то, то, как это все получилось, и ты имеешь полное право об этом «фи» написать!

Но просто игнорировать(!) такие ФАКТЫ из истории группы, и личной истории каждого участника – это было бы свинством!!!

Кстати, медаль лауреатов за тот конкурс в точности соответствовала по дизайну медали Лаурета любой Гос. Премии СССР!

Я её носил! И однажды на улице ко мне пристал мужик с просьбой продать её!!!

У меня есть ещё, что добавить – возразить по поводу твоих текстов «из раннего», но это – главное всего!..

* * *

И ещё о достижениях.

Например, никогда не забуду наше выступление в Болгарской поездке на каком-то заводе, для труженников.

После заключительной «Александрины» нам устроили овацию минут на 5-10! Ты говоришь, сейчас уже трудно это доказать! Ну да – а зачем?

Мы это испытали, и это безусловно, повлияло на нашу жизнь и самооценку группы в целом! Даже последующий концерт в Софии, в зале ЦК БКП вместе с Народными артистами Болгарии оставил меньше впечатлений! Хотя, это тоже круто для 20-летних пацанов, сэлф-мейд пацанов, а не «дядиных» «фабрикантов»!!! Ну, не зря, получается, колотились... Вспомни, ты сам недавно сказал – это всё ОТТУДА!!!

Теннадий Тордеев

Звонок раздался ночью. Вот так всегда – в кои-то веки лёг пораньше...

– Да. – Это Юра Давыдов, руководитель группы «Зодчие». – О, привет, Лоза у вас поёт? (Спросонок я бываю неадекватен). – У нас. А Вы знакомы с Лозой? – Ага. По Саратовской филармонии. «Шестеро молодых», «Интеграл». Вместе служили, так сказать. (Умолчал, что Юрий Эдуардович немного побыл у меня в гостях, когда, уволившись из «Интеграла», приехал «покорять» Москву). – Ясно. – А ты по какому поводу? (Я незнакомым людям не тыкаю, но тут уже понесло) – По поводу поиграть вместе...

Так началось моё семилетнее плавание. В музыкантской практике часто приходится попадать в команды, которые находятся либо в начале карьеры, либо на её излёте. Здесь всё было если не в начале, то «в процессе». После прослушивания Давыдов таким «руководительским» тоном, как он это умел уже тогда, сказал: «Ну что, договоримся на год? Работаем, не разбегаясь». Я ответил: «Конечно». И в моей трудовой появилась ТЮМЕНСКАЯ филармония.

Незамысловатые по графику и быту гастроли – Тюменский север. Города, городки, вахтовые посёлки, удивительные по устройству «отели». Вылет из Москвы ещё летом, прилёт в какой-нибудь Нижневартовск уже зимой. Отработка нормы за два квартала и – домой. Уже из конкретной зимы в позднюю осень. Ранней весной – опять в зиму, а из зимы в лето. «Зодчие» уже тогда хорошо «собирали», исполняли «Плот», «Бабу Любу», но до славы было ещё далеко. Музыканты тех лет помнят, как пересекали по маршруту на городских автобусах в минус 40. А Лоза (да и я) уже видели, что такое забитый дворец спорта. Это была новая река, по которой надо было плыть...

Как-то, буквально за день до вылета на север, позвонил Лоза и сказал, что будем записываться. «А песни смотреть???» – «Завтра». Так я познакомился с Сашкой Белоносовым, замечательным во всех отношениях субъектом, достойным отдельной главы. Утром мы все встретились у него дома и Лоза ознакомил нас с материалом. Процесс записи был так же стремителен. «Студия» тех лет – актовый зал какого-то техникума, оборудование – два хороших бытовых магнитофона. Ну, это уже много раз описано. В общем, с первого дубля мы прописали 10-12 треков (несложных, да), а вечером уже сидели в самолёте. Так появился на свет ругаемый и цитируемый «Концерт для друзей». А мы отправились в очередной поход. Количество концертов росло,

гастроли удлинялись. Мёрзли и летали на вертолётах в экстремальных условиях, а слава была всё ближе. В слякотной декабрьской Москве нас ждал 1985 год! Мой год – год Быка.

Ох, этот год... Всегда бывает очень интересно находиться в стадии «ещё немного – и начнётся». Не скажу, что «как вчера», но прекрасно помню «тур» по московским институтам. Первая статья в «Собеседнике», ироничные комментарии друзей. На фото – серьёзные молодые люди с гитарами, сидящие и стоящие вокруг пианино. И испытание посерьёзней северных морозов – всесоюзная переаттестация ВИА. Государство решило разобраться с музыкальной «пятой колонной».

Все девяносто пять, по-моему, филармоний страны были вынуждены отдать своих кормильцев на заклятие. Не секрет, что ВИА тогда наполняли бюджеты любой филармонии, а наиболее успешные позволяли тащить любые проекты. Но когда это нас останавливало? Идеология – прежде всего! Хотя говорили о «профессиональном уровне». Всем командам дали две песни, все должны были не просто придумать аранжировку, а обыграть это «с выражением». Песня «Если бы парни всей земли» была идеологически выдержанна, авторство её не вызвало сомнений... Вперёд, мальчиши. Все справились по-разному, были даже творческие удачи. У «Интеграла» эта песня даже заняла место в концертной программе. Но вот эту самую программу тоже надо было показывать! Тут, конечно, начались проблемы. Очень многие супер-популярные команды пересдавали экзамен как нерадивые школьники. И в преддверии вот такого адского пекла Юра Давыдов совершил очередной «продюсерский» ход – рок-опера. Причём абсолютно патристическая – шёл год 40-летия Победы. Не знаю, какими путями, но были найдены композитор и либреттист, у которых было то, что нам нужно. Целая огромная байда (так это воспринималось творческими интеллигентами :)), начинавшаяся битвой за Москву, дальше Сталинград, Курская и так до Берлина. Мы подняли эту историю, которая длилась ровно сорок минут и была пронизана патетикой... Да ещё и композитор оказался автором оперетт, а там, как у бардов – такты меняют размер буквально с размером строки. Но – никакой цикличности, Кинг Кримзон не получится, да и стих весь – маршеобразный. Вот такая была битва за статус. Для закрепления эффекта были пошиты полувоенные костюмы и (!) использовалась кинохроника. Специально смонтированная под наш музон. Ровно 40 минут кадров войны, соответствующих исполняемому материалу, и в конце – салют победы. В цвете, американцы снимали. Как Давыдов всё успевал? Он сам расскажет.

Не видел тех знаменитых расстрельных троек времён военного коммунизма, но заседание комиссии по решению наших судеб очень наваяло. Разумеется, их было больше – «Они стояли молча, в ряд, их было восемь» (с). Даже больше. И не все из них выглядели знатоками. Программу мы, с вопросами, но прошли. Даже по мюзиклу были вопросы. Типа: «А почему у вас кинохроника не цветная?» То есть – весь блеск чиновного ума. Но претензии были, и тройка собралась опять. Играли в каком-то институте, Губкинском, по-моему. С публикой. Моя мама сидела над комиссией и наблюдала реакцию. «Я смотрю, он головой кивает. Одобряет, типа. А он, ять, спит». Это война наваяла. Проблема была с песнями, которые не усыпляли. Тут и посыпалось... Там были не только «Не кочегары мы, не плотники» (что само собой разумелось), там ещё и «Плот», и прочее... «Куда и откуда плывёте?» – лейтмотив данного заседания. Причём усердствовали даже не убелённые сединами «мастера», а какие-то сопливые разносчицы корреспонденции. Сопливые – мои ровесницы. Сейчас они давно за свободу, а может, за американцев вышли и поддерживают реальную демократию, но тогда... Ненавижу лицемеров.

Ладно – триллер закончился. Всё было нормально. А в нашей жизни, из залитого потом и кровью музыкантов Малого зала Олимпийской деревни, из замученного и расформированного коллектива «Телефон», появился неординарный и до сих пор до конца не изученный ВАЛЕРИЙ СЮТКИН.

Александр Шевченко

Они спускались по трапу с борта воздушного судна, скользили легко, почти не касаясь ступеней. Первым шёл Андрей Артюхов, с прекрасным, в полном смысле этого слова, гитарным кейсом – коричневым, уклеенным кучей картинок, показывавших весь бесподобно-магическо-интуристический путь его счастливого обладателя. Следом Гена Гордеев, потом Саня Шоболов, далее Родя с Бригадовым, ну и весь коллектив во всем своём великолепии. Замыкал колонну этих, буквально сошедших с неба, красавцев – Сам, Юрий Давыдов(!), укутанный в шлейф бесподобных запахов импортных парфюмов, что незримо оставались властвовать над ступенями опустевшего трапа. Он шёл медленно, чуть театрально, уже слегка утомлёно-недоволен, а посему – величественно-снисходителен. В то время ходить с таким видом могли позволить себе разве что партийные руководители, уровня не меньше областного, заведующие базами ОРСа (отдела рабочего снабжения), ну и, конечно, большие эстрадные знаменитости. Они ПРИЛЕТЕЛИ.

В варёных джинсовках, с импортными плеерами в карманах стильных одеяний, с музыкой в наушниках и остатками пыли европейских проспектов на модных башмаках. Прилетели спасать концерты в туре, который уже трещал по швам. С самого начала «что-то пошло не так». Из заявленных Москвой, а точнее центром Сергея Лисовского, двух исполнителей – группы «Звёзды» с Натальей Гулькиной – экс-«Мираж», как гласили афиши и прекрасного, очень любимого тогда страной, Аркадия Хоралова, на маршрут тура приехали только «звёзды» с Гулькиной и записанной пленкой, под которую коллектив и собирал целые стадионы фанатов, первых ростков Русской танцевальной поп-музыки. «Звёзды» приехали, а Хоралов нет.. Разница по времени с Москвой – плюс шесть часов, мобильной связи нет, десяток проданных под завязку, битковых концертов, на стадионах. Выяснить, где потерялся предоплаченный на 100%, заявленный в афишах, хедлайнер, не представлялось возможным. На все мои вопросы «а где артист-то?!?!», ответом было молчание столичных «звёзд» или натянутые улыбки музыкантов – типа, «ну забухал человек, ну не пустили в самолёт, ну мы то приехали...» Давайте будем начинать тур, а там разберёмся... Ну не побьют же нас сразу? Эх, откуда такая самоуверенность, ребятки??? Это Дальний восток и БАМ, как раз огрести по-полной, ежели кого обманул, там было проще простого.. ну да ладно, чего-то, зашелся в воспоминаниях Я, Ваш покорный слуга, Александр Шевченко. Не буду говорить, что пришлось пережить нам в первые два дня этого тура, Лисовский сказал, что надо продержаться два дня и он пришлёт равнозначную замену, а то и круче, за те же деньги... Отступать было не куда, билеты проданы, да и деньги (штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе, а именно эта контора, и являлась организатором гастролей, там и работал тогда ваш покорный слуга..). потратились уже деньги... в общем – понеслось... Начинали мы с Благовещенска, там пришлось, просто дважды прокрутить пленку с одной и той же фанерой, «звёзды» жгли, что «музыка нас связала», по два стадионных аншлага в день. И, хотя в те времена народ на концерты ходить любил, да и песни у Натальи Гулькиной были ух как на слуху, вопрос со стороны зрителей – а где, собственно, все артисты в этом концерте и надо бы деньги вернуть – уже повис... Ну вот, собственно, почему так долго, я вспоминал это НАЧАЛО – потому что группа, которая приехала на замену Аркадию Хоралову, на третий день тура, это и были «Зодчие». Их, таких нарядных, уверенных в себе, знающих себе цену и толк в хорошей музыке, именно их прислал г-н Лисовский в город, который нас с ребятами познакомил и стал судьбоносным для меня, это уж точно. Это был Иркутск. Мы потом долго с Юрой Давыдовым и другими музыкантами

вспоминали этот тур, много написано и в этой книге. Но одна фраза руководителя нашей музбригады осталась в моей голове на всю жизнь. Когда на первом концерте в Иркутске «Зодчие» вместо нормальной аппаратуры на сцене увидели бутафорский хлам (вот подстава Лисовского, ни нам не сказал, что группа приедет без фонограммы, ни им не сообщил, что ехать надо за хорошие деньги, но играть будет не на чем), так вот, Юрка отозвал меня в сторону и уже едва сдерживаясь, показывая в сторону пустой сцены, произнёс, глядя на меня сверху вниз, эпическую фразу – «Молодой человек, деньги в этой жизни платят всего лишь за две вещи – за работу и за позор, МЫ привыкли получать за работу». Я врубился очень быстро в точность этого определения. Уже утром, в выходной день, я нашёл ребятам всё, что могло звучать в этом городе. И был вечер и был концерт, безумствующий стадион, «Анахой» – «Зодчие», и была ночь после окончания тура, и стихи про Гулькину, и приглашение меня, ленинградского рокера, последователя «Аквариума» в Московскую рок-бригаду, и много-много весёлых и серьёзных историй. Думал, что напишу много чего и вдруг понял, что самое главное – это, наверно, та фраза – не потерявшая, а только усилившая в течение жизни своё значение и актуальность – «деньги либо за работу, либо за позор», очень точно и ёмко. Не знаю, где услышал её Давыдов, имеет право даже сказать, что придумал Сам.. Не знаю, но, как сказал один умный человек – «хорошая шутка не стареет, просто с годами меняет Автора». Улыбаюсь и Радуюсь.. Спасибо Вам, Мужики, Братаны Мои, ЗОДЧИЕ!

Сергей Миров

Гастроли в Киеве в сентябре 1987 года

Вот и все, к большому сожалению
Лен, Оксан, Марусь, Наташ и Зин:
Подает сигналы к отправлению
Железнодорожный муэдзин!

Так всегда бывает с расставанием,
Все – от танцовщиц до секретарш –
Ярославны плачут с подвыванием,
Им привычно вторит старый марш!

А славяне молча ухмыляются,
Стоя у дверей своих купе...
Лишь названия команд меняются:
«Наутилус», «Зодчие», «Любэ»...

От Владивостока до Елабуги,
С полприпева брали города...
Кто мы – полуграмотные лабухи,
Или Трубы Страшного Суда?

Средь чужих остротами не тонкими
Козыряли, всем ханжам назло,
И киргизок путали с эстонками,
Взяв на грудь слегка за полкило!

А с утра бессмысленными троллями
Шли в буфет по стеночке опять...
В общем, то, что звали мы гастролями,
Надо б вакханалией назвать!

Нет, тогда еще не алкоголики.
Просто водка разгоняла кровь,
Чтоб мы занимались, словно кролики,
Тем, что называется «любовь».

Тяжек грех поэта и художника!
Только вот, в один прекрасный день
Лба чьего-то вдруг касался Боженька
И рождалась песня для людей.

Так что, пьянка не до бесконечности,
Да и не до брюха колея,
...Как же были далеки от Вечности
Игорь, Саша, Макс, Андрей, Илья...

Наплевав на мир с чужими сплетнями
Смысл жизни всей держа в горсти,
Были мы почти тридцатилетними,
Тридцать лет тому назад почти.

Профсоюзы, худсоветы, критики,
Комсомол, чекисты, все дела...
Выше денег, девок и политики
Эта музыка для нас была...

И была не просто увлечением:
Взял гитару в руки – ты пророк!
...Кто же наделил вторым значением
Словосочетанье «Русский Рок»?

Бестолковые и волосатые,
Наполняя звуками эфир,
Мы выросли, а Восьмидесятые,
Безвозвратно изменяли мир.

Но гитары, как знамена с древками,
Мы держали из последних сил!
...А прощались не ребята с девками.
Это страны поезд разносил.

И моя, и моя жизнь в искусстве!
(совершенно необъективные воспоминания)

– Миров! Я тут собираюсь переиздавать свою книгу про группу «Зодчие», ты читал?

Знаете, так, как Юра Давыдов, слово «Зодчие» не умеет произносить никто! Я пробовал – не получается. Согласный звук «д» он тянет как гласную, после которой «ч» воспринимается как пруд после высокого барьера, и скаковая лошадь в него, вроде бы, падает, но тут же собирается и уверенно скачет дальше...

– Конечно, не читал! Ты же знаешь: «чукча не читатель, чукча писатель».

– Ну... я там, правда, по тебе прошелся хорошенько, но это не важно. Не хочешь сам написать несколько страничек в новое издание?

Эту пропозицию Давыдов мне сделал в самый разгар коронавирусного карантина, когда литературные изыски были чуть ли не единственным видом деятельности, доступным человеку. Ну, я и согласился...

– Миров! Я же знаю, какое ты говно, а ты знаешь какое говно я. Но собутыльника лучше тебя я тоже не знаю! Давай выпьем, что ли?

А эту фразу Юра Давыдов произнес на полгода раньше, летом 2019, на «афтерпати» юбилейного концерта «Машины», через 30 лет после нашего профессионального расставания, когда мы оба заточили друг на друга не по одному зубу. Вернее, тогда зубы заточил один Давыдов, я-то сделал это чуть раньше и... собственно, именно этим зубом и воспользовался, но мудрый ребе Саша Кутиков тогда сказал:

– Сережа, есть люди, у которых получается мстить, а есть те, кому это делать совершенно не рекомендуется! По-моему, ты – из вторых.

И ведь он тогда оказался совершенно прав!.. Но уж давайте по порядку.

– Миров! Приходи работать в группу «Зодчие» (ах, как же вкусно, многозначительно и ярко он это слово произносил!)! Режиссером, конферансье, шоуменом, автором... Я тебя приглашаю!

И вот это приглашение состоялось в сентябре 1987 года, у меня дома, когда мы с Юрой офигачили пару литров кошмарного коньячного самогона, присланного мне откуда-то с Кавказа...

Только я здесь опять забежал вперед самого себя, надо бы, все-таки, с самого начала!

Дело в том, что уже года с 70-го я был знаком с Валерой Сюткиным. Мы оба жили в районе Покровских ворот и учились в соседних школах с одной только разницей: моя школа была из, типа, «элитных», так что учеников, против фамилии которых в классном журнале стоял приговор «еврей», в моем классе было пять штук. А уж полукровок, вроде меня – каждый второй!

Валеркина же школа собрала, казалось, всю окрестную шпану... И, естественно, что любимым развлечением люмпен-пролетариев из Сюткинского класса было приходиться к нам в переулок и, засучив рукава, «спасать Россию».

Сам Сюткин к числу малолетних бандитов не принадлежал, да и жил он в одном дворе с тремя моими одноклассниками, что позволило ему уже тогда проявить свой недюжинный талант «всехнего друга» и быть переговорщиком меж двумя извечными российскими лагерями – славянофилов и западников.

Однако, прошли годы, мы все взяли в руки гитары, и отношения с Валерой сблизились уже на этой почве: когда в 1982 году моя группа «Город» стала лауреатом рок-фестиваля в Долгопрудном, я включил авторитет и поспособствовал приглашению Сюткина с его группой «Телефон» на следующий фестиваль. Выступил он там весьма лихо, и кто-то из филармонических рекрутеров сразу же пригласил его со всей группой на профессиональную работу. «Город» же довольно скоро рассыпался, и я весь окунулся в театр и учебу в Театральном Училище имени Щукина.

Думал я тогда, что рок-период моей жизни закончен... Хренушки!

Возвращаясь к музыке, должен сказать, что именно Валера Сюткин является родоначальником московской ветви жанра «стёб-рок», который в 80-х годах позволял любой группе стать популярной, даже если ее члены вообще не умели ни играть, ни петь. Вспомните, хотя бы, Серегу Крылова или полный кошмар Андрея Лукьянова под названием «Окно».

Гласность же, перестройка же, значит и правду-матку можно же!

Совсем незадолго до этого Юра Давыдов, решил избавиться от лапотно-посконного бренда «Гуслияры» и взял псевдоним «Зодчие», по названию действительно сильной поэмы Дмитрия Кедрина, собираясь в угоду новым веяниям слегка надрезать ту самую историческую правду-матку на патриотическом фронте. Но... правда-матка под этим со-

усом хорошо заходила только продвинутому начальству, а отнюдь не зрителю, так что, пришлось задуматься, а как же кассу-то делать?

И вот тут Давыдову подвернулся Юрий Лоза, которому сильно поднадоели эстетические изыски Бари Алибасова. Он ушел из саратовского «Интеграла», перебрался в Москву и выпустил хулиганский альбом «Примус», моментально ставший популярным.

Ну а вслед за Лозой в группу «Зодчие» был приглашен и Валера Сюткин с кусочком «Телефона» по имени Андрей Артюхов.

Вот так и возникла программа «Путешествие в Рок-н-ролл», составленная из песен Сюткина и Лозы, которую «Зодчие» сдавали художеству не где-нибудь, а в Доме Культуры МИНХ и ГП, где я тогда базировался со своим театром.

Знаете, а это было тогда реально весело! Правда, к музыке не имело никакого отношения, но кого это волновало?

И вот, нафига же на самом пике популярности группы «Зодчие» я оказался нужен Давыдову – ума не приложу!

Впрочем, приложу.

Вернее, догадываюсь, почему меня тогда порекомендовал Валера. Дело в том, что летом о своем предстоящем уходе заявил Лоза, и всем стало понятно: с этим событием многое изменится.

Валера собирался использовать мой режиссерский потенциал в направлении придумок разных приколов, написании текстов к будущим песням, а также временном затыкании мною той огромной дыры, которая должна образоваться с уходом из группы будущего популярного социального блоггера и бескомпромиссного музыкального критика Юрия Эдуардовича Лозы.

Первый месяц я покатался с ними по гастролям в качестве наблюдателя, что называется «вникнул в материал». Через неделю Давыдов сказал:

– Миров! Ты у нас режиссер, или где? А ну, давай, улучшай нам программу!

О, я был готов к этому квесту! И на следующем же прогоне программы перед очередным концертом (да, да! Раньше музыканты репетировали перед концертом! Хотя... когда же еще им было репетировать? Так удобно – целую неделю, а то и больше, в зале стоит настроенная аппаратура, ну и что мешает прийти за пару часов до начала и поработать?) я взял в руки бразды правления:

– Значит так! Сначала сценические образы: Юра, тебе лучше надеть берет и шарф, Андрей – что угодно, но только не эти желтые штаны. Геша, чуть-чуть побольше любви к зрителю, а тебе, Саня, очень бы не помешала широкая шляпа. Теперь по движениям: вот здесь нужно качаться синхронно, в такт...

Ну и еще несколько указаний такого же рода, в полном соответствии с системой Станиславского. Первые десять минут ребята смотрели на меня с интересом и даже пытались следовать моим указаниям, а потом переглянулись, и Давыдов решительно молвил:

– Миров, иди ты в жопу со всей этой хренью и не мешай: нам тут самое главное – в долю попасть!

Лоза, конечно же, во всех этих экзерсисах никакого участия не принимал, ибо уже был «на дембеле».

Ну а когда он, таки, ушел...

– Миров! Завтра вылетаем в Ворошиловград, так вот: возьми с собой гитару!

Более суровой школы мастерства я в этой жизни еще не имел. Представляете: 38 концертов за 19 дней в разных городах и станицах Ворошиловградской (ныне Луганской) области, где повсюду расклеены афиши: «СОЛИСТ ЮРИЙ ЛОЗА!»

И вот, мне нужно выходить на сцену между двумя отделениями и держать публику, купившую билет «на Лозу», как минимум 20 минут, чтобы ребята успели отдохнуть, переодеться... да и вообще, чтобы дотянуть хронометраж до необходимых полутора часов!

Уж не знаю, как я выжил первые 5-6 выходов, но однажды я... скорее даже не услышал, а почувствовал аплодисменты, и на 20-м концерте мне кто-то вынес букет цветов, что вызвало у Давыдова удивление и даже какую-то мелкую обиду...

На последнем, «зеленом» концерте «Зодчие» уже подвергли меня традиционному испытанию, а именно, попытке «расколоть», всей группой выйдя на моей песне на лыжах...

Выжил.

И свой блок песен сохранил на все полтора года работы в «Зодчих».

С тех пор знаю: нет такого зала, который невозможно «взять».

А дальше пошла нормальная работа в крейсерском режиме. Мы придумали еще несколько комедийных номеров, в основном подражая питерскому «АВИА», и в процессе работы придумалась некая «фишка», когда мы с одним из рабочих сцены, Женькой «Батоном» Яковлевым, стали изображать «толстый балет», выходя на подтанцовки к нашим двум солистам: Валере Сюткину и Андрею Родину.

Успех был ошеломляющий, тем более, что и Батон случайно оказался парнем весьма пластичным и артистичным. Ну а наша публика всегда обожала балаганные зрелища... Для полного фурора не хватало только, чтобы с нас падали штаны!

Ну, ничего, потом и это мы с Сюткиным наवरстали, только уже выйдя из состава «Зодчих», образовав Большое Русское Поп-трио «Фэн о'Мэн»!

Ну а как же это так вышло, как же мы предали родную команду?

О, это особая история! Дело в том, что за несколько лет перед этим у меня выстроились довольно теплые отношения со Спортивным отделом МГК ВЛКСМ. Я неоднократно выезжал на различные соревнования в так называемой «группе поддержки», правда, самой дальней поездкой был город Каунас, но вдруг, весной 88-го года мне опять позвонили оттуда и... предложили в составе все той же группы поддержки поехать на Олимпиаду в Сеул.

Вау!

Я конечно же согласился, и радостно сказал, что сейчас работаю в группе «Зодчие», и эта группа уж как нельзя лучше может сделать ВСЮ культурную программу для нашей команды! Спортсмены радостно возбудились, и на следующие переговоры я пришел уже вместе с Давыдовым.

Ну... что я могу сказать... «Зодчие» на Олимпиаду, конечно, поехали, но уже без меня, заполнив всю квоту из 6 мест.

Я и обиделся. Впрочем, обида моя не выражалась ни в чем, кроме двух позиций: я перестал сдерживать свои эмоции в разговорах с Давыдовым и... вместе с Валерой Сюткиным стал готовить программу для нашего нового проекта.

Дело в том, что я уже много лет был дружен со студией звукозаписи МДМ, а именно с ее руководителем, саунд-продюсером Игорем Замараевым, и композитором-аранжировщиком Иваном Евдокимовым. Ну и вот, в течение следующего года мы с Валерой написали и записали целый альбом, нахально назвав его "Caviar Malosso!".

Настала пора уходить в свободное плавание! Валера мне тогда сказал на каких-то гастролях:

– Серега, я знаю, как ты любишь Давыдова за его манеру общения. Давай, я ему сам скажу, что мы уходим, но – по твоему сценарию! Выбери, когда и где это лучше сделать!

Честно говоря, я не помню своего выбора, но помню, что лицо у Юры в тот момент было правильное. Как говорят – «то что надо!»

И вот здесь я и вспомню Кутикова...

Ведь ровно в такую же яму, как вырыл для Давыдова, я и сам угодил через неполных два года!

Проект «Фэн о'Мэн» должен был выйти на международный виток, и мы поехали в Голландию, записывать альбом с тамошними продюсерами, но... Валера Сюткин так и не смог освоить вокал на английском языке и сильно расстроенный этим, надолго «ушел в себя», а вышел оттуда уже в составе группы «Браво».

И все бы ладно, я ведь понимаю, что на эстраде – каждый за себя, но Валера в суете событий, видимо, забыл, что песню «Я – То Что Надо» мы написали с ним вместе, еще для «Фэн о'Мэна», вот только записать

не успели. Более того, заглавную фразу, тот самый «шлягворд», который впоследствии стал валеркиным брендом, я вбил в ему качестве припева буквально насильно, заменив предлагаемое им «я – мафиозо!»

Ну, что ж – забыл, так забыл... Ну, конечно же, просто забыл! Как же иначе-то?

Но как же прав был Саша Кутиков! С тех пор слово «отомстить» для меня стало просто запретным.

Или... я сейчас опять взялся за эту фигню?

Андрей Артюхов

Моя история о том, как я попал в группу «Зодчие»...

Всё началось с того, что в далёком 1979 году, промозглым ноябрьским вечером, я и мой друг Юра Карякин, оказались в центре Москвы, в знаменитом доме с «Рабочим и Колхозницей», тот, что в Подколокольном переулке, в квартире Валеры Сюткина. Мы тогда с Юрой играли в самодеятельной группе, которая переживала не лучшие времена. Нам был нужен вокалист, т.к. я не очень справлялся с этой задачей. Юра нашёл адрес своего однополчанина, который запомнился ему как «очень способный парень». И погнало у него было соответствующее – Фарнер (а тем, кто не знает или забыл, это очень яркий гитарист-вокалист из группы Grand Funk Railroad – Марк Фарнер). Так вот, мы без приглашения, как тогда водилось, и навелили «старого армейского друга». Валера оказался человеком открытым и приветливым. Был он в ту пору вполне себе успешным работником «общепита» и с музыкой своё будущее никак не связывал. Но выслушав нашу историю, принял предложение легко и без оговорок, что нас очень порадовало! Так началась история группы, впоследствии ставшей известной группой «Телефон». Много чего прошли и пережили мы в этой дружной группе: концерты на больших площадках и в откровенных «Красных Уголках», «Физтех» и записи двух альбомов. Но однажды всему приходит конец.... Страна не нуждалась в таком количестве всяческих ВИА (как официально нас тогда называли), и придумала «иезуитскую» казнь всем, кто решил, что можно петь свои песни для большой аудитории и им за это ничего не будет. Нам выдали задание: выступить перед «высокой комиссией» с песнями советских (читай разрешённых к исполнению) композиторов. А песни эти были, ну совсем не «ска» и не «рок-н-ролл», который мы так весело исполняли. «День Без Выстрела» (тогда она звучала на всех Парадах Победы, в исполнении И.Д. Кобзона) и «Если Бы Парни Всей Земли» – официальный гимн Фестиваля Молодёжи и студентов в Москве, в 1957 году, в его же исполнении. (Понимаете, откуда «по-

дуло»?). Конечно, мы очень постарались, даже проявили техническое новаторство, вставив в «Парней» партию японской драм-машины (!) «Асе Топе» (мы смеялись над её названием – Ацетон...). Но нас, как выяснилось потом, уже приговорили. Уж слишком ярко и весело мы пели про своих «Льва Абрамыча и Сулейман Сулейманчыча». Это был конец... Ужасный. У всех участников дети малые, а у нас, ну никаких перспектив. Ещё и с этим «волчьим билетом». На дворе был хмурый декабрь 1984 года. Пять лет группы пролетели, как волшебный сон...

Но, как говорится, нет худа, без добра. После нашего прослушивания Давыдов, зная, что наш «Телефон» закрыли, пригласил Валеру в «Зодчие». Этот шаг, как потом оказалось, через полгода дал и мне шанс выйти из тупика поисков.

Летом 1985-го, когда участники «Телефона» уже окончательно разошлись в поисках хлеба насущного, я попросил Валеру связать меня с Юрой. И хотя Валера предупредил меня, что вакансий в группе нет, встречу организовал. Встретились мы в Сокольниках, на лавочке. Он без долгих прелюдий, выяснив, дружу ли я с техникой и звукорежиссурой, предложил мне вакансию звукорежиссёра. Я ответил, что – СОГЛАСЕН! ;). Это была удача! К тому времени я устал мыкаться в поисках работы. Первый концерт прошёл в д/к «Трёхгорка». Всё прошло очень удачно, ребята остались довольны моей работой. После концерта мы все вместе (и я – уже как полноценный член группы) отправились к Генке Гордееву, отмечать его День Рождения. Там, за «рюмкой чая» мы подружились окончательно. Весной 1986-го, появилась вакансия гитариста, а моё место за пультом занял великолепный Коля Лучин (Лу́ка). История продолжилась... «Разноцветный табор» покатился дальше. Ребята в группе были отличными музыкантами и надёжными друзьями.

В гастрольном быту того времени было много забавных вещей, которых сейчас просто не может быть! Вот представьте себе, въезжаем мы в гостиничный номер советского образца. Это довольно унылое (за редким исключением) место. Всё очень по-простому и функционально. Иногда, просто безобразно. А нам тут жить дня три, четыре, пять...! Нам часто организаторы и администраторы гостиниц говорили: мол, да какая вам разница, вы переночевали и дальше! А ведь у нас вся гастрольная жизнь из таких «дыр». И это не улучшает настроение. Вот мы и старались обустроить свой быт, как могли. Генка, к примеру, возил с собой проигрыватель(!) пластинок и пачку этих самых пластинок. Это было нечто! За то музыкой мы были обеспечены! Я таскал с собой плитку, кухонные снасти и вечером, после долгой дороги с концерта, нам было на чём приготовить себе еду. Вот не было тогда

ночных баров и лобби в фойе. Сейчас себе такое даже трудно представить. Однажды, заехав в одну из таких унылых гостиниц, с такими же унылыми номерами, я обнаружил, что люстра, с пятью плафонами, заросла пылью и три лампочки в ней не горели. Меня это настолько расстроило, что я не придумал ничего лучше, как снять её с потолка, промыть с хозяйственным мылом, высушить, сходить к администратору (не «к ресепшену», как сейчас стали говорить, прости Господи...), взять лампочки, вкрутить, и водрузить её на «законное» место! «Моя» люстра засияла! Это нас очень повеселило! Но представьте себе, занюханые, прокуренные номера и выдавшую виды мебель. Вот к примеру, в тюменской гостинице «Восток», на внутренней дверце такого «ушатанного» шкафа была надпись шариковой ручкой: «Если ты не слаб в коленках, то женись друг на тюменках!» А!? Каково!? Уже позже, когда нас «оценили» и статус группы поднялся, номера стали заметно лучше.

А ещё был Афган. Эта поездка была очень наполнена впечатлениями и историями. Рассказывать их, это целую книгу можно написать. Упомяну лишь самые яркие.

Летим не гражданским, а военным «грузовиком» Ил-76, который вёз тележку шасси для поломавшегося при посадке в Кандагаре такого же ИЛа. При посадке произошла ситуация, с одной стороны напряжённая и в то же время забавная. По инструкции, мы должны были на большой высоте прийти на аэродром, встать над ним в круг и по довольно крутой спирали осуществить снижение, не выходя за рамки аэродрома. У земли, встав в круг, кружат два Ми-24, отстреливают тепловые ловушки и выглядывают бородачей с их «Стингерами». Так вот, когда мы вышли в точку, наш штурман, прикинул к оптической трубе, той, что смотрит вниз. Он должен дать пилотам команду на начала спуска. А он землю не видит. Аккуратно под нами встало большое плотное облако. Время идёт, тепловые ловушки у вертушек на исходе, все на нервах. Промахнуться нельзя, выйдем из зоны, а это очень опасно. Наш спец, весь в напряжении и всеми словами «по-матери» обласкал это облако. И вот, на мгновение он увидел ориентир. Команда: «Пошёл!». Я сидел в кабине рядом с ним – это прозрачный носовой кок. Обзор шикарный! Так вот, пилоты так лихо вошли в спираль на этой машине, что если бы я в прошлом не выделял пилотажные фигуры, то точно бы обделался. Я тогда очень не позавидовал нашим ребятам в отсеке. И хотя экипаж заранее всех «пристегнул», это было очень «феерично»!

Там и случилась та весёлая история, что Давыдов рассказал читателю. Пришла телефонограмма. В ней приказ: «Срочно вылететь в Ка-

бул», там для командования 23 февраля должен был состояться главный концерт. И мы – «гвоздь программы». Дело было в ночь. Лететь часа два вроде. А духи пасут, всё что летает, с «особой любовью». У них большие премиальные, за любой борт. Так вот. В небе, как назло, ни облачка. Луна – лампа дневного света. Всё видно, почти как днём. Наш Ан-26 (грузовик), быстренько, как положено, «свинтил» сверху на точку. Подрулил к стоянке. Мы со своим скарбом, стоим, ждём команду. Открывается задняя аппарель и с неё спрыгивает молодой бортинженер. «Проходим, не сутулимся...» Шучу. Пригласил он нас внутрь, ну мы заходим, а всё без света, ибо дух не дремлет, с гор пасёт движение. Ба, а тут десантные сиденья-чашки, для «поджопных» парашютов. Ну и парашюты в них, как положено. Я-то эту систему знаю, два года на них «отсидел», а остальные нервничают. Я их подбадриваю, мол, всё ок! Система надёжная! Устроились, парашюты подогнали, пристегнулись, а тут опять вышел к нам наш «ангел-хранитель» и инструктаж нам устроил. Коротенький такой. Мол, если какая-то «опа» случится, я мол, аппарель открываю и что бы вас тут через минуту никого не было. Парашюты на принудительном раскрытии, так что, выпрыгиваем смело. А там, как земной тверди достигните, сидите на месте, не рыпайтесь, вас найдут и подберут! Иначе, или на мину нарвётесь, или к духам забредёте. Что не лучше. Однако, перспектива. Что я тогда подумал, точно не помню. Видимо, во мне сработал какой-то, как мне показалось, рациональный рефлекс. Прикинул, сидеть в горах в ожидании спасателей, а на улице напомним февраль, холодно. Нужно чем-то подстраховаться. У меня в дорожной сумке тёплые шерстяные носки с собой были. Как долго сидеть? Значит, захочется что-нибудь перекусить. Там же в сумке, кружок «Краковской» колбасы. (А как же без НЗ!). Ну и, если всё остальное барахло сгинет, так сказать по «техническим причинам», то пока будем домой «налегке добираться», неплохо взять с собой бритву и зубную щётку! Мы ведь «джентльмены»! Видимо, как-то так я тогда рассудил. Так вот, я говорю пилоту: «Минуточку!» Встаю с места, иду к нашему багажу, и перекладываю намеченные предметы в наплечную сумку, которую плотно подогнал на груди. Деловито вернулся на место, пристегнулся: «Готов!». И вот тут, вся наша команда, которая только что молча и с недоумением, наблюдала за моими пассажами, сорвалась на хохот! Ну что тут скажешь. Разрядил нервную обстановочку. Ну и то хорошо. А как взлетать начали, по спирали с набором, так строго по расписанию, по дневным разведанным, грянула батарея «Акаций» (гаубичная артиллерия калибра 152 мм). Ударная волна от залпа, так тюкнула по нашему самолётику,

что мы уже собрались прыгать.... Подумали, что «Стингер» прилетел. Нас успокоил наш добрый друг, бортинженер.

Был ещё забавный случай. В Кундузе нас повезли в «торговый центр». На самом деле, это была круглая, выжженная солнцем центральная площадь, по кругу которой стояли местные глиняные дувалы («Бутики»), спинами своими уходящие в дремучие дебри местного, опалённого солнцем мира. Так вот. Наш кортеж из автобуса и двух БТР, подрулил к одному из таких лабазов. Нам его отрекомендовали: «Это самый толковый, наверняка тут найдёте то, что вас интересует». Командир нашего сопровождения дал команду развернуть башни в его сторону. Не знаю, обязательно ли так нужно было? Но, не наши правила, не нам их менять. Мы вышли из автобуса и прошли внутрь. После такой «демонстрации», нас встретили настороженно, но «приветливо». Прилавок – «ёлка новогодняя»! Всё блестит, сверкает, а подошли ближе – мишура. Всё так и дышит «самопалом и подлипоном». «Чем обязаны, что есть, да всё такое...» толкаемся у прилавка, вопросы задаём. Я смотрю, бача (мальчишка) местный, уже ко мне в сумку «устроился» и давай оттуда тащить то, до чего рука дотянулась. Я цап его за руку: «Стой, пацан, мне магнитофон-двухкассетник нужен, тащи его, если есть, вот тогда и посмотрим, чем тебя отблагодарить!» Он мне: «Шурави! Есть такой, только вон там, в подсобке, пойдём!» Я как зомби, за ним. А проход туда, узкий, средневековый. И в проходе стоит, ну чистой воды басмач, с бородой и такой отвратительной жирной родинкой на носу. Глаза чёрные, как две дырочки, ещё и зыркнул на меня. Я мимо него нос к носу протиснулся, а у самого внутри похолодело! Внутри мрак, лампочка, как свечка. В этих потёмках, второй «басмач» у стеллажей ковыряется. Тут за мной в подсобку, Лука втиснулся. Ну, мы этому второму «продавцу», мол давай, неси магнитофон. Он ушёл куда-то в дальний тёмный угол, пошуршал там, вышел. «Нету», говорит. Я даже как-то обрадовался. Так мне хотелось из этого «зиндана» поскорее выскочить. Что я быстренько и проделал вместе с Лукой, мимо «Хоттабыча». Вышли, а Лука мне и говорит: «Ну, ты, Андрюха, и даёшь! Один в эту дыру полез! Там же тебе быстро петлю на шею соорудят, а пока давить будут, ещё и язык отрежут! И искать их там – бесполезно! Они по этим своим пещерам-проходам, уйдут, растворятся. И никакие тебе тут пулемёты не помогут!». Бррр... Так-то вот.

В это время на площади, к Надежде (супруге Давыдова), сватался «бачонок», мальчишка лет 12-13.

–Эй, ханум (женщина, стало быть)! Выходи за меня замуж!

Она ему, отшучиваясь: «Да у тебя денег нет, чтобы меня содержать!».

– Это у меня денег нет!?

«Жених» сверкнул чёрными глазками и гордо вывернул хорошо оттопыренные карманы штанов наружу. А там, в каждом штуки по три-четыре толстых «гангстер-ролла» местных денег! Да уж, «богатый жених»! Правда, эти местные деньги, «афошки», почти ничего не стоили.

После были и другие, не менее интересные гастроли. И куча впечатлений. Я не буду их описывать, иначе это получится книга в книге. Читатель найдёт многие истории о них, в рассказах других участников. Важно одно. Как бы нас не «испытывала» действительность, мы никогда серьёзно не ругались. Всегда находили компромиссы и решения. Поэтому моё путешествие под флагом «Зодчие», продлилось почти шесть лет. В декабре 1990 года я и мой друг Генка, приняли решение покинуть группу. Да, к сожалению, в жизни творческих коллективов наступает момент, когда нужно что-то поменять. Но наша дружба продолжается и сейчас. И вообще, я считаю, мне очень повезло, что всё так сложилось.

Александр Белоносов

Честно говоря, ковыряние в прошлом не доставляет мне особой радости, за исключением тех случаев, когда происходило что-то очень замечательное. 1984-й год в этом смысле можно выделить особо, потому что именно он определил развитие событий в моей жизни на долгое, долгое время. Впрочем, я буду краток. Завершив в 1984-м очное обучение на факультете прикладной математики МИЭМ и став дипломированным специалистом в области шифровального дела (криптографии), я принялся записываться в магнитоальбомах со всеми моими многочисленными друзьями и знакомыми, играя на синтезаторах, подпевая и напевая, и записей этих за год набралось уж точно не меньше 10, - это были альбомы Юрия Лозы, Валеры Сюткина и его группы «Телефон», Сергея Жарикова и его «ДК», и таких групп как «Альянс», «Форум-Москва», «Команда 01», «Фокстрот», «АБЦЕ», и много чего еще, что я уже и не хочу вспоминать. Помню, однако, что от чего-то я даже отказывался, например, получив кассету с домашними записями песен Александра Башлачева, который тогда только объявился в Москве, и искал, кто бы поучаствовал в его первом альбоме, я понял, что не буду принимать в этом участие, поскольку не почувствовал внутреннего «отклика» на эти песни...

Короче, музыкальная активность новоиспеченного инженера-математика зашкаливала.

Однако идея стать профессиональным музыкантом мне в то время не приходила в голову. Наверное потому, что я не имел ни малейшего представления о том, каково это вообще – зарабатывать на жизнь, музицируя. Поэтому неоднократные попытки Юры Давыдова (с которым я познакомился за несколько лет до этого во время городского конкурса художественной самодеятельности в ДК завода «Серп и Молот») убедить меня влиться в группу «Зодчие», которая уже с 1980 года сделалась профессиональным филармоническим коллективом, не приводили к успеху. Несмотря на то, что и Лоза, и Сюткин непостижимым образом вдруг стали ее солистами.

Стать членом группы «Зодчие» мне довелось лишь в 1986 году, и причин для этого было две. Одна – это рождение моего первенца, Мишки, которое заставило меня почувствовать ответственность за выживание семьи. Вторая – абсолютное отсутствие какой-либо приемлемой альтернативы. Ибо идея работать шифровальщиком, и сидеть в офисе КГБ, совсем была чужеродной моим умонастроениям, а какой-либо другой музыкальный коллектив, в который я смог бы влиться, гастролировать с ним, и зарабатывать на жизнь, на моём пути не возникал.

Таким образом, весной 1986 года Игорь Лосев, клавишник «Зодчих», уступил мне место на сцене... и началось.

То, что происходило в коллективе дальше, прекрасно изложено в основном «теле» этой книги, так что я не вижу смысла повторять воспоминания Юры Давыдова, которые весьма подробны, и прекрасно отражают происходившие с нами события.

В 1989 году я ушел из коллектива по причине того, что хотел получить композиторское образование. И – да, устал от бесконечных гастролей. От 500 концертов в год. И мы слишком много времени проводили вместе, в группе. От этого тоже хотелось отдохнуть. Думаю, это всем понятно.

90-е и 00-е годы практически полностью ушли у меня на сочинительство песен и инструментальных пьес. Деньги я зарабатывал аранжировщиком в студии звукозаписи, и сессионным клавишником для различных проектов. Иногда возникали заказы на рекламу, иногда происходили значительные события типа участия в группе «Дежа Вю» Александра Шевченко, или «Ва-Банкъ» Александра Скляра. Изредка писал музыку для кино.

Однако, в 2002-м году была предпринята попытка воссоздания группы «Зодчие». Главным солистом выступил Николай Кольцов, работавший в «Зодчих» на раннем этапе, а инструменталистами были

Давыдов, Гордеев, Артюхов, и я. Поработали мы чуть меньше года, записали несколько новых песен, сыграли несколько концертов, и разбежались по своим углам. Атмосфера того времени не благоприятствовала полноценному «воскрешению коллектива».

Золотой состав «Зодчих» собрался в 2007-м году для празднования 50-летия Давыдова. Мы сыграли праздничный концерт, и снова вернулись на круги своя.

Коренным образом ситуация начала меняться только спустя еще 10 лет. Когда Давыдова вновь «посетила Муза». Но об этом в своём дополнении к книге он расскажет сам.

Сейчас на дворе февраль 2021 года. К этому моменту группа «Зодчие» снова является активно действующим творческим образованием, и за последние 3 года, несмотря на отчаянное сопротивление окружающей нас действительности, мы выпустили полноценный альбом «Злобные Старикашки», на презентацию которого в московском Главклубе собралось больше 2000 человек, проучаствовали в теле- и радио-эфирах, играли концерты, создали свой VIP-клуб, готовим к выпуску второй альбом этого периода творчества, и имеем большие планы на будущее, которые, я надеюсь, реализуются.

С уважением, дата, подпись.

АБ

Николай Соцков (ныне Кольцов)

Как на самом деле обстояло дело в Надыме

1. В день прилёта в заполярный город Надым, директор группы Максим Миссин концертов заделать не смог, по причине занятости киноконцертного зала..., и простойный день, так называемый «День артиста», нужно было как-то скоротать... В местном продмаге для этой цели было приобретено по бутылке питьевого спирта на каждого, и скромная закуска... Буханка серого хлеба, 3-х литровая банка фруктового сока (с мякотью), 2 банки баклажанной икры и баночку зелёного горошка для украшения стола... На улице было далеко за минус 10, поэтому решили не осматривать достопримечательности города, а сразу пошли в вахтенную гостиницу квартирному типу приступить к празднику... В семикоечном номере, именуемом в народе «Семиместный восьмилюкс», из мебели было: семь коек, один стол, и три антивандальных стула (железных, с деревянной спинкой и сиденьем, обтянутых дермантином). Всё начиналось мирно, очень даже дружелюбно, тепло... Так всегда начинается застолье в дружной комсомольской бригаде в день аванса... По мере принятия на грудь спиртяги и окончания

закуски, товарищи укладывались на свои койки, скрипя панцирными матрацами и закуривали, вспоминая о далёком доме и о родных, а те, кто покрепче, продолжали выпивать под бурого цвета водицу из крана в сортире, набранную в гранёный гостиничный графин... Мы с Лозой допили свои пузыри, хотя собирались оставить по половине на завтра, прилегли покурить и поболтать о жизни и о музыке... Но темой беседы, почему-то, стала не разница между Битлами и Роллингами в мелодизме, не мастерство “Led Zeppelin” и “Deep Purple”, и не количество знаков в тональностях, а простая дворовая игра «Дыр-Дыр» в футбол... Мы часто играли, при любой возможности, трое на трое... Довольно удачной тройкой была: Я, Давыдов и Брамс (Саня Абрамов, звукооператор)... Я предложил сразиться Лозе против нас, взяв в их команду Зотова и ещё кого угодно..., благородно пообещав им 5 голов форы... Лозу, как бывшего футболиста юношей «Кайрата», эта перспектива очень возмутила и зацепила за живое, особенно огорчила фора. Но занятая у Зотова бутылочка спиртяги быстро сгладила все разногласия о футболе. Накатив ещё по маленькой, я пошёл к своей койке достать из сумки пачку сигарет и случайно засветил подаренные Брамсом нунчаки. Вовсе не для самообороны, а для развития кистей рук, способствующим игре на электрогитаре... И наша душевная беседа продолжилась очень неожиданно предложенной Лозой темой: «Эффективность холодного оружия в ближнем бою». Лоза убеждал и настаивал на том, что обычный стул гораздо надёжнее нунчаков. Прилично подогретый спором о футболе и второй бутылкой спиртяги, он предложил проверить все преимущества стула над этими буковыми палочками на практике. Я, с детства не боявшийся даже летящей в лоб шайбы, тут же согласился на этот отчаянный шаг. В коридор вышли вдвоём. Я с нунчаками и Лоза с антивандальным стулом, описанным ранее, подушкой и одеялом, до кучи. Встали друг против друга. У меня при виде этого эффективного набора холодного оружия, перед глазами пролетело детство, отрочество, и любимый фильм «Спартак». В нём гладиатор Спартак вышел на арену с одним мечом, против негра с трезубцем и сетью... То ли поразительное, врождённое чувство самосохранения, то ли ангел хранитель помогли увернуться от летящего в голову стула... Стул прилетел прямо в дверь соседней комнаты, где безнадежно пытались уснуть нефтяники... За ним на меня полетела подушка с одеялом... Потом возня... катание по полу... борьба в партере... И трезвый Зотов, наконец-то взявший «гладиаторов» за шкирки, и растащивший по койкам... С Зотовым спорить не решились, в рукопашном он превосходил обоих... Перекурили все обиды, и мирно уснули... Время было 4 утра... Жившие в соседних комнатах нефтяники

благодарно уснули вместе с нами. На следующий день, отработав «НА УРА!!!» два сольных концерта, мы допили начатый пузырь спиртяги и решили в будущем больше не обсуждать за ужином «Эффективность холодного оружия в ближнем бою».

Алексей Зотов

Вопрос – писать или не писать мучил несколько месяцев, поскольку чукча не писатель совсем и соревнования в эпистолярном жанре с признанными классиками Юрием Давыдовым и Сергеем Мирковым обречены на позорное поражение. Но как всегда – мягкие и томные нотки, с привкусом чернослива и ещё чего-то волшебного в голосе Давыдова, заставили сесть за так и не познанный Word. Вопрос простой: какое влияние Давыдова, «Гусляров», «Зодчих» на жизнь мою, т.к. влияние вышеперечисленных явлений на жизнь и культуру России и Никарагуа в целом меня мало волнует.

Давыдов – лидер, мотор, амбициозный и самовлюбленный герой любой бредовой идеи, которая влетает в его голову. Так было в 1976, когда я с ним познакомился и оставался таким же, до моего ухода в 1985 или 86, не помню. 10 лет знакомства и с 1978 совместного творческого проживания – наверно, лучших лет (с 18 до 28) каждого человека. Мы жили ярко, нагло, бездумно, часто только эмоционально и только так. Мы бросили свои дипломы и мой уход в Тюменскую филармонию изменил отношение ко мне моих любимых девушек, которых статус барабанщика ВИА абсолютно не возбуждал и не задорил, как сказал бы наш скрипач Родя. Так впервые я понял, что великую рок-музыку, которой я готов был служить, многие вообще не считают таковой.

Но наша бредовая идея имела такую силу, что такие девушки не могли считаться объектом восхищения и были мною отвергнуты. Попытки сегодня чётко сформулировать эту идею вследствие возраста уже не представляются возможными. Однако Давыдов на мои вопросы по этому поводу до сих пор отвечает внятно и уверенно, он и сегодня, в 64, не теряет формы юности и может засрать любому мозг в любую сторону. Его талант организатора, лидера во всем, его уверенность в своей правоте тогда меня удивляла, потому что я был и остаюсь человеком сомнений. В дальнейшей жизни я часто сталкивался с таким психотипом человеческой личности и понял особенности психики таких людей, но много позже. Именно в этом, мне кажется, лежит причина моих частых уходов-возвращений от/к Давыдову, которая являлась поводом вечных насмешек над Старым Лисом (моя кличка в

группе), которые, впрочем, никогда меня не обижали, но доставляли удовольствие Дядюшке (его кличка), что мне было приятно.

Хочу рассказать, почему окончательно ушел от Дядюшки Дава. Причина главная – функция барабанщика, которую я страстно любил с 10 лет и все мечты, связанные с ней, реализовались. В 28 лет мир вообще оказался немного другим, а мой внутренний мир тем более. Я никогда не жалел, что ушел из барабанщиков, но не ушел из музыки, которая стала для меня всем и за это я всегда с теплотой и искренней любовью вспоминаю Юрия / Юрку / Юру / Юрия Николаевича, влияние которого на всю мою жизнь оказалось безмерным и именно благодаря ему я такой счастливый. Все склоки и базары молодости для меня ничто, я чувствую и помню только хорошее. Огромное спасибо за все, что он сделал для меня, абсолютно не зная об этом. Я ему всегда благодарен. Многие лета и успехов в таких же бредовых проектах, кои он обожает. Без бредовых мечт жизнь пресна.

Навсегда Старый Лис – Алексей Зотов.

Они были в составе группы

Солисты:

Валерий Анохин – 1990-92
Александр Добрынин – 1982-83
Алексей Казаков – 1979
Алексей Киселёв (+ флейта) – 1973-82
Юрий Лоза (+ гитара) – 1983-87
Александр Мартынов – 1976-78, 1989-90
Андрей Родин (+ скрипка) – 1979-92
Николай Соцков (+ гитара) – 1979-81, 1982-83
Валерий Сюткин (+ бас) – 1984-88
Виктор Шацкий – 1982
Александр Шевченко (+ гитара) – 1989-91
Павел Щербаков – 1991-92
Андрей Якубов (+ гитара) – 1989
Наталья Беляева – 1977-79
Лариса Гожева – 1976-78

Гитаристы:

Андрей Артюхов (+ вокал) – 1985-90
Игорь Будённый – 1975-77
Виктор Гожев (+ вокал, аккордеон) – 1975-79

Борис Носачёв (+ вокал) – 1990-92
Алексей Попов (+ вокал, губная гармоника) – 1979, 1982-86
Андрей Шлычков (+ вокал) – 1974-75
Александр Юмашев (+ вокал) – 1975-76

Клавишники:

Александр Белоносов (+ вокал) – 1986-89
Андрей Егоров – 1979-81
Владимир Занин (+ вокал) – 1983-84
Егор Иродов – 1989-92
Игорь Лосев (+ вокал) – 1984-86
Валерий Стаин – 1976-79
Александр Стражгородский – 1983-84
Александр Суздалев (+ вокал) – 1981-83
Андрей Шилов (+ вокал) – 1975-77

Ударные:

Анатолий Бельчиков – 1990-92
Геннадий Гордеев – 1984-90
Алексей Зимин – 1972-79
Алексей Зотов (+ вокал) – 1979-83

Бас-гитара:

Юрий Давыдов (+ вокал) –
1972-92

Другие инструменты:

Михаил Антал (скрипка) –
1975-76

Владимир Гальперин (скрипка) –
1976-79

Леонид Ермолович (скрипка, флей-
та) – 1983-84

Алексей Савельев (перкуссия) –
1981-82

Владимир Трофимов (саксофон)
– 1978-80

Конферансье и другие жанры:

Владимир Агафонов – 1982-83

Геннадий Беднустин – 1982

Владимир Вишневецкий –
1981-82

Евгений Вокаль – 1980-81, 1984

Стас Громов – 1982-85

Сергей Жуков – 1976-1986

Сергей Кипрушин – 1985-88

Владимир Коркин – 1982-83

Сергей Мирон – 1987-88

Пётр Судейный – 1981

Леонид Филоненко – 1981

**Звукорежиссёры и техническая
группа:**

Александр Абрамов – 1979-89

Юрий Албул – 1982-84

Виктор Блуднов – 1982-87

Сергей Журавлёв – 1981-1982

Сергей Колосков – 1984-87

Иван Кочетков – 1974-77

Андрей Кочуков – 1979-80

Николай Лучин – 1986-89

Владимир Мамаев – 1974-81

Виктор Огорельцев – 1982

Анатолий Подлипенцев – 1975-78

Евгений Поляков – 1975-77

Сергей Русских – 1982

Олег Сысоев – 1980-86

Вячеслав Усов – 1983-85

Владимир Чижов – 1980-82

Александр Шоболов – 1989-91

Эдуард Щербаков – 1985-87

Евгений Яковлев – 1987-88

Директоры и Администраторы:

Александр Екельчик – 1980

Константин Кулаков – 1983-84

Александр Лунев – 1986-89

Максим Миссин – 1980-88

Виктор Рысин – 1980-82

Семён Фрадин – 1976-77

Оглавление

Предисловие	5
Глава I. Зачатие	7
Новая школа – три в одном	7
Совсем чуть-чуть о себе	9
Я и мировая рок-музыка	11
Прорыв из Индонезии плюс футбол	13
Задумал группу – флаг тебе в руку	16
Будни школьных звёзд	21
Футбол, рок-музыка и труд... чуть в армию не приведут	27
Глава II. Нулевой цикл	31
Музыка всё ближе	31
Первый подарок судьбы	36
Аппаратура есть! Надо усиливать состав	39
Глава III. Первые успехи	52
Пока в районе – но уже лучшие	52
Опять по лезвию бритвы	55
... И опять удачно!	57
Всё выше!	61
Попуся	63
Болгария	64
Плюс ещё год. Польша. Slade	67
Жестокие законы шоу-бизнеса	69
Вологда. Юрий Поляков	70
Уже первые!	72
Только музыка	78
Новый состав	81
Глава IV. Переход в профессионалы	85
Почти готовы	85
Тюменская филармония	89
Нас водила молодость	91
Сами с усами	97
Пердуны и Витязи	103
Триумфы местного значения	105
«Пьяный» концерт: первый и последний	107
Путь в цинизм	112
Преступление и наказание	115
Володя Белов	117
Тёмные стороны светлого пути	123
Моим же оружием	129
Трещина	131
Раскол	132

Глава V. Безвременье	136
...Затеяли играть квартет	136
На волоске	137
Бег на месте.....	139
Вокруг да около	142
Ловчев и другие	145
Глава VI. Плюс Лоза	149
Из пунктов А и Б навстречу друг другу... ..	149
Ничто не предвещало	153
Не вынесла душа поэта	156
Перезагрузка	160
Парень, это – Север!.....	166
«Куда это вы плыть собрались?».....	170
«Выжившие»	173
Не мытьём, так катаньем	177
Глава VII. А ещё Сюткин	180
Вот это да..!	180
Нам не страшен Серый Волк!	183
Пошло дело!	186
Всё готово к старту	194
Племянник Горбачёва.....	198
Ключ на «Взлёт»!.....	200
А вот и мы! Не ждали?.....	211
Полёт нормальный.....	218
Лука пришёл.....	224
Если звёзды зажигают	226
Глава VIII. Фантастическая ночь	228
Глава IX. Коля Васин	230
Глава X. Супергруппа	232
Гастрольная жизнь без прикрас	235
До свидания, Тюмень!.....	245
Технический прорыв	249
«Стеклянный Дом»	252
Первая загранка. ГДР.....	256
Лоза решает уйти	264
Киев.....	267
Глава XI. Минус Лоза	271
Замыкая круг	273
Клуб группы «Зодчие»	276
Рок-панорама 87.....	279
Жизнь продолжается. Польша.....	282
На круги своя... ..	284
Афган	288

Перелёт Кандагар-Кабул	293
Магнитофоны	295
Северный Кундуз	298
Вьетнам	301
Опять на коне	307
Дания	313
Глава XII. Олимпиада в Сеуле	317
Самый «сладкий» концерт	323
Круче только небо	328
Плюс ГДР	334
Сюрприз от Сюткина	336
Переживём и это	340
Глава XIII. «Мусор из избы»	345
Глава XIV. Вена и «Битлз»	352
Глава XV. Держаться!!!	358
Приход Шевченко – мы спасены!	360
Мы разваливаем социализм	363
На разогреве у «Любэ»	369
Фестиваль в Зелёной Гуре	372
Из Вены на «Жигулях» – с любовью!	373
Глава XVI. Последний парад	379
После драки	393
Послесловие?.. Я тоже так думал	394
Без комментариев	395
А теперь комментарии всех, кому не лень	396
Юрий Лоза	396
Алексей Зимин	397
Геннадий Гордеев	398
Александр Шевченко	400
Сергей Мирон	402
Андрей Артюхов	409
Александр Белоносов	414
Николай Соцков (ныне Кольцов)	416
Алексей Зотов	418
Они были в составе группы	420
Оглавление	422
P.S.	425

Офис издательства: «В печать разрешаю!» – Юрий Давыдов

А вот и обложка! Еще пахнет краской!

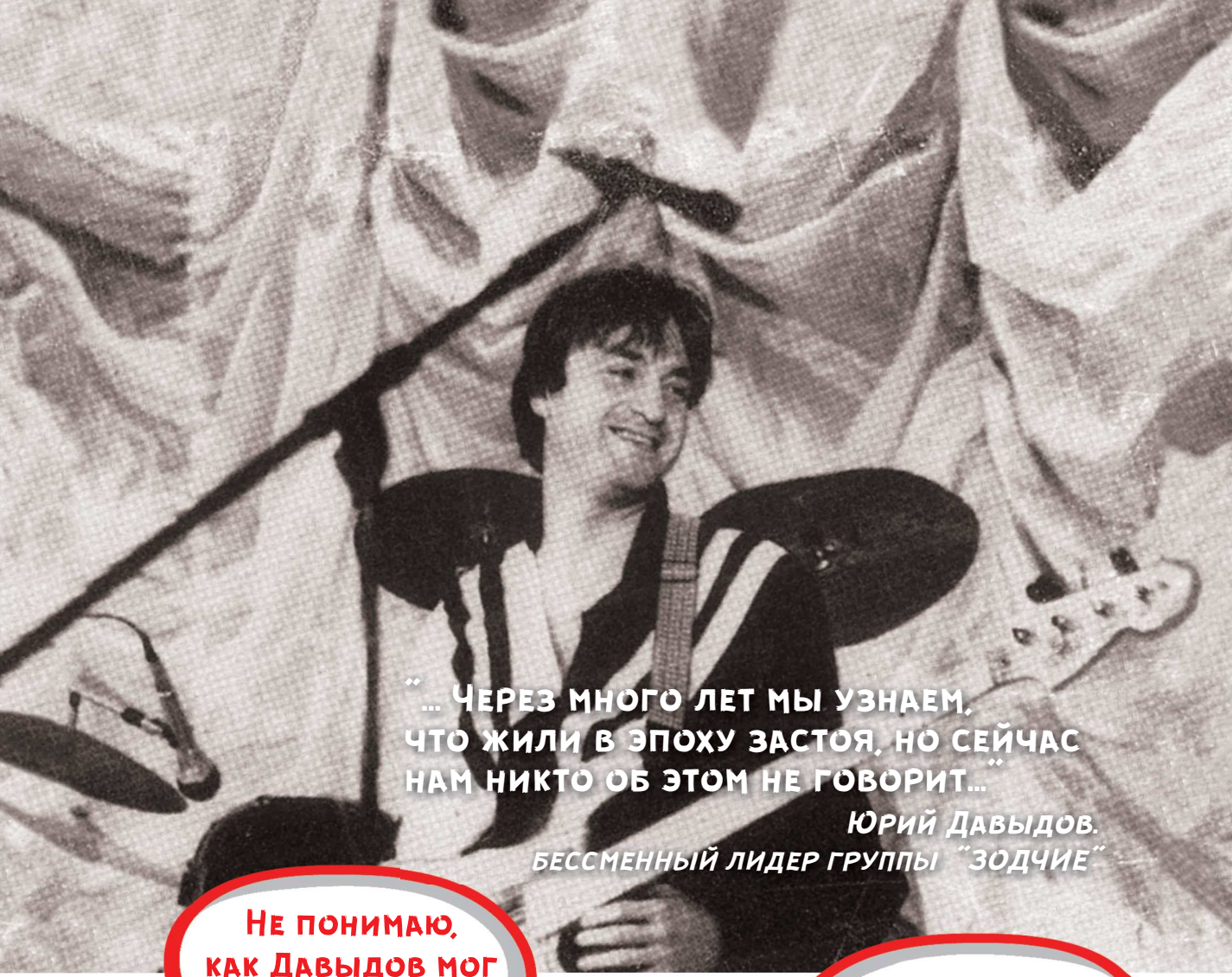
Юрий Давыдов

**Зодчие:
хроники одной группы**

Верстка, дизайн-макет – Д. Королев
Корректор – Н. Зыкова

Подписано в печать 30.04.2021 г.
Формат 60х90/16. Бумага ВХИ
Гарнитура Minion Pro
Тираж 500 экз. Заказ № 653/21

АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел. (3452) 56-56-50

“... ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ МЫ УЗНАЕМ,
ЧТО ЖИЛИ В ЭПОХУ ЗАСТОЯ, НО СЕЙЧАС
НАМ НИКТО ОБ ЭТОМ НЕ ГОВОРИТ...”

ЮРИЙ ДАВИДОВ.
БЕССМЕННЫЙ ЛИДЕР ГРУППЫ “ЗОДЧИЕ”

НЕ ПОНИМАЮ,
КАК ДАВИДОВ МОГ
ВСЁ ВСПОМНИТЬ...

НЕ ПОНИМАЮ,
КАК ДАВИДОВ МОГ
ВСЁ ЗАБЫТЬ...

ЮРИЙ ЛОЗА

ВАЛЕРИЙ СЮТКИН

